

ДЖОН СТЕФАН РУССКИЕ ФАШИСТЫ

ДЖОН СТЕФАН

РУССКИЕ ФАШИСТЫ

**ТРАГЕДИЯ И ФАРС В ЭМИГРАЦИИ
1925-1945**

ДЖОН СТЕФАН

**РУССКИЕ
ФАШИСТЫ**

ДЖОН СТЕФАН

**РУССКИЕ
ФАШИСТЫ**

**ТРАГЕДИЯ И ФАРС
В ЭМИГРАЦИИ
1925–1945**

ex libris

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОВЕТСКО-БРИТАНСКОГО
СОВМЕСТНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ
СЛОВО / SLOVO
МОСКВА
1992**

ББК 66.68
С79

Авторизованный перевод с английского

Л. Ю. МОТЫЛЕВА

Предисловие

Л. П. ДЕЛЮСИНА

Художник

В. ВИНОГРАДОВ

В данном издании использованы редкие архивные, плохо сохранившиеся фотографии, представляющие, по мнению издательства, безусловный интерес для читателя.

С 080200000—061 Без объявл.
М128(03)—92
ISBN 5-85050-314-5

- © Джон Стефан
- © Л. Ю. Мотылев, перевод, 1992
- © Л. П. Делюсин, предисловие, 1992
- © В. Г. Виноградов, оформление, 1992

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

В основном тексте книги сделаны незначительные сокращения, согласованные с автором. Кроме того, полностью опущен обширный раздел «Примечания», помещенный в конце американского издания и содержащий ссылки на источники. Оставлены (в виде сносок) только примечания по поводу писем Родзаевского Вонсяцкому и Сталину.

К сожалению, целый ряд цитат из русских источников оказался невозможным получить в оригинале. Такие цитаты даны в обратном переводе и отмечены в конце знаком (*).

ПЕРОМ УЧЕНОГО И ЛИТЕРАТОРА

Автор предлагаемой читателю книги Джон Стефан, профессор Гавайского университета, давно и плодотворно изучает проблемы Дальнего Востока. Его монографии, статьи и доклады принесли ему репутацию добросовестного историка, который в своих исследованиях стремится освоить и критически проработать обширный круг материалов, почерпнутых из архивов Японии, Германии, США. Хорошо знаком ученый и с русскоязычной литературой. Работы Дж. Стефана выгодно отличаются самостоятельной, объективной позицией. Когда он берется за изучение тех проблем дальневосточной истории, по которым идут споры ученых различных стран, причем каждый из них истолковывает то или иное событие исходя из интересов своего родного государства, Дж. Стефан высказывает независимое суждение, дает оценки, не стараясь угодить ни русским, ни японцам, ни китайцам. Такой беспристрастный подход к исследуемому предмету и снискал американскому историку заслуженный авторитет в широких кругах мировой научной общественности.

Кое-кого обижает, что американский историк обращается к исследованию таких событий, таких вопросов, которыми сам Бог велел заниматься советским ученым, ведь им, как говорится, и карты в руки. Но, к сожалению, последние не располагали той творческой свободой и теми возможностями открытой публикации, которые имеются у гавайского профессора. И можно лишь выразить ему благодарность за проделанный труд: он поможет сегодня советскому читателю, особенно тому, кто проживает на Дальнем Востоке, лучше, глубже ознакомиться со многими фактами и событиями, ранее ему неизвестными¹.

¹ Книги Джона Стефана: «Сахалин. История» (1971; русский перевод — «Гермес», Южно-Сахалинск, 1990); «Курильские острова. Русско-японский рубеж на Тихом океане» (1974; русский перевод — «Краеведческий бюллетень», Южно-Сахалинск, 1991); «Гавайи под знаком восходящего солнца: японские захватнические планы после Перл-Харбор» (1984); «Советско-американские экономические отношения в бассейне Тихого океана» (совместно с В. П. Чичкановым — Москва, «Прогресс», 1987).

Дж. Стефан неоднократно бывал в нашей стране, проявлял большой интерес не только к изучению истории ее дальневосточного района, но и к современным делам. С ним интересно беседовать не только об истории, но и о русской культуре — о Пастернаке, Цветаевой, Булгакове, Солженицыне. И когда знакомишься с его книгами и статьями, то не можешь не заметить, что его исторические исследования продиктованы уважением к нашей стране, надеждой, что Россия сможет успешно решить свои нелегкие проблемы и пойдет по пути прогресса и социального благоденствия.

Изданная им в 1978 г. книга «Русские фашисты», которая только сейчас обрела возможность встретиться с русским читателем, вызвала в американской прессе, за редким исключением, самые положительные отклики. И это не только потому, что автор познакомил читательскую публику с малоизвестными фактами из истории русского зарубежья, но и потому, что он убедительно вскрыл необоснованность, несостоятельность многих оценок и мнений, ставших привычными и казавшихся бесспорными. Книга «Русские фашисты» привлекла к себе внимание читателя и благодаря своему живому языку. Перед нами не сухая, академическая работа, а документально-художественное произведение, в котором большую роль играет стиль и манера авторского изложения. Глубоко и скрупулезно исследуя фактический материал, Дж. Стефан сочетает серьезный подход исследователя с личным, порой ироническим отношением к персонажам своей книги, что делает его повествование захватывающим и увлекательным. Начав ее читать, вы не можете от нее оторваться. Впрочем, читатель сам сможет в этом убедиться.

При слове «фашизм» в памяти возникают воспоминания о германском или итальянском фашизме, их строго дисциплинированных политических партиях, об их связях с промышленными монополиями, о концлагерях, воинствующей национал-социалистической пропаганде и агрессивных устремлениях. Довольно скоро «фашизм» стал словом нарицательным, обозначающим произвол, беззаконие, террор, издевательство и глумление над народом, насаждение культа вождя, антидемократизм, стал синонимом зла и насилия, бесчеловечности и презрения к личности.

Русский фашизм, о котором рассказывает Дж. Стефан, хотя и имел определенные черты внешнего сходства с партиями Гитлера и Муссолини (военизированные отряды, ритуальная мишура, похожая символика, пропаганда насилия, ненависть к коммунизму), сильно все же от них отличался. Лицо русского фашизма во многом определялось как внешней средой, где он действовал, так и характером лидеров этого движения. Причем если находившиеся под покровительством и надзором японцев русские фашисты считали источником зол и бед, обрушившихся на Россию, происки жидомасонов, то обосновавшийся в США А. Вонсяцкий воздерживался от громогласного

антисемитизма. Лозунга борьбы против мирового еврейства он не поддерживал.

О русских фашистах, действовавших на территории Китая и в Соединенных Штатах, у нас известно мало. В 1947 г. на русский язык была переведена и издана ныне сильно раскритикованная книга американских публицистов М. Сейерса и А. Кана «Тайная война против Америки», где несколько страниц было уделено А. Вонсяцкому — «лидеру» русских фашистов в США. Авторы квалифицировали его как «прожженного шпиона и диверсанта», выполнявшего задания японского и германского правительств, создавшего в США центр международных интриг, в которые были вовлечены матерые шпионы, диверсанты и убийцы. Скромнее оценивает деятельность А. Вонсяцкого советский историк Л. К. Шкаренков, которому была доступна книга Дж. Стефана¹.

Мало что было известно до последнего времени и о лидере русских фашистов в Маньчжурии К. Родзаевском, расстрелянном в 1946 г. по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР за активную антисоветскую деятельность².

В центре книги Джона Стефана — два героя. Оба они — выходцы из России, оба ненавидят коммунизм и советский строй. Оба заявляют о своей приверженности к фашистской идеологии. Но как различны их характеры и как неодинаковы их судьбы.

Один, А. Вонсяцкий, — бывший белый офицер, благодаря жень-тебе на богатой американке получивший возможность без особых помех удовлетворять свои тщеславные желания, свои честолюбивые амбиции. Это авантюрист хлестаковско-ноздrevского типа. С помощью денег он создает абсурдный театр одного актера, разыгрывает вождя несуществующей партии, имитирует активную антисоветскую деятельность.

Другой, К. Родзаевский, — бедный, но способный и деятельный человек, активно, с националистических позиций боровшийся против советской власти и оказавшийся игрушкой в руках японской разведки.

Значение деятельности А. Вонсяцкого было сильно преувеличено американской пропагандой после того, как США вступили в войну с Японией и Германией. Для возбуждения и подогрева военно-патриотических чувств и настроений требовалось отыскать на территории США японских или немецких агентов, и если не находили настоящих, то годились и мнимые. Болтливый А. Вонсяцкий оказался

¹ Л. К. Шкаренков. Агония белой эмиграции. М., 1986, с. 143—144.

² Интересный материал о деятельности русских фашистов в Маньчжурии содержится в обстоятельной статье Ю. Мельникова, опубликованной в журнале «Проблемы Дальнего Востока» (1991, № 2—3).

подходящей фигурой, которую можно было использовать, раздувая до непомерных масштабов его угрозу для национальной безопасности США. Дж. Стефан убедительно показывает, что версия о «матером шпионе и диверсанте» была сочинена и использована карьеристами, выполнявшими с узкокорыстными целями своеобразный «социальный заказ».

Иное дело — К. Родзаевский. Это человек, поставивший своей целью активную борьбу против советской власти, организатор многих акций, в том числе и уголовного характера.

Если у Вонсяцкого в его действиях преобладала игра, то у Родзаевского — ненависть и страсть. Первый, располагающий деньгами своей жены и независимый от германских и японских властей, мог сохранять определенную самостоятельность, позволять себе любые причуды. Другой, живший под неусыпным надзором японской разведки, не обладавший своими средствами, неизбежно стал рабом своих хозяев, послушным исполнителем их воли.

Объявляя себя национал-патриотами, борцами за великую Россию, русские фашисты по существу лишь прикрывались этими лозунгами и были лишены национальной почвы. Русская эмиграция в своем большинстве скептически, а иногда и враждебно относилась к их шумной деятельности. Если в Маньчжурии К. Родзаевский мог найти себе относительно большое количество последователей, готовых вступить в ряды организованного им фашистского союза, то это объясняется главным образом конкретно-политическими условиями, и прежде всего — поддержкой, оказанной японской военщиной. В США Вонсяцкий не имел ни национальной, ни социальной базы, занимался саморекламой, с помощью денежных подачек завязывая показные связи с монархистскими кругами русской эмиграции. Сочиняя легенды о подрывной работе своих мнимых агентов, которых он якобы засылал в Советский Союз, Вонсяцкий уподоблялся герою Достоевского, говорившему, что он сам себе верит, когда лжет.

Разумеется, русские фашисты, особенно те, которые выполняли задания японской разведки, занимались шпионской и диверсионной деятельностью, наносили определенный ущерб Советскому Союзу, но шумная деятельность Вонсяцкого, этого «шута горохового», как его характеризует автор, объективно была на руку Сталину, оправдывая раздуваемую им шпиономанию.

Русское фашистское движение, особенно в Маньчжурии, пыталось стать политической силой, способной повлиять на ход событий в Советском Союзе, но, как хорошо показано Дж. Стефаном, оно могло играть роль лишь подсобного орудия в планах японских милитаристов, а что касается Гитлера, то он с подозрением относился к возне своих русских единомышленников и никогда не принимал их в расчет.

Национал-патриотическая пропаганда, антисемитизм, которым бравировали русские фашисты, оправдывал в их собственных глазах

и те уголовные дела, которые они творили в Харбине и других городах Маньчжурии, но не способствовал их популярности среди русской эмиграции. Ю. Мельников отмечает, что «вся деятельность фашистов была окутана покровом тайны, секретности. Рядовые российские эмигранты, широкая эмигрантская общественность очень многого не знали о грязной антисоветской «работе» фашистов, о попытках их диверсий на территории Советского Союза, Дальнего Востока. Однако так или иначе, но эта грязь, сопутствующая деятельности фашистской партии, выплывала наружу, становилась известной, формируя в эмигрантской среде презрительное, гадливое чувство к местным фашистам»¹.

Жившая в те годы в Харбине известная писательница Наталия Ильина вспоминает, что до тридцать второго года (то есть до японской оккупации) она вообще ничего не знала о существовании Российской фашистской партии, «а уж после тридцать второго года — то, что они есть, что они существуют и опасны, — узнали все жители Харбина. Впрочем, до какой степени опасны — стало известно позже... Но и тогда при виде шагающих по тротуару молодых — черные, ремнем подпоясанные рубашки, галифе, сапоги, нарукавные повязки со свастикой — хотелось немедленно перейти на другую сторону улицы»².

Показной национал-патриотизм не мешал К. Родзаевскому и его «соратникам» проявлять угодливую готовность исполнять любые приказания японцев. Чтобы занять хозяйское место в «будущей свободной» России, он соглашался на роль жалкого слуги ее врагов.

Американский ученый, давая социально-политическую характеристику русским фашистам и их главарям, пишет вместе с тем и их психологические портреты, что помогает лучше понять мотивы и характер их поведения.

Не может не вызвать определенных размышлений замечание автора о том, что оба его героя — и Вонсяцкий и Родзаевский — признали Сталина фашистом из фашистов: «Вонсяцкий пришел к этому выводу в 1939 г., когда подсчитал, что Сталин уничтожил больше коммунистов, чем Муссолини, Гитлер и Чан Кай-ши, вместе взятые. Родзаевский последовал его примеру в 1945 г., когда он вознес хвалу Сталину, считая, что тот жесткими мерами внутри страны, военными победами и внешней экспансией возродил российскую державу».

Об идейно-политической близости гитлеризма и сталинизма, о восхищении их лидеров делами друг друга писали многие ученые и публицисты. Так, историк Уолтер Лакер в книге «Россия и Германия» отмечает, что «через всю свою политическую жизнь Гитлер пронес

¹ «Проблемы Дальнего Востока», 1991, № 2, с. 112.

² Наталия Ильина. Власть тьмы. М., 1991, с. 32.

скрытое восхищение Сталиным и русским большевизмом»¹. Косвенно это идейное родство признавали и бюрократы-сталинисты. Известно их негативное отношение к киноисследованию Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм», который они запрещали показывать по телевидению. Известны и другие случаи запрета на публикацию объективных исследований о природе германского фашизма и методов деятельности национал-социалистической рабочей партии Германии. Объективную критику в адрес гитлеризма они воспринимали как вредную и опасную аллюзию.

На простодушный вопрос, заданный автору «Русских фашистов» советским пограничником, «прогрессивна ли эта книга?», можно вместе с Джоном Стефаном дать положительный ответ, имея в виду, что любая честно написанная книга работает на пользу прогресса.

Знакомство с книгой американского ученого полезно и потому, что «шуты гороховые», выступающие под маской национал-патриотов, не перевелись еще на нашей земле. Как и русские фашисты, они видят источник бед и тягот русского народа в злых происках жидомасонов. Даже свою непопулярность в обществе, легко объяснимую их невежеством и бездарностью, эти национал-патриоты объясняют тоже происками и интригами жидомасонов, в чем проявляется их сходство с русскими фашистами, беспощадный и умный анализ деятельности которых мы находим в книге нашего американского друга. И хорошо, что наконец-то его книга попала туда, куда надо, то есть к любознательному читателю, а не погребена в могилах спецхрана.

Октябрь 1991 г.

Л. Делюсин

¹ Цит. по: «Проблемы Восточной Европы», вып. 29—30, с. 121.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

— «Русские фашисты»? Что это такое?

Пограничник в зеленой форме взял книгу обеими руками и принялся изучать заглавие, как злокачественную опухоль на рентгеновском снимке.

Мой собеседник имел представление о немецких и итальянских фашистах. Может быть, даже об американских. Но *русские* фашисты? Это словосочетание обеспокоило бдительного стража советских границ.

Международный пропускной пункт хабаровского аэропорта 10 января 1980 г. был не лучшим местом для дискуссии о значениях слов. А то можно было бы припомнить, с каким удовлетворением говорил товарищ Сталин об отношениях с фашистским режимом*. Или как Муссолини одобрительно назвал товарища Сталина «тайным фашистом». Или как советско-германский пакт о ненападении 1939 г. на 517 дней отменил разницу между «фашистскими» и «буржуазно-демократическими» режимами**. Трудно, конечно, было надеяться, что мой оппонент-пограничник слышал о русском фашистском движении со своими фюрерами, партиями, центральными комитетами, трехлетними планами, молодежными организациями, газетами, песнями, свастиками на нарукавных повязках и тысячами зарегистрированных членов.

* Об отношениях с Италией см. Отчетный доклад XVII партийному съезду, 1934 г.

** Политический словарь. М., Госполитиздат, 1940, с. 598.

Это движение существовало в 20-е и 30-е годы в русской диаспоре — среде, пропитанной ностальгическими мечтаниями и апокалиптическими предчувствиями. Русские фашисты, где бы они ни находились — в Харбине или Берлине, в Шанхае или Сан-Франциско — боготворили национальное прошлое и предсказывали Национальную Революцию. Живя в эмиграции, они рассчитывали на поддержку влиятельных иностранцев, будь то китайский военный правитель, американская миллионерша или японские армейские чины.

Карл Маркс однажды заметил, что история повторяется: первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса. В истории русских фашистов трагедия и фарс переплетаются, образуя контрапункт. Бессильные, вырванные из родной почвы, они защищались от сознания безнадежности своего дела дурманом нелепых иллюзий. Маньчжурский «вождь» Родзаевский видел спасение России сначала в японцах, потом в Гитлере и под конец в Сталине. Его соперник Вонсяцкий создал в поместье своей богатой жены-американки целый фантастический мир и хвастался перед каждым, кто соглашался его слушать, своими тайными легионами, готовыми к штурму Кремля.

После второй мировой войны русское фашистское движение более тридцати лет не привлекало к себе почти никакого внимания. Одному ученому оно дало материал для статьи*, одному писателю — для карикатуры**, одному летописцу дальневосточной эмиграции — для драматического повествования***. Западные историки, большей частью от неосведомленности, не придавали ему значения. Советские историки знали больше, но помалкивали. Даже взятые по отдельности, фашизм и русская эмиграция были деликатными темами. Кто отважился бы их связать? Как стал бы объяснять

* Erwin Oberländer. The All-Russian Fascist Party.— «Journal of Contemporary History», vol. 1, № 1 (1966), p. 158—173.

** Наталия Ильина. Возвращение. М., «Советский писатель», т. 1 (1958), т. 2 (1966).

*** Петр Балакшин. Финал в Китае. Возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке. Т. 1, 2. Сан-Франциско, «Сириус», 1958—1959.

добросовестный последователь «научного марксизма-ленинизма» черты сходства между ВФП* и ВКП(б)?

Первое мое знакомство с этим предметом состоялось в 1971 г., когда в старом японском журнале я наткнулся на статью «Русские фашисты в Харбине». Нелепоторжественные фотографии славянских штурмовиков, застывших под портретами Николая и Александры, и неоновых свастик, нагло мерцающих у самой советской границы, неотразимо на меня подействовали.

Сбор материалов занял пять лет. В архивах британского министерства иностранных дел в Лондоне были найдены перехваченные в 1941 г. телеграммы из Харбина в Варшаву, которые призывали к созданию фашистских ячеек на советской территории, оккупированной вермахтом. Архивы токийского министерства иностранных дел содержали полицейские рапорты о конкретных «соратниках». Сведения о русских нацистах и русских фашистах (немцы различали эти понятия) удалось добыть и в архивах третьего рейха. В архивах американского государственного департамента, министерств юстиции и обороны обнаружилось документы о Вонсяцком, включая объемистое досье, заведенное на него ФБР. Фашистские газеты, журналы и брошюры на русском языке хранятся в Гуверовском институте в Стэнфорде (Калифорния), в музее русской культуры в Сан-Франциско и в славянской коллекции Нью-Йоркской публичной библиотеки. Что касается работы в СССР, ее условия определялись «эпохой застоя». По приглашению одного ленинградского ученого (ныне покойного) я устроил аудиовизуальную «презентацию» русского фашизма в коммунальной квартире с прослушиванием уникальной граммофонной записи гимна ВФП «Знамена выше!..» и показом слайдов на проекторе, позаимствованном в Институте марксизма-ленинизма.

Бывших «соратников» и их родственников удалось разыскать при помощи объявлений в газетах, запросов в русские эмигрантские организации и путем изучения записей о рождениях и смертях. В Сан-Франциско и

* Всероссийская фашистская партия.

Сент-Питерсберге (Флорида) обнаружались члены семей Родзаевского и Вонсяцкого. Жители Патнэма (там располагался американский Центр ВФП) еще помнили эксцентрические выходки и любовные похождения «Алекса» Вонсяцкого (в том числе его роман с молодой японкой). По невероятному стечению обстоятельств мой отец случайно узнал, что бумаги Вонсяцкого (этот «ископаемый архив» извлекли из-под старого курятника) находятся в библиотеке католического учебного заведения в Провиденсе (Род-Айленд).

— Это *прогрессивная* книга? — жестко переспросил пограничник, увидев, что я погружился в раздумья.

— Да! Конечно! — В этом мгновенном ответе показной решительности было больше, чем внутренней убежденности. К счастью, воображение тут же пришло на выручку.

— Без сомнения, это *прогрессивная* книга. Ну, как же... она о заговоре белогвардейцев, американских капиталистов и японских милитаристов против Советского Союза. Она рассказывает, как, благодаря бдительности компетентных органов, заговорщики были выявлены и не смогли причинить вреда *прогрессивному* человечеству.

Пограничник смотрел недоверчиво, но ничего не говорил.

— Посмотрите, — я открыл фотографию Вонсяцкого, позирующего на фоне украшенной свастикой корзины для мусора. — Вот это их главарь в своем американском убежище, он через жену был связан с богачами Уолл-стрита, а через любовницу — с японской императорской армией.

Пограничник неуверенно кивнул.

— Кому вы везете эту... литературу?

— Специалистам, в хабаровскую научную библиотеку.

Он опять посмотрел на книгу, покачал головой и протянул ее мне.

— Смотрите, чтобы она попала куда надо.

Так и вышло. «Русские фашисты» были аккуратно доставлены в хабаровскую библиотеку, после чего комиссия из Москвы забрала книгу в столичный спецхран.

Автор благодарит всех, кто способствовал публикации «Русских фашистов» в СССР. Ответственность за фактические ошибки, неточности в суждениях и погрешности вкуса лежит на нем самом.

Джон Стефан

*Гонолулу
6 мая 1991 г.*

РУССКИЕ ФАШИСТЫ

ОТЦУ

Глава I

РУССКАЯ ДИАСПОРА

Все эмиграции, отрезанные от живой среды, к которой принадлежали, закрывают глаза, чтоб не видеть горьких истин, и вживаются больше в фантастический, замкнутый круг, состоящий из косных воспоминаний и несбыточных надежд.
Александр Герцен (1848 г.)

Уже более столетия русские покидают родину, спасаясь от гнета, насилия или нужды. Но исход 1918—22 гг. был настоящей эпопеей. В конвульсиях революции, гражданской войны, иностранной интервенции и голода Россия изрыгнула более двух миллионов беженцев. Они уезжали волнами, расходящимися во всех направлениях. Северная волна двигалась в сторону Финляндии и арктических портов Мурманска и Архангельска. Южная волна прошла через Украину и Крым и вынесла тысячи беженцев на турецкие и балканские берега. Западная волна пересекла фронты гражданской войны и обрушилась на Прибалтику, Польшу и Чехословакию. К 1920 г. в Германии скопилось около 560 000 русских; большая их часть потом устремилась во Францию, которая в 30-е годы стала Меккой для перемещенных лиц из России. Восточная волна примерно в 250 000 человек прокатилась через Сибирь к Дальнему Востоку. Около 100 000 обосновалось в Маньчжурии, где и до 1917 г. было немало русских, другие двинулись дальше и осели в Китае, Корее или Японии. Брызги всех четырех волн долетели до Канады (40 000), США (20 000), Южной Америки (3000) и Австралии (1700).

Русская эмиграция не была, как иногда думают, всего лишь парадом балерин, оперных басов, великих князей и самозванных Анастасий. Хотя и хорошо при-

правленная артистами и аристократами, эмиграция по преимуществу состояла из представителей нижнего и среднего слоя. Тысячи казаков и солдат побежденных белых армий окрашивали ее в военные цвета. Политики, журналисты, адвокаты, врачи, инженеры, священники, профессора, промышленники и торговцы придавали ей буржуазный аромат. Мужики, снявшиеся с места из-за голода, составляли крестьянскую часть; была, наконец, примесь люмпен-пролетариата и уголовников.

Независимо от классового происхождения, русские, покинувшие родину между 1918 и 1922 гг., испытали сильные потрясения и вышли из них ошеломленными, сбитыми с толку и озлобленными. Если Февральская и Октябрьская революции были относительно бескровными, то гражданская война прошла по стране как ураган. И красные, и белые совершили такие зверства, после которых остались уродливые и незаживающие рубцы ненависти.

Спасшемся от ужасов революции и гражданской войны было ясно, что смерть ему больше не грозит — но обрел ли он жизнь? Эмиграция находилась где-то посередине. Людей преследовали воспоминания об утраченной вселенной, прежде такой безопасной и, казалось, незыблемой, которая вдруг раскололась и превратилась в кошмар — предательство друзей, потерю близких, гибель имущества, конец карьеры. Ища приют за границей, русский эмигрант получал физическую безопасность, но терял духовные корни. Для некоторых такая грубая пересадка означала медленную смерть.

Очутившись в новой, чуждой среде, русские эмигранты встретили мало понимания. Пока их мытарства сохраняли печать новизны, они возбуждали любопытство, а порой — сочувствие. Христианский союз молодых людей, Лига Наций и различные благотворительные организации помогли тысячам беженцев. Но со временем их бедствия начали восприниматься как должное, а иногда даже становились предметом насмешек.

Оставшиеся в живых Романовы чувствовали, что на них смотрят как на экзотические существа из прошедшей эпохи. Западные либералы открыто ставили бедствия России им в вину, и даже доброжелательные к ним государственные деятели держались на расстоянии, считая такие связи вредными для своей политиче-

ской карьеры. Когда великий князь Александр (двоюродный дядя и зять Николая II) во время Версальской конференции 1919 г. хотел встретиться с Вудро Вильсоном, Робертом Лэнсингом (государственным секретарем в администрации Вильсона) и полковником Э. М. Хаусом, а от него раз за разом отделявались, его американский друг генерал Чарльз Доус впрямую посоветовал: «Не ищите встреч с сильными мира сего; они никогда вас не примут, у них нет интереса к побежденным». Когда Александру без объяснений отказали во въезде в Англию, он пытался поговорить с британским министром иностранных дел Артуром Бэлфуром во время одного из визитов последнего в Париж. Хотя Бэлфур наконец уступил и согласился принять великого князя у себя в неприметной гостиничной комнате, встреча так и не состоялась. Князь, впрочем, заметил министра, спускавшегося по пожарной лестнице под бормотание покрасневшего помощника о том, что «мистер Бэлфур глубоко сожалеет, что совещание чрезвычайной важности лишило его удовольствия побеседовать с Вашим Императорским Высочеством». На вопрос о том, хочет ли он что-нибудь передать министру, Александр ответил: «Да, конечно. Скажите ему, что в его возрасте лучше пользоваться лифтом». Горькое остроумие помогло многим потерпевшим крушение аристократам сохранить душевное равновесие.

Еще оскорбительнее для Романовых было поведение членов европейских королевских семей, со многими из которых они находились в родстве или свойстве. Английский король Георг V и румынская королева Мария, правда, проявили великодушие к русским родственникам. Но остальные поскупились даже на символическую помощь. Датский король Христиан X с большим неудовольствием принял свою тетку, вдовствующую императрицу Марию Федоровну, супругу царя Александра III и мать Николая II, которая вернулась на родину после пятидесяти лет жизни в России. Равнодушный к трагическим потерям почтенной особы, он требовал, чтобы она расходовала меньше электричества, и открыто подозревал ее в том, что она отдает в залог безделушки из его гостиной.

Холодность королей была еще обиднее, чем их скарედность. Иные представители Виндзорской, Савойской и Глюксбургской династий принимали позу отрешенной сдержанности, как бы считая, что не больше-

визм виновен в бедах русских родичей, а их собственная уязвимость по отношению к нему, заразная для окружающих. Действительно, уцелевшие Романовы чувствовали себя весьма опытными по части революций, и этим опытом они слишком усердно делились с королевскими семьями в Копенгагене, Виндзоре и Мадриде. Изрядно раздражая хозяев, Романовы не скрывали горького удовлетворения и со знанием дела кивали при виде бастующих или безработных: «Да, да, это мы видели. Придет время, и вы будете на нашем месте, дорогие родственники».

Эмигранты всех сословий подвергались экономической эксплуатации, и беспомощность делала их легкой поживой. Один преуспевавший в свое время аристократ, потеряв в России все, с надеждой вернулся в Париж к домохозяину, которому он шестью годами раньше оставил на хранение некоторые ценности. Домохозяин встретил его счетом за шестилетнюю аренду помещения, оплатой которого он обусловил возвращение изрядно усохшего имущества. Эмигранты, вынужденные продавать драгоценности, убедились, что торговцы с Бонд-стрит и Рю де ля Пе дают за них только малую часть настоящей цены. Великий князь Александр в 1919 г. отдал свою коллекцию монет за 5 процентов ее довоенной стоимости по каталогу. Через десять лет он увидел объявление в «Таймс», где тот же швейцарский перекупщик предлагал одну из этих монет, «купленную у члена русской императорской семьи», за сумму в сто раз бóльшую, чем та, что получил Александр за всю коллекцию.

Эмиграция означала также отчуждение. Объединенные общей бедой, русские эмигранты собирались в замкнутые колонии, которые были разбросаны по всему свету — от изысканных, вроде парижского района Пасси, до неприглядных, вроде шанхайского Хонкью. Прибываясь друг к другу, они искали успокоения, безопасности, всего, что напоминало о потерянной родине. Отчуждение усиливалось из-за холодного отношения окружающих. Когда Андрей Лобанов-Ростовский учился в лицее в Ницце, у него были десятки французских друзей, но по возвращении во Францию в 1920 г. «мои прежние друзья и даже люди, знакомые мне с детства, напрягались в моем присутствии. Я чувствовал себя среди них прокаженным и скоро начал избегать их». Покойный романист Владимир Набоков ярко описал

свое одиночество в книге «Память, говори»*: «...в продолжение почти пятой части столетия [1920—40 гг.], проведенной мною в Западной Европе, среди ничтожного числа немцев и французов, с которыми я был знаком (в основном квартирные хозяйки и литераторы) хорошо, если двое были мне настоящими друзьями». Даже те немногие русские эмигранты, кто обладал обширным списком светских знакомств, не всегда чувствовали к себе человеческую приязнь и уважение. Великий князь Александр в сардонических тонах писал о том, как американские хозяйки салонов приглашали его к ужину, желая попотчевать гостей титулованным русским «страдальцем».

Тяжело было вынести и широко распространенные ошибочные представления о России. Набоков иронизировал над тем, как некий интеллеktуал из Кембриджа превозносил Ленина и «всех русских эмигрантов, всех врагов Советов, от меньшевика до монархиста, он преспокойно сбивал в кучу «царистских элементов». Многие не знали о вкладе Российской империи в дело союзников, другие, что еще хуже, высмеивали его. Забывая о том, что самоотверженное русское наступление в августе 1914 г. отвлекло немцев от атаки на Париж, французы высокомерно обвиняли эмигрантов (которые были как раз под рукой) за «измену» в Брест-Литовске**. Отвечая в 1920 г. на вопрос одной американки о том, что он делал во время первой мировой войны, Лобанов-Ростовский сказал, что служил в Российской императорской армии. «Правда? — удивилась она. — Я не знала, что Россия участвовала в войне». Подумав, она добавила: «Видимо, русские не особенно там отличились».

Для русских эмигрантов-ветеранов не было более унижительного зрелища, чем союзнический парад победы, который состоялся в Париже 11 ноября 1919 г. Три года Россия честно воевала в союзе с Англией и Францией. Тремя миллионами убитых и множеством раненых заплатила она за отражение немецких ударов, которые, не будь ее, были бы нанесены на западе. Стоявшие по краям Елисейских полей ветераны Танненберга и Мазур-

* Русский вариант этой книги выходил под названием «Другие берега» (прим. перев.).

** Брест-Литовский договор от 3 марта 1918 г., заключенный между большевиками и союзом центральных держав, вывел Россию из первой мировой войны и позволил немцам сосредоточить силы на Западном фронте.

ских болот, глотая обиду, смотрели на триумфальное шествие, в котором не участвовал ни один русский солдат, зато гордо маршировали части из Черногории и Сан-Марино.

Недостаток средств не позволял большинству эмигрантов представлять собой как бы живые картины ушедшей России, однако наиболее дальновидные состоятельные семейства еще до катастрофы перевели часть своих вкладов в английские, французские или даже немецкие банки. Иные богатые беженцы проматывали деньги в Биаррице или Канне, отчаянно пытаясь сохранить дореволюционный стиль жизни. Князь Феликс Юсупов, единственный наследник крупнейшего в России промышленного состояния, оцениваемого в 350 миллионов долларов, сумел уберечь от революционного пожара драгоценности стоимостью в миллион, две картины Рембрандта и коллекцию старинных табакерок. Живя на доходы от продажи этого имущества, Юсупов и его жена княгиня Ирина — единственная дочь великого князя Александра — устраивали пышные приемы, на которых князь потчевал гостей рассказами о своем участии в убийстве Григория Распутина. Некоторые энергичные и предприимчивые красавцы, вроде великого князя Дмитрия*, смогли возместить финансовые потери (или просто разбогатеть), женившись на состоятельных американках. Но такие удачи были столь редки, что становились легендарными.

«Ничто,— горько заметил великий князь Александр,— так не помогает эмигранту, как выстраданная способность повторить историю Золушки от конца к началу». Некоторые отвергли этот путь. Для очень многих он означал отчаянные попытки найти работу.

Русские эмигранты быстро убедились в том, что ни какое блестящее воспитание и образование не гарантирует им хорошего места. Конечно, такие светила, как Бунин, Набоков, Кандинский, Шагал, Стравинский, Рахманинов, Баланчин, Павлова, Кусевицкий и Сикорский, рано или поздно доказали, что выдающиеся способности дают эмигранту возможность сделать успешную карьеру. Некоторых ученых приняли Стэнфордский, Корнеллский, Чикагский, Колумбийский, Гарвардский,

* Великий князь Дмитрий (1891—1942), двоюродный брат Николая II, участвовал вместе с князем Юсуповым в убийстве Распутина.

Пражский университеты или Сорбонна. Но в масштабах всей диаспоры это были исключения из правила. Для огромного большинства эмиграция означала переход в низшую категорию и невозможность самораскрытия.

Русские аристократы, как правило, переносили материальные трудности с известной долей изящества, находчивости и юмора. Кроме горстки людей, таких, как вдовствующая императрица Мария Федоровна, получавшая прямую поддержку от родственников из королевских семей Дании и Англии, все остальные, даже настоящие Романовы, должны были заботиться о себе сами. Отвергнув выгодное предложение подписывать приглашения к обеду для финансиста Альфреда Левенштейна, великий князь Александр смело окунулся в изменчивую жизнь странствующего лектора, начав с речи о «старой России» в Новой баптистской церкви в Грэнд-Рэпидс (Мичиган). Великая княгиня Мария, сестра великого князя Дмитрия, в условиях страшной конкуренции с успехом вышивала узоры на платьях в Париже. Великий князь Дмитрий, несмотря на солидное состояние его американской супруги Одри Эмери («княгини Ильинской»), сотрудничал в реймской фирме, продавая шампанское в Палм-Бич (Флорида). Проживая выручку от продажи картин Рембрандта и табакерок, а также компенсацию в 375 000 долларов от фирмы «Метро-Голдвин-Майер» за скандальный фильм о Распутине, изображавший вымышленную любовную связь «гуру» с княгиней Ириной, Юсуповы имели и свое дело — сеть модных ателье в Париже, Лондоне и Берлине. Князь Лобанов-Ростовский сначала делал расчеты для страховой компании, затем стал преподавать в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе. По слухам, в 30-е годы некий «князь Голицын» работал официантом в Нью-Йорке. Скорее всего, однако, этот «князь» был человеком того же сорта, что и Гарри Ф. Джергюсон, более широко известный как «Михаил Романов» (а полностью — «князь Дмитрий-Михаил Оболенский-Романов»), который использовал это звучное вымышленное имя для подделки чеков, пока не открыл ресторан в Голливуде.

В поисках работы некоторые эмигранты проявляли и выдумку, и практицизм. Самые предприимчивые открывали рестораны, кафе, продовольственные магазины и магазины готового платья, издавали газеты, тяготей

к таким оазисам, как Париж, Берлин, Белград, Шанхай и Харбин. Священники находили в русских коммунах новую паству. Адвокаты и врачи возобновляли прерванную практику. Опытным инженерам везло чаще, чем другим, и они обычно устраивались в иностранные фирмы. Некоторые, хотя и не все, писатели, художники и музыканты находили применение своим творческим способностям. Один эмигрант стал заниматься профессиональной борьбой, взял кличку «Ангел» и сокрушил одного за другим 175 соперников, от Душителя Льюиса до великого Гамана.

Тысячи казаков, воевавших с большевиками под началом Деникина, Колчака и Врангеля, за границей оказались в тяжелом положении. Без средств к существованию и, как правило, малообразованные, они были плохо подготовлены к тому, чтобы начать новую жизнь. Не приучи их российская действительность к лишениям, они, вероятно, не вынесли бы эмиграции, которая обычно начиналась с одного из лагерей для беженцев, устроенных англичанами и французами в Галлиполи (на острове Лемнос) и в Александрии. После этого верные слуги царя разбредались по свету, берясь за все, что помогало свести концы с концами. Они строили дороги и расчищали леса в Югославии, возделывали землю в Болгарии и Перу, водили такси в Париже, сгребали уголь в Монтевидео, играли эпизодические роли в Голливуде, служили во французском Иностранном легионе, нанимались вышибалами и телохранителями в Китае. В одном случае донские казаки образовали сплоченную группу, в которой, как на царской службе, поддерживалась строгая дисциплина. Это были носильщики на парижском вокзале Gare du Nord; они строем ходили на работу и обратно и казались живой, хотя и отрубленной, частью тела старой России.

Судьба порой шутила с эмигрантами шутки, многих из них она ставила в нелепые — или трогательные — положения. Например, иеромонах Илиодор, чьи пламенные проповеди зажигали до революции тысячи сердец, кончил жизнь баптистом, работая швейцаром в нью-йоркской страховой компании «Метрополитен». Если бы его антагониста Распутина не бросили в ледяную Неву в 1916 г., оба пастыря могли бы предаваться стариковским воспоминаниям на одной скамейке в Центральном парке. Полковник, повысивший себя в эмиграции до генерала («потому что американцы помешаны на высоких

званиях и титулах»), ходил за лошадьми в конюшнях компании «Американ экспресс» в Нью-Йорке; затем ненадолго открыл ресторан «Двуглавый орел»; затем сделался протеже Глории Свенсон*, которая устраивала его на небольшие роли в фильмах компании «Метро-Голдвин-Майер»; в конце концов открыл кафе на бульваре Голливуд, которое разрушил взрыв газа. Соратник генерала, бывший командир Первой императорской гвардейской артиллерийской бригады, работал парикмахером в салоне на бульваре Сансет.

Женщины в эмиграции испытывали едва ли не наибольшие тяготы. Раздираемая войной Россия извергла из себя тысячи жен, вдов и девочек-сирот без всяких средств к существованию. Женщины несли тройную ношу: воспитывали детей, поддерживали безработных или перебивающихся временной работой мужей, устраивали на новом месте семейный очаг. Многие работали на фабриках, шли в служанки, портили глаза за шитьем. Некоторые продавали свое тело. В борделях Пекина и Сингапура и до 1917 г. было много русских проституток, но в 20-е годы их число выросло до таких размеров, что на жаргоне злочных мест Харбина, Шанхая и Кобе всякая белая проститутка называлась «русской девочкой». Можно только догадываться, сколько Татьян, Вер и Надежд угождало тогда любителям экзотики. В повести «Снежная страна» покойный лауреат Нобелевской премии Кавабата Ясунари** изобразил опустившуюся, преждевременно состарившуюся русскую женщину, вразнос торгующую всякой дребеденью на горячих водах в Японии. Когда заезжий гость поинтересовался, откуда она родом, она только переспросила: «Откуда? Это я-то?» Эти слова как эхо звучали по всей русской диаспоре.

Унизительная зависимость от других ранила не меньше, чем отчуждение и бедность. Оказавшись в безопасности на борту британского крейсера, великий князь Александр вместо облегчения почувствовал обиду, ибо получалось, что прежние противники (он служил адмиралом во время англо-русского соперничества) спасали его от соотечественников. Набоков точно выразил настроение тысяч своих сограждан, бежавших от большеви-

* Глория Свенсон (1899—1983) — американская киноактриса (прим. перев.).

** Здесь и далее, когда речь идет о японцах, мы следуем японской традиции: фамилия ставится перед именем.

ков в 1918 г. через оккупированную Германией Украину под защитой кайзеровской армии, которая всего лишь месяцы назад была для них вражеской: «Патриотически настроенные русские разрывались между животным чувством облегчения от того, что не попали в руки отечественных палачей, и нежеланием принять избавление из рук завоевателей — особенно если это были немцы».

Неопределенность статуса сводила на нет эмигрантское чувство безопасности. Когда советское правительство в 1921 г. лишило гражданства русских, живущих за границей, они ощутили себя барахтающимися в юридическом вакууме. Правительства неохотно давали беженцам визы и были глухи к мольбам о натурализации. «Нансеновские паспорта», бледно-зеленые удостоверения личности, которые Лига Наций выдавала русским, не имевшим гражданства, лишь подчеркивали бездомность их обладателей и делали из них подозрительных бродяг, в любой стране находящихся вне закона. Иметь нансеновский паспорт, вспоминал Набоков, значило то же, что быть преступником, отпущенным под честное слово, или незаконнорожденным.

На Дальнем Востоке неопределенность статуса создавала и элемент физического риска. Китай не предоставлял русским эмигрантам права экстерриториальности, как другим европейцам, тем самым отдавая их на произвол любого военного правителя или мелкого чиновника. На улицах Шанхая или Харбина нередко можно было видеть, как китайский или японский полицейский избивает русского беженца, словно последнего кули. Никто их не защищал, и они могли стать добычей кого угодно.

Все это приводило к тяжелым психологическим последствиям. Неспособные расстаться с прошлым и взглянуть в лицо настоящему, иные из русских эмигрантов попадали во власть безмерных фантазий. В крайних случаях они вообще отказывались признать, что произошла революция. Вдовствующая императрица Мария Федоровна не поверила рассказам об убийстве двух ее сыновей (царя Николая и великого князя Михаила) и пятерых внуков (царевича Алексея и четырех царских дочерей). Живя в родной Дании в поместье Видэре, которое до 1917 г. видело немало многолюдных торжественных «семейных встреч» Романовых, Глюксбургов, Виндзоров и Гогенцоллернов, она создала себе там

вымышленный мир. 5 декабря 1924 г., через семь лет после Октябрьской революции и спустя десять месяцев после смерти Ленина, Мария Федоровна жаловалась племяннику, великому князю Александру: «Скоро Рождество, и нужно позаботиться о раздаче подарков, а мне из Министерства императорского двора еще не пришел чек. Ума не приложу, чем вызвана эта странная задержка». Не осмеливаясь лишить почтенную особу ее иллюзий, Александр немедленно, сколько мог, перечислил ей денег.

Состояние, в котором пребывала Мария Федоровна, не было чем-то исключительным. Тысячи людей жили «на чемоданах», думая, что вот-вот настанет день, когда они вернуться домой к нормальной жизни. Триумф большевиков — только временное отклонение. Советский режим рухнет в один миг. У кремлевских вождей наготове стоит специальный поезд, чтобы они успели скрыться, когда разразится неизбежная контрреволюция. Французским и немецким домохозяевам и бакалейщикам постоянно говорили, что счет будет оплачен, «как только мы вернемся в Россию». Любой шальной слух об экономических неурядицах или народных волнениях в Советском Союзе с воодушевлением подхватывался и давал пищу воспаленному воображению.

С годами туманы ложных надежд рассеивались, оставалось лишь горькое разочарование. Широко разрекламированные наступления Юденича, Колчака, Деникина и Врангеля захлебнулись, причем каждый раз до победы было, казалось, рукой подать. Иностранные экспедиционные корпуса покинули Россию; их уход из Одессы, Севастополя и Владивостока — последних цитаделей Белого сопротивления — сопровождался беспорядочным бегством гражданских лиц. Народные восстания были подавлены. Вне себя от боли и отчаяния, эмигранты обратили свою злобу друг на друга, и началась настоящая оргия взаимных обвинений.

В 1919 г. три человека, сидевших за разными столиками в парижском кафе, неожиданно узнали друг друга. Первый был великий князь Александр. Второй — Александр Керенский. Третий, Борис Савинков, был знаменитый террорист-эсер, ответственный, в частности, за убийство великого князя Сергея, двоюродного брата Александра. Каждый из побежденных смотрел на других с безмолвной ненавистью, не в силах ответить смехом на шутку объединившей их судьбы. Все трое пережили

крушение надежд. Ни один не мог помыслить о безопасном возвращении в Россию. Ни один не мог заплатить по счету в кафе, не сосчитав бумажки в тощем кошельке. Каждый возлагал на остальных двоих вину за свое собственное поражение. В совокупности они представляли весь политический спектр русской диаспоры.

Оскорбленные, вырванные из привычного окружения, русские эмигранты охотно объединялись в группы. Смутные эмигрантские страсти выливались в фантастические программы различных организаций, которых была тьма-тьмушая. Одни группы происходили от думских партий: социал-демократы (меньшевики), эсеры, кадеты. Возникновение других — таких, как Комитет русских послов или Русский общевоинский союз — было непосредственным ответом на революцию. Одни пылали ненавистью к коммунизму и с гордостью заявляли, что засылают террористов в Советский Союз. Другие уверяли, что большевизм эволюционирует в сторону демократии, и призывали к примирению со Сталиным. Одни клялись, что восстановят Российскую империю. Другие проповедовали расчленение СССР на национальные государства.

Обычной эмигрантской болезнью была органическая неспособность к совместной работе. Кто-то сказал (не знаю, справедливо или нет), что в каждом русском сидит анархист. Жизнь, полная неопределенностей и разочарований, породила у эмигрантов яростное сектантство, которое губило даже самые невинные начинания. Великая княгиня Мария обнаружила, что многие ее соотечественники отказывались сотрудничать с ней в благотворительных делах, потому что возлагали на Романовых ответственность за то, что случилось с Россией и с ними самими. Социалисты постоянно пререкались между собой, а Александр Керенский винил в поражении Временного правительства кого угодно, кроме себя. Украинские националисты раскололись на прогерманских сторонников гетмана Павла Скоропадского и профранцузских республиканцев во главе с Симоном Петлюрой. В среде казаков, и так разобщенных по региональной принадлежности, объявилось несколько соперничающих атаманов, от германофила Петра Краснова до японского фаворита Григория Семенова. Православные священники оспаривали друг у друга тощие заграничные приходы. В 20-е годы эмиграцию пополнили большевики-дис-

сиденты, вроде Льва Троцкого, что добавило к общей какофонии еще один диссонирующий звук.

Объединенные, казалось бы, общей целью восстановления дома Романовых, монархисты разделились на соперничающие фракции, каждая из которых поддерживала своего кандидата на титул российского императора в изгнании. Кому должен принадлежать трон, установить было трудно, ибо большевики уничтожили всех очевидных претендентов: Алексея, единственного сына Николая; Михаила, его последнего оставшегося в живых брата; Павла, его дядю. Мужчины из семьи Романовых, нашедшие убежище за границей, были более дальними родственниками последнего царя. Ни закон, ни обычай ясно не говорили, кто должен получить трон в таких из ряда вон выходящих обстоятельствах. Туманная ситуация породила жаркие споры о легитимности, касавшиеся в основном двух претендентов, хотя были и другие.

Великий князь Николай Николаевич (1856—1929) Николаю I приходился внуком, а Николаю II — двоюродным дядей. Внешность у него была императорская: рост под два метра, безукоризненная серебряная шевелюра, лицо худощавое и суровое, но выразительное, и величественная осанка. И все же «Николаша», как звали его родственники и близкие друзья, испытывал двойственные чувства по поводу своих прав на императорский трон. Что еще хуже, им были недовольны оставшиеся в живых Романовы. Его обвиняли в губительном влиянии на последнего царя. Многие не могли простить «дяде Николаше» того, что именно он посоветовал Николаю издать Октябрьский манифест в 1905 г. и отречься от престола в 1917 г. Великий князь Александр с горечью размышлял: «Если бы Николаша посоветовал Государю 2 марта 1917 г. [по старому стилю] остаться с армией и ответить на вызов революции, господин Сталин не принимал бы в Кремле Дж. Б. Шоу в 1931 г.».

Несмотря на подобные затруднения, великий князь Николай пользовался значительной поддержкой среди русских монархистов всего мира. Его спокойное достоинство, безусловная цельность его личности и бесхитростный патриотизм так же импонировали русским эмигрантам в 20-е годы, как подобные черты Дуайта Д. Эйзенхауэра импонировали американцам в 50-е.

Второй из главных претендентов на трон, великий князь Кирилл Владимирович (1876—1938), был внуком

царя Александра II, племянником Александра III и двоюродным братом Николая II. Его беззаботную жизнь придворного денди прервала русско-японская война, когда броненосец «Петропавловск», на котором он нес офицерскую службу, был потоплен японцами и он заглянул в лицо смерти; потрясение превратило его в задумчивого фаталиста. Кирилл избежал судьбы двоюродного брата, уехав в июне 1917 г. в Финляндию вместе с беременной женой Викторией, герцогиней Саксен-Кобургской, и маленькой дочерью Кирой. После скитаний по Финляндии, Швейцарии и Южной Франции Кирилл обосновался на вилле Эдинбург в родовом поместье жены близ Кобурга в Северной Баварии. Как и «Николаша», Кирилл чувствовал себя в политике неуверенно. Будь его воля, он занимался бы исключительно гольфом, садоводством и спортивными автомобилями. Но честолюбивая и волевая немка Виктория строила в отношении мужа грандиозные планы, не желая довольствоваться элегантным бездельем. Еще задолго до революции Виктория и ее свекровь, герцогиня Мария Мекленбург-Шверинская, едва скрывали досаду из-за того, что трон Романовых занимает слабохарактерный человек с наследником-гемофиликом, тогда как явно более подходящие для царствования «Владимировичи» (мужское потомство великого князя Владимира и герцогини Марии, в котором Кирилл был старшим) находятся в тени. В эмиграции Виктория пришла к мысли, что немецкая поддержка не только укрепит притязания мужа на трон, но и когда-нибудь приведет к восстановлению российской монархии. Используя свое обаяние и семейный капитал, она старалась усилить крайне правую часть эмиграции и через генерала Эриха Людендорфа помогала финансировать оперявшуюся гитлеровскую Национал-социалистическую немецкую рабочую партию (НСДАП). Гитлер сам приезжал в Кобург в 1922 г. для участия в собрании по случаю Дня Германии, устроенном семьей Виктории. В ответ на внимание со стороны будущего фюрера она почтила присутствием несколько слетов штурмовых отрядов.

Побуждаемый Викторией, 8 августа 1924 г. Кирилл издал манифест «К русскому народу», объявляя себя единственным законным претендентом на престол и вождем монархического движения. Через три недели он формально провозгласил себя Кириллом I, государем всея Руси. Самые шумные его приверженцы находились в

Мюнхене, где возник Русский легитимистско-монархический союз в противовес Верховному монархическому совету, который поддерживал великого князя Николая. Баварские власти, однако, смотрели на претензии Кирилла скептически и заставили «кобургского царя» подписать обязательство воздерживаться от политической деятельности.

Лишенные свободы действий в Германии, Кирилл и Виктория в 1927 г. переехали во Францию, где поселились в местечке Сен-Бриак на скалистом побережье Бретани. Отсюда, из простого сельского дома, Кирилл торжественно правил своей невидимой империей. Он издавал указы, повышал людей в чине, удостоивал их императорской похвалы и милости — и ждал зова судьбы. Сен-Бриак стал столицей призрачного государства. Тысячи писем со всех концов света заваливали сельскую почту, приводя в отчаяние местного почтальона, которому приходилось мешками таскать корреспонденцию от всевозможных «подданных». Кирилл серьезно изучал каждое письмо и добросовестно правил своей почтовой монархией. Авторы писем сообщали ему о событиях, просили совета, искали поощрения. Мойщик посуды в забегаловке на американском Среднем Западе, в прошлом гвардейский капитан, жаловался, что не получил повышения, тогда как несколько его друзей, покинувших Россию лейтенантами, уже произведены в полковники. Казак из Боливии, офицер из Маньчжурии, генерал из Индии просили высочайшего соизволения на службу в иностранной армии. Русская колония в Гарлеме, прозябавшая в нищете, обращалась к монарху за словом поддержки. Сотрудник бумажной фабрики в Канаде, в прошлом — московский мировой судья, конфиденциально сообщал, что эмигрант имярек — опасный радикал и его не следует пускать в Россию после реставрации.

В Сен-Бриаке Кирилл окончательно уверовал в то, что история в один прекрасный день превратит смешное в великое. Его фантастический мир с мягким юмором описывал вечный насмешник великий князь Александр: «Смесь патетического с комическим и подстегиваемая надеждой слепота лежат в основе этого обособленного мира грез. В нем нет ничего реального, все бутафорское».

Сомнений по поводу Кирилла, мучивших даже самых убежденных монархистов, нельзя было заглушить никакими дозами театральности. Его неприкрытая герма-

нофилия больно ранила национальную гордость славян. Его скандальная женитьба на Виктории (она развелась с шурином покойного царя Николая), ее нежелание перейти из лютеранства в православие, ее неприкрытое сочувствие нацистам — все это вредило их общей репутации. Что еще хуже, эмигранты помнили о сомнительном поведении Кирилла во время Февральской революции. Еще до того, как Николай отрекся от престола, будущий сен-бриакский царь с неприличной поспешностью прошел во главе морских гвардейцев к петроградскому Таврическому дворцу и нарушил клятву верности двоюродному брату и государю, заявив о лояльности Временному правительству. Тем самым он совершил если не государственную, то семейную измену. А забывать и прощать было не в характере Романовых.

Эмигранты-военные склонялись к поддержке великого князя Николая, который был популярным, хотя и некомпетентным, Верховным главнокомандующим русской армии в 1914—15 гг. Петр Николаевич Врангель, чья армия стала последним оплотом белых в Южной России, организовал в 1923 г. в Париже Русский общевоинский союз, желая сохранить видимость единства и преемственности среди остатков разбитого войска. Формально далекий от политики, Союз был монархическим до мозга костей и стоял на стороне «Николаши». Только ветераны флота и некоторые прогермански настроенные армейские офицеры заявили о поддержке великого князя Кирилла.

Корчившаяся в судорогах противоречий, болезненно подозрительная, русская диаспора так и не пришла к единому мнению о том, как жить в эмиграции. Как сказал великий князь Александр, «розовые и красноватые, зеленые и беловатые, все они ждали падения большевиков, чтобы вернуться в Россию и там возобновить прерванные Октябрьской революцией междуусобицы».

Основная масса эмигрантов в конце концов пала духом и потеряла всякую надежду вновь увидеть Россию. Начались попытки ассимиляции на новой родине. Один беженец средних лет, попавший в Лос-Анджелес, заметил в 1927 г.: «Я не надеюсь вернуться в Россию. Я выкинул Россию из сердца. Россия и все мое прошлое остались где-то в сновидениях. Теперь я хочу просто жить, жить без претензий, без мыслей о будущем. Через

месяц я получу гражданство США, и я постараюсь стать американцем».

Некоторых, однако, не отпускала мечта о контрреволюции, которая позволила бы им вернуться домой и продолжить прежнюю жизнь и работу. Среди этих людей и возникли русские фашисты.

Глава II

ВОЗНИКНОВЕНИЕ «ЭМИГРАНТСКОЙ ПРАВОЙ» В ЕВРОПЕ

Мы не хотим обратить русских
в национал-социализм, мы хотим
сделать их нашим орудием.

Адольф Гитлер

Правый фланг диаспоры представлял собой пеструю компанию бывших офицеров и землевладельцев, политиков и разъяренных интеллигентов, послужившую мостиком между дореволюционными крайне правыми и сознательными фашистами, о которых пойдет речь дальше. Основу этой компании составляли русские шовинисты с монархическими взглядами. Входили в нее и балтийские немцы из Курляндии и Лифляндии, смотревшие на славян косо. Входили и украинские сепаратисты со своими сложными обидами и грандиозными претензиями. Независимо от различий в происхождении, а часто и при взаимной враждебности, почти все грешили антисемитизмом. Иные, впрочем, считали виновными в погубившей Россию катастрофе не только евреев, но и масонов с азиатами.

Некоторые из правых до революции были членами так называемого Союза русского народа (СРН). Созданные в 1905 г. в ответ на либерально-революционный вызов самодержавию, СРН и его тайное военизированное крыло (черная сотня) предвосхитили более поздние тоталитарные движения в Италии и Германии. Приняв лозунг времен Николая I «Православие, самодержавие, народность», Союз в то же время отошел от консервативной традиции, практикуя агрессивный, демагогический стиль в политике. Сознательно обращаясь к крестьянству и буржуазии (СРН не доверял аристократам, считая их либералами), Союз усердно пестовал массовые предрассудки. Он возлагал вину за бедствия России на иностранцев, на интеллигенцию, а прежде

всего — на евреев. Он шумно агитировал за смертную казнь киевского еврея Бейлиса, обвиненного в 1911 г. в ритуальном убийстве русского мальчика. Открыто проповедуя антипарламентаризм, Союз тем не менее послал делегатов во вторую и третью Думы, чтобы использовать думскую трибуну для пропаганды. Царь и царица не только терпели, но и публично хвалили Союз за «лояльность». И государство, и церковь заботились о выполнении его казны.

Союз угрожал, а черносотенцы приводили угрозы в исполнение. Ветшающая империя нуждалась в них как своего рода штурмовиках или членах реакционных «комитетов бдительности»*. С усердием, подогреваемым тайными подачками властей, они подстрекали к погромам и убивали политических противников.

Владимира Митрофановича Пуришкевича (1870—1920), главную движущую силу СРН, называли первым русским фашистом. Внук бессарабского сельского священника, Пуришкевич был воспитан в духе православного благочестия и жил в Кишиневе, где в 1903 г. произошел жестокий погром. Он считал, что всех евреев надо переселить на Колыму, но не заходил так далеко, как его последователи А. И. Дубровин и Н. Е. Марков, которые призывали к физическому истреблению. Некоторые наблюдатели описывают Пуришкевича как брызжущего слюной площадного демагога. Его непристойные словоизвержения в Думе дали повод лидеру кадетов Павлу Милюкову назвать его «трагическим клоуном». Но под этой дурно пахнущей напыщенностью скрывался недюжинный талант к работе с людьми и добыванию денег.

Пуришкевич разделил судьбу того рушащегося здания, которое он старался укрепить. В первую мировую войну он порвал со своим прогерманским коллегой Н. Е. Марковым и произносил в Думе такие речи, которым откровенно аплодировали даже либеральные оппоненты. В декабре 1916 г., когда режим стоял на грани катастрофы, он присоединился к великому князю Дмитрию и князю Феликсу Юсупову, составившим заговор с целью убить Распутина в юсуповском дворце на Мойке в Петрограде. Увидев, что на Распутина

* В прошлом в США — добровольческие отряды для поддержания порядка, порой терроризировавшие негритянское население (прим. перев.).

не подействовали пирожные с цианистым калием, Пуришкевич прикончил его выстрелами из пистолета. После Октябрьской революции Пуришкевич был на короткое время заключен в Петропавловскую крепость за отчаянную попытку спасти императорскую семью. Он умер от тифа в 1920 г. в Новороссийске, на временно занятом белыми участке Черноморского побережья.

Пуришкевич носил в себе противоречия, характерные для всех дореволюционных крайне правых в России. Пытаясь обращаться к буржуазии, он, как и Союз русского народа, не мог избавиться от ненужных связей с монархией и Русской православной церковью. Антисемитизм этих людей уходил корнями в религию. Обремененные устаревшим идейным багажом, эти протофашисты, хотя и пробовали новые тоталитарные методы, целиком отдали левым работу с массами.

Отдельные члены СРН, в частности Марков и В. В. Шульгин, после Октябрьской революции переехали в Германию и принялись петь дифирамбы национал-социализму и фашизму. Но они считали эти движения не самоцелью, а средством покончить с коммунизмом и обеспечить реставрацию Романовых.

Немецкая линия

Хотя в России крайне правые потерпели фиаско, они нашли способных учеников в немецкой эмиграции, особенно в 1919—23 гг. среди оперявшихся нацистов. В эти годы Берлин и Мюнхен кишели перемещенными лицами правых взглядов — русскими, балтийскими немцами, украинцами. Многие происходили из среды аристократов, армейских офицеров, политических деятелей, многие воевали в составе белых армий или под знаменами Добровольческого корпуса генерала фон дер Гольца в Прибалтике. Обескураженные событиями, лишившими их семей, имущества и родины, они ухватились за идею о том, что революцию в России устроили евреи и азиаты и вот-вот то же самое случится в Западной Европе. Некоторые из этих эмигрантов оказали существенное влияние на Адольфа Гитлера. Несколько человек в конце концов заняли ответственные посты в третьем рейхе.

В 1919—23 гг. балтийские немцы, одинаково хорошо владевшие русским и немецким, образовали очень

прочное промежуточное звено между приходившим в упадок правым флангом русской диаспоры и поднимавшими голову немецкими национал-социалистами. В прошлом российские подданные, некоторые сохранили остатки верности Романовым, но большая часть видела в себе восточный бастион тевтонской цивилизации, форпост *Deutschum** в славянском море. Макс Эрвин фон Шойбнер-Рихтер и Альфред Розенберг представляли соответственно монархический и антиславянский типы. Учась в Рижском университете, они состояли в одном студенческом союзе. Каждый по-своему, они персонифицировали «немецкую линию».

Хотя Шойбнер-Рихтер не был дворянином от рождения («фон» он получил от жены), он обладал тем, что Джимми Дюранте** называл «класс». Красивый, светский, владеющий многими языками, богатый и щедрый, он мечтал сколотить русско-немецкий антибольшевистский союз. Шойбнер-Рихтер сражался с революционерами в своей родной Курляндии и в русской (в 1905 г.), и в немецкой (в 1918—19 гг.) армиях. В 1920 г., когда он впервые встретился с Гитлером в Мюнхене, балтийский беглец скрывался от берлинских властей, поскольку участвовал в капповском путче — неудавшемся монархическом заговоре. Но Шойбнер-Рихтер был не просто сорвиголова. В круг его друзей входили стальной магнат Фриц Тиссен, герой Танненберга генерал Эрих Людендорф и «кобургский царь» великий князь Кирилл. Жена Шойбнера-Рихтера Матильда иногда брала Викторию Романову на учения СА, проходившие близ Мюнхена.

Шойбнера-Рихтера и Гитлера сразу потянуло друг к другу. Учтивый балтиец восхищался гипнотическим красноречием отставного ефрейтора и очень скоро начал превозносить его как «пророка *Völkisch Deutschland*»***. Гитлер мгновенно распознал в Шойбнере-Рихтере идеальный источник денег и связей в респектабельном обществе.

Членом нацистской партии Шойбнер-Рихтер стал только после того, как началась перекачка денег от его богатых друзей в казну НСДАП. Существенный вклад внесла Виктория, снабжавшая генерала Людендорфа

* Германизма (нем.).

** Джимми Дюранте — известный американский комический актер (прим. перев.).

*** Народной Германии (нем.).

изрядными суммами из своих семейных средств для распределения среди правых организаций.

Деятельность Шойбнера-Рихтера в качестве посредника и сборщика пожертвований шла в русле его стремления создать союз немецких националистов и русских монархистов для борьбы с большевизмом и восстановления дома Романовых. В конце 1920 г. он организовал немецко-русский народный фронт под названием «Aufbau» («Возрождение»), где соединил немецких правых и русских эмигрантов таких же взглядов. Несколько членов «Aufbau» потом послужили третьему рейху: балтийцы Альфред Розенберг и Арно Шикеданц, русские Василий Бискупский и Петр Шабельский-Борк, казацкий полковник Иван Полтавец-Острица.

Шойбнер-Рихтер был убежден, что только объединение раздробленного правого крыла русской диаспоры может обеспечить успешное сотрудничество с немецкими националистами. Чтобы сплотить эмигрантские фракции, он, заручившись финансовой поддержкой сочувствующих немецких деловых людей, созвал весной 1921 г. под эгидой «Aufbau» съезд русских монархистов в Бад-Райхенхалле, сказочном баварском курортном местечке недалеко от будущего гитлеровского убежища в Оберзальцберге.

Со всей Европы съехались в Бад-Райхенхалль делегаты. Из Маньчжурии прислал представителя атаман Семенов. Аристократы, политики, украинские сепаратисты, ветераны черной сотни и охранки, бывший прокурор Святейшего Синода выказали редкое единство. Завороженные красотами Альп, все в один миг позабыли о разногласиях и торжественно поклялись избавить Россию от большевизма. Шойбнер-Рихтер поздравил себя с преодолением разброда и с тем, что удалось плавно подвести русских правых под немецкое покровительство. Хотя единство длилось недолго, многие русские монархисты после этого приобрели немецкую ориентацию. И никто не уехал со съезда, не услышав о замечательном человеке из Мюнхена по имени Адольф Гитлер.

Бад-Райхенхалльский съезд оказался последним вкладом Шойбнера-Рихтера в русско-немецкое сотрудничество. Полицейская пуля оборвала его жизнь 9 ноября 1923 г., когда во время «пивного путча» он шагал по мюнхенской Резиденцштрассе рука об руку с Гитле-

ром. Смертельно раненный, он увлек за собой на мостовую будущего фюрера, возможно, спасая его жизнь от сыпавшихся градом пуль. По иронии судьбы идея мюнхенского путча принадлежала именно Шойбнеру-Рихтеру, хотя он считал, что время еще не пришло.

Стал бы он звездой первой величины третьего рейха, если бы дожил до 30-х годов? Вероятно, нет. Гитлер сокрушался о гибели балтийца («Все заменимы, но только не он!») и запечатлел его как мученика в посвящении к «Mein Kampf». Но последующая нацистская литература молчала о нем. И никто не сочинил песню о Шойбнере-Рихтере — грубый ритм «Хорста Весселя» торжествовал.

Если разобраться до конца, Шойбнер-Рихтер был слишком привязан к прошлому, чтобы стать настоящим нацистом. Как Пуришкевич, он оставался консерватором, замороженным романтикой штурмовых отрядов, и ему была чужда нигилистически-расистская суть национал-социализма.

Если Шойбнер-Рихтер открыл Гитлеру доступ к деньгам и уважаемому обществу, то уроки русской революции преподал ему Альфред Розенберг. Балтиец с неповоротливым умом, темным стилем письма и бессвязной речью, лучше говоривший по-русски, чем по-немецки, Розенберг был лишен всякой интеллектуальной самобытности. И все же он поднялся так высоко, что, как с иронией говорил его непримиримый противник Йозеф Геббельс, стал «философом рейха», а во время второй мировой войны, к удивлению и негодованию нацистских тузов, возглавлял Ostministerium (министерство по оккупированным восточным территориям, созданное в 1941 г.). Невероятная карьера Розенберга развивалась исключительно благодаря Адольфу Гитлеру. В 1919—20 гг. балтийский беженец завоевал доверие австрийца как специалист по русским и евреям, и в течение нескольких лет он был идеологическим наставником Гитлера. Гитлер находил, что псевдоученое многословие Розенберга очень удачно выражает смутные изгибы его собственных мыслей.

Розенберг родился в 1893 г. в Ревеле в семье сапожника, в юности был угловат и много скитался, ведя богемный образ жизни и испытывая стойкую приверженность к фиолетовым рубашкам. Поездив перед первой мировой войной по Германии и Франции, он поступил изучать архитектуру в Рижский университет и был

в том же студенческом союзе, что и Шойбнер-Рихтер. В 1914 г., с началом войны, Розенберг уехал из Риги в Москву. Спасаясь от призыва в армию и не обращая внимания на революционные катаклизмы, будущий «эксперт по русскому вопросу» третьего рейха провел 1917 год за проектированием крематория с романскими сводами и дорическими колоннами.

Как и многие эмигранты, Розенберг ударился в политику только за границей. После скитаний по Крыму он в 1919 г. оказался в Мюнхене, где погрузился в заразную атмосферу русского и немецкого правого беснования. Внезапно почувствовав зов судьбы, мечтательный архитектор становится яростным публицистом.

Интеллектуальный вклад Розенберга в нацизм представлял собой смесь русского антисемитизма, замещенного на религии, с псевдонаучной немецкой расовой доктриной. Добавив к Хьюстону Стьюарту Чемберлену* и Фридриху Ницше «жидомасонство» черной сотни, балто-немецкую неприязнь к русским и чуточку индийского мистицизма, он произвел на свет апокалиптическую картину действия «тайных сил» в истории. Этой крепкой смесью Розенберг наполнил книгу «Миф двадцатого века» (1930 г.), которая, вопреки своей полной нечитабельности, в конце концов стала наряду с «Mein Kampf» бестселлером третьего рейха.

В фантастической вселенной Розенберга капиталисты, либералы и революционеры чуть не сплошь были евреи, камуфлирующиеся христианскими именами. Проникнутые сионистскими идеями, они виновны во всех бедствиях, от падения Рима до первой мировой войны. Это еврейские деньги в союзе с азиатской мафией (главным образом армянской и китайской) разожгли в России революционный пожар с тем, чтобы потом приняться за уничтожение Запада. Коммунизм — не идеология, а национальный заговор. Троцкий (Бронштейн), Зиновьев (Апфельбаум), Радек и Каганович — союзники, а не враги Ротшильдов, Варбургов и Шиффов. Мечтательные, невежественные, ленивые и склонные к анархии, русские не смогли сохранить чистоту расы и вследствие этого оказались в подчинении. Только немцы — дисциплинированные, умные и храб-

* Хьюстон Стьюарт Чемберлен (1855—1927) — английский историк и культуролог, живший в Германии. Считается одним из предшественников национал-социализма (прим. перев.).

рые — могут спасти Европу от еврейско-азиатской чумы.

За практические предложения по решению еврейской проблемы Розенберг должен был чувствовать себя в большом долгу перед другим балтийцем. Федор Викторович Винберг, полковник русской императорской армии, обосновавшийся в Берлине, с 1919 г. до своей смерти в 1927 г. публиковал антисемитские периодические брошюры, где высказывались новые идеи. Он познакомил немцев с фальшивыми «Протоколами сионских мудрецов» (содержащими вымышленный план действий всемирной сионистской организации), которые Розенберг распространял с колоссальным успехом. Но наиболее убедительным вкладом Винберга был тезис о том, что только физическое уничтожение может остановить еврея. Тем самым он предвосхитил «окончательное решение», которое впоследствии было реализовано в третьем рейхе.

Демонология Розенберга импонировала Гитлеру, перекликаясь со взглядами австрийца на евреев, славян и большевиков. Она поднимала его животную ненависть до уровня философии. Говоря о коммунизме не в идеологических, а в расовых терминах, она устраняла необходимость ответа на интеллектуальный вызов марксизма. Гитлер, оценив заслуги балтийца, назначил его в 1921 г. редактором нацистской партийной газеты «Völkischer Beobachter».

Отношение Розенберга к русским эмигрантам правого толка было одобрительно-пренебрежительным. С одной стороны, он ценил возможности черносотенной доктрины. Просматривая эмигрантские газеты, он получал удовольствие от мелькавшей иногда свастики или от льстивого сравнения Гитлера с Петром Великим. С другой стороны, Розенберг, как балтийский немец, смотрел на славян свысока. Он считал их представителями низшей расы (испорченной татарами), некультурными и неуравновешенными.

Розенберг допускал, что славянин может стать фашистом, но национал-социалистом мог быть только немец. Он отвергал идею единого фашистского русского государства и предлагал расчленить Советский Союз по национальному признаку, заменив его мозаикой подчиненных Германии республик. Русские, считал он, должны искать свою судьбу в Азии, тем самым достигая «внутреннего равновесия» и выполняя свою «расовую миссию». Украинский сепаратист еще мог примириться

с таким сценарием, но даже для самых пронацистски настроенных русских патриотов призыв «Юноша, иди на Восток!» был словно красная тряпка для быка.

Благодаря Розенбергу десятки балтийских немцев в 20-е годы вступили в нацистскую партию и потом служили третьему рейху в качестве «экспертов по русским делам». Их неприязнь к русским укрепляла и без того присущие Гитлеру антиславянские настроения и блокировала любую возможность симпатии к чаяниям русских националистов.

Главным дублером Розенберга в «балтийской мафии» был Арно Шикеданц. Их дружба возникла еще в студенческом союзе в Рижском университете и окрепла во время совместной работы в «Aufbau», «Völkischer Beobachter» и внешнеполитическом отделе НСДАП, руководителем которого Розенберг был назначен в 1933 г. У Шикеданца было свое маленькое «достижение» в области идеологии, а именно термин «производители ублюдков» в отношении евреев. За «квалификацию» в русских делах его в 1942 г. назначили гауляйтером Кавказа. Отступление вермахта после Сталинграда не позволило ему добраться к месту службы, а в 1945 г. он со всей семьей покончил самоубийством, чтобы не попасть в руки бывших соотечественников.

Не все балтийские немцы, занимавшие посты в третьем рейхе, были протеже Розенберга. У Йозефа Геббельса в Анти-Коминтерне, отделении министерства пропаганды, был свой выводок «экспертов по России». Розенберг и Геббельс вели непрекращающуюся войну друг с другом — каждый считал, что вести антикоммунистическую пропаганду должны именно его эксперты.

Если антирусски настроенные балтийские немцы утвердились в качестве советников НСДАП по СССР, то антикоммунистическая деятельность русских эмигрантов получала от нацистов все меньшую поддержку. Со смертью Шойбнера-Рихтера в 1923 г. выпало важное звено, соединявшее их с Гитлером. Гитлер, со своей стороны, потерял интерес к богатым монархистам, как только нацизм стал массовым движением, и после 1933 г. на русских эмигрантов стали смотреть как на балласт: если они слушались, их терпели, если пытались вести себя независимо — от них избавлялись.

Иначе обстояло дело с украинцами: они пользовались благосклонностью не только Розенберга, но и Рудольфа Гесса и Германа Геринга, потому что украин-

ский сепаратизм хорошо укладывался в восточноевропейскую стратегическую схему нацистов. Но те украинцы, которым могло бы перепасть от нацистского пирога, грызлись между собой не переставая. И поскольку в своих аппетитах они порой оставляли позади даже геббельсовскую пропаганду, немецкие покровители относились к ним с недоверием.

Русские нацисты

По мере ухудшения политической и экономической ситуации русская община в Германии уменьшилась в числе от 250 000 в 1923 г. до 50 000 в 1933 г. Большая часть эмигрантов переехала в Париж, Прагу или на Балканы. Некоторые из оставшихся делали героические попытки примирить русский патриотизм с лояльностью третьему рейху. Другие решили расстаться со своей национальностью, сделались «почетными немцами» и во всем копировали господ.

Генерал Василий Бискупский воплощал в себе ту смесь низкопоклонства и самообмана, которыми старались прикрыть свое бессилие эмигранты правого толка в нацистской Германии. Один из самых одиозных людей во всей русской эмиграции, Бискупский пытался всевозможными авантюрами вознаградить себя за рухнувшую военную карьеру. В 1919 г. он шумно, но безуспешно требовал передать ему командование Добровольческим корпусом генерала фон дер Гольца, обещая лично привести русско-германскую армию в Москву, а оттуда — в Версаль. В 1920 г., участвуя в капповском путче, он вовлек в него сочувственно настроенных русских офицеров в Берлине. Бежав в Мюнхен после провала путча, он вместе с генералом Людендорфом принялся вынашивать план создания контрреволюционной армии, которая состояла бы из русских, немцев, венгров и итальянцев и лавиной прошла бы по Центральной Европе, восстанавливая по пути монархии.

Привлекаемый более возможностью действия, нежели идеологией, Бискупский непринужденно скользил от респектабельности к преступлению и обратно. Он пролез в «Aufbau» и исполнял роль солидного распорядителя в Бад-Райхенхалле. Он принял под свое крыло двоих головорезов, Сергея Таборицкого и Петра Шабельского-Борка, которые в 1922 г. застрелили либераль-

ного публициста Владимира Набокова, отца выдающегося романиста, во время неудачной попытки убить бывшего лидера кадетов Павла Милюкова. Бискупский постоянно крутился вокруг «кобургского царя», провозгласив себя его «премьер-министром» и жадно вытягивая деньги из Виктории. Несмотря на отъезд Кирилла из Германии в 1927 г., Бискупский и после этого продолжал охотиться за деньгами и замышлять вероятные крестовые походы.

Бискупский приветствовал триумф нацистов в 1933 г., имея в виду, что старые друзья «Альфред Вольдемарович» (Розенберг) и «Арно Густавович» (Шикеданц) оплатят ему за услуги предыдущего десятилетия. Но балтийцы остались глухи к его финансовым запросам и к обещанию организовать во французском генеральном штабе шпионскую сеть. Назойливость Бискупского кому-то, вероятно, сильно надоела, поскольку летом 1933 г. он был схвачен гестапо и помещен, чтобы остыть, ненадолго в тюрьму.

Но бесстыдная навязчивость в конце концов принесла Бискупскому то, что так долго не давалось ему в руки. Поклявшись в вечной верности Гитлеру, он в 1936 г. был назначен главой нацистского координационного агентства по эмигрантским делам — Бюро русских беженцев (Vertrauenstelle für Russische Flüchtlinge) на Бляйбтройштрассе в Берлине. Взяв себе в помощники Сергея Таборицкого (убийцу Набокова), Бискупский принял командование над быстро убывавшим русским населением рейха, причем хозяева держали его на очень коротком поводке. Безуспешными оказались его притязания на 200 000 рейхсмарок, помещенных до революции в банк Мендельсона на имя Николая II. Неудачей кончилась и попытка прибрать к рукам «Новое слово» — эмигрантскую газету нацистского толка. Под конец он стал вполне бутафорской фигурой, организуя дутые комитеты и сочиняя льстивые приглашения Генриху Гиммлеру, на которые рейхсфюрер СС ни разу не удосужился даже ответить.

Некоторые эмигранты, пытаясь интегрироваться в нацистскую систему, становились штурмовиками. Еще в 1924 г. ряд русских ветеранов Добровольческого корпуса генерала фон дер Гольца организовал юношеский клуб, в какой-то степени связанный с НСДАП. Назывался он «Русский отряд», и его члены регулярно проводили совместные учения со штурмовиками СА

(«коричневыми рубашками») близ Цедена — деревни, расположенной примерно в восьмидесяти километрах к северо-востоку от Берлина. На территории обширного поместья бранденбургского юнкера Вильгельма фон Флоттова русские и немецкие юноши маршировали, пели, обучались тонкостям владения пулеметом, штыком, дубинкой, кастетом и джиу-джитсу. Безработные, плохо обеспеченные и объятые жаждой действия, молодые эмигранты получали от этих вылазок немалое удовольствие, тем более что НСДАП кормила всех до отвала и давала небольшое содержание. У русских была даже своя форма: белая рубашка, черные брюки, сапоги и красно-бело-синие нарукавные повязки со свастикой. Коричневые рубашки покровительственно улыбались белым рубашкам. А по возвращении в Берлин все шумно братались в пивной на Гайзбергштрассе, где славянские штурмовики утоляли жажду смесью пива и водки. В 1928 г. парни из «Русского отряда» объединились со штурмовиками Шенеберга, так что их мускулы могли быть пущены в ход в потасовках с местными коммунистическими Rotfrontkämpfer.

Через три недели после 30 января 1933 г. — дня, когда Гитлер был назначен канцлером, — небольшая группа эмигрантов объявила о создании Российского национально-социалистического движения (РОНД). РОНД дало новую жизнь костюмным изыскам «Русского отряда», а некоторые энтузиасты добавили к ним усы щеточкой в благоговейном, хотя и сверхбуквальном подражании своему кумиру. Первым вождем РОНД стал малоизвестный А. П. Светозаров, внешне чем-то напоминавший Геббельса. По неясным причинам он еще до конца 1933 г. снова ушел в тень.

Преемник Светозарова носил фамилию Бермондт-Авалов, которая напоминала эмигрантам о широко известном дореволюционном сорте водки. Родившийся в 1884 г. в Тифлисе «князь» Павел Михайлович Бермондт-Авалов был окружен густым облаком нехороших слухов, распространяемых его многочисленными врагами внутри и вне диаспоры. Усатый армейский офицер, разбуженный для политической деятельности революцией, он пользовался популярностью среди подчиненных и увел некоторых из них с собой в эмиграцию. В 1919 г. Бермондт-Авалов, командуя отрядом бывших русских военнопленных, воевал с большевиками в Прибалтике. Как и его соперник Бискупский, он, будучи персоной нон

грата и исполненный фантастических планов, постоянно сновал туда-сюда через границу Веймарской республики.

Благодаря Бермондт-Авалову в РОНД скапливались ветераны балтийских кампаний, а также темные личности вроде Петра Шабельского-Борка, второго убийцы Набокова. Но он не смог добиться широкой поддержки, даже среди пронацистски настроенных эмигрантов. Поскольку ни Гитлер, ни Гиммлер не пришли в восторг от славянской пародии на национал-социализм, гестапо пристально следило за РОНД и время от времени его осаживало. Пробарахтавшись несколько лет, РОНД окончательно свернуло свою деятельность после нацистско-советского пакта в августе 1939 г.

Крайний шаг, на который мог решиться коллаборационистски настроенный эмигрант, состоял в отказе от славянства и переходе в разряд «этнических немцев» (Volksdeutscher). На добровольную мутацию пошли немногие. В одном из них, Григории Бостуниче, сложно переплелись две линии — нацистская и черносотенная. Он родился в Киеве в состоятельной семье и в юные годы с мистическим ужасом воспринял представления о еврейской сексуальности и о «жидомасонстве». В гражданскую войну он был пропагандистом в армиях Деникина и Врангеля, а потом вместе с потоком русских правых устремился в Германию. Как и Розенберг, у которого он недолго работал, Бостунич был не чужд словесности — опубликовал, в частности, пьесу, в конце которой еврей из ЧК распинает малолетнего сына русского генерала. Но настоящим призванием стали для Бостунича ученые занятия под эгидой СС, то есть вынюхивание в исторических книгах еврейско-масонской деятельности.

Получив возможность войти в нацистскую элиту только после смены фамилии на «Шварц», Бостунич полностью отрекся от славянских предков. Его собачья преданность произвела впечатление на Гиммлера, и он был назначен «почетным профессором СС»; в этом качестве он совершил турне по Германии с лекциями о евреях и масонах, компенсируя ломаный немецкий ораторским даром. Пользуясь покровительством Гиммлера, Шварц-Бостунич поднялся в иерархии СС до уровня штандартенфюрера (что соответствует полковнику), оставив позади всех славян-нацистов, за исключением перебежчика из советских поляков Бронислава Владиславовича Каминского.

Недолгая нацистская карьера Каминского совпала со второй мировой войной. Перед началом военных действий он работал инженером на винокуренном заводе в городке Локоть на полпути между Москвой и Киевом. У Каминского была причина для недовольства советским режимом. Как тысячи других советских поляков буржуазного происхождения, он был в 1935 г. арестован и помещен в концлагерь, где томился до 1940 г. Немецкое вторжение не только дало ему возможность отомстить за обиды, но и толкнуло в объятия национал-социализма. В январе 1942 г. с благословения вермахта Каминский возглавил Локотский автономный район — одну из немногих административных единиц в оккупированной немцами части России, находившихся под местным управлением. Окрещенный «хозяином брянских лесов», Каминский создал в своем карликовом королевстве ячейку нацистской партии и сколотил бригаду из оборванных, но воинственно настроенных русских, поляков и украинцев. Когда в 1943 г. Восточный фронт затрещал, Каминский и его люди двинулись на запад через Белоруссию к Ратибору на польско-чешской границе. Когда в последние месяцы войны войска СС стали включать в себя не только немецкие части, бригада Каминского влилась в них, став 29-й дивизией СС, и отличилась своей жестокостью при подавлении неудачного варшавского восстания в августе-октябре 1944 г.

Каминскому не суждено было попасть в руки к русским или полякам. Его бесчинства в Варшаве даже для СС оказались чрезмерными. Пока немецкие части выкуривали из подвалов последние остатки инсургентов, Каминский был арестован, отправлен на машине в Лодзь и расстрелян. Официально объявили, что он погиб в партизанской засаде.

Нацисты типа Бискупского, Бермондт-Авалова, Бостунича и Каминского коренным образом отличались от тех тысяч советских граждан, которые сотрудничали с немцами во время второй мировой войны. Военнопленные красноармейцы, которые вступали в немецкие боевые части (*Osttruppen*), обычно делали это, чтобы спастись от медленной смерти в лагере. Представителей неславянских меньшинств в сформированных СС небольших армянских, азербайджанских, северокавказских, грузинских, калмыцких, мусульманских и тюркских частях, возможно, соблазняла национальная приманка. Многие коллаборационисты ненавидели Сталина, но

восхищавшихся Гитлером почти не было. Андрей Власов, способный и обладавший притягательной силой советский генерал-лейтенант, который, попав в немецкий плен, вошел в Комитет освобождения народов России и возглавил дутую Русскую освободительную армию, не был ни нацистом, ни фашистом. То же самое можно сказать об атамане донских казаков Петре Николаевиче Краснове, который в составе казацких частей генерал-лейтенанта Хельмута фон Панвица воевал с партизанами в Югославии и Италии. Власов и Краснов, пожалуй, олицетворяли тщетность попыток бороться со сталинизмом, оставаясь чистыми от нацистской скверны.

Но, при всех их различиях, русских нацистов и русских антисталинистов ждала общая судьба. По советской логике, и те и другие были предателями, и поступали с ними соответственно. В исторической перспективе они, скорее, кажутся людьми, попавшими под жернова событий и бессильными эти события изменить или понять.

Фашистская приманка

Было бы неправильно и нечестно отождествить всех русских эмигрантов, которых привлекал фашизм, с теми, что толклись в НСДАП, Ostministerium и СС. В 20-е годы внимание эмигрантов во всех уголках диаспоры привлекал фашизм, воплощаемый Бенито Муссолини, причем эти русские вовсе не обязательно были антисемитами, германофилами или беспринципными прагматиками. Эмигрантская молодежь в особенности склонна была видеть в недавнем опыте Италии ответ на свои чаяния.

В течение 20-х годов за границей выросло новое поколение русских. Взгляды этих молодых людей сильно отличались от взглядов их родителей. Появившиеся на свет приблизительно на рубеже веков, они в детстве или юности познали ужасы революции и гражданской войны. Некоторые безусыми кадетами воевали в белых армиях и насмотрелись таких вещей, от которых сходили с ума даже те, кто был старше и опытней.

Ненавидя большевизм, эти юные эмигранты тем не менее были лишены свойственной старшим ностальгической привязанности к дореволюционным формам жизни. Они уважали монархию, но не желали иметь дела с монархистами, считая их пережившими свое вре-

мя реликтами. Они восхищались некоторыми аспектами социалистических учений, но презирали социалистов-эмигрантов, полагая, что те погрязли в теоретических спорах. Они жаждали действия. Они озирались вокруг в поисках чего-то динамичного, какого-то реального противоядия большевизму.

Многие из этих молодых русских увидели в итальянском фашизме именно то, что им было нужно. В 20-е годы Муссолини был полон энергии, привлекательности и воодушевления. Его заместители Джузеппе Боттаи и Гастоне Спинетти возбуждали юношей апокалиптическими речами. Фашистская молодежь переделает мир, она сметет капитализм и коммунизм — этих близнецов, рожденных гнилой западной цивилизацией. Чернорубашечные *squadristi* уже спасли Италию от парламентской заразы и коммунистического ярма. Националистическая молодежь Европы, по словам Боттаи и Спинетти, должна создать «фашистский Интернационал».

Молодые русские эмигранты-патриоты были восприимчивы к подобной демагогии; им казалось, что итальянская нация обрела новую цель существования. Они жаждали солидарности — и поэтому с энтузиазмом восприняли фашизм, отрицавший классовые конфликты и призывавший к подъему национального духа. Оскорбленные нацистской теорией расовой исключительности, они приветствовали доктрину, которая, как казалось в 20-е годы, имела универсальный характер и не унижала славянские народы. Убежденные, что советское коммунистическое правление само при Сталине приобретает черты коммуно-фашизма, они чувствовали настоятельную необходимость, пока не поздно, воплотить в жизнь итальянскую модель.

Конечно, не одни русские эмигранты видели в итальянском фашизме источник жизненной силы. То и дело в 20-е и даже в 30-е годы ведущие европейские интеллектуалы (приходят в голову Пиранделло, Т. С. Элиот, Йейтс, Лоуренс, Паунд и Шоу) выражали восхищение Муссолини. Да и не только европейцев влекло к фашизму. В 1932 г. Чан Кай-ши заявил: «Фашизм — это то, что Китаю сейчас нужно больше всего». Семью годами позже в нью-йоркском Гарлеме негритянские активисты основали откровенно фашистское Движение за мир в Эфиопии. В высшей степени изменчивый, фашизм внедрялся в сознание мечтателей-радикалов всех мастей.

Профашистские течения вышли на поверхность в виде нескольких русских эмигрантских групп, возникших в Париже, Берлине и Белграде в конце 20-х и начале 30-х годов. Члены этих организаций часто называли себя «солидаристами», подчеркивая свое отрицание марксистского тезиса о классовой борьбе и свою убежденность в том, что русские, кто бы они ни были, должны объединиться ради общей цели — антисоветской национальной революции. Солидаристы большей частью были молоды и хорошо образованны. Отцы многих из них занимали должности в царской администрации. Дети унаследовали от отцов горячий национализм, но отбросили веру в монархию.

Среди множества солидаристских организаций, возникших в русской диаспоре, наибольшую поддержку, вероятно, имели младороссы и Национально-трудовой союз (НТС). Движение младороссов было основано в Париже около 1930 г. Александром Львовичем Казем-Бекем. НТС, вначале называвшийся Национально-трудовой союз нового поколения, возник в 1932 г. во главе с М. А. Георгиевским, и членами его в основном были эмигранты, жившие в Югославии и Болгарии.

Группа младороссов порой пыталась заигрывать с нацистами, но не имела с ними продолжительных отношений. В сентябре 1933 г. Казем-Бек приехал в Берлин и подписал договор о дружбе с Бермондт-Аваловым (РОНД), но сколько-нибудь значительного сотрудничества не последовало.

Некоторые солидаристы с одобрением присматривались к «радикальным» нацистам типа Грегора и Отто Штрассеров, которые подчеркивали социалистический элемент в национал-социализме. Виктор Александров, молодым эмигрантом живший в Берлине в период Веймарской республики, вспоминал: «Для многих — и, должен признаться, я был в их числе — движение национал-социалистов в варианте ликвидированной впоследствии экстремистской группы Отто Штрассера имело некоторую привлекательность».

После того как во время нацистской кровавой чистки 30 июня 1934 г. Грегор Штрассер был убит, а его брат Отто отправлен в ссылку, положение русских солидаристов в самом третьем рейхе становилось все более шатким. В августе 1938 г., после серии гестаповских рейдов, НТС ликвидировал свое отделение в Германии. Некоторые члены НТС во время второй миро-

вой войны служили в боевых частях вермахта, работали в Ostministerium Розенберга или в Русской нацистской партии Каминского, но они шли на это скорее из расчета, чем из идейной убежденности. В конечном итоге русский патриотизм оказался несовместимым с немецкими требованиями, и лидеры НТС в оккупированной немцами Европе были арестованы и интернированы гестапо летом 1944 г.

Европа вызвала русский фашизм к жизни, но не дала ему возможности развиться в цельное политическое движение. Российская империя произвела на свет протофашистов, упрямо цеплявшихся за монархию и православие, пока Октябрьская революция не положила конец их деятельности. Италия дала образец для подражания, но русская коммуна в ней была мала и не могла послужить основой фашистского движения. Во Франции и Югославии возникли полуфашистские группы солидаристов, которые остались разобщенными и маломощными даже в масштабах эмиграции. Основную массу русских правых влекла Германия, но после 1933 г. она относилась к ним как к людям второго сорта.

Не Европа, как выяснилось, а Дальний Восток и Соединенные Штаты были той средой, где русский фашизм мог проявить себя с наибольшей силой.

Глава III

РУССКИЕ ГЕТТО В КИТАЕ

Вы — азиат. Я тоже.

Иосиф Сталин (1941 г.)

Мы народ азиатский...

Александр Солженицын (1973 г.)

Дальний Восток был Диким Западом русской диаспоры. Некоторые обрели там Эльдorado; другие повстречали смерть. Войны, словно цунами, прокатывались по Восточной Азии после русской революции, и укрыться от них не мог никто. Попавшие в водоворот, где перемешались китайский национализм, японский империализм и советский коммунизм, русские

эмигранты почти не имели выбора — им приходилось отдаваться преобладающему политическому течению. Китайские военные правители, самураи, комиссары — чтобы выжить, приходилось служить всем по очереди.

Превратности судьбы дальневосточной эмиграции все же не шли ни в какое сравнение с кошмарами исхода из родной страны, растерзанной войной и революцией. Из Европейской России кратчайшая дорога в спокойную гавань лежала на запад — через Финляндию, Польшу, Украину. Но эти очевидные пути хорошо охранялись. Поэтому тысячи беженцев предпочли рискнуть в другом направлении — через Сибирь в Китай и к Тихому океану.

С 1918 по 1922 г. Сибирь была ареной яростной борьбы между красными и белыми, которую еще больше обостряло присутствие японских, британских и американских войск, а также 45 000 вооруженных чехов (бывших военнопленных из Австро-Венгрии), пытавшихся вернуться на родину. Короткое время — с осени 1918 г. до лета 1919 г. — адмиралу Александру Колчаку, главе Омского правительства белых, с большим трудом удавалось поддерживать движение на среднем участке Транссибирской железной дороги. Единственная альтернатива телегам и речным судам, дорога была жизненно важна для белых и представляла собой путь к спасению для беженцев, двигавшихся на восток. После провала уральского наступления Колчака весной 1919 г. поток беженцев превратился в лавину. Под ударами красноармейских частей, ворвавшихся в Сибирь с запада, и красных партизан, развязавших террор на востоке, отступление белых превратилось в отчаянное бегство к Тихому океану. Разношерстные толпы военных, крестьян, политических деятелей, чиновников, купцов с женами и детьми отчаянно атаковали все поезда на запруженных станциях в надежде попасть во Владивосток. Но чешские легионеры и иностранные советники полностью контролировали исправный подвижной состав, и даже сам Колчак не смог пробиться дальше Иркутска, где его поезд был остановлен. И, как часто поступали в гражданскую войну, чешское командование и французский военный советник выдали несчастного большевикам в обмен на право беспрепятственного проезда на восток для них самих.

Беженцы скоро поняли, что братья-белогвардейцы могут действовать так же подло, как и большевики. Местные начальники вдоль Транссибирской железной

дороги, пользуясь развалом центральной власти, грабили беспомощных людей, которые потоком шли через их вотчины. Окапываясь в Маньчжурии и Приморье, казацкие атаманы вроде Григория Михайловича Семенова облагали спасавшихся бегством соотечественников тяжелой данью.

Атаман Семенов, хотя некоторые и чтут его память, был одним из самых отталкивающих персонажей, выдвинутых на первый план революцией. В 1914 г., когда он был казацким есаулом в Восточной Сибири, Временное правительство поручило ему набрать воинское соединение для отправки на германский фронт. Вместо этого Семенов создал собственное войско, которое назвал «Особый маньчжурский отряд». После Октябрьской революции Семенов воспользовался вакуумом власти и установил в Забайкалье самостоятельное военное правление с центром в Чите. После вторжения союзников в 1918 г. отряд Семенова неожиданно всплыл на поверхность как одна из крупнейших «туземных» антибольшевистских сил к востоку от Байкала. Несмотря на дурную репутацию у командования американского экспедиционного корпуса (а может быть, благодаря ей), Семенов получал щедрые субсидии от японцев. Он яростно соперничал с адмиралом Колчаком, опустошая его тылы и нарушая коммуникации. Поражение Колчака в конце 1919 г. и его казнь 7 февраля 1920 г., по существу, оставили Семенова одного перед надвигавшейся красной лавиной, но он ухитрился еще год продолжать свои «патриотические» грабежи, а потом отступил (как говорят, с двумя вагонами всякого добра) в Дайрен на контролируемую Японией Квантунскую территорию.

Беженцев, пытавшихся проникнуть в Китай не через Маньчжурию, а через Внешнюю Монголию, могла ждать еще худшая судьба — на этот раз от рук психопата Романа Федоровича фон Унгерн-Штернберга, барона из балтийских немцев. Царский офицер, глубоко потрясенный убийством жены и детей во время революции, Унгерн пытался утолить свою ненависть казнями истинных и мнимых красных. Отколовшись от Семенова в 1920 г., рыжеволосый и голубоглазый садист с ангельским лицом рыскал по пограничным районам Сибири, Маньчжурии и Внешней Монголии с интернациональным войском, состоявшим из монголов, китайцев, русских и японцев. Воображая, что послан Богом возро-

дить Монгольскую империю Чингисхана и очистить загнивающую Европу, Унгерн выбил китайскую армию из Урги (ныне Улан-Батор) и стал готовить крестовый поход против Советского Союза. Опираясь на фанатически преданный ему монгольский корпус, «Кровавый барон» обрекал на службу в своем войске всех, кто имел неосторожность очутиться в зоне его владычества. Сотни несчастных русских беженцев оказались в лапах убийцы-маньяка; в Урге трупы повешенных за уклонение от набора не снимали подолгу.

Тому, кто живым выбрался из Сибири или Монголии, Китай поначалу казался спокойным местом.

География дальневосточной эмиграции

Из 250 000 русских, выплеснувшихся на Дальний Восток в 1918—22 гг., чуть больше половины осело в Китае, в основном в Маньчжурии и открытых портах — таких, как Шанхай, Тяньцзинь и Циндао. В Японию отправились лишь немногие — по словам царского дипломата Дмитрия Абрикосова, «отчасти из-за того, что попасть в Японию было труднее, отчасти из-за того, что русские, не знаю почему, в Китае обычно легче осваиваются». Некоторые обосновались в Гонконге, Индокитае, на Филиппинах. Кто смог получить визу и оплатить дорогу через океан, отправился дальше — в Северную или Южную Америку, в Австралию. Один беженец выбрал для себя скалистый, окруженный рифами Яп — остров Каролинского архипелага в Микронезии, находившийся до второй мировой войны под японским управлением. В 1977 г. его еще можно было там встретить — довольного собой, жующего бетель, отца двенадцати русско-япских детей.

Лежащий посередине китайского побережья, Шанхай в 20-е годы, безусловно, был крупнейшим морским портом на Дальнем Востоке. Являясь океанскими воротами огромного бассейна реки Янцзы, он служил центром торговли для восьмой части населения Земли. Большая часть из трех миллионов жителей Шанхая ютилась в хижинах, раскиданных по грязным речным отмелям. Около тридцати тысяч европейцев, включая девятнадцать тысяч русских эмигрантов, населяли два экстерриториальных анклава, каждый со своей администрацией и полицией, — Международный сэттльмент

и Французскую концессию. Те немногие из русских, кто обладал средствами, обосновались во Французской концессии, но огромное большинство сгрудилось к северу от канала Сучжоу в той части Международного сэттльмента, которая называлась Хонкью. Хонкью, где было также многочисленное японское население, называли еще Малым Токио.

Жизнь в Шанхае болезненно напоминала о том, что эмиграция отбрасывает человека вниз по общественной лестнице. После 1920 г. русские эмигранты лишились экстерриториальности, что провело резкую черту между ними и другими европейцами. В надежде получить хоть какой-то статус некоторые взяли китайское гражданство. Другие обратились за советскими паспортами, не имея ни малейшего намерения вернуться в СССР. В целом китайцы, хорошо знакомые с унижением, относились к жившим в городе беженцам с сочувствием и пониманием. Но братья-европейцы не скрывали презрения к эмигрантам, соглашавшимся жить и работать в таких условиях, которые ставили под сомнение миф о превосходстве белой расы.

Несмотря на трудности со статусом, шанхайские русские предпочитали этот город всем прочим городам Азии. Они даже радовались, что им не нужно торговаться с парижскими домохозяевами или батрачить на Балканах. В Шанхае можно было жить. Адвокатам и врачам ничто не мешало иметь частную практику. У кого была предпринимательская жилка, открывал аптеку, магазин готового платья или кафе на фешенебельной Нанкин-роуд. Кто покрепче, шел в муниципальную полицию (например, в русские волонтерские полки, созданные в Международном сэттльменте и Французской концессии), нанимался телохранителем или вышибалой. Многие женщины находили работу гувернанток, секретарш или домашней прислуги.

Конечно, далеко не все русские шанхайцы были хорошо устроены, да и не все хорошо себя вели. И если одни кое-как перебивались, продавая вразнос дешевые ткани, то другие употребляли свои безупречные манеры и дар перевоплощения для изящного жульничества — как, например, братья Становые, которые представлялись сотрудниками французского консульства и продавали лицензии на открытие игорных домов доверчивым китайцам во Французской концессии. Бесчисленные сомнительные бары и шумные кабаре Шанхая были полны

русских «княжон», хотя, по неделикатному выражению одного из посетителей, некоторые отличались «толстыми лодыжками, такими же запястьями и манерами скотниц». Но иные русские девушки из бара выглядели трагически незащищенно и действительно происходили из благополучных в прошлом семей, которые, распродав последние драгоценности, вынуждены были посылать дочерей на панель. Загрубевшие от жизни на дне, эти когда-то хрупкие девушки бродили по переулкам Шанхая, соперничая с дешевейшими проститутками-китайками.

Независимо от рода занятий, русские эмигранты чувствовали, что Шанхай с его бесстыдной избыточностью, с его терпимостью к человеческим слабостям успокаивает издерганные войной и революцией нервы. Коренные санкт-петербуржцы находили, что «Париж Дальнего Востока» дает если не материальную, то эмоциональную компенсацию за то, что осталось в прошлом. Банд (набережная вдоль реки Хуанпу) был заполнен пестрой многонациональной толпой, невысказанной даже на Невском проспекте. Где еще можно было найти такую смесь из французов, немцев, англичан, американцев, японцев, корейцев, индусов, малайцев и аннамцев, не говоря уже о китайцах? Где еще на свете был бар с такой длинной стойкой, у которой любой пьяница мог получить утешение? Русские газеты, магазины, рестораны и клубы придавали эмигрантской жизни видимость преемственности, живой связи с дореволюционным прошлым.

Немало эмигрантов принял и Тяньцзинь. Меньший по размерам, но столь же колоритный, как Шанхай, Тяньцзинь был главным открытым портом Северного Китая и морскими воротами в Бэйпин (Пекин), который находится в семидесяти милях к северо-западу. Трехтысячная русская колония обосновалась в пришедшей в упадок бывшей русской концессии, которая после революции перешла под китайскую юрисдикцию. Лишь немногим состоятельным или обладавшим связями семьям удалось перевести имущество в английскую или французскую концессию.

Наиболее богатые русские жители Шанхая и Тяньцзиня проводили лето кто в Пейтахо, расположенном в 140 милях к северо-востоку от Тяньцзиня, где Великая Стена подходит к заливу Чжили, кто в Циндао или Чифу, приморских городах на Шаньдунском полуострове.

Они отдыхали в обществе английских и американских морских офицеров, поскольку их эскадры перемещались в те места из Гонконга и Манилы, когда там устанавливалась жаркая погода. Девушки из хороших семей приезжали в Пейтахо с родителями, мечтая о замужестве. Проституток тоже хватало — их добычей становились матросы.

В Бэйпине в 20-е годы русских эмигрантов почти не было. Однако в 30-е годы они тысячами хлынули туда из Маньчжурии, спасаясь от сомнительных радостей японского правления.

Большая часть русских эмигрантов Дальнего Востока скопилась в Маньчжурии: в 1922 г. их там было 155 000. Граничившая с Восточной Сибирью, Маньчжурия имела давние связи с Россией, которые начались еще в семнадцатом веке, когда казаки делали неудачные попытки завоевать бассейн Амура. Русское присутствие в Маньчжурии возобновилось в 1896 г., когда Китай предоставил царскому правительству право построить железную дорогу длиной 950 миль, которая, ответвляясь от Транссибирской железной дороги, шла по Северной Маньчжурии напрямик к Владивостоку. Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) на время избавила Россию от необходимости строить гораздо более длинную железную дорогу на Владивосток вдоль Амура. В 1898 г. Китай разрешил России построить ветку КВЖД, шедшую от Харбина на юг к Порт-Артуру — военноморской базе России у оконечности Ляодунского полуострова, арендованной ею у Китая. Железнодорожное строительство привлекло в Маньчжурию тысячи российских рабочих, инженеров, служащих, военных и купцов. Новые колонисты селились в разных пунктах вдоль КВЖД, формируя русские анклавные территории внутри Китая. Поражение в войне с Японией (1904—5 гг.) сократило зону российского влияния до севера Маньчжурии, в то время как японцы установили контроль над южной веткой КВЖД (от Чанчуня до Порт-Артура) и в 1907 г. переименовали ее в Южно-Маньчжурскую железную дорогу (ЮМЖД). Работавшая на полуправительственных началах, ЮМЖД была главным каналом японской экономической экспансии в Маньчжурии вплоть до 1945 г.

По точному выражению Оуэна Лэттимора*, Маньчжу-

* Оуэн Лэттимор (1900—1989) — американский ориенталист (прим. перев.).

рия в 20-е годы была «колыбелью конфликта». К концу десятилетия, в результате массовой иммиграции из провинции Шаньдун, около 80 процентов населения Маньчжурии (то есть двадцать миллионов) составили китайцы. Коренных жителей — маньчжуров — было всего четыре миллиона, далее шли корейцы (800 000) и японцы (350 000, включая население зоны ЮМЖД и Квантунской территории, которая была арендована Японией). Стратегическое положение Маньчжурии и ее богатые природные ресурсы делали ее лакомым куском как для Японии, так и для Советского Союза. Формально входившая в состав Китая, Маньчжурия с 1918 по 1928 г. фактически находилась под властью колоритного военного правителя по имени Чжан Цзо-линь.

Человек темного происхождения, Чжан Цзо-линь обладал хитростью и притягательной силой, и это помогло ему обрести могущество. Командуя конными отрядами головорезов, он шел на службу туда, где больше платили, воевал и против японцев (в китайско-японской войне 1894—95 гг.), и на стороне японцев (в русско-японской войне). Когда Китай после падения Маньчжурской династии в 1911 г. впал в состояние хронической анархии, Чжан сделал родную Маньчжурию своей вотчиной со столицей в Фынтяне* и присвоил себе титул маршала (впоследствии его называли в народе Старым Маршалом в противоположность Чжан Сюэ-ляну, его сыну и преемнику, Молодому Маршалу).

Мастер политической интриги, прозванный Тигром Маньчжурии, Чжан умело использовал в своих целях вражду между алчными соседями. Он попеременно дрался и мирился с бэйпинским правительством, завлекал и оставлял с носом японцев, умиротворял и тревожил Советы. Как и ряд других военных правителей, Чжан был озабочен тем, как придать своей власти видимость законности. Хотя Старый Маршал содержал 250-тысячную армию на свои собственные средства, он требовал, чтобы его называли «военным губернатором», тем самым намекая на то, что он якобы был назначен неким центральным китайским правительством. Пользуясь привилегиями, соответствующими столь высокой должности, Чжан выстроил для себя близ Фынтяна резиденцию в стиле французского шато и до отказа наполнил ее винами, женами и трудами Конфуция.

* Другое название — Мукден. Теперь город называется Шэньян.

По внешнему виду Чжан меньше всего напоминал разбойника. Он выглядел как ученый, ведущий сидячий образ жизни — хрупкий, узкоплечий, с мягкими, чуть ли не до робости, повадками. Но под этой скромной внешностью гнездилась воля, способная к изощренной жестокости. Однажды он пригласил в свою штаб-квартиру девять китайских банкиров, заподозренных в финансовых махинациях. Прочитав им назидательную лекцию по этике, он приказал отрубить всем головы. Его чувство справедливости требовало, чтобы казни проводились с изобретательностью и блеском.

Щедрой рукой отмеряя смерть, Чжан тщательно заботился о самозащите. Он выписал из Детройта сработанный в 1921 г. по специальному заказу бронированный «паккард-седан» со стальными шторками на окнах, сиденьями для шести телохранителей и двумя 0,50-дюймовыми пулеметами с водяным охлаждением. Куда бы он ни ехал из своей штаб-квартиры в Фынтяне, он, чтобы сбить с толку потенциальных убийц, садился в один из четырех бронированных автомобилей, которые пускались в путь в четырех разных направлениях.

С русскими беженцами, попавшими в его владения, Чжан Цзо-линь вел себя по-джентльменски, проявляя к тем, кто волей судьбы оказался у него в руках, не только вежливость, но и сочувствие. Десять тысяч забайкальских казаков получили от него в подарок обширную территорию вдоль реки Аргунь в Северной Маньчжурии. Тысячи русских работали в его правительственных учреждениях, армии и полиции, причем им часто отдавалось предпочтение перед китайцами. Хороший доход от соляного налога, железной дороги и «платы за безопасность» позволял ему облагать русских эмигрантов лишь умеренной данью. Он, как правило, не вмешивался в деятельность их организаций, хотя у него и были серьезные трения с эмигрантами, входившими в администрацию КВЖД.

Многие из русских эмигрантов, проследовавших через Маньчжурию в Северный Китай, в конце концов оказались на службе у другого военного правителя — Чжан Цзу-чана, младшего по возрасту и пользовавшегося покровительством Старого Маршала. В 1922 г. Чжан Цзу-чан разоружил остатки белых частей, устремившиеся в Маньчжурию из Российского Приморья. Через два года генерал Константин Нечаев, известный военачальник Российской императорской армии, сформировал

отряд из четырех тысяч русских добровольцев на службе у Чжана. «Нечаевский отряд» сражался, в частности, с генералами У Пэй-фу и Фын Юй-сяном и доказал свою боеспособность при захвате Шаньхайгуаня — стратегически важного пункта на юге Маньчжурии, у восточной оконечности Великой Стены. Передвигаясь на бронепоездах, войска Нечаева сеяли ужас всюду, где проходили. Дрались они отчаянно, зная, какая участь ждала не имеющих гражданства пленных. Их называли «джентльменами неудачи», и немного можно найти других примеров, когда люди столь храбро бились ради столь чуждых им целей.

Харбин

Большая часть маньчжурских русских жила в Харбине. Расположенный в середине Центральной Маньчжурской равнины, Харбин возник на правом берегу реки Сунгари из скопления китайских деревушек и поселения русских железнодорожников. Город был обязан своим существованием КВЖД, которая шла из него в трех направлениях: на северо-запад к Маньчжоули и Транссибирской железной дороге, на восток к Владивостоку и на юг к Чанчуню, Мукдену, Дайрену и Порт-Артуру. Имея прекрасное железнодорожное и речное сообщение, Харбин после 1900 г. процветал как перевалочный центр торговли зерном, хлопком и соевыми бобами. В 1916 г. там постоянно проживало 34 200 русских.

Последствия Октябрьской революции наводнили Харбин беженцами из Сибири, многие из которых предпочли остановку в привычном русском окружении превратностям дальнейшего пути. В 1922 г. из 485 000 жителей Харбина русских было 120 000. Хотя это число упало до 55 000 после 1932 г., когда тысячи людей нашли приют от японского вторжения в Бэйпине, Шанхае и Тяньцзине, Харбин до конца 40-х годов остался крупным центром русской диаспоры.

Кроме русских, в Харбине жили люди и других национальностей, что придавало городу космополитический дух: основу составляли китайцы (300 000), затем шли корейцы (34 000) и японцы (5000)*. Были также

* Эти цифры относятся к 20-м годам. После 1932 г. японское население Харбина выросло до 13 000.

небольшие вкрапления балтийских немцев, поляков, украинцев, армян, татар, грузин и эстонцев, покинувших большевистскую Россию, и около 13 000 евреев из России, кое-кто из которых жил в Харбине давно и играл важную роль в экономической, религиозной и культурной жизни города.

Хотя Харбин назывался городом, он скорее был склеен из семи городов, каждый из которых имел свой облик, а некоторые и свою администрацию. У реки Сунгари лежала Пристань с речным портом и коммерческим центром, где располагались лучшие магазины, банки, театры и кафе, а также православная церковь, синагога и мечеть. Новый город был выстроен на холме к югу от Пристани, и один район от другого отделяло широкое полотно КВЖД, пересекаемое единственным виадуком. В начале 20-х годов в Пристани движение было левостороннее, а в Новом городе — правостороннее. Автомобили и повозки кое-как перестраивались на виадуке. Новый город имел строгий облик, а на его обсаженных деревьями широких улицах — таких, как Большой проспект, Новоторговая и проспект Сунгари — располагались красивые резиденции, иностранные консульства и клуб КВЖД. Аллеи парков тянулись к живописным площадям, на одной из которых стоял православный собор, на другой — центральный железнодорожный вокзал с огромной иконой на стене.

Пять прочих районов Харбина были менее колоритны. К востоку от Пристани лежал Восьмой участок — промышленное месиво из фабрик по производству соевого масла, заводов и сортировочных станций, а дальше раскинулся Фуцзядянь — китайский квартал с речными причалами, лабиринтом наползающих друг на друга домишек и значными местами. К юго-востоку от Нового города находились Старый город и Модягоу. Старый город раньше был деловым центром Харбина, но после 1905 г. уступил первенство Пристани и в 20-е годы состоял главным образом из мельниц и гарнизонных казарм. Большую часть Модягоу построили после Октябрьской революции русские эмигранты, и там в приземистых деревянных домиках с резными наличниками жили люди умеренного достатка. К юго-западу от Пристани распласталась нищая Нахаловка, где селился кто попало, — безобразное нагромождение жалких лачуг, на постройку которых шли обломки досок, бумага,

тряпье и старые ящики. Нахаловка давала приют беднейшим из русских беженцев.

По северному берегу Сунгари напротив Пристани тянулись железнодорожные пути и было разбросано несколько хижин. Это место, называемое Сунбей, в лучшую пору Чжан Цзо-линя служило площадкой для казней. После 1932 г. японцы построили там фабрику по производству морфия.

До 1917 г. Пристань и Новый город пользовались правами иностранной концессии и управлялись администрацией КВЖД. После революции на КВЖД претендовали и красные, и белые, но в 1924 г. Чжан Цзо-линь и Советы установили над ней полный контроль, лишив белых каких-либо прав. После этого Пристань и Новый город постепенно стали терять автономию, хотя у них по-прежнему оставалась своя администрация.

Пристань была похожа на любой волжский провинциальный город. Набережные и колесные пароходы, казалось, перекочевали туда из Саратова; православные церкви возносили в маньчжурское небо свои луковичные купола. По булыжной мостовой грохотали трамваи и дрожки. Зимой извозчики запрягали лошадей в сани, а порой на замерзшей Сунгари можно было видеть санки на человеческой тяге с седоком в теплой шубе и каракулевой шапке. Русские дети на пустырях играли в лапту и толпились у бакалейных лавок, разглядывая на витринах колбасы или цукаты из диких яблок, называемые тахули. Мамаши с колясками, казаки, бородатые священники, одетые в форму школьники сновали по главной улице Пристани — Китайской, минуя театры, кабаре, отель «Модерн», универсальный магазин Чурина и Русско-Азиатский банк — памятник царского времени. Вывески на русском языке, которые можно было видеть повсюду, кричали о живучести частной инициативы, практически задушенной в Советском Союзе.

Харбин мог предложить русскому эмигранту почти все — и для тела, и для души. Многочисленные киоски продавали не только местные газеты — такие, как «Заря» и «Харбинское время», но и «Правду», «Известия», «Крокодил». Немало было русских учебных заведений, от детских садов до первоклассных институтов, большей частью финансируемых КВЖД (в Харбине действовали институт ориентальных и коммерческих наук, педагогический, юридический и политехнический институты). На тумбы клеились афиши, оповещавшие

об исполнении произведений Бородина, Римского-Корсакова, Чайковского Харбинским симфоническим оркестром и Харбинской оперной труппой (оба коллектива действовали при КВЖД). Ресторан Унтербергера и Железнодорожный клуб предлагали попробовать жареного фазана (по цене, эквивалентной 45 центам за штуку — еда маньчжурских бедняков), черную икру (импортируемую по дешевке из СССР, который из-за дипломатической изоляции испытывал в 20-е годы трудности с ее продажей) и водку «Нега» местного производства. В кафе «Марс» подавали французские пирожные, а в ресторане «Алькасар» посетители блаженствовали на балконах, поддерживаемых греческими колоннами, наслаждаясь фонтанами и эстрадным представлением на вращающейся сцене. Цыганские мелодии, которые звучали в кабаре «Фантазия», перекликались с подспудной тоской эмигрантов, живших продажей вывезенного имущества и боявшихся думать о будущем. На Путевой день и ночь трудились русские проститутки.

Как вырезанная из организма часть, которая и после его смерти может долго храниться в формалине, существовала харбинская эмиграция — жизнеподобный фрагмент дореволюционной эпохи.

Харбин не испытывал недостатка в эмигрантских организациях. Разумеется, были представлены обе монархические фракции: генерал Владимир Александрович Кислицын возглавлял Союз легитимистов, поддерживавший великого князя Кирилла Владимировича, генерал-лейтенант Григорий Афанасьевич Вержбицкий руководил маньчжурским отделением Русского общевойскового союза, ратовавшего за великого князя Николая Николаевича. Много было казацких групп. Атаман Григорий Семенов, прохладившийся на дайренской вилле под японским покровительством, назначил заместителями над своими людьми в Харбине генералов Алексея Прокловича Бакшеева и Льва Филипповича Власьевского. Если забайкальские казаки были в основном подчинены Семенову, отряды оренбургских и енисейских казаков сохранили некоторую независимость. Генерал Владимир Дмитриевич Косьмин, возглавлявший маньчжурское отделение террористической организации «Братство русской правды» с центром в Берлине, командовал группой молодых смертников, которые пытались осуществлять акты диверсии в Восточной Сибири и советском Приморье.

В Харбине было больше военизированных эмигрантских организаций, чем в любом другом городе Дальнего Востока, и их присутствие создавало там горячую контрреволюционную атмосферу, что отличало этот город от Шанхая и Тяньцзиня. Многим харбинцам освобождение России от большевизма представлялось близкой реальностью; детей, родившихся после революции или вывезенных из России в младенческом возрасте, учили, что нужно готовиться к освободительной войне.

Конечно, не все харбинские русские мечтали о контрреволюции. Многие устали от насилия и были не прочь обосноваться в Маньчжурии надолго. Некоторые обвиняли Японию, Англию, Францию и Соединенные Штаты за то, что их интервенция во время гражданской войны породила несбыточные надежды и лишила родины тысячи русских, которые иначе спокойно жили бы при советском режиме.

Стратегическое положение и неопределенный статус Маньчжурии привлекали в Харбин тучи советских представителей. Дипломатический нажим Москвы был связан с ее притязаниями на КВЖД, которая оказалась предметом спора из-за падения царского правительства, appetитов Чжан Цзо-линя и твердой антикоммунистической позиции железнодорожных служащих, которые отказывались уступать свои посты советским ставленникам. Кроме того, посланцы Кремля всячески склоняли китайские власти высылать так называемых белогвардейцев, участвовавших во враждебных действиях против СССР, предпринимаемых с территории Маньчжурии.

Советские агенты не жалели сил, сея смятение и раздор в русской эмигрантской колонии. Было применено несколько тонких тактических приемов, и все с успехом. Пропагандисты соблазняли эмигрантов сладкими речами о «строительстве новой, достойной жизни» на родине. Сотрудники ЧК внедрялись в эмигрантские организации, особенно в те группы, которые пытались засылать в СССР диверсантов. Партизаны, переходившие советскую границу, редко возвращались назад. Их имена, цели и маршруты были известны советским органам безопасности наперед, и на границе их уже ждали. Так широка была сеть шпионов Москвы, что время от времени для инструктивных совещаний *in situ** использовалась православная церковь. Священник-то был марксист-ленинец.

* На месте (лат.).

Русские эмигранты мало что могли сделать для защиты от советского проникновения. По природе своей склонные к сварам, эмигранты становились легкой добычей, и выявить советского агента было очень трудно. Более двадцати тысяч харбинских русских имели советские паспорта. Многие взяли их просто для удобства. Это были так называемые «редиски» (красные снаружи, белые внутри), работавшие на КВЖД, над которой СССР установил, наконец, контроль в 1924 г., и требовалось какое-то шестое чувство, чтобы отличить настоящую «редиску» от мнимой.

Повсеместное советское проникновение приводило многих эмигрантов в состояние хронической подозрительности, граничившей с паранойей. «Красный агент», «шпион Коминтерна» — эти слова то и дело звучали в разговорах, и почти каждого харбинского общественного деятеля — будь то социалист, либерал, монархист, казак или фашист — противники в какой-то момент объявляли шпионом Кремля. Независимо от того, подтверждались эти обвинения или нет, они раздирали общество на части.

Советское присутствие в Харбине стало еще заметнее в 1929 г., когда Красная армия временно оккупировала некоторые северные районы Маньчжурии в ответ на неудачную попытку Китая установить контроль над КВЖД. Влияние Москвы росло и в других частях Китая — во всяком случае, так считали эмигранты, приписывая этот рост советской политике благосклонного невмешательства в попытки Чан Кай-ши объединить страну под властью Гоминьдана. А если еще учесть подъем националистических настроений среди маньчжурских китайцев, то всего этого было достаточно, чтобы вызвать у русских эмигрантов грызущее чувство беспокойства. Они видели, что могут пасть жертвой прагматического альянса советских коммунистов и китайских националистов, и некоторые стали с надеждой поглядывать на Японию, которая могла остановить то, что они считали большевизацией Китая.

Гремучая смесь красных и белых была только одним из компонентов изменчивой харбинской атмосферы. В городе процветала контрабанда. Произведения искусства, меха и драгоценности, конфискованные большевиками во время революции, просачивались через Сибирь в Харбин и там продавались. Княжна Ольга Бодиско увидела в витрине советского магазина на Китайской

фарфоровый чайный сервиз ее матери. Искусство соединялось с наркотиками. Корейские и японские дельцы везли опиум из района Уссури и продавали китайским и русским торговцам, которые обслуживали растущую местную клиентуру. Вокруг так и вились «тайрику ронин» (странствующие самураи на континенте) и японские уголовники — их отличало странное сочетание идеализма и жадности, которыми будет пропитано все японское правление в Маньчжурии после 1931 г.

К началу 30-х годов Харбин уже стоял на грани анархии. Мужчин было в нем вдвое больше, чем женщин. Количество смертей среди русских находилось в таком же отношении к количеству рождений, что объяснялось абортными, убийствами и алкоголем. Безудержные грабежи и похищения людей (иногда при потворстве полиции) вынуждали состоятельных граждан нанимать телохранителей. Джордж Чарльз Хэнсон, длительное время занимавший пост американского консула в Харбине, держал на письменном столе заряженный пистолет. Умные игроки в гольф вооружали подносчиков мячей автоматами. Тем, кто уехал из Харбина, едва ли не любой другой город казался просто раем. Один человек, который благополучно перебрался в Лос-Анджелес, с облегчением вздыхал: «Как это прекрасно — выйти на прогулку и знать, что никто не притаился в засаде, чтобы тебя подстрелить».

Но все тревоги Харбина бледнели по сравнению с тем, что творилось в его окрестностях, где свирепствовали хунхузы, или «краснобородые» (бандиты, красивые для устрашения бороды), наводнившие всю Маньчжурию. Каждая банда хунхузов имела свою зону влияния, в которой она пользовалась невидимой, но очень осязаемой властью. Агентом хунхузов мог оказаться и приближенный Чжан Цзо-линя, и служащий банка или торговой палаты, и личный слуга, и хозяин гостиницы, и кучер, и владелец джонки. Бандиты имели постоянный доход, заставляя крестьян и торговцев платить за «безопасность». Время от времени они совершали набеги на поезда, предпочитая КВЖД, которая охранялась хуже, чем ЮМЖД, находившаяся в руках японцев. Хунхузы убивали охрану, но сохраняли жизнь пассажирам, не оказывавшим сопротивления, освободив их от имущества. Это было не великодушие, а дальновидность: те же самые пассажиры могли отправиться в путь еще раз, чтобы снова быть ограбленными. Пассажиры со стажем воспринимали набеги хунхузов фило-

софски. Генри В. Кинни во время встречи с бандитами в 1934 г. на Азиатском экспрессе, курсировавшем по ЮМЖД, был раздет до нижнего белья. Но он продолжал работать на этой железной дороге, будучи уполномоченным по внешним связям.

Чжан Цзо-линь относился к хунхузам прохладно — вероятно, они слишком напоминали ему о его собственном прошлом. Обычно он их не трогал, если они не зарились на то, что он считал источником своего законного дохода. По временам, однако, Старый Маршал вершил скорый суд, напоминая бандитам, что всему есть предел. Пойманным преступникам вспарывали животы, а потом их ударяли сзади — получалось яркое и, как считалось, поучительное зрелище.

Хотя в харбинской русской колонии было несколько богатых семей и выделился небольшой средний класс, основная часть эмигрантов жила в стесненных условиях. А тысячи самых неудачливых, которые приехали из Сибири без имущества и связей, оказались в крайней нищете. С ними, ютившимися в Нахаловке, избегали встреч соотечественники, которые поселились и разбогатели в Харбине до 1917 г. Более половины взрослых русских мужчин были безработными. Женщины, чтобы кормить семью, соглашались на самую черную работу. Дети беженцев учились просить милостыню на разных языках. На улицах попадались девочки в ситцевых платьях, торговавшие собой по повременной таксе.

Эмигрантам, доведенным нищетой до отчаяния, не нужно было долго искать козлов отпущения.

«Поглядите на богатых евреев! У них и магазины, и банки, и отели. Они жиреют на наш счет, а русские дети нищенствуют и торгуют собой на улицах!»

«Поглядите на красных! Они убили нашего Государя. Они осквернили наши святыни. Они лишили нас отечества. Теперь они и в эмиграции не дают нам жить!»

Являя собой сочетание ярого антисемитизма с антикоммунизмом и хорошей дозой русского национализма, фашизм «местного разлива» в 20-е годы ударил в голову некоторым молодым маньчжурским эмигрантам. С благословения японцев из него в 30-е годы вышло такое зелье, которое вызвало припадок буйства у одних и лишило сна других русских эмигрантов по всему Дальнему Востоку. Кумиром русских фашистов стал Бенито Муссолини. Своим дуче — а по-русски вождем — они выбрали Константина Родзаевского.

ПАРЕНЬ ИЗ БЛАГОВЕЩЕНСКА

О, дайте, дайте мне свободу,—
Я мой позор сумею искупить:
Спасу я честь свою и славу,
Я Русь от недруга спасу!

А. П. Бородин, «Князь Игорь»

Константин Владимирович Родзаевский родился в Благовещенске 11 августа 1907 г. Семья Родзаевских принадлежала к малочисленному и хрупкому слою, вконец погубленному революцией,—сибирскому среднему классу. Владимир Иванович, отец Константина, был человеком задумчивым и деликатным, имел юридическое образование и занимал скромную должность нотариуса. Мать, Надежда Михайловна, происходила из семьи коренных жителей Благовещенска и целиком посвятила себя воспитанию детей — Константина, его младшего брата Владимира и двух сестер, Надежды и Нины.

Во время гражданской войны красные и белые устроили в Благовещенске настоящую мясорубку, но Родзаевским удалось тихо пересидеть. Они, может быть, и выросли бы в социалистическую систему, но в 1925 г. Константин вздумал сбежать в Маньчжурию.

Что побудило восемнадцатилетнего юношу покинуть свой дом и свою страну? Была ли здесь, как он писал Сталину в 1945 г., обида на то, что он не мог попасть в высшее учебное заведение, несмотря на членство в комсомоле и рекомендацию школьного совета? Или буржуазно-интеллигентское происхождение, как утверждал государственный обвинитель на московском процессе в 1946 г., склонило его к государственной измене? Или он, как намекали его противники и недоброжелатели, был послан в Маньчжурию ОГПУ, чтобы внедриться в белогвардейские организации и разложить их изнутри? Обстоятельства побега Родзаевского через Амур неизвестны.

В 1926 г. мать Родзаевского узнала, что ее блудный сын находится в Харбине, и даже выхлопотала от советских властей выездную визу, чтобы к нему поехать. Она умоляла его вернуться, но Константин был непреклонен. Смирившись с неудачей, она вернулась в СССР одна, и эта их встреча оказалась последней.

В 1928 г. по неясным причинам Владимир Иванович, отец Родзаевского, совершил неожиданный побег из Благовещенска в Харбин, захватив с собой младшего сына Владимира. Надежда Михайловна и ее две дочери Надежда и Нина были немедленно арестованы ОГПУ и отправлены в Туруханск, расположенный на Енисее, в 1600 км к северо-западу от Иркутска. Искусная швея, она два года зарабатывала этим на жизнь себе и дочерям. В 1930 г. она заболела тифом и умерла на руках у местного врача, влюбленного в ее старшую дочь Надежду. Через некоторое время молодые люди поженились и в конце концов переехали в Москву. Судьба Нины неизвестна. Два Владимира, отец и сын, нашли работу и тихо жили в Харбине. Константин, причина всех гонений, испытанных семьей от советской власти, стал фашистом.

В Харбине Константин Родзаевский поступил в юридический институт. Там были замечательные преподаватели, в прошлом работавшие в различных российских университетах, в том числе такие яркие личности, как Валентин Рязановский, крупный специалист по китайскому и монгольскому праву, и Николай Васильевич Устрялов, лидер сменовеховства — движения, проповедовавшего в начале 20-х годов примирение эмиграции с советским правительством. На Родзаевского, однако, оказали влияние два откровенных националиста-антикоммуниста: Георгий Константинович Гинс и Николай Иванович Никифоров.

Гинс, который в 1918—19 гг. участвовал в недолго продержавшемся Омском правительстве адмирала Колчака, а в 1921 г. издал записки о сибирской интервенции, был солидаристом и восхищался Муссолини. Он с восторгом говорил о возрождении Италии под властью дуче и верил, что корпоративное государство является жизнеспособной альтернативой классовой борьбе и диктатуре пролетариата. В своих лекциях с институтской кафедры Гинс доказывал, что фашизм годится для любой страны, даже для многонациональной России. Он изложил свои взгляды в книге, изданной в 1930 г. под названием «На путях к государству будущего: от либерализма к солидаризму».

Если Гинс был теоретиком, то профессор Никифоров — практиком, и его в основном занимали конкретные политические реальности. Он с негодованием говорил о растущем советском присутствии в Харбине, причем

особенно зловещими он считал просоветские тенденции в самом юридическом институте. Финансируемый администрацией КВЖД, где преобладали советские чиновники, институт полностью зависел от доброй воли Москвы. Большая часть преподавателей и студентов (последние — в основном дети служащих КВЖД) имела советские паспорта. Студенты и преподаватели без гражданства (а Гинс и Никифоров были именно в таком положении) чувствовали себя слабым и уязвимым меньшинством. Желая объединить эмигрантов на антикоммунистической основе, Никифоров в 1927 г. организовал Союз национальных синдикатов русских рабочих.

Гинс и Никифоров, по существу, только давали выход зачаточным фашистским импульсам, проявлявшимся у студентов и без них. Уже летом 1925 г. несколько студентов института начали делиться друг с другом восторгами по поводу Муссолини и его чернорубашечных *squadristi*. Дисциплинированные, крепкие и решительные, *squadristi* стали для этих молодых русских образцом, которому они хотели следовать в своих собственных попытках противостоять советскому влиянию в студенческой среде. Фашизм, кроме того, привлекал их возможностью бросить перчатку старшему поколению эмигрантских лидеров в Харбине.

Трое студентов — Евгений Кораблев, Александр Покровский и Борис Румянцев — были инициаторами неформальных встреч, на которых вскоре возникла Российская фашистская организация (РФО). Молчаливый и задумчивый Кораблев был специалистом по сочинению платформ и лозунгов. Долговязый, близорукий блондин Румянцев бегло говорил по-китайски и имел связи в окружении маршала Чжана. В слабом теле Покровского таилась неукротимая нервная энергия; бледный, с густой шевелюрой и задиристо топорщившимися на выдвинутой вперед верхней челюсти усами, он неутомимо сновал среди студентов и служащих КВЖД в поисках поддержки.

Когда в сентябре 1925 г. молодой беглец Родзаевский добрался до Харбина, в стенах юридического института как раз начали ощущаться фашистские вибрации. Он без колебаний вошел в РФО и (в 1927 г.) в Союз профессора Никифорова. С самого начала парень из Благовещенска повел себя как их будущий «вождь».

В наружности Родзаевского не было ничего примечательного. При росте 180 см он весил всего 63 кг —

вероятно, из-за плохого питания. Лицо у него было бледное и худое, глаза — голубые, немигающие; над высоким лбом — копна темно-рыжих вьющихся волос. Зачаточная борода стыдливо прятала скошенный подбородок. Руки у него были почти женские, с красиво вылепленными пальцами.

Несмотря на заурядную внешность, в Родзаевском чувствовалась притягательная сила. Он буквально излучал энергию. Казалось, он живет в постоянном движении — бежит, плывет, шагает, жестикулирует. Когда он был чем-нибудь растроган или просто в ударе, он бросался к пианино и принимался неровным баритоном петь арию князя Игоря. От возбуждения по его лицу пробегала широкая беспричинная улыбка, а подчас на него нападал неуправляемый нервный смех. Гнев искажал его голос, но широкие и как бы удивленные глаза оставались неподвижны. Он не курил и не пил — мог только сделать пару глотков, чтобы уважить компанию.

Когда Родзаевский был на людях, он старался вести себя по образцу Бенито Муссолини. С заметным успехом копируя жесты и риторику дуче, он прослыл страстным оратором, правда с замашками оперного певца. Даже сойдя с трибуны, он разговаривал в быстрой и отрывистой манере, из-за чего самые пустяковые вещи звучали как нечто важное. Как и Муссолини, Родзаевский был начитан в европейской истории и литературе.

Главными слабостями Родзаевского являлись импульсивность и доверчивость. Решения он принимал мгновенно. Друзья называли его непрактичным. Блестящий демагог, он был наивен и гипнотизировал своими речами в первую очередь себя же. Предельно откровенный, он не понимал, что кто-то может воспользоваться его легковерием.

Вскоре после приезда Родзаевского в Харбин в РФО вступил другой человек, сыгравший потом важную роль в русском фашистском движении. Михаил Алексеевич Матковский был сыном царского генерала, который, командуя одним из колчаковских корпусов на Урале, в 1919 г. был разбит и взят в плен красными. Молодой Матковский из кадетского корпуса сразу попал в штаб к отцу, но избежал его судьбы. Оказавшись в Маньчжурии, он недолго проучился в харбинском политехническом институте, а затем перешел в юридический, где

и познакомился с профессором Никифоровым и его молодыми подопечными.

Матковский являл собой полную противоположность Родзаевскому. У него была высокая крепкая фигура, широкое и открытое лицо, обрамленное небольшими светло-коричневыми бакенбардами, и маленькие, аккуратно подстриженные усы. Если Родзаевский был мистиком, то Матковский — реалистом. Первый стремился находиться в центре внимания, второй — наблюдать. Родзаевский лез на рожон; Матковский всегда просчитывал последствия. Шумный, эмоциональный и вспыльчивый, Родзаевский часто ставил в тупик и близких друзей. Матковский тактом и обходительностью добивался своего даже от врагов (и, кажется, от их жен). Родзаевский был убежденным фашистом, ярким антисемитом, воинствующим антикоммунистом. Матковский был прагматиком, безразличным к расистским догмам; во главу угла он ставил полезные связи с сильными мира сего, будь то китайцы, японцы или даже советские. Если Родзаевский возглавлял русское фашистское движение, то Матковский укреплял его. Каждый, чувствуя соперничество, относился к другому с недоверием, но по отдельности они не смогли бы добиться успеха. Двадцать лет они, пряча разногласия, работали бок о бок.

Взбурдаженная речами Родзаевского, РФО под умелым политическим руководством Матковского скоро стала в институте заметной силой. Объединяя несколько десятков студентов, она вела борьбу с просоветскими группами, а в январе 1927 г. обнародовала «Тезисы русского фашизма» — крепкий коктейль из итальянской напыщенности и антикоммунистической желчи. Стараясь использовать для пропаганды среди русских эмигрантов Харбина все возможности, соучредитель РФО Румянцев широко рекламировал напечатанную 21 ноября 1926 г. фашистскую листовку под названием «Наши требования», которую читали далеко за пределами института.

Одним из первых союзников РФО стала антикоммунистическая юношеская харбинская группа «Национальная организация русских мушкетеров», сокращенно — НОРМ или «Мушкетеры». Основанная примерно в 1924 г. неким В. С. Барышниковым, НОРМ была чем-то вроде подросткового рыцарского ордена, ратовавшего за «свободную Россию» и православие. Фор-

ма мушкетеров состояла из черных рубашек, черных ремней с кисточками, черных расклешенных брюк и серебряных мальтийских крестов, носимых на шее или изображаемых на нарукавных повязках. Многие мушкетеры, когда подросли, вступили в РФО, и две организации все время тесно сотрудничали.

РФО расширилась и действовала все активнее. Окончив институт, Матковский пошел работать на КВЖД и принялся организовывать среди русских железнодорожников фашистские ячейки. В Тяньцзинь и Шанхай были посланы агенты с целью создания фашистских клубов. По Маньчжурии и Китаю циркулировали листовки с призывами к российской Национальной Революции. Какая-то часть литературы переправлялась в Советский Союз. Чтобы вывести врага из равновесия и привлечь к себе внимание, 7 ноября и 1 мая РФО устраивала шумные демонстрации у советского консульства в Новом городе, называя эти дни соответственно «днем измены» и «днем эксплуатации».

Москва немедленно приняла против нарушителей спокойствия контрмеры. Маршалу Чжан Цзо-линю и его сыну Чжан Сюэ-ляну (Молодому Маршалу) в резких выражениях напомнили, что Пекинское соглашение 1924 г., по которому были установлены китайско-советские дипломатические отношения, запрещает существование в Китае групп, имеющих целью свержение советского правительства. Чжанов постоянно склоняли к высылке «белогвардейцев» в СССР. Правители доброжелательно кивали, изображали жестами согласие и поступали по-своему. Без сомнения, они с иронией воспринимали советское беспокойство о возможности революционного переворота. Действительно, к 1930 г. РФО стала миниатюрным зеркальным отражением Коминтерна — международным братством радикалов, готовящим революцию в Советском Союзе. Молодые харбинские фашисты были благодарны китайским покровителям. Портреты обоих Чжанов висели в штаб-квартире РФО и Новом городе.

Советское влияние, однако, всерьез ощущалось в юридическом институте, финансируемом в основном за счет КВЖД. В 1928 г., перед самым выпуском, Родзевский был вызван по дисциплинарному вопросу на институтский совет. Константин Владимирович возглавлял демонстрацию, во время которой с главного здания института был сорван советский флаг. Он объявил

этот поступок актом протеста, выразившим волю русских студентов-эмигрантов, для которых серп и молот символизировали ненавистное постороннее вмешательство в студенческую жизнь.

Родзаевский предстал перед советом, и, согласно слухам, произошел следующий диалог:

Председатель: Назовите себя.

Родзаевский: Я — Константин Владимирович Родзаевский, вождь российских фашистов.

Председатель (с иронической улыбкой): А как прикажете это понимать?

Родзаевский (не моргнув глазом): Бенито Муссолини — глава итальянских фашистов, а я — глава российских фашистов.

Результатом разговора явилось исключение Родзаевского из института.

Последнее слово, однако, осталось за ним. Когда в 1929 г. из-за конфликта с молодым маршалом Чжаном советское давление на институт на время ослабло, он быстро восстановился и получил диплом. Злые языки поговаривали, что Родзаевский добился своего угрозами, но достоверных подтверждений этому нет.

По словам близкого друга, поведение начальства разозлило Родзаевского не на шутку, но он держал язык за зубами. Все это не имело, однако, большого значения, ибо в его начинавшейся тогда карьере документы о высшем образовании не играли почти никакой роли.

Зарождение Русской фашистской партии

Возмущенные советским вмешательством в дела Маньчжурии и осмелевшие от потворства китайцев, активисты РФО, составившие фракцию в Союзе профессора Никифорова, решили создать постоянно действующую организацию на широкой основе и вовлечь в нее эмигрантов со всего Дальнего Востока. Они начали готовить учредительный съезд новой партии, на который были приглашены молодые люди из русских коммун Маньчжурии, Китая и Японии.

Первый съезд русских фашистов (так он был назван) открылся 26 мая 1931 г. в Харбине, в доме Фишера на Диагональной. Формально собрание считалось конспиративным, но, возможно, оно проходило с ве-

дома китайских властей. Несколько десятков делегатов, возглавляемые Родзаевским, Матковским, Румянцевым, Покровским и Кораблевым, объявили о создании Русской фашистской партии (РФП). Председателем партии был избран бывший царский генерал, организатор партизанских действий внутри Советского Союза Владимир Дмитриевич Косьмин. Но этот фотогеничный человек, обладавший звучным воинским званием, был только номинальным главой РФП. Бразды правления сосредоточил в своих руках центральный комитет, где заправляли те же самые молодые люди, которые возглавляли упраздненную теперь РФО. Родзаевский, по примеру Сталина, взял себе пост генерального секретаря, который у фашистов, так же как и у коммунистов, оказался ключевым.

Программа РФП, составленная Родзаевским и Кораблевым, открывалась утверждением о неминуемой гибели советского режима. Враждебные силы (какие — не уточнялось) угрожают СССР с запада и востока. Кремлевские правители, как было сказано, изолировали себя от простых людей, которые на родине стонут от насильственной коллективизации, а за границей терпят унижения со стороны «еврейско-большевистского интернационализма». В России назревает великое народное пробуждение, которое скоро перерастет в антикоммунистическую и антикапиталистическую Национальную Революцию.

Только фашизм, продолжала программа РФП, отвечает насущным нуждам России. Объявляя высшей ценностью нацию, фашизм может воздействовать на умы людей и мобилизовать на Национальную Революцию широкие массы. Белогвардейцы старого закала, которые «дрались штыками, а не идеями», показали свою способность к решению столь грандиозной задачи. Священный долг российских фашистов, объединенных под знаменем РФП, вооруженных лозунгом «Бог, нация, труд», — возглавить Национальную Революцию.

Формулируя программу РФП, Родзаевский обращался к различным слоям политически неоднородной эмиграции. В первую очередь стараясь привлечь монархистов, все еще самую сильную группу русской диаспоры, он уверял их, что в фашистской России мечта о реставрации Романовых воплотится в жизнь. При всем том Родзаевский предпочитал не углубляться в династические споры. Меньше всего ему хотелось участвовать в сва-

рах монархистов по поводу прав на несуществующий трон.

И в других отношениях, если не считать недвусмысленно выраженной оппозиции советскому режиму, программа РФП определяла конечные цели партии лишь в очень общих выражениях. Классовая борьба отвергалась, провозглашалось сотрудничество классов. Интернационализм был объявлен орудием евреев и капиталистов, вместо него выдвигался русский национализм. Следовало распустить колхозы и восстановить частную собственность, но размер богатства в одних руках сочли нужным ограничить. Возвращение к Богу и духовным ценностям должно было помочь вырвать с корнем сорную траву атеизма и материализма, но возрожденной православной церкви предстояло существовать отдельно от государства. Следовало укреплять семью как основу нации, но и защищать достоинство женщин. Следовало уважать права национальных меньшинств, но евреи объявлялись «нежеланными гостями». Фашистской России предстояло подняться на такой высокий уровень благосостояния и социальной справедливости, что соседние страны (Финляндия, Латвия, Польша, Румыния, Болгария, Персия, Афганистан и Монголия) сами должны были стремиться к включению в ее состав, что в конце концов привело бы к образованию великой евразийской империи.

При всем эклектизме программы Родзаевский неустанно подчеркивал приверженность РФП принципам итальянского фашизма как основе будущей социально-экономической системы России. Фашизм тут означал корпоратизм: устранение классовых конфликтов путем примирения труда и капитала, рабочего и предпринимателя в рамках корпоративного государства. Родзаевский предполагал, что в фашистской России «созидательные силы нации» будут организованы в национальные союзы и национальные корпорации. Национальные союзы будут состоять из людей одной профессии, национальные корпорации — объединять членов разных национальных союзов, занятых в определенном секторе экономики. Например, на металлургическом заводе сталевары, доменщики, инженеры и администрация будут принадлежать к разным национальным союзам, но при этом все они будут состоять в национальной корпорации металлургической промышленности. Выборные депутаты от союзов и корпораций, наряду с

членами фашистской партии, должны образовать органы власти — иерархическую структуру местных, региональных и национальных советов. Вершиной пирамиды должен стать верховный совет, называемый Всероссийский земский собор и состоящий из высших народных представителей.

Будущая роль Русской фашистской партии — деликатный вопрос для монархически настроенных членов движения — была сознательно оставлена неопределенной. Родзаевский говорил о «федеративном государстве», которое должно возникнуть, когда прочно утвердятся национальные союзы и корпорации. До этого должна сохраняться «временная диктатура» партии. Предполагалось, что председатель РФП будет главой государства в переходный период. Хотя в то время высший пост в РФП занимал генерал Косьмин, мало кто сомневался, что роль вождя фашистской России Родзаевский предназначал себе.

Несмотря на корпоративистскую лексику, идеология РФП существенно отличалась от итальянского фашизма и немецкого национал-социализма. Муссолини и Гитлер, утверждал Родзаевский, борются с капиталистическим хаосом и либеральным декадансом; их цели — дисциплинировать личность и централизовать экономику. Напротив, российские фашисты стремятся одолеть репрессивный большевистский режим, и, следовательно, их задача — освободить личность и децентрализовать экономику. И, что самое главное, глубоко религиозный характер российского фашизма резко отличает его от итальянского и немецкого безбожия. Только «христианский фашизм» может спасти мятущуюся русскую душу.

Подчеркивая национальную природу фашизма, идеологи РФП выискивали в русской истории его предшественников. Член РФП Николай Иванов провозгласил московского князя Ивана Калиту родоначальником русской фашистской традиции, поскольку тот сделал Москву религиозным центром Руси. Геннадий Тараданов, другой партийный публицист, объявил Земский собор шестнадцатого и семнадцатого веков зародышем современного корпоративного государства. А. И. Спиридович, бывший царский генерал и гордость РФП, указывал, что идея Муссолини о контролируемом государством профсоюзах была сформулирована еще в 1901 г. шефом московской полиции Сергеем Зубатовым. Иные говорили, что и свастика (эмблема РФП) имеет

русское происхождение. Утверждалось, что последняя царица Александра Федоровна в конце жизни придавала особое значение этому символу и начертала его на дверном косяке в доме, где она и вся ее семья были преданы смерти.

Антисемитизм был одним из важнейших «исконных» элементов программы РФП. Хотя Матковский и сомневался в практичности такой платформы, Родзаевский ревностно проповедовал черносотенную теорию «жидомасонства». Идеологи РФП называли советскую систему «еврейским государственным капитализмом», а партийный лозунг гласил: «Против еврейского фашизма СССР — наш российский фашизм РФП!» Подробные родословные советских лидеров составлялись с такой же тщательностью, какую проявляли гитлеровские специалисты. Из антисемитского издания Юлиуса Штрайхера «Der Stürmer» перепечатывались карикатуры, изображавшие кремлевских лидеров с подчеркнuto еврейскими чертами лица. Особого внимания были удостоены еврей-коммунисты Троцкий (Бронштейн), Зиновьев (Апфельбаум), Каменев (Розенфельд), Каганович и Радек. ОГПУ называли «сионистским гнездом». О Ленине говорили как о «полуеврее». Даже Сталин, которого трудно было заподозрить в юдофильстве, был назван «наложницей американских капиталистов и евреев».

Можно говорить о некоей «русской линии», к которой Родзаевский старался не привлекать внимания и суть которой заключалась в имитации строения и идеологии ВКП (б). Тезис Ленина о том, что партия должна быть авангардом революции, харбинские фашисты (может быть, и не осознавая этой преемственности) сделали одним из своих главных принципов; в обиходе РФП были термины «центральный комитет», «генеральный секретарь», «партийная ячейка», «верховный совет», «трудящиеся массы», «боевая солидарность» и т. д., напрямую позаимствованные из лексикона коммунистов. Российские фашисты взяли на вооружение большевистские песни, сочиняя на их музыку новые тексты. Они, однако, постеснялись использовать обращение «товарищ», заменив его словом «соратник», имеющим скорее военное, чем политическое звучание.

Что верно, то верно — звук фашистского горна, оповестивший всех о начале новой эры, получился тонким и неуверенным. Как же смогут две сотни студентов,

железнодорожных служащих, торговцев и учителей сломить двухмиллионную сталинскую партию? Родзаевский уклонялся от ответа на этот вопрос — отчасти потому, что не хотел связывать себя какой-либо конкретной революционной стратегией, отчасти потому, что ответа у него и не было. В то время пропаганда РФП в основном ограничивалась предсказаниями неминуемого краха СССР. Но даже самый доверчивый из «соратников» знал, что без существенной поддержки извне русское фашистское движение будет не более чем патетическим маскарадом.

Родзаевскому не пришлось долго ждать такой поддержки. Еще до конца 1931 г. Япония вторглась в Маньчжурию, предоставив для деятельности русских фашистов доселе немыслимые возможности.

Глава V

ЯПОНСКАЯ ЛИНИЯ

Японское наступление, предпринятое по гуманным мотивам, не следует считать корыстной агрессией.

Представитель японского правительства (1938 г.)

Японское присутствие в Маньчжурии началось после победы Японии в войне с Россией в 1904—5 гг. По Портсмутскому мирному договору, подписанному 5 сентября 1905 г., к Японии переходили: российские права и концессии в Южной Маньчжурии; право аренды Квантунской территории площадью в 3300 квадратных километров на Ляодунском полуострове, включая Дайрен и Порт-Артур; узкая зона вдоль железной дороги от Порт-Артура до Чанчуня, расположенного в 240 километрах к югу от Харбина. Чтобы управлять всем этим хозяйством, Токио учредило пост генерал-губернатора Квантунской территории. Ответственность за экономическое развитие Квантунской территории и железнодорожной зоны была возложена на полуправительственную организацию под названием «Южно-Маньчжурская железнодорожная компания». Для защиты японских владений и интересов императорская армия произвела на свет жуткое, временами становившееся полуавтономным детище — Квантунскую армию.

В 20-е годы целый ряд факторов побуждал Японию

к подготовке односторонней акции в Маньчжурии. Впервые, поднимавшаяся волна китайского национализма угрожала добытым Японией с таким трудом привилегиям и ее инвестициям. Кроме того, Советский Союз сознательно обострял «китайскую проблему» посредством подрывной дипломатической деятельности, коминтерновской пропаганды и военных приготовлений в Сибири и Внешней Монголии. Далее, американскую экономическую экспансию на Дальнем Востоке, прикрытую банальной риторикой о политике открытых дверей, японцы, которым постановлением от 1924 г. было в унижительной форме отказано в праве на иммиграцию в США, считали опасной, а риторику лицемерной. Смятение и беспокойство порождались в Японии и внутренними неурядицами. Стремительная индустриализация приводила к экономическим диспропорциям и социальной напряженности. Мировая экономическая депрессия подорвала экспорт шелка и тем самым разорила многие сельские общины. Политики-ультранационалисты и молодые активисты из военных, движимые популистскими настроениями, подвергали яростным нападкам «продажных» предпринимателей, партийных лидеров и даже высшее командование императорской армии и военно-морского флота. После 1930 г. вся эта сложная смесь факторов породила стихийное движение за континентальную экспансию с целью обеспечения безопасности и независимости. Когда Квантунская армия начала свои действия в Маньчжурии, на них в целом благожелательно смотрели и правительство, и партии, и широкие слои населения.

Квантунская армия базировалась в Порт-Артуре, и в 20-е годы ее главной задачей была защита Квантунской территории и зоны Южно-Маньчжурской железной дороги. Но ряд офицеров Квантунской армии, в особенности среднего звена, вынашивал более амбициозные планы. Движимые паназиатским идеализмом, ощущением исходящей от Запада и СССР угрозы и верой в японскую миссию в Восточной Азии, эти люди загорелись идеей отделения Маньчжурии от Китая и создания независимого государства, очищенного от внутрияпонской либерально-капиталистической заразы.

В конце 20-х годов подобные мысли стали переходить в действия, совершаемые независимо от токийского военного командования. В 1928 г. полковник Комото Дайсаку уничтожил Чжан Цзо-линя, взорвав его поезд, поскольку

Старый Маршал начал в своей жадности становиться неуправляемым; полковник Доихара Кэндзи за голову-кружительные интриги, исходившие из возглавляемого им «Токуму кикан» («органа особого назначения»), сверхсекретного подразделения при втором (разведывательном) отделе генерального штаба императорской армии, был прозван «маньчжурским Лоуренсом»*.

18 сентября 1931 г. начальник второго отдела полковник Итагаки Сэйсиро и его помощник подполковник Исивара Кандзи подстроили инцидент, который дал Квантунской армии возможность захватить всю территорию Маньчжурии. Инсценировав взрыв на железной дороге близ Мукдена (бывшего Фынтяна, расположенного в 350 милях к юго-западу от Харбина), они создали повод для нападения на местные китайские гарнизоны.

Токийские лидеры, хотя и призывали к сдержанности, санкционировали переброску подкреплений из Кореи, что позволило Квантунской армии распространить свои действия на всю Маньчжурию. Мукден был взят в двадцать четыре часа. Заняв в течение последующих трех недель Гирин и Чанчунь, японцы тем самым установили свой контроль над всей Южной Маньчжурией. После того как части Квантунской армии 18 ноября вошли в Цицикар, Северная Маньчжурия тоже оказалась в ее руках. Харбин держался до 5 февраля 1932 г., хотя «Лоуренс» Доихара и его помощники из «Токуму кикан» два или три месяца вели подрывную работу в городе.

Отбросив Молодого Маршала Чжан Сюэ-ляна далеко на юг к Великой Стене, Квантунская армия переключилась на подготовку завоеванной территории к обретению «независимости». Японская пропаганда преподносила события, последовавшие за мукденским инцидентом, как стихийное восстание «народа Маньчжурии» с целью свержения ненавистного китайского владычества — справедливое дело, которому Япония не могла не способствовать. 18 февраля 1932 г. китайские коллаборационисты под диктовку командования Квантунской армии провозгласили отделение Маньчжурии от Китайской республики или, точнее, выход ее из подчинения нанкинскому правительству Чан Кай-ши. 1 марта в Чанчуне

* Томас Эдвард Лоуренс (1888—1935) — английский офицер, сыгравший важную роль в восстании арабов против турецкого владычества на Ближнем Востоке во время первой мировой войны (*прим. перев.*).

(переименованном в Синьцзин, что означает «новая столица») было объявлено о создании формально независимого государства — Маньчжоу-Го. Чтобы придать этому видимость законности, Квантунская армия вытащила на свет реликт — последнего китайского императора Шуан-туна из Маньчжурской династии, известного также под именем Генри Пу-и. Отрекшись от престола в 1912 г. в семилетнем возрасте, Пу-и спокойно жил в Тяньцзине. 10 ноября 1931 г. усилиями «Лоуренса» Доихары бывший «Сын Неба» был помещен в багажник черного «родстера», доставлен на борт японского торгового судна и в конце концов прибыл в Синьцзин. После небольшого натаскивания слегка сконфуженный молодой человек был в 1938 г. формально возведен на трон в качестве императора Маньчжоу-Го, эра правления которого была названа Кан Дэ.

Маньчжоу-Го с момента создания было весьма грубо декорированным марионеточным государством. Коренные жители (китайцы) номинально занимали ведущие должности в правительственном аппарате, армии и полиции, но все решения принимали вездесущие японские «советники». К примеру, японский консул в Харбине генерал Охаси Тюити получил пост заместителя министра иностранных дел. А на заднем плане маячил серый кардинал — Квантунская армия. Ее командующий по совместительству был «специальным чрезвычайным и полномочным послом», — а проще сказать, наместником.

«Царский путь»

Четыре с половиной месяца, с момента мукденского инцидента в сентябре 1931 г. до оккупации Харбина частями Квантунской армии, находившиеся в городе русские эмигранты, которые так и просились на роль козлов отпущения, испытывали тяжкие муки. Озлобленные китайцы смотрели на них с ненавистью. Русские просоветской ориентации уверенно рассуждали о том, как Красная армия будет расправляться с белыми, когда Сталин вторгнется в Маньчжурию. В страшном нервном напряжении, под градом оскорблений и угроз, эмигранты судорожно искали покровителей.

Во время этого нелегкого междуцарствия проживавшие в Харбине японцы проявили к русским эмигрантам сочувствие и предложили им некоторую защиту.

Многие из японцев имели оружие, и на период беспорядков их дома, конторы и магазины превратились в крепости, где русские с благодарностью находили укрытие.

Сопротивление китайцев оказалось намного слабее, чем ожидали, и Сталин тоже не сделал попытки помешать Японии овладеть Маньчжурией. Поэтому пришлось вступить в действие органу особого назначения «Токуму кикан», который постарался предъявить ощутимые доказательства того, что без защиты со стороны Квантунской армии никак не обойтись. Тайными агентами нанимались банды, которые затевали на улицах Харбина стрельбу и совершили несколько поджогов, имитируя свирепых китайских бандитов. Подобные инсценировки окупались сторицей, усиливая признательность русских эмигрантов японцам.

Когда части Квантунской армии 5 февраля 1932 г. вошли в Харбин, они были восторженно встречены обществом русских эмигрантов. Из окон вдоль Китайской улицы свисали флаги с восходящим солнцем; толпы русских кричали проходящим колоннам: «Банзай!» Русские девушки кидали солдатам букеты и жарко целовали японцев в запыленные щеки. Вечером того же дня десятитысячная процессия русских в чистосердечном порыве благодарности прошла мимо японского консульства. Во Франции великий князь Кирилл публично выразил свое удовлетворение тем, что четверть миллиона его подданных оказались под покровительством Дай Ниппон*.

Эмигрантские надежды на справедливость и добрую волю исполнились лишь отчасти — в большинстве случаев первоначальная эйфория сменилась жестоким разочарованием. Слишком часто японцы проявляли грубость и высокомерие, которые становились еще более унижительными в сопоставлении с вездесущим девизом Маньчжоу-Го — «ван дао» («царский путь»).

Эти слова, если освободить их от конфуцианской упаковки, означали «служу Японии». Японская пропаганда создавала образ русского населения Маньчжоу-Го, с восторгом принимающего благоденствия «ван дао», который помог ему избавиться от бедности и прочих тягот китайского правления. Но что реально означал «ван дао» в Маньчжоу-Го — об этом предпочитали молчать.

* Великой Японии (яп.).

Он означал — кланяться в пояс офицерам японской императорской армии. Он означал — опускать глаза, когда японцы, громко переговариваясь, входили в православную церковь поглазеть на службу. Он означал — платить «за безопасность» такие суммы, какие не снились и хунхузам. Он означал — проявлять «искренность», то есть рвение в сотрудничестве с японцами, якобы выполняющими благородную миссию в Восточной Азии. И прежде всего он означал страх.

Не прошло и нескольких дней с момента взятия Харбина, как только что образованная японская военная миссия, включавшая в себя представителя командования Квантунской армии, его штаб и «Токуму кикан», повела себя таким образом, что у русских эмигрантов не осталось ни малейшего сомнения в сути «царского пути». Ко всем эмигрантским организациям были в качестве «советников» приставлены говорящие по-русски офицеры. На прессу была надета удавка цензуры. Некоторые русские сделались стукачами — они терлись на вокзалах, в гостиницах и кафе, слушали обрывки разговоров и доносили о подозрительном поведении. Были стукачи явные, как, например, некий желчный грек, который постоянно сидел в вестибюле отеля «Модерн». Другие работали тайно. И людям приходилось подумать дважды, прежде чем сказать что-нибудь откровенно — даже близкому другу.

Некоторые японцы открыто попирали закон и порядок, восстановление которых, как утверждалось, было целью вторжения в Маньчжурию, и очень скоро Маньчжоу-Го наводнили весьма темные личности из страны Восходящего Солнца, открывавшие игорные дома, бордели и притоны для курильщиков опиума. Но самые дальновидные, оставаясь в тени, действовали через русских, корейских или китайских посредников.

Парадоксальным образом одной из причин того, что в Харбине, как никогда раньше, расцвела преступность, было слишком большое число соперничавших инстанций, призванных отвечать за закон и порядок. Девять различных органов, отпихивая друг друга локтями, пытались осуществить нечетко определенные, часто перекрывававшиеся полномочия: «Токуму кикан», подчиненный токийскому генеральному штабу императорской армии; «Кемпеи», или военная жандармерия, подотчетная командующему Квантунской армии, чья ставка находилась в Синьцзине; харбинская муниципальная

полиция, находившаяся в ведении городского совета; харбинская уголовная полиция, также в ведении городского совета, но независимая от муниципальной полиции; японская консульская полиция; железнодорожная полиция на КВЖД; и, наконец, три государственных органа Маньчжоу-Го — жандармерия, провинциальная полиция, государственная разведывательная служба. Из всех девяти самыми влиятельными были «Токуму кикан» и «Кемпеи». Они яростно соперничали между собой.

Отделения «Токуму кикан» были открыты по всему Маньчжоу-Го, но в Харбине располагался полевой штаб армейской разведки и контрразведки, объектом деятельности которых являлся Советский Союз. Харбинское отделение занимало приземистое кирпичное здание на Большом проспекте в чопорной части Нового города. Сад отделял этот дом от здания штаб-квартиры японской военной миссии. Фасад миссии выходил на широкую площадь, где доминировали православный собор и принадлежавшая СССР гостиница «Нью-Харбин».

Штаб-квартира «Кемпеи» находилась на Почтовой, близ ее пересечения с Вокзальной — широкой улицей, соединявшей Соборную площадь с Центральным железнодорожным вокзалом. «Кемпеи» отвечала за некоторые из самых грязных аспектов японской политики 30-х годов. Номинально ее задачей был надзор за армией, но фактически в круг ее обязанностей входило расследование и подавление военного и гражданского неповиновения в любой форме. На втором этаже в харбинской штаб-квартире «Кемпеи» находились помещения для «особого контингента» — политических преступников. Репутация этого второго этажа была столь мрачной, что у русских эмигрантов он вошел в поговорку. Часто можно было услышать: «Жена меня вчера на второй этаж отправила», «Смотри, на второй этаж попадешь» и т. д.

И «Кемпеи», и «Токуму кикан» использовали свою власть для обогащения. Грабеж среди бела дня оправдывался «жертвами», принесенными Японией в прошлом ради процветания Маньчжоу-Го. Из «Токуму кикан» доходы, как правило, поступали в Токио. Но из «Кемпеи» они обычно растекались по частным карманам. В 1934 г. взяточничество среди японских офицеров полиции на Квантунской территории достигло скандальных размеров — тогда консервативно-националистическая то-

кийская газета «Кокумин симбун» писала, что «улов» за три года службы мог равняться 30 000 иен (примерно 10 000 долларов), что более чем в три раза превышало заработок полицейского. По харбинским стандартам это было еще скромно. Некий Николай Николаевич Яги* заплатил военной миссии 50 000 долларов за назначение советником в харбинскую муниципальную полицию. Он в многократном размере окупил эту трату.

Чтобы внешне все выглядело чисто, «Кемпеи» и «Токуму кикан» старались обделявать свои выгодные делишки, соблюдая видимость законности. Излюбленными способами были учреждение монополий и выдача лицензий на такие доходные виды бизнеса, как наркотики, азартные игры, проституция и транспорт.

Сбыт опиума стал особенно мрачной карикатурой на «царский путь». До 1931 г. его завозили в Маньчжурию японцы и корейцы, которых защищало право экстерриториальности, но в Маньчжоу-Го этот наркотик породил целую отрасль индустрии. Наркомания среди китайцев всячески поощрялась, потому что, во-первых, приносила доход, во-вторых — отвлекала их от политики. Для увеличения спроса на наркотики принимались хитроумные меры. С самолетов летели листовки, расписывавшие прелести трубки, а на банкнотах Маньчжоу-Го многозначительно цвели пышные маки. Один только Харбин мог похвастаться сотнями магазинов, по лицензиям продававших героин и морфий без всяких рецептов. Шикарные заведения предлагали богатым клиентам доставку на дом. В дешевых притонах можно было с улицы просунуть в специальное отверстие руку с двенадцатью сенами (что равнялось восьми центам) и получить укол морфия. Подросткам предлагали «юношеские дозы» в торговых точках рядом со школами. В 1934 г., по оценке журналиста Эдгара Сноу, 20 процентов японцев и корейцев в Маньчжоу-Го были непосредственно вовлечены в распространение зелья. Японцы могли свободно торговать наркотиками, но им было категорически запрещено употреблять их.

По мере развития наркотической индустрии ответственность за производство и сбыт переходила от одного органа к другому. В 1932—1933 гг. монополию на зелье

* В Маньчжоу-Го некоторые японцы, в особенности военно-служащие-наемники и агенты разведки, брали русские имена и отчества.

сохранял «Токуму кикан», но невероятно растущий спрос вскоре превысил его регулятивные возможности. Оккупация Японией области Жэхэ во Внутренней Монголии в 1933 г. открыла доступ к обширному району, где выращивали опиный мак, вследствие чего Квантунская армия учредила совет Маньчжоу-Го по монополии на опиум, призванный развивать эту отрасль хозяйства. В Синьцзине, Мукдене, Порт-Артуре, Гирине, Цицикаре и Харбине (в районе Сунбей) были построены фабрики по производству морфия, героина и кокаина. В Корее и на Тайване возросла выработка сырого опиума, который в большом количестве экспортировался в Маньчжоу-Го. В 1935 г. командующий Квантунской армией генерал Минами Дзиро полностью передал контроль над сбытом наркотиков совету по монополии на опиум. К этому времени по официальным данным годовое производство составляло 300 000 фунтов, принося доход в 7 миллионов долларов. Реальная цифра была гораздо выше, так как «Токуму кикан» и «Кемпей» имели своих «частных» поставщиков.

Помимо опиумного бизнеса, харбинское отделение «Токуму кикан» наживалось за счет жульничества на транспорте, за взятки давая возможность отправлять грузы по КВЖД по пониженному тарифу под маркой «японских военных поставок». Оно также установило монополию на проституцию на Участковой, где опытные сотрудники продавали всем желающим разрешения заниматься этим делом и регулировали приток девушек из Японии.

«Токуму кикан» все время вынужден был соперничать с «Кемпей», также обладавшей хорошим аппетитом. Споры о разграничении полномочий периодически перерастали в вооруженные стычки между китайскими и русскими боевиками, состоявшими на службе в этих органах. Чаще все же мир достигался на основе компромиссов. В 1934 г. «Токуму кикан» согласился с тем, что «Кемпей» будет «курировать» пять из ста харбинских публичных домов, пять из пятидесяти заведений для курения опиума и один из двухсот магазинов, торговавших наркотиками.

Русские эмигранты Харбина быстро поняли, что японское правление дает, мягко говоря, сомнительные выгоды. О сопротивлении, однако, не могло быть и речи. Нужно было либо приспособливаться, либо уезжать. Тысячи людей перебрались в Бэйпин, Тяньцзинь и Шан-

хай, которые в какой-то мере находились вне японской сферы влияния, пока в 1937 г. не разразился «китайский инцидент». А всем прочим оставалось одно — изображать преклонение перед прелестями «царского пути» и находить тайное удовлетворение в едком сарказме. «Они слишком рано слезли с деревьев», — шутили в тесном кругу, и каждый раз эти слова сопровождались взрывом нервного смеха.

Сотрудничество

Квантунская армия горела желанием объединить раздробленные эмигрантские группы Маньчжоу-Го в единую организацию, которой легко было бы управлять и которую можно было бы использовать для антисоветской деятельности. Соответственно, начался поиск эмигрантских лидеров, согласных сотрудничать.

Самым подходящим кандидатом, на первый взгляд, был казацкий атаман Григорий Семенов, которого японцы поддерживали во время сибирской интервенции. Желания содействовать японским властям у Семенова было хоть отбавляй, и он все еще пользовался популярностью среди забайкальских казаков, расселившихся на севере и востоке Маньчжурии. В то же время его кандидатура вызывала некоторые сомнения. Удобно устроившись в Дайрене, он оказался далеко от Харбина, где скопилась большая часть русского населения. Его злодеяния во время гражданской войны еще не были забыты. И, что самое главное, офицеры «Токуму кикан», игравшие главную роль в «руководстве» русскими эмигрантами в Маньчжоу-Го, считали Семенова импульсивным, капризным и «отставшим от времени» человеком.

С другой стороны, наиболее уважаемые люди в харбинской русской коммуне и слышать не хотели о сотрудничестве с японцами. Генералы Вержицкий и Бакшеев, которые представляли соответственно монархистов, поддерживавших «Николашу», и казаков, вежливо отклонили японские предложения. Николай Львович Гондатти, восьмидесятилетний бывший губернатор Приморской области, отказывался наотрез, хотя к нему обращались неоднократно. Когда к нему домой пришли четверо жандармов из «Кемпеи», чтобы сделать предложение, которое отклонить будет нельзя, Гондатти предстал перед ними с орденом, полученным им десяти-

летия назад от императора Мэйдзи. Люди из «Кемпеи» с поклонами ретировались.

Японцы в конце концов остановились на генерале Владимире Александровиче Кислицыне, лидере местных легитимистов (монархистов, стоявших за Кирилла). О Кислицыне один автор пишет как о «культурном, честном человеке», другой — как о «пустоголовом, тщеславном паразите». Он всегда называл себя генералом, но недоброжелатели утверждали, что он был простым кавалерийским капитаном, незаслуженно повышенным в чине великим князем Кириллом после революции. Истина лежит где-то посередине. Кислицын участвовал в первой мировой войне, в гражданскую войну служил в армиях генерала Миллера и адмирала Колчака. После поражения Колчака он повысил себя до генерала, командовал Первой кавалерийской дивизией в районе Читы, а затем — Первой сводной Маньчжурской дивизией; после разгрома белых в 1922 г. он нашел убежище в Маньчжурии. Кислицын был величествен и сговорчив; последнее некоторые связывали с четырнадцатью ранениями в голову, полученными в различных кампаниях, а некоторые — со слабостью к водке.

Но «Токуму кикан» и «Кемпеи» было мало одной лишь почтенной декоративной фигуры. Им нужны были молодые активисты, способные исполнять и отдавать приказы и не задающие лишних вопросов. Неплохо, чтобы они были антисоветски настроенными русскими патриотами, но самое важное — чтобы они следовали «царскому пути», то есть налаживали бизнес, связанный с проституцией и наркотиками, похищали ради выкупа богатых китайцев и русских, время от времени по требованию совершали убийства. Амлето Веспа, итальянский наемник, служивший в Маньчжурии разным начальникам — как китайцам, так и японцам, — в своих ярких мемуарах цитирует офицера из «Токуму кикан»: «Мы хотим привлечь неглупых молодых людей, которые с гордостью примут от нас некоторую власть и которые будут выполнять наши указания. Для прикрытия нашей деятельности нам нужны русские с громкими именами — от них особого ума не требуется».

Среди потенциальных активных коллаборационистов, к которым японцы проявляли интерес, был генерал Владимир Косьмин, председатель Русской фашистской партии (РФП) и глава местного отделения террористического Братства русской правды, о чьих самоубийствен-

ных рейдах на территорию СССР в 20-е годы было хорошо известно. С октября 1931 г. вплоть до падения Харбина в феврале 1932 г. Косьмин рьяно завоевывал японское доверие, выполняя поручения «Токуму кикан»: его люди подкладывали в общественные места бомбы с таким расчетом, чтобы их вовремя обнаружили, и инсценировали при участии местной шпаны уличные схватки.

Константин Родзаевский попал в несколько другую категорию. В 1931 г. ему исполнилось всего двадцать четыре года, и молодой генеральный секретарь РФП был скорее пропагандистом, чем уличным бойцом. Тем не менее он отозвался на японские прощупывания с таким энтузиазмом, что «Токуму кикан» стал рассматривать его как ценного, хоть и слишком нетерпеливого, сотрудника, который правильно понимает «царский путь».

«Токуму кикан» связался с Родзаевским тогда же, когда и с Косьминым — осенью 1931 г. В феврале 1932 г., незадолго до оккупации Харбина Квантунской армией, Родзаевский получил задание привезти японского журналиста на машине с японским флагом к тому месту, где парни Косьмина только что устроили бузу. Его предупредили, что могут быть неожиданности, но сказали, что риск оправдан благородными целями. Предупреждали незря — невидимый снайпер сделал из машины сито, и, хотя Родзаевский не пострадал, понервничать пришлось изрядно. Японское консульство заявило формальный протест китайским властям, утверждая, что «китайские полицейские» преднамеренно открыли огонь по официальным представителям.

Когда Квантунская армия заняла Харбин, с Родзаевским установили контакт два непохожих друг на друга японца, которым в последующие десять лет предстояло играть жизненно важную роль в судьбах русской эмигрантской коммуны. Это были майор Акикуса Сюн из «Токуму кикан» и Константин Иванович Накамура из «Кемпеи».

Акикуса Сюн, которому в 1932 г. было тридцать восемь лет, считался в японской императорской армии одним из специалистов по России, успел принять участие в сибирской интервенции и имел хорошие служебные перспективы. Окончив военную академию, Акикуса прошел серьезную школу русского языка и российской политики, работая во время интервенции переводчиком в Третьей дивизии, размещавшейся во Владивостоке

и Чите. Его квалификация еще больше выросла в 20-е годы, когда он изучал русский язык в токийской школе иностранных языков и работал специалистом по СССР в Русском отделе генерального штаба.

Когда Акикуса в 1932 г. был назначен помощником начальника харбинского «Токуму кикан» генерал-майора Комацубары Мититаро, он уже хорошо знал Маньчжоу-Го. Он быстро освоился с русскими эмигрантскими организациями города и вскоре стал консультантом РФП и связным офицером между ней и японской военной миссией. Ему было поручено, давая советы и используя субсидии, вести РФП по «правильному пути». Уравновешенный, тактичный и прямой, Акикуса завоевал уважение и даже симпатию большинства эмигрантов, с которыми имел дело.

Другой покровитель Родзаевского, Константин Иванович Накамура, был «мансю горо» (маньчжурский бандит) высшей марки. Прожив в Маньчжурии двадцать лет, он бегло говорил по-русски, имел законную русскую жену и, как показывает имя, был крещен по православному обряду. «Костю», как звали его русские знакомые, задолго до 1931 г. взяла на заметку харбинская муниципальная полиция. Имея для виду парикмахерскую в Нахаловке, он был связан с торговлей наркотиками и содержал публичный дом. В 1924 г. жена заявила, что он изнасиловал ее двенадцатилетнюю дочь (не от Накамуры), а в 1928 г. китайские власти завели на него дело в связи с использованием несовершеннолетних проституток. Но Накамуре все сходило с рук. Прекрасно зная о его праве экстерриториальности, китайцы могли только жаловаться на него в японское консульство, которое либо вовсе не принимало мер, либо ограничивалось их видимостью. Очевидная неуязвимость Кости для органов правосудия рождала у эмигрантов мысль о том, что он по какой-то линии тайно связан с Токио.

«Линия» Накамуры стала явной 19 сентября 1931 г., на следующий день после мукденского инцидента, когда он пригласил к себе ряд друзей из числа русских эмигрантов и заявил, что Япония намерена «освободить народ Маньчжурии от коммунистического Гоминьдана [т. е. националистов под руководством Чан Кайши]» и помочь русским патриотам избавить родину от советского ига. Услышав сочувственные отклики, он принялся раздавать револьверы, винтовки и ручные гра-

наты, а также указания о том, как защищать японское и русское имущество, пока Квантунская армия еще не вошла в Харбин. Он пообещал, что его собеседники позже образуют ядро Российской освободительной армии. Через четыре месяца Костя стал открыто исполнять должность «секретаря-переводчика» в «Кемпеи». Как и майор Акикуса, Накамура сделался советником и благодетелем РФП.

Начиная с февраля 1932 г. Родзаевский регулярно посещал Акикусу и Накамуру в военной миссии и штаб-квартире «Кемпеи». Он получал от них небольшие субсидии, позволившие РФП переехать из тесного помещения в доме Фишера на Диагональной в более солидное кирпичное здание по адресу Китайская, 125 — за несколько домов от отеля «Модерн».

Сотрудничество Родзаевского с «Токуму кикан» и «Кемпеи» вызвало в рядах РФП раскол и кадровые перестановки, причем она лишилась всех троих основателей РФО — предшествовавшей РФП студенческой организации. Евгений Кораблев умер от туберкулеза в 1932 г. Борис Румянцев, используя свое знание китайского и японского языков, устроился в министерство иностранных дел Маньчжоу-Го. Александр Покровский вышел из партии в знак протеста против прояпонской линии Родзаевского и основал Фашистско-синдикалистский союз, вскоре разогнанный японскими властями. Покровский был ненадолго арестован «Кемпеи», после чего решил, что климат Шанхая ему больше подходит. Взяв с собой жену-поэтессу Марианну Ивановну Колозову, он тихо провалился в забвение.

Генерал Косьмин несколько месяцев оставался номинальным главой РФП и даже обсуждал с начальником «Токуму кикан» Комацубарой формирование боевых частей будущей белой армии. Но в конце 1932 г. Косьмин польстился на легкую наживу — и потерпел неудачу. Старый вояка в течение нескольких лет засылал партизан в советское Приморье со станции Пограничная на участке КВЖД Харбин—Владивосток, расположенной на маньчжурской стороне границы. В ноябре 1932 г. Косьмин убедил руководство РФП в том, что для дальнейших рейдов ему нужны деньги, и заручился соглашением на похищение богатого хозяина молочной фермы по фамилии Диницын с целью получения выкупа. Диницын жил недалеко от Пограничной, в удобной близости от базы боевиков Косьмина. Операция

прошла успешно, выкуп был получен, и тут Косьмин решил эти деньги присвоить. Он известил штаб-квартиру РФП в Харбине, что его перехитрили и он остался ни с чем. Но местный мерзавец Борис Шепунов, обидевшись на то, что Косьмин с ним не поделился, выложил все Родзаевскому, и тот пришел к выводу, что фотогеничный председатель уже принес всю пользу, какую мог. Собрав Центральный исполнительный комитет РФП, он добился исключения Косьмина из партии. Вскоре после этого Косьмин перебрался в Шанхай и спустя какое-то время начал там новую политическую карьеру.

Теперь, когда не было ни Кораблева, ни Румянцева, ни Покровского, ни Косьмина, Константин Владимирович Родзаевский стал главой РФП не только де-факто, но и де-юре. Ему еще нужно было считаться с другим светилом РФП — Михаилом Матковским. И ему еще нужно было доказать японцам, что им выгодно с ним сотрудничать.

Глава VI

МАНЬЧЖУРСКАЯ МАФИЯ

[Русские фашисты] — пятно на добром имени итальянского фашизма и оскорбление всего, что он демонстрирует миру под руководством дуче.

Амлето Веспа (1936 г.)

Покорение Японией Маньчжурии в 1931—32 гг. открыло перед Русской фашистской партией захватывающие дух перспективы. Сотрудничество с японцами сулило деньги, покровительство и преимущественное право на власть в случае войны с Советским Союзом.

Готовить освобождение России, помогая японцам, — такова была идея-фикс Константина Родзаевского, который не видел никакого противоречия между патриотизмом и союзом с потенциальными врагами отечества. Поверив японским обещаниям и опьяняя себя собственным красноречием, мини-фюрер очертя голову ринулся по «царскому пути».

Однако японцы имели относительно русских фашистов свои планы. «Токуму кикан» они были нужны для шпионажа и диверсий в СССР. «Кемпеи» имела на них виды как на орудие для рэкета. В результате не-

которые «соратники» РФП, бредившие Национальной Революцией, вместо нее оказались втянутыми в дела с наркотиками, проституцией и вымогательством. То, что начиналось как политическое движение, стало постепенно вырождаться в рэкет, а РФП становилась частью контролируемой японцами маньчжурской мафии.

Мозги, мелодии и мускулы

Торопясь использовать только что полученное японское покровительство, Родзаевский в 1932 г. начал активную вербовку новых членов РФП по всему Дальнему Востоку. С благословения майора Акикусы Сюна агенты РФП, рассыпавшись веером, будоражили эмигрантские коммуны в Китае, Корее и Японии. Местные отделения открылись в Шанхае, Тяньцзине, Синьцзине, Дайрене, Кэйдзё (Сеуле), Кобе, Токио и Карафуто (теперешнем Южном Сахалине). Хотя число новобранцев вне Маньчжоу-Го не превышало нескольких сотен, РФП могла наконец претендовать на международный статус.

Кипя желанием нести в народ фашистское откровение, Родзаевский на первое место поставил пропагандистское дело. В апреле 1932 г. шанхайская штаб-квартира РФП на авеню Жоффри начала выпускать в свет партийный теоретический журнал «Нация». Он предлагал читателям дурманящую смесь полемики, псевдонауки и поэзии. «Профессор» В. Носач-Носков напыщенно рассуждал о тактике и идеологии. Николай Дозоров и Георгий Семена строчили фашистские вирши, которые читались как пародии на революционные оды Владимира Маяковского. Дыры затыкались бесконечными романами Георгия Кручинина (например, «Свет с Востока»), имевшими чрезвычайное сходство с советской литературной продукцией. Для международного аромата включались и переводные материалы. Журнал щедро предоставлял свои страницы громокипящему многословию Альфреда Розенберга. Для оформления обложек «Нация» поочередно заимствовала образцы муссолиниевского неоклассицизма и антисемитской кухни «Der Stürmer»а. Время от времени издатели показывали пример творческого плагиата. На одну из обложек пошел французский военный плакат 1915 года с изображением улыбающегося «пуалю» и надписью «On les aura!»

(«Мы им покажем!»); художник переделал его в украшенного свастикой легионера РФП, идущего в атаку на жидов-комиссаров.

«Нация» предназначалась для «интеллигенции», а РФП нужен был и орган для широких масс. Очень кстати Родзаевскому подвернулся румянцевский листок «Наши требования», который после того, как «вождь» в сентябре 1932 г. наложил на него лапу, получил название «Наш путь». «Наш путь» конкурировал с двумя другими русскоязычными ежедневными газетами Харбина — прояпонским «Харбинским временем» и «Зарей», принадлежавшей евреям. Хотя «Наш путь» по тиражу (4000) так и не смог догнать ни «Время» (25 000), ни «Зарю» (10 000), о газете много говорили ввиду ее сугубой резкости. Ее эмблема представляла собой свастику, увенчанную российским двуглавым орлом; на видном месте красовались лозунги РФП: «Бог, нация, труд!», «Все силы Национальной Революции!», «Россия для россиян!»

Убежденный, что у РФП должна быть своя «Mein Kampf», Родзаевский поручил помощникам Матковского Геннадию Тараданову и Владимиру Кибардину сочинить что-нибудь в этом роде. Увидевшая свет в 1934 г., «Азбука фашизма» выдержала несколько переизданий, и ее если не прочитал, то уж во всяком случае купил каждый уважающий себя русский фашист на Дальнем Востоке. «Азбука» была разбита на сто параграфов, любой из которых состоял из вопроса и ответа; длина ответа могла быть от восьми строк до двух страниц. Вопросы попадались самые разные — от «Что такое демократия?» (№ 18) до «Из чего состоит уставная форма одежды в Русской фашистской партии?» (№ 97). Немало места было уделено картинам жизни России после Национальной Революции: общественное согласие, поддерживаемое национальными союзами и национальными корпорациями, процветание и свобода для всех (за исключением евреев). «Азбука» во многом повторяла программу РФП 1931 г., сохраняя ее расплывчатость и эклектизм. Но кое-что в ней помогает лучше понять психологию деятелей РФП. Например, на вопрос «Почему российские фашисты называют себя фашистами?» следует удивительно простодушный ответ: советская пропаганда объявила фашизм главным врагом коммунизма, и вследствие этого слово «фашизм» стало боевым кличем, объединяющим советских граждан, недовольных режимом.

Название книги, вероятно, было подсказано произведением Николая Бухарина «Азбука коммунизма» (1921 г.), в котором ведущий теоретик-коммунист 20-х годов изложил основы марксистской доктрины и стратегии российских революционеров. Эту связь, если она существовала, Тараданов и Кибардин не афишировали. Точно так же Родзаевский обошелся без упоминания о Чернышевском и Ленине, дав название «Что делать?» своей брошюре 1935 г., критиковавшей второй советский пятилетний план.

В заключительных параграфах «Азбуки» говорилось о символике, форме, песнях и приветствиях, принятых в РФП. Эмблема партии кое-кому могла показаться нелепым гибридом символов Российской империи и третьего рейха: белый двуглавый орел, наложенный на черную свастику на желтом фоне. «Азбука» разъясняла, что орел символизирует русский народ, а свастика — солидарность с фашистскими движениями в других странах. Флаг РФП обошелся без орла: черная свастика, обведенная белой каймой, на светло-оранжевом фоне.

Форма РФП состояла из черной фуражки с черным козырьком, черной, наглухо застегнутой рубашки, черных галифе и таких же сапог. Чтобы не быть принятым за шофера, боец РФП носил португепю и нарукавную повязку с черной свастикой в ярко-оранжевом кружке, обведенном узкой белой каймой. Цвета перекликались с цветами российского имперского знамени.

«Соратники» РФП приветствовали друг друга на немецкий манер, властно выпрямляя правую руку, слегка поднятую вверх. Жест обычно подкреплялся энергичным возгласом: «Слава России!» — официальным устным и письменным партийным приветствием.

Без музыки поход — не поход, и такой закоренелый поклонник оперы, как Родзаевский, просто обязан был позаботиться о том, чтобы РФП не испытывала недостатка в поднимающих дух песнях. Признанные партийные барды Николай Дозоров и Николай Петлин снабдили ряд царских и советских мелодий фашистскими текстами; в результате вышли такие харбинские шлягеры, как «Слушай, соратник!» и «Закат красной звезды». Гимн РФП «Вставайте с нами, братья!» пели на мелодию Преображенского марша — возможно, потому, что покойный царь Николай был номинально приписан к Преображенскому полку. Каждая строфа призывала русских людей,

вливаясь в фашистские ряды, идти к национальному возрождению.

Родзаевский, конечно, понимал, что одними лозунгами и песнями не обойтись. Нужно было объединять эмигрантов всех возрастных групп, готовить для приближающейся Национальной Революции штурмовые отряды. С этими целями РФП создала в 1932 г. ряд сопутствующих структур. Жена Румянцева Шейна возглавила Российское женское фашистское движение. Быстро росли детские организации: Союз авангарда — для мальчиков от десяти до шестнадцати; Союз юных фашисток — для девочек от десяти до шестнадцати; Союз фашистских крошек — для ребят от пяти до десяти. 5 августа 1932 г. в Харбине на японские деньги была учреждена секретная партийная школа для подготовки «соратников» к подпольной работе на территории СССР.

Занимаясь партийным строительством, Родзаевский не забывал и о роли бицепсов. «Вождь» навсегда сохранил восхищение муссолиниевскими чернорубашечными *squadristi* — кумирами РФП 20-х годов. «Посмотрите, в какое могучее государство они превратили маленькую Италию! Подумайте, какой могла бы стать Россия!» (*) — восклицал он в июльском выпуске «Нации» за 1932 г. В то же лето партия разродилась своим собственным вариантом *squadristi*: был создан Особый отдел. Формально задачей Особого отдела считалась охрана руководства партии и партийных собраний. Фактически же это была команда головорезов, которые по указанию начальства расправлялись с неугодными из числа русских эмигрантов, евреев и прочих. Обилие желающих попасть в штурмовики объяснялось скорее бедностью и скукой, чем идейной убежденностью. Здоровые, неугомонные молодые люди, жаждавшие пустить в ход кулаки, искавшие удовлетворения в чувстве власти над себе подобными, получали в Особом отделе то же, что, не будь они эмигрантами, могли бы получать в органах НКВД.

Начальником Особого отдела стал крепко сбитый двадцатисемилетний Александр Александрович Болотов, или просто Саша. Болотов говорил, что он, пока в 1926 г. не сбежал из СССР, служил в ОГПУ. Попав в Харбин, он прибил к РФП и стал закадычным другом Родзаевского. Трудно было найти двух других столь несхожих людей. Безразличный к идеологии, Болотов был весьма привержен насилию, особенно если его страсть к морфию оказывалась неудовлетворенной. Он

обычно щеголял, одетый по всей форме: сапоги, галифе, черная рубашка. Он все время поигрывал револьвером — так проводник поезда то и дело нащупывает в кармане часы. В круг сашиных обязанностей входила охрана Родзаевского и поддержание внутривластной безопасности, но он нашел время и для того, чтобы устроить на втором этаже штаб-квартиры РВП притон для азартных игр.

Специальностью соратника Болотова было лишать людей жизни. Он обычно убивал по заданию, но порой превышал полномочия и действовал по велению сердца. Из-за подобных импровизаций Болотов не мог считаться идеальным боевиком; и совсем уж ни к чему была его приверженность к эстетическим аспектам этой работы. Он, например, любил убивать ломом. И русские, и японские источники в один голос говорят о нем как о сумасшедшем (в одной японской дипломатической депеше он назван «убийцей-маньяком») — и тем не менее Саша пребывал на высоком посту большую часть 30-х годов. И японские работодатели, и русский «вождь» находили для него уйм дел.

Гангстеры-патриоты

Когда Родзаевский решился на сотрудничество с «Токуму кикан» и «Кемпей», он считал, что это усилит его позиции в РВП и принесет партии большую выгоду в случае японско-советской войны. Но скоро стало ясно, что его покровители понимают задачи РВП по-своему. Конечно, майор Акикуса из «Токуму кикан» и Костя Накамура из «Кемпей» постоянно внушали Родзаевскому, что близок день, когда великая Белая армия, ведомая «русскими патриотами», плечом к плечу с японской императорской армией выступит в освободительный поход против коммунистов. Но пока суд да дело, требуется кое-какая практическая помощь — бывают ситуации, когда прямого участия японцев лучше избежать.

Японские представители, занимавшиеся вымогательством и похищением людей, делали это чужими руками. Для подобных операций нанимались китайские и русские агенты, соглашения с которыми можно было мгновенно аннулировать (да и самих агентов в придачу) при малейшей опасности разоблачения. Сотрудники «Кемпей» десятками нанимали русских эмигрантов, стано-

вившихся вымогателями, грабителями, стукачами и боевиками. Не обязательно это были подонки — некоторые наивные идеалисты полагали, что ведут благородную борьбу с «красными и евреями». Далеко не все имели отношение к РФП. Независимо от мотивов их действий и от партийной принадлежности, те, кто выполнял «особые» задания японцев, лишались свободы передвижения. Люди, заглянувшие за кулисы «царского пути», представляли для японцев потенциальную опасность, и те разрешали им выезжать за пределы Маньчжоу-Го только в том случае, если члены их семей оставались в качестве заложников.

После 1932 г. с благословения японцев на улицах Харбина бесчинствовало немало русских банд. Состоявшие на службе у различных организаций, они порой выясняли отношения друг с другом, претендуя на право контроля над проституцией и сбытом наркотиков в том или ином спорном районе. В других случаях они объединяли силы для выполнения важных заданий — например, в апреле 1932 г., когда в Маньчжоу-Го приехала комиссия Литтона. Эта комиссия была направлена туда Лигой Наций для расследования обстоятельств мукденского инцидента, происшедшего в сентябре 1931 г. и давшего повод для японского вторжения в Маньчжурию. Официальные лица из Франции, Германии, Италии и США, возглавляемые британцем — графом Литтоном, провели в Харбине несколько дней, остановившись в отеле «Модерн». Отель и его окрестности наводнили стукачи и боевики, получившие задание не допускать никаких «самодеятельных» контактов с членами комиссии — ни писем, ни петиций, ни молящего шепота, ничего, что могло бы указывать на какие-то иные чувства жителей Маньчжоу-Го по отношению к властям, кроме экстатического восторга.

Русские банды, конечно, не нуждались в подталкивании со стороны японцев, когда речь шла об акциях против евреев, — ведь в среде бывших офицеров, казаков и монархистов, не говоря уже об РФП, антисемитизм цвел пышным цветом. В Харбине его подогревали миф о том, что Октябрьская революция — дело рук евреев, и тот факт, что из еврейского населения города несколько человек были весьма состоятельны. То, что тысячи других евреев точно так же бежали от большевиков и были точно так же бедны и беззащитны, как и русские эмигранты, не имело никакого значения. Значение имело лишь

бросавшееся в глаза богатство малой части еврейской общины. Оно до глубины души возмущало многих менее удачливых эмигрантов. РФП всячески раздувала это возмущение, бичуя «еврейский большевизм» и «еврейский капитализм» в публичных выступлениях и печати. Переходя от слов к делу, чернорубашечники РФП громили еврейские магазины, били окна в синагоге, устраивали засады на студентов-евреев. Для самозащиты харбинские евреи создали местное отделение юношеской полувоенной организации «Бейтар». «Бейтар» вступал в кулачные бои не только с чернорубашечниками РФП, но и с просоветски настроенными «юными пионерами».

Харбинская полиция обычно не проявляла особого интереса к евреям, делая исключение лишь для самых богатых. Состоятельных же евреев сам Бог велел немножко потрясти. Вообще, в 1932 г. произошел ряд похищений, организованных офицерами из «Кемпеи» и муниципальной полиции и выполненных с помощью русских наемников. Жертвами похищений в первую очередь становились китайские и русские торговцы или специалисты с высшим образованием, способные заплатить выкуп, варьировавшийся от 5000 до 100 000 долларов. Некоторые, откупившись от одной шайки и тем самым доказав свою платежеспособность, тут же попадали в лапы другой.

Первое подстроенное полицией похищение еврея произошло 11 марта 1932 г., через десять дней после создания Маньчжоу-Го и через одиннадцать дней после приезда в Японию комиссии Литтона. Жертвой стал аптекарь по фамилии Кофман. Организовал это дело Костя Накамура, а провернули его полдюжины русских эмигрантов, в том числе Кириченко и Галушко — двое бандитов, регулярно выполнявших «особые» задания «Кемпеи». Кофмана заграбастали часов в десять вечера на одной из улиц Пристаней, несколько часов продержали в подвале в Новом городе и наконец перевезли в китайскую хижину на юго-восточной окраине Модягоу. 12 марта русские газеты объявили, что Кофман похищен хунхузами, которые требуют выкуп в 30 000 долларов. В течение месяца семья Кофмана отказывалась платить, требуя согласия на это со стороны самого аптекаря. Наконец жена Кофмана все же сдалась и раскошелилась на 18 000 долларов в обмен на обещание «бандитов» освободить ее мужа. Она его так и не увидела. Три недели

раньше его расчлененные останки были сброшены в ров, куда сваливали неопознанные трупы, найденные на улицах Харбина. Согласно одному не вполне надежному свидетельству, Кофмана подверг пытке и убил Константин Родзаевский.

Вопрос о том, совершил ли «вождь» убийство по заданию японских покровителей, остается открытым. Итальянец-наемник Амлето Веспа ярко изобразил встречу с Родзаевским, происшедшую, по его словам, когда начальство из «Токуму кикан» поручило ему проверить слухи об убийстве Кофмана. Веспа, приведенный в некий загородный дом доверенными лицами «Кемпеи», якобы увидел там Родзаевского, пьющего пиво вместе с Кириченко и Галушко. Когда Родзаевский услышал, о чем его спрашивают, его как прорвало: «Эта грязная жидовская свинья больше любила деньги, чем собственную шкуру. Не хотел с нами разговаривать и писать жене, вот и получил за это. Я поугал его немножко, а старый дурак возьми и загнись».

«Попугал его немножко», как выяснилось, означает — опалил ему лицо до неузнаваемости, а потом задушил. На вопрос о том, кто убил аптекаря, Родзаевский (если верить Веспе) злорадно ответил: «Я, и такой же смертью умрут все грязные жида и враги России».

Вслед за Веспой еще один автор мемуаров, выпустивший их во время второй мировой войны под псевдонимом «Александр Перников», изображает Родзаевского как убийцу-садиста. Но версия Веспы и «Перникова» противоречит отзывам некоторых людей, хорошо знавших Родзаевского и отмечавших, что он избегал насилия. В 1946 г. в Москве Родзаевский признался во многих преступлениях — но не в убийстве. Прояснить его роль в деле Кофмана, без сомнения, могли бы материалы харбинской «Кемпеи», но они или уничтожены, или вывезены в СССР в 1945 г.

Офицерам из «Кемпеи» удалось унять разговоры о деле Кофмана в харбинской печати, но, как они ни старались, люди начали догадываться о тесном сотрудничестве между полицией и преступниками. Чтобы защитить свою жизнь, все новые и новые богатые евреи пытались получить гражданство тех стран, которые пользовались в Маньчжоу-Го правом экстерриториальности (особенно популярны были Англия, Франция и Соединенные Штаты). Над еврейскими домами и магазинами реяли иностранные флаги-талисманы.

Дипломатические ухищрения, впрочем, не очень-то пугали деловых людей из «Кемпеи», которые действовали все смелее. Летом 1933 г. Костя Накамура явился на Китайскую, в штаб-квартиру РФП, с новой идеей: подоить Иосифа Каспе, одного из богатейших евреев Харбина. Накамура считал Родзаевского ценным помощником, ибо знал, что у «вождя» есть люди, способные выполнять поручения без лишних вопросов.

Дело Каспе

Иосиф Каспе перебрался в Харбин из России примерно на рубеже веков; он верно оценил новые коммерческие возможности, возникшие в связи с постройкой КВЖД. Он открыл скромную часовую мастерскую, служившую одновременно комиссионным магазином. Постепенно он расширял дело и к 1918 г. стал хозяином одного из богатейших на Дальнем Востоке ювелирных магазинов. В 20-е годы деятельность Каспе приобрела новый размах: он купил несколько кинотеатров и лучший в Харбине отель «Модерн». В 1932 г. его состояние, по слухам, исчислялось миллионами юаней.

И махинаторы из «Кемпеи», и РФП имели свои причины для того, чтобы уделить Иосифу Каспе особое внимание. Для деятелей из военной жандармерии его бьющее в глаза богатство было слишком уж соблазнительной приманкой. А для горячих голов из РФП он воплощал в себе еврея-вампира, нагло жиреющего на несчастьях других. Поведение Каспе в какой-то степени провоцировало подобные обвинения. Он любил поговорить о своем состоянии. Что еще хуже, его магазин на Китайской предлагал покупателям серебро, художественную эмаль, брильянтовые ожерелья, кольца с изумрудами, пасхальные яички от Фаберже и севрский фарфор, скупаемые им по дешевке у советского правительства, которое реквизирировало все это у прежних владельцев. Торговать подобным товаром, живя в окружении эмигрантов, настроенных резко антикоммунистически, значило играть с огнем. В 1932 г. «Наш путь» начал серию атак против Каспе, обвиняя его в «неправедном обогащении за счет обобранных русских страдальцев». Газета также назвала его агентом Коминтерна.

Иосиф Каспе прекрасно понимал, какую ненависть вызывает стиль его жизни. Этот жесткий и хитрый чело-

век, для которого в Харбине не было тайн, сделал все, чтобы избежать похищения. Окна и двери в той секции отеля «Модерн», где он жил, были забраны решетками из толстых стальных прутьев. Здание патрулировали вооруженные русские телохранители, и он никуда не ходил без их сопровождения. Каспе позаботился и о сохранности своего имущества. Вскоре после того, как Япония оккупировала Маньчжурию, он передал отель «Модерн» и кинотеатры двоим сыновьям, которые жили в Париже и были гражданами Франции. Над всеми его заведениями теперь весело реяли трехцветные французские флаги, возвещая их неуязвимость для опустошительного «царского пути». И, наконец, он предупредил французского консула Рейно, чтобы тот принял немедленные меры, если возникнет угроза его жизни или собственности.

Но в оборонительных порядках Иосифа Каспе нашлось уязвимое место — младший сын Семен. В 1933 г. ему было двадцать четыре года, и он стоял на пороге блестящей музыкальной карьеры. Получив диплом Парижской консерватории, он приехал в Харбин, где состоялся его дебют как профессионального пианиста. Иосиф души не чаял в Семене. Он заявлял всем и каждому, что его сын играет не хуже Падеревского, и не скупился на расходы, договариваясь о концертах с лучшими залами Харбина, Шанхая и Токио.

Иосиф предупреждал Семена об опасностях, подстерегающих богатого еврея в Харбине. Он говорил, чтобы тот ни в коем случае не ходил по улицам один, особенно поздно вечером. Семен только отмахивался, считая это проявлением обычного родительского беспокойства, и не отказывал себе в ночных прогулках. Чего ему бояться — ведь он не какой-нибудь там бесправный беженец! В кармане у него лежал французский паспорт, гарантировавший, как он думал, неприкосновенность.

Кто организовал похищение Семена, точно неизвестно, но, скорее всего, это были деятели из «Кемпеи», которым не давало покоя богатство Каспе. Другие полицейские службы, не говоря уже о многочисленных бандах, тоже имели хороший аппетит и свободу действий. По одному свидетельству, двое сотрудников «Кемпеи» утверждали, что идея принадлежит переводчику жандармерии Косте Накамуре. Он якобы посвятил в свои планы Константина Родзаевского и инспектора харбинской муниципальной полиции Николая Мар-

тынова, которым предстояло подобрать исполнителей. В июле 1933 г. эта тройка регулярно собиралась в ничем не примечательном доме в Новом городе, снятом на имя Накамуры. Там обсуждались детали предприятия.

Мартынов работал в следственном отделе и обладал бесценным практическим опытом. Его знания о похищениях были уникальны: он сам совершал их и сам же расследовал. Кроме того, он держал команду русских «шестерок», которые повиновались без лишних вопросов. Единственным недостатком Мартынова была легкость, с которой он шел на убийство, — качество это он приобрел в гражданскую войну и развил во время службы в Братстве русской правды. В 1932 г. он застрелил бывшего полковника царской армии Аргунова. Китайский суд оправдал его, установив, что произошел случайный выстрел из его служебного пистолета, когда он и Аргунов шли рядом. Как при этом пуля ухитрилась попасть Аргунову меж глаз, осталось невыясненным. Впрочем, нет худа без добра — эти вспышки ставили Мартынова в зависимость от японских покровителей, без которых сидеть ему за решеткой.

Накамура не был уверен, стоит ли подключать к операции Родзаевского. «Вождь» РФП смотрел на все сквозь призму политики, да к тому же склонен был выставляться перед людьми, что могло привести к утечке информации. Все же Родзаевский обладал ценными кадрами и сведениями о Каспе, так что Накамура решил заручиться его поддержкой.

Открывшись Родзаевскому, Накамура тут же увидел, что его первоначальные сомнения подтверждаются. Константин Владимирович жаждал не денег Каспе, а его крови. Он заявил, что Семена следует не просто похитить, а казнить как агента Коминтерна — и пусть себе протестуют евреи из французского правительства! Санкционировать политическое убийство Накамура отказался наотрез и выдвинул следующие условия: 1) операция не имеет ничего общего с политикой; 2) максимальная секретность; 3) предпринимать похищение следует, только убедившись в том, что французские представители не поднимут большого шума. Обиженный Родзаевский вышел из игры, и Мартынов целиком взял дело на себя.

Прежде чем спускать Мартынова с поводка, Накамура осторожно навел справки об отношениях между Каспе и французским консулом Рейно. Получив, к сво-

ему удовольствию, заверения в том, что никаких личных связей у них нет, он позволил Мартынову начать набирать команду, но предупредил, чтобы ни при каких обстоятельствах тот не проговорился, на кого работает. Настоящий солдат «царского пути», Мартынов вряд ли нуждался в подобных напоминаниях — он знал, что в случае неудачи ему придется взять всю вину на себя.

В конце июля 1933 г. Мартынов обратился к своему верному оруженосцу Алексею Шандарю и предложил ему возглавить группу захвата. Он также нанял троих ветеранов «особых заданий»: Кириченко и Галушко, участвовавших в похищении Кофмана, и Зайцева. Зайцев был разносторонне одаренный бандит и работал по найму, в основном в Шанхае и Тяньцзине. Когда он шел убивать, он говорил: «Пошел на охоту». По неясным причинам Шандарь попросил включить в группу двоих любителей — Комисаренко и Безручко. Мартынов неохотно согласился, взяв с Шандаря слово, что они не будут выполнять сложных поручений.

Мартынов распределил роли. Зайцеву и Кириченко предстояло под руководством Шандаря захватить Семена Каспе. Охранять его до уплаты выкупа в укромном месте в Старом городе было поручено Галушко, Комисаренко и Безручко. Сам же Мартынов должен был оставаться в тени. Он не мог пока вступать в контакт с жертвой — ведь им, возможно, придется еще столкнуться лицом к лицу в ходе полицейского расследования.

Благодаря стукачам, среди которых не последнюю роль играл грек в вестибюле отеля «Модерн», Мартынов имел о Семене подробные сведения. Он знал, с кем дружит молодой пианист, в какие ходит рестораны, где предпочитает гулять. Он даже знал, что шофер Семена вооружен револьвером (разрешение-то выдавало ведомство Мартынова!). Не удивительно, что при похищении банда действовала с точностью отлаженного механизма.

Семен Каспе был схвачен 24 августа 1933 г. за несколько минут до полуночи. Он провожал домой девушку по имени Лидия Чернецкая после ужина в отеле «Модерн». Как только автомобиль остановился у ее дверей, из густой тени выскочил Шандарь, скользнул на переднее сиденье и выхватил у шофера револьвер. Тем временем Кириченко открыл заднюю дверь, сел в машину и велел Лидии и Семену сидеть тихо. Они повиновались. Шандарь приказал шоферу ехать в Новый го-

род, где он и Лидия были отпущены, получив наставления о том, что сказать Иосифу Каспе. Семена пересадили в другую машину, и Зайцев отвез его за город на берег реки. Там он передал пианиста Галушко и Безручко, которые в третьей машине доставили его в Старый город в заранее приготовленное убежище.

Хотя операция прошла гладко, с получением выкупа дело не заладилось. Накамура оценил освобождение Семена в 300 000 долларов — он считал, что такую сумму Иосиф вполне может заплатить. Но он плохо знал характер старика. Узнав от Лидии о похищении сына, о размере выкупа и об угрозе убить Семена при первой же попытке связаться с полицией или французскими властями, старый Каспе реагировал на это с характерной для него решительностью. Он немедленно известил о случившемся все полицейские службы Харбина, потребовал вмешательства французского консула и объявил через газеты, что и не подумает платить, ибо никто не посмеет причинить вред его сыну.

Похищение Семена наэлектризовало весь Харбин. Со столь известным иностранным гражданином такое случилось здесь впервые. В обстановке газетной шумихи все полицейские ведомства города (муниципальная, государственная, японская консульская, железнодорожная полиция и «Кемпей») независимо друг от друга начали расследовать это дело.

Первое подозрение — как официальное, так и неофициальное — пало на РФП. Ее члены, за немногими исключениями, были убежденными антисемитами, и «Наш путь» регулярно подвергал старшего Каспе жестоким нападениям. Все знали, что глава чернорубашечников Саша Болотов не раз участвовал в подобных предприятиях. Муниципальная полиция допросила нескольких фашистов, а Михаила Матковского (уж его-то зачем?) задержали на три дня. Родзаевского, однако, не тронули.

Николай Мартынов, как он и предполагал, получил от начальника следственного отдела муниципальной полиции Л. Н. Горошкевича задание заняться поисками молодого Каспе. Ничтоже сумняшеся Мартынов посетил Иосифа Каспе и французского консула Рейно, выразил обоим сожаление и заверил их в том, что придает этому делу первостепенное значение.

Мартынов недолго наслаждался ловким розыгрышем. Не прошло и недели, как события приняли неожиданный

оборот, при котором тайное грозило стать явным. Если французский консул Рейно, подтверждая прогноз Накамуры, проявлял к судьбе молодого Каспе лишь формальный интерес, то вице-консул Альбер Шамбон почувствовал, что преступление имеет двойное дно, и посчитал делом чести разобраться в нем до конца. Шамбон велел старому Каспе вести с похитителями переговоры, но не удовлетворять их требований. Тем временем он нанял частных русских сыщиков и начал собственное расследование. В течение двух недель подозрение о том, что похищение — результат сговора с японцами, переросло у Шамбона в уверенность. Осталось только получить доказательства.

К середине сентября похитители начали проявлять признаки нетерпения. Создавалось впечатление, что старый Каспе тянет время. Шамбон пообещал за освобождение Семена щедрую денежную премию, к которой проявил нескрываемый интерес даже Саша Болотов. Но хуже всего было то, что агенты Шамбона, по слухам, напали на след. Не рискуя оставаться в Харбине, похитители перевезли узника из Старого города в Сяо-линь — уединенную деревушку в тридцати милях от города.

«Перников» пишет, что в конце сентября Накамура, занервничав, отстранил от руководства Мартынова и снова обратился к Родзаевскому, чтобы тот прикончил Семена. Соучастие Родзаевского в преступлении на этой стадии не доказано и маловероятно, но многие признаки указывают на то, что кто-то начал склоняться к мысли об убийстве молодого Каспе.

Хотя Семен во всем был послушен тюремщикам и писал отцу слезные письма, прося согласиться с их требованиями, судьба его, по существу, уже была решена. Вынужденное сожительство тянулось неделями, и охрана (то есть Безручко, Галушко, Кириченко и Зайцев) мало-помалу начала вступать с ним в разговоры. От длительного бездействия и скуки языки развязались. Зайцев пустился в рассказы о своей деятельности в Братстве русской правды. Попутно он проговорился о том, как планировалось похищение самого Каспе, упомянул о Мартынове и дал понять, что цепочка тянется «выше». Проведав об этой оплошности, Кириченко решил, что Каспе знает слишком много и, заплатят выкуп или нет, оставлять его в живых нельзя.

Чтобы заставить старика раскошелиться, похитители

28 сентября применили последнее средство. Они отрезали несчастному Семену уши, положили в пакет и отправили по почте в отель «Модерн» с запиской, что за ушами последуют пальцы. Увидев окровавленную плоть родного сына, Иосиф на миг потерял самообладание, но Шамбон уговорил его еще немного потерпеть, сказав, что мучители Семена вот-вот будут обнаружены.

Вице-консул не обманывал. Через несколько дней его агенты вышли на Комисаренко — самого молодого члена банды, в наименьшей степени причастного к преступлению. На допросе во французском консульстве Комисаренко раскололся. Ему пообещали освобождение, и в обмен на это он дал письменные показания, в которых признал свою вину и выдал шестерых сообщников, в том числе Мартынова. Ни Накамуру, ни Родзаевского он не упомянул — то ли из страха, то ли от незнания. С этими бумагами Шамбон отправился к начальнику харбинской муниципальной полиции и потребовал арестовать злоумышленников. Он также дал ясно понять, что подозревает японцев в пособничестве.

Харбинская полиция сообщила о признании Комисаренко и подозрениях Шамбона в штаб-квартиру «Кемпеи». Накамура отреагировал со всей решительностью. Комисаренко по его распоряжению отвезли подальше от людских глаз — на станцию Пограничная, расположенную у советско-маньчжурской границы в 250 милях к востоку от Харбина. Сыщики Шамбона, на которых указал Комисаренко, были арестованы.

Ответные шаги Накамуры только укрепили решимость Шамбона. Он разослал копии показаний Комисаренко по всем иностранным консульствам. Дело получило широкую огласку в американских, английских и французских газетах, которые наперебой рассуждали о соучастии японских властей в преступлении. Напротив, «Наш путь» и «Харбинское время», вероятно инструкторуемые «Кемпеи», подвергли Шамбона яростным нападкам, обвиняя его в злоупотреблении статусом дипломата. «Наш путь» окрестил французского вице-консула «агентом жидов и коммунистов» и призвал всех русских «патриотов» дать ему прямой отпор. После этого некоторые «соратники» из РФП безрезультатно вызвали Шамбона на дуэль.

Мартынов чувствовал, что вокруг него сжимается кольцо. 8 октября он обсудил с Шандарем и Кириченко план дальнейших действий в свете неминуемого разоблачения. Было решено, что Мартынов и Шандарь не будут уклоняться от ареста, но, если он произойдет, примутся отрицать всякую связь с делом Каспе. Прочие (Кириченко, Зайцев, Галушко, Безручко) останутся на свободе, будут по-прежнему охранять Семена в Сяолине и постараются все же получить выкуп. Даже теперь похитители верили, что шанс до конца не упущен. Ведь Комисаренко не выдал Шамбону сяолиньское убежище. Они рассчитывали воздействовать на мать Семена, которая жила в Париже, с тем, чтобы она оказала давление на Иосифа.

9 октября Мартынов и Шандарь были арестованы в своих квартирах муниципальной полицией. Допрошенные японским следователем, они сказали, что ничего не знают ни о похищении Каспе, ни о его местонахождении.

В этот момент Шамбон нашел могущественного союзника в лице полковника Ои Фукаси, начальника железнодорожной полиции, полномочия которой распространялись на всю зону КВЖД в Северной Маньчжурии. Он, хоть и был японским офицером, не получил, вероятно, инструкций от «Кемпеи», а если бы и получил, то вряд ли стал бы им следовать. Он находил в себе силы противостоять давлению «Кемпеи» и не терпел никаких нарушений закона в железнодорожной зоне.

Узнав, что Комисаренко собираются отправить на Пограничную, Ои 13 октября распорядился задержать молодого русского на станции Имяньпо, что в пятидесяти милях к востоку от Харбина. Доставленный обратно в Харбин, Комисаренко дал дополнительные показания, которые помогли полковнику Ои в его поисках. 28 ноября Ои выяснил, что два человека, похожие на Зайцева и Безручко, регулярно куда-то ездят на поезде из Старого города. Он приказал их арестовать.

Кульминация дела Каспе в разных версиях описывается по-разному. Пресса сообщала, что Безручко сдался властям, а Зайцев, Кириченко и Галушко убили Семена и покинули Сяолинь. Пытаясь добраться до убежища в малонаселенной местности к северу от Харбина, трое беглецов были выслежены. Зайцева и Кири-

ченко схватили, а Галушко оказал сопротивление и был застрелен. Однако источники, связанные с «Кемпеи», рисуют совсем другую картину. После того как агенты Ои задержали Безручко и Зайцева на вокзале в Старом городе, наблюдавшие арест стукачи известили о нем Накамуру, который тут же помчался в Сяолинь. Там он приказал Кириченко убить Семена. После этого он вынул пистолет и пустил Галушко пулю в лоб, поскольку, согласно одной из версий, тот только что заключил с Семеном тайную сделку, пообещав за деньги выпустить юношу на свободу. Затем Костя велел Кириченко вернуться в Харбин одному, взять в штаб-квартире «Кемпеи» фальшивый паспорт и затаиться в дальнем северном углу Маньчжоу-Го.

Как бы то ни было, 3 декабря 1933 г. представитель «Кемпеи» заявил, что поблизости от деревни Сяолинь найдено слегка присыпанное землей тело Семена. Он также сказал, что все похитители молодого Каспе, кроме Кириченко*, либо убиты, либо находятся под арестом в харбинской муниципальной полиции.

Не в состоянии поверить в такую развязку, Иосиф Каспе требовал, чтобы ему показали труп сына. Увидев истощенное, грязное тело, небритые щеки, обезображенное гангреной лицо, раны на месте ушей, старик наконец понял, что вытерпел его сын за девяносто пять дней заточения. До этой минуты державший себя в руках, Иосиф издал сдавленный стон, который перешел в вопль отчаяния.

Тысячи харбинцев всех национальностей, и японцы в том числе, отозвались на крик Иосифа Каспе. Похороны Семена превратились в демонстрацию, на которой люди выражали свое негодование. В пламенном надгробном слове доктор Абрам Кауфман обрушился не только на убийц Каспе, но и на тех, кто стоял за ними и остался на свободе. Намек был абсолютно ясен. Подонки из «Кемпеи» потом угрожали безрассудному Кауфману, но арестовать его не решились. Токио явно не хотело возбуждать против себя общественное мнение всего мира и постаралось спустить дело на тормозах. Суд над Мартыновым и его сообщниками состоялся только через пятнадцать месяцев. Окончательный приговор был вынесен лишь в 1936 г. после ряда судебных трюков, привлек-

* 18 декабря Кириченко был задержан людьми полковника Ои к северу от Харбина.

ших к себе не меньше внимания, чем само преступление*.

Хотя японским властям больше всего хотелось, чтобы о деле Каспе поскорее забыли, их протезе Родзаевский постарался превратить его в *cause célèbre*** . Не обращая внимания на смятение покровителей, он злорадствовал по поводу гибели Семена в газете «Наш путь» и восхвалял его убийц как настоящих российских патриотов. Костя Накамура очень хорошо понимал, что, если Константина Владимировича занесло, его следует унять. Поэтому сотрудники «Кемпеи» периодически наведывались в редакцию газеты, проявляя заботу о правильном понимании ею «царского пути».

Несмотря на шум, вызванный делом Каспе, Родзаевский, подводя итоги 1933 г., мог быть доволен. В двадцать шесть лет он единолично возглавлял самую сильную на Дальнем Востоке организацию русских эмигрантов. Количество членов РФП увеличилось от 200 в 1931 г. до 5000 в 1933 г. — в двадцать пять раз. Было ясно, что фашизму принадлежит блестящее будущее во всем мире. В Германии только что пришел к власти Адольф Гитлер. Бенито Муссолини во всеуслышание объявил о возрождении Римской империи. Фашистские движения набирали силу в Испании, Франции, на Балканах, в Южной Америке. Япония продолжала свою экспансию в Азии и на всех парах шла к столкновению с Советским Союзом. Японский военный министр генерал Араки Садао знал русский язык, люто ненавидел коммунистов и сочувствовал РФП. Советско-японская война могла вызвать Национальную Революцию и — почему бы и нет? — превратить его, Константина Владимировича Родзаевского, из вождя российских фашистов в вождя всей России.

Но постойте. Действительно ли он был вождем *всех* русских фашистов? Сомнение в этом рождали невнятные слухи о некоем Анастасии Вонсяцком, объявившем себя вождем русских фашистов в Соединенных Штатах. Родзаевский решил проверить, что за этим кроется. Первоначальные опасения обернулись десятилетней головной болью: на пустынную сцену эмигрантской политики эффектно выбежал поддельный граф из Коннектикута.

* См. главу XI.

** Громкое дело (*фр.*).

Глава VII

РУССКАЯ ЗОЛУШКА

Я не хочу сказать, что всякий русский, эмигрировавший в Соединенные Штаты, непременно плут, но я уверен, что никакая другая страна не приютила столь внушительного количества русских плутов.

*Великий князь Александр
(1933 г.)*

Если на Дальнем Востоке русский фашизм порой выглядел как ширма для организованной преступности, то в Соединенных Штатах он обернулся буффонадой. Благодаря великодушному правительству, покладистой местной полиции и собственной щедрости, прирожденный актер Анастасий Андреевич Вонсяцкий закатывал, на удивление тысячам американцев, такие представления, что — куда там Голливуду.

На первый взгляд краснобай и фигляр, Вонсяцкий был на самом деле сложным человеком — под его маской комика прятались трагические переживания. Пытаясь вознаградить себя за поломанную юность, он в своей карьере головокружительно лавировал между политикой и водевилем, и можно было только гадать, кто он такой — злодей, мессия или шут. В его непреодолимой тяге к эксцентрическим выходкам сошлись противоположности русского фашизма — тщета и пафос.

В молодости Вонсяцкий в полной мере познал превратности судьбы. Он утратил родину и приобрел состояние. Революция отняла у него семью и имущество, сделав из него поверженного, но несломленного эмигранта. Женитьба на богатой американке превратила его в новоанглийского сквайра — воплощение эмигрантской мечты, предмет зависти для тысяч. Задолго до того, как ему в первый раз пришлось в голову стать фашистским вождем, он надел хрустальные туфельки русской Золушки.

Повержен, но не сломлен

Анастасий Андреевич Вонсяцкий родился 12 июня 1898 г. в цитадели Варшавы. Его день рождения совпал с днем рождения Петра Великого, из-за чего Анастасий

впоследствии утверждал, что является потомком этого полупросвещенного монарха. На самом деле Вонсяцкие вышли из мелкопоместного немецко-польского дворянства Священной Римской империи. Когда-то эта фамилия писалась «фон Сяцкий», но русифицировалась с годами.

Царская служба на протяжении поколений русифицировала не только фамилию, но и образ мыслей Вонсяцких. Прадед Анастасия за беззаветную преданность удостоился личной похвалы Николая I. Его дед участвовал в подавлении польского восстания 1863 г. Его отец, полковник Андрей Николаевич Вонсяцкий, командовал варшавской жандармерией.

Вонсяцкие жили и работали внутри цитадели. Андрей Николаевич занимался трудным и часто непопулярным делом — поддерживал закон и порядок в городе, который кишел революционерами-социалистами и польскими националистами. Шурин Андрея, православный священник Анастасий Плышевский, удовлетворял религиозные потребности гарнизона. Жена Андрея, Нина Анастасьевна, стойчески переносила все тяготы спартанского быта и воспитала пятерых детей: Марию, Наталью, Татьяну, Николая и, наконец, младшего — Анастасия.

Крепкий мальчик с большими пытливыми серыми глазами, Анастасий рос в строгой военной обстановке. Родители считали военную службу чрезвычайно почетным делом и готовили сыновей к продолжению славных семейных традиций.

Юный Анастасий, как представляется, охотно принял этот жребий. Еще ребенком он любил лазить по стенам крепости — это была его площадка для игр. Одетый в миниатюрную гусарскую форму, он, словно маленький кавалерист, носился по мощенным булыжником внутренним дворикам в сопровождении пыхтевшего денщика. Совсем близко от того места, где возился юный Вонсяцкий, находились тюремные камеры, где между 1900 и 1912 гг. содержались узники, ставшие потом известными: Юзеф Пилсудский, Роза Люксембург, Карл Радек и Феликс Дзержинский. В 1908 г. в десятилетнем возрасте Анастасий поступил в Московскую военную приготовительную школу, что было первым шагом к зачислению в офицерский корпус Российской императорской армии.

Беда пришла в дом Вонсяцких 16 июня 1910 г. Накануне перевода в Киев Андрей Николаевич был убит в городе Радоме, в восьмидесяти километрах к югу от

Варшавы. Хотя потом Анастасий пытался представить отца жертвой польских революционеров-террористов, на самом деле его в припадке злобы убил провокатор. Выведенный из себя личной обидой, один из платных осведомителей полковника Вонсяцкого вошел в радомское полицейское управление и приблизился к своему начальнику, который, ничего не подозревая, сидел за письменным столом. Никто и двинуться не успел, как посетитель вытащил браунинг и всадил офицеру пулю промеж глаз. Убийство вызвало чистку среди внештатных полицейских агентов по всему Царству Польскому и нанесло Анастасию тяжелый психологический удар — он потом всю жизнь боялся стать жертвой покушения.

В 1916 г. Анастасий окончил приготовительную школу и тут же поступил в престижное петроградское Николаевское кавалерийское военное училище. Молодой кадет был приписан к Пятому гусарскому полку императрицы Александры Федоровны, или, как их обычно называли, к «черным гусарам», форма и лошади у которых были черного цвета.

Не прошло и года, как революционные катаклизмы уничтожили училище и навсегда разбросали по свету семью Вонсяцких. Нина Анастасьевна умерла от болезни в конце 1916 г. Николай погиб в гражданскую войну, сражаясь с большевиками. Мария осталась в России, и ее поглотила волна арестов 1936 г. Наталья благополучно добралась с мужем через Сибирь до Харбина и открыла там кафе. Татьяна обосновалась под Москвой. Анастасий пошел тропой авантюра, которая под конец привела его в Патнэм (Коннектикут).

Октябрьская революция толкнула Анастасия Вонсяцкого в кровавое месиво гражданской войны. В конце ноября 1917 г. он присоединился к нескольким сотням других императорских кадетов и, преодолев по снегу свыше полутора тысяч километров, добрался до Екатеринодара (ныне Краснодар), где генерал Антон Деникин формировал Добровольческую армию. Два года Анастасий воевал с красными в армии Деникина на Восточной Украине и на Дону. Война превратила розовощекого юношу в сурового солдата. Пройдя путь от кадета до капитана, он пулей и штыком уничтожил десятки истинных и мнимых большевиков — в этой жестокой схватке ни красные, ни белые не задумывались надолго прежде, чем нажать на спусковой крючок. Позже Вонсяцкий вспоминал, как он участвовал в расстреле

пятисот пленных красноармейцев в Ростове 27 ноября 1919 г.

За это время Вонсяцкий несколько раз был на волосок от смерти. На лбу у него появился треугольный шрам (что зловеще напоминало о гибели отца), и он всю жизнь потом носил в брюшной полости красноармейскую пулю. Полная опасностей жизнь развила в нем ловкость и находчивость, выручавшие его в трудную минуту и тогда, и позже. Однажды в 1919 г., когда он лакомился арбузами на бахче близ Ростова, появился красноармейский патруль. Пустившись наутек, он обнаружил, что позадничал и бегство затруднено расстройством пищеварения. Одно движение штыка, рассказывал он,— и штаны распороты, и необходимая для спасения легкость обеспечена.

Гражданская война оставила в душе Вонсяцкого неизгладимый след. Она воспитала в нем неукротимую ненависть к коммунизму, который, как он видел, обрек его родину на смерть и разруху. И она породила особую связь между ним и другими ветеранами Добровольческой армии, из которых в 30-е годы составилось ядро его фашистской партии. Общие испытания стали прообразом фашистского единства, материалом, из которого строился фашистский миф. К примеру, ледовая екатеринодарская эпопея, запечатленная в прозе и стихах как вечный символ стойкости, стала чем-то вроде Великого похода* русских фашистов.

Болезнь избавила Вонсяцкого от участия в последних содроганиях Белой армии. Свалившись в тифе в декабре 1919 г., он был доставлен на товарном поезде из Харькова в Новороссийск, а оттуда пароходом в Ялту, где с отмороженными ногами и без копейки денег появился 3 января 1920 г. В Ялте израненный воин нашел приют у торговца-еврея по фамилии Муромский. Ухаживала за ним дочь Муромского Люба.

Прошло всего несколько дней, и Вонсяцкий с Любой уже были в близких отношениях. 31 января они обвенчались по православному обряду в ялтинском Никольском соборе. Причины этого скоропалительного брака неясны и спорны. Анастасий впоследствии отрицал законность этого союза и объяснял, что хотел защитить Муромских от погромов и облегчить их отъезд из Крыма,

* Великий поход 1934—36 гг.— переброска войск китайской Красной армии на северо-запад страны (*прим. перев.*).

стоявшего на грани анархии. Он считал брак недействительным на том основании, что Люба скрыла свою истинную религиозную принадлежность: российский закон запрещал православному жениться на еврейке. Но Люба, как выяснилось, была не из тех, кто легко выпускает из рук добычу.

Положение белых в Южной России ухудшалось, и Вонсяцкий понял, что, пока не поздно, надо уезжать. В марте 1920 г. он с молодой женой переправился через Черное море в Константинополь и, страдая от последствий обморожения, поступил на лечение в английский госпиталь в Галлиполи. Выписавшись через месяц, Вонсяцкий имел за душой только шинель, рваную гимнастерку да пару больничных тапочек; и тогда он решил, оставив Любу, поехать поискать работу в Западную Европу. Пересаживаясь с парохода на пароход, он еще в апреле добрался до Марселя. В мае он через Париж переехал в Лондон и там неожиданно обрел благодетеля в лице князя Феликса Юсупова.

Наследник одного из богатейших промышленных состояний России, Феликс Юсупов был для эмигрантской знати чем-то вроде набоба. Хотя революция отняла у него бакинские нефтеразработки, ему удалось сохранить достаточно движимого имущества, чтобы некоторое время шикарно проматывать доход от его реализации. Из альтруистических побуждений он в своем элегантном лондонском доме открыл мастерскую для нуждающихся соотечественников. Вонсяцкий стал одним из его подопечных.

Пробыв «в гостях у князя Юсупова» три месяца, Вонсяцкий подсчитал свои сбережения, попрощался с молодыми князьями Романовыми, с которыми он еще будет весело проводить время через десять лет, и в октябре 1920 г. вернулся в Константинополь. Трудно сказать, что заставило его покинуть уютную синекуру ради сомнительного турецкого гостеприимства. Может быть, не поладил с Юсуповым. Может быть, соскучился по Любе. Может быть, кончилась английская виза.

Как бы то ни было, Вонсяцкий в Константинополе надолго не задержался. Разгром Белой армии генерала Врангеля в Южной России сопровождался ноябрьской эвакуацией из Крыма 150 000 военнослужащих и гражданских лиц, после чего берега Босфора захлестнула волна беженцев. Не желая ни оставаться в лагере для перемещенных лиц в Галлиполи, ни вступать во фран-

цузский Иностраннный легион, ни строить дороги на Балканах, Вонсяцкий отправился на грузовом судне в Марсель, затем перебивался случайными заработками на юге Франции и под конец устроился рабочим сцены в парижском мюзик-холле «Фоли-Бержер».

Позже Вонсяцкий в дружеской беседе признался, что в молодости мечтал либо выгодно жениться, либо стать известным киноактером. Удача улыбнулась ему на первом пути благодаря случайной встрече весной 1921 г. в парижском дансинге с разведенной американкой вдвое старше его и во много раз богаче.

В мемуарах, написанных на Лазурном берегу, великий князь Александр сардонически заметил: «Ничто так не помогает эмигранту, как выстраданная способность повторить историю Золушки от конца к началу». Вонсяцкий стал настоящей Золушкой, совершив отрицание отрицания. Его прекрасной принцессой оказалась Мэрион Стефенс, урожденная Мэрион Бакингом Рим.

Линия Римов

Одна из богатейших семей Соединенных Штатов в 1920 г., Римы незадолго до этого окончательно перешли из разряда чикагских богачей в разряд коннектикутских сквайров. В последней четверти девятнадцатого века основатель династии Норман Брюс Рим проделал несколько выгоднейших операций, перепродавая домашний скот и зерно. Вошедший после «арморовской скупки»* 1879 г. в чикагскую «Большую четверку», Рим наряду с Дж. П. Морганом, Маршаллом Филдом, Джорджем М. Пуллменом, Э. Х. Греем и другими стал одним из героев (или злодеев) «Позолоченного века» Америки. К концу столетия деятельность Нормана Рима распространилась и на железные дороги, и на сталелитейную промышленность, и на финансы; к 1915 г., когда он умер, он успел стать директором двадцати двух корпораций, в частности одним из учредителей «Нэшнл Бискит Компани» и «Юнайтед Стейтс Стил». Он оставил состояние в 40 миллионов долларов жене Кэролайн Патнэм (приходившей из рода Уильяма Брэдфорда, одного из первых поселенцев, второго губернатора Плимутской колонии)

* Ф. Д. Армор (1832—1901) — американский бизнесмен, глава фирмы по производству свиных консервов (прим. перев.).

и шести взрослым детям: Мэрион, Фрэнсис, Норману, Роберту, Эдварду и Луису.

После кончины мужа Кэролайн осталась жить в Кэролин Холле, семейной усадьбе в Томпсоне (Коннектикут). Томпсон был и остается живописным новоанглийским селением (300 жителей в 1975 г.) в трех милях от Патнэма (7000 жителей), в двадцати восьми милях от Провиденса, в сорока восьми милях от Хартфорда и в шестидесяти милях от Бостона. Расположенный в северо-восточном углу штата близ массачусетской и род-айлендской границ, Томпсон не был затронут промышленной революцией (в отличие от соседнего Патнэма, где бум, связанный с постройкой текстильной фабрики, сменился потом упадком).

Хотя поместье Римов в Томпсоне измерялось сотнями цветущих акров, второе поколение (за одним исключением) в конце концов разъехалось кто куда. Роберт и Норман обосновались в Гринвиче, в противоположном углу Коннектикута. Фрэнсис переехала в Северную Каролину, Эдвард — в Кентукки, Луис — в Провиденс. В Томпсоне осталась одна Мэрион.

Мэрион Бакингом Рим была замечательной женщиной. Она родилась 9 января 1877 г. в Вудлон Парке (Иллинойс) и выросла в миниатюрную (рост — пять футов и три дюйма) кареглазую большеголовую девушку с широкими бровями и полным подбородком. Но мужские черты ее лица светились нежностью и участием, что привлекало к ней сердца всех, кто ее знал. Щедрость Мэрион была почти рефлекторной. «Давать — это была ее страсть», — вспоминал ее друг из Томпсона. Притом благотворительная деятельность шла у нее не от показного благочестия и не от ожидания благодарности, и цельная ее натура никогда не покрывалась панцирем самодовольной респектабельности.

Тихая, но умеющая настоять на своем, Мэрион не испытывала большого желания играть роль послушной супруги, многодетной матери и хлебосольной хозяйки, к чему ее обязывало имущественное и общественное положение. У нее были свои соображения о том, как следует жить. Мягко, не оскорбляя семью, она умела реализовать свои необычные душевные склонности. Если бы она родилась мужчиной, то, может быть, пошла бы по стопам отца. Вместо этого она принялась расходовать силы и средства на любимые дела и на друзей.

Воля Мэрион к независимости особенно ясно прояви-

лась после обручения в 1903 г. в возрасте 26 лет с юристом из Чикаго Редмондом Стефенсом. Этот брак, ознаменованный самой пышной свадьбой чикагского сезона, постепенно развалился из-за финансовой и эмоциональной несовместимости супругов. Мэрион тратила в год около 25 000 долларов на одни званые обеды и поездки — к примеру, с 1903 по 1915 г. тридцать два раза ездила из Чикаго в Патнэм и обратно. Хотя у ее мужа была хорошая юридическая практика, а когда болезнь вывела его из строя, ему помог деньгами Норман Брюс Рим, Редмонда постоянно беспокоила утечка средств и злила привычка жены к перемене мест. 17 мая 1915 г. (Норман Рим умер в феврале) он в письме к теще предъявил ей перечень обид и намекнул на развод в том случае, если Мэрион не станет тратить меньше денег и проводить больше времени дома.

Но инициатором разрыва оказалась Мэрион. Перехватив письма к мужу от некоей Присциллы — они не оставляли сомнений в том, как Редмонд утешал себя в отсутствие жены,— Мэрион немедленно собрала вещи и вернулась в Кэролин Холл (это случилось в 1915 г.). Два года потом Редмонд каялся и просил прощения. В письме от 5 сентября 1917 г. он взывал:

«Я вспоминаю прошлое и вижу причину наших неурядиц: каждый из нас хотел сделать другого членом своей семьи, и, к глубокому сожалению, я противился тому, чтобы стать Римом. Теперь я готов стать не только Римом, но и рабом, членом ордена Лосей*, католиком, евреем — кем угодно, лишь бы вернуть тебя, милое неуправляемое существо».

Но Мэрион осталась глуха к его мольбам. Развод состоялся 6 апреля 1918 г. Редмонд любил ее всю жизнь и второй раз не женился. Он написал завещание на ее имя; умер он 13 февраля 1931 г. во Френч-Лик-Спрингс (Индиана), и Мэрион получила наследство в 5 тысяч долларов.

Чтобы компенсировать неудачу в семейной жизни, Мэрион целиком отдалась благотворительной лихорадке, захлестнувшей Америку во время первой мировой войны. Она вступила в Американское общество Красного Креста, получила квалификацию сестры милосердия на женских курсах военно-морского ведомства в Вашингтоне и сразу после перемирия приехала во Францию

* Орден Лосей (основан в 1868 г.) — общественная организация в США (прим. перев.).

для благотворительной работы под эгидой Христианского союза молодых людей (ХСМЛ) и командования американских экспедиционных сил. Столкнувшись в ходе этой деятельности с сотнями русских беженцев, она приняла особое участие в судьбе одного из них — Анастасия Вонсяцкого.

Мэрион и Анастасий образовали весьма необычную пару. Ей было сорок четыре, ему — двадцать два. Она не знала ни слова по-русски и почти ничего о России. Он с трудом мог произнести несколько корявых фраз по-английски и имел крайне отдаленное представление об Америке. И все же случайная встреча в парижском дансинге весной 1921 г. обернулась прочной связью, длившейся более сорока лет.

Конечно, влечение возникло у каждого из них по своим особым причинам. Мэрион жалела Анастасия, видя в нем невинную жертву истории. Его выразительные серые глаза прямо-таки кричали о трагической судьбе. Его европейская галантность возвышала ее в собственных глазах. Ей льстило, что к ней проявил такое внимание сильный, красивый юноша, чьи неуклюжие попытки объясниться по-английски можно было при желании истолковать как косноязычие страсти. Бросавшаяся в глаза детская беспомощность Анастасия взывала к ее материнским инстинктам и убеждала в его искренности.

А у Вонсяцкого, как представляется, это была любовь еще до первого взгляда. Явный интерес Мэрион к жертвам революции производил глубокое впечатление, особенно в связи с ее внушительным богатством. Это сочетание наводило Анастасия на размышления. Как тысячи других эмигрантов, он отказывался считать победу большевиков окончательной. Он мечтал о возвращении в Россию, хотя и не знал, как эту мечту воплотить в жизнь. Внимание к нему Мэрион и ее состояние рождали в нем мысль о том, что все осуществимо. Если Эдуард VIII позднее отказался от королевства ради разведенной американки, то Анастасий получал королевство безграничных возможностей, женись на разведенной американке.

Взяв молодого русского под свое покровительство, Мэрион решила помочь ему найти работу в Соединенных Штатах. Первым делом она представила Анастасия Эллиотту Бэкону, главе фирмы «Дж. П. Морган и К^о», который случайно оказался в то время в Париже. Отвечая

на вопрос о том, какое занятие лучше выбрать эмигранту-патриоту, Бэкон посоветовал Вонсяцкому устроиться на машиностроительный завод, поскольку технические знания будут в России на вес золота. Бэкон познакомил Вонсяцкого с другой гостьей из Америки — Констанс Воклен, дочерью Сэмьюэла М. Воклена, президента филаделфийской компании «Локомотивные заводы Болдуина», который до революции поддерживал активные деловые связи с Россией. Констанс снабдила будущего пролетария рекомендательным письмом к отцу.

Воодушевленный блестящими перспективами, Вонсяцкий в июне 1921 г. стал собираться в дорогу. Он купил билет на пароход, одолжив деньги у Эллиотта Бэкона и получив кроме того какую-то сумму от Мэрион. Перед отъездом он не мог отказать себе в удовольствии устроить в европейских эмигрантских кругах переполох.

24 июня 1921 г. в парижской русской газете «Последние новости», либеральном органе, издаваемом лидером кадетов Павлом Милюковым, появилась необычная статья. Озаглавленная «Записки монархиста», она в подробностях описывала зверские убийства троих предполагаемых большевиков в 1920 г. в Крыму, причем автор не оставлял сомнений в том, что он сам содействовал убийцам. В одном эпизоде белые офицеры втыкали несчастному иголки под ногти и кромсали штыком его ноги. В другом один из убийц сетовал, что испачкал мозгом свой макинтош, когда пустил молодому еврею пулю в лоб. Статья была подписана «А. Вонсяцкий».

Читая «Записки» беспристрастными глазами, приходишь к выводу, что они всего лишь плод воспаленного воображения. Хотя Вонсяцкий потом утверждал, что материал взят из его дневника неким приятелем, который и отдал его в печать, маловероятно, что он действительно участвовал в столь ярко выписанных жестокостях. Действие «Записок» происходит в Крыму. А мы знаем, что Анастасий приезжал в Крым всего один раз и тихо провел эти два месяца в еврейской семье сначала на правах больного, а потом на правах зятя. «Записки» вполне могли быть неуклюжим иносказанием, задуманным, чтобы оспорить распространенную среди белых тенденцию считать всех евреев большевистскими преступниками. Скорее всего, это было первое путешествие Вонсяцкого в мир вымысла.

Какими бы ни были его намерения, читатели «Записок» восприняли эти откровения буквально. Издатели

«Последних новостей» опубликовали этот текст как свидетельство против монархистов. Монархические эмигрантские органы в один голос выразили негодование, утверждая, что публикация дискредитирует белое движение как таковое. Они гневно указывали, что советская газета «Известия» с пропагандистскими целями перепечатала «Записки» миллионным тиражом. Призрак «Записок» еще вернется к Вонсяцкому через двадцать лет, когда недоброжелатели используют «зверские убийства в Крыму», чтобы окрестить его «русским Гиммлером». В то время, однако, публикация означала для Вонсяцкого удачный пируэт и мгновенную славу. Из Парижа он уехал как раз вовремя, ибо французская полиция уведомила его, что его *permit de séjour** не будет продлен.

Когда Вонсяцкий 30 июля 1921 г. прибыл в Нью-Йорк на корабле «Франция», ему дали визу на три месяца без права продления. Было трудно рассчитывать получить вид на жительство. Незадолго до этого (19 мая 1921 г.) Конгресс утвердил квоту, которая жестко ограничивала число русских иммигрантов, допускаемых в Соединенные Штаты. И тут опять на помощь Вонсяцкому пришла Мэрион, которая использовала для облегчения его судьбы семейные связи.

Косвенные соображения говорят о том, что внимание властей к делу Вонсяцкого привлек Джон Р. Глэддинг, друг покойного Нормана Брюса Рима. Глэддинг, биржевой маклер из Провиденса, учился в свое время в одном колледже (колледж Брауна, выпуск 1881 г.) и состоял в переписке с Чарльзом Эвансом Хьюзом, недавно ставшим государственным секретарем. Оплот честности в администрации Хардинга, Хьюз опасался даже намек на личное покровительство. Вонсяцкий, вероятно, был исключением, подтверждавшим правило. То, что Глэддинг рекомендовал молодого русского беженца как серьезного человека, за которого ручается весьма уважаемое (и устойчиво республиканское) семейство, возможно, побудило Хьюза через Службу иммиграции и натурализации устроить Вонсяцкому специальное разрешение. Получить этому документальное подтверждение не удалось, так как иммиграционное досье Вонсяцкого — отнесенное к разряду «Коммунисты» — еще не рассекречено. Известно тем не менее, что Апелляцион-

* Вид на жительство (*фр.*).

ный совет дал Вонсяцкому разрешение на постоянное проживание 29 октября 1921 г., за день до истечения срока его визы.

Впоследствии Томас Уотсон, который много лет работал у Римов, вспоминал, как Джон Глэддинг ворчал, что, дескать, знал бы он в 1921 г., что за человек «этот русский», ни за что бы не ходатайствовал о нем перед госсекретарем Хьюзом. Вонсяцкий, со своей стороны, никогда не забывал об услуге, оказанной ему «длинноногим бульдогом». Он на всю жизнь стал республиканцем и не раз говорил и писал о Хьюзе с глубоким уважением и признательностью.

Вонсяцкий провел лето и осень 1921 г. в Кэролин Холле. Мэрион оказывала ему всяческое внимание, но о браке разговора не было. Ее друг из Томпсона вспоминал через много лет, что Мэрион обращалась с молодым русским скорее как с подопечным, нежели как с будущим супругом. Она учила его английскому, знакомила с семьей и друзьями и смиренно просила всех быть с ним поласковой — словом, прилагала все усилия, чтобы ввести его в томпсонский «высший свет».

Трудно сказать, в какой момент филантропический план Мэрион обогатился мыслью о замужестве. Зная характеры обоих, можно предположить, что Вонсяцкий сделал предложение, а Мэрион приняла его — вероятно, это произошло осенью 1921 г., когда он получил статус постоянно проживающего в США.

Какое бы впечатление ни произвел необычный гость на весьма консервативное семейство Римов, идея брака независимой и непредсказуемой Мэрион с нищим русским беженцем неизвестно какого происхождения не должна была вызвать восторга. К несчастью для семейной дисциплины, Нормана уже не было в живых, и некому было вернуть заблудшие сердца на путь истинный, как он сделал в 1911 г., когда Луис Маршалл Рим, младший брат Мэрион, сбежал с некоей актрисой в Хобокен (Нью-Джерси). Норман поставил тогда вопрос ребром: или расстанешься с девицей, или лишишься наследства. Луис сдался и вернулся домой. Актриса получила отступные в размере 210 000 долларов. Но в 1921 г. была совсем иная ситуация, нежели в 1911 г. Норман ушел в мир иной. Силой характера Мэрион превосходила Луиса, и в 1921 г. она была почти вдвое старше, чем Луис в 1911 г. Да и финансовая независимость у нее была, поскольку она уже унаследовала седьмую часть отцовского состояния.

Так что Римам пришлось скрепя сердце уступить решению Мэрион и молить Бога о том, чтобы свадьба прошла как можно незаметнее. Никому и в голову не приходило, что она вырастет в мелодраму международного масштаба.

По настоянию Вонсяцкого венчание происходило в православном Никольском соборе на 97-й улице в Нью-Йорке. Мэрион предварительно приняла православие. Скромная церемония была назначена на 4 часа дня 4 февраля 1922 г. Гостей не приглашали. Римы не собирались присутствовать, а у Вонсяцкого родственников в Соединенных Штатах не было.

В конце января о предстоящем бракосочетании вдруг узнала нью-йоркская пресса. В считанные дни новость перешагнула границу США. К 1 февраля многие американские, английские, французские и немецкие газеты оповестили читателей о приближающемся событии. Лицо Мэрион украсило собой обложки женских иллюстрированных журналов. Новость о том, что американская миллионерша берет в мужья русского беженца-бедняка, поражала воображение простого человека. Это не просто романтично; это — воплощение американской мечты. У тысяч людей замирало сердце, когда они представляли себя на месте Вонсяцкого; кто говорил о нем с тихой завистью, кто — с едким сарказмом.

Когда Анастасий и Мэрион за два дня до церемонии появились в «Чезэм-отеле» на перекрестке авеню Вандербильт и 48-й улицы, их атаковали репортеры. Римы наняли частных детективов, чтобы оградить жениха и невесту от посягательств, но все равно кое-кому из журналистов удалось добиться интервью. К ужасу семьи, Мэрион отвечала на вопросы с безыскусной искренностью. Когда ее спросили о разнице в возрасте и обеспеченности, она сказала: «Он старше своих лет. А счастье не зависит от денег». Вонсяцкий, со своей стороны, пошел по стопам Уолтера Митти*, что потом быстро вошло у него в привычку. Он присвоил себе титул «граф фон Сяцкий-Вонсяцкий» (газетчики сокращенно называли его VV). VV до революции обладал обширными поместьями в Южной России. Отец VV был «губернатором Варшавы». Дед VV был «усмирителем Польши в

* Уолтер Митти — персонаж рассказа американского писателя-юмориста Джеймса Тербера «Тайная жизнь Уолтера Митти», мечта-тель и выдумщик (*прим. перев.*).

1863 г.». VV воевал на всех фронтах гражданской войны. VV приехал в Соединенные штаты по приглашению президента «Локомотивных заводов Болдуина», с которым он очень дружен. VV познакомился с будущей невестой в Кэролин Холле, когда гостил у семейства Римов. Нельзя сказать, что репортеры принимали все за чистую монету, но приданое Мэрион они безбожно преувеличили, назвав цифры от 40 до 600 миллионов долларов.

Анастасий и Мэрион оставили газетчиков и зевак с носом, обвенчавшись на день раньше, чем было объявлено. Чтобы провести медовый месяц без помех, они сделали вид, что возвращаются в Кэролин Холл, а сами понеслись в Квебек, где под вымышленными именами остановились в отеле «Шато Фронтенак». Такая таинственность лишь увеличила ажиотаж, который разгорелся с новой силой, когда во время прогулки вдоль реки Св. Лаврентия кто-то их узнал.

Хотя богатство Мэрион, несомненно, позволяло ново-брачным начать жизнь, полную изящного безделья, оба они отвергли такую возможность. Анастасий жаждал принести пользу России и уже воспользовался советом Эллиотта Бэкона пойти по технической части.

В январе 1922 г. лимузин, управляемый шофером, подкатил к главным воротам Эддистоунского завода, входившего в «Локомотивные заводы Болдуина» и расположенного в юго-западном пригороде Филадельфии. Из лимузина вышел пассажир, который заявил, что желает поговорить о своем трудоустройстве с президентом компании Сэмьюэлом М. Вокленом, к которому он имеет рекомендательное письмо от дочери. Удивленный директор завода спросил прибывшего о его квалификации. Быстро выяснилось, что в локомотивах он не понимает ничего. Директор, не знавший, как быть, в конце концов согласился с великодушным предложением начальника цеха взять молодого человека учеником в химическую лабораторию с окладом 8 долларов 50 центов в неделю.

Вонсяцкий приступил к работе в Эддистоуне еще до бракосочетания, которое состоялось в феврале. Он получил отпуск на время свадьбы и медового месяца и уехал, оставив сослуживцев, называвших его Анни, в полном недоумении.

Вернувшись из Квебека, Анастасий и Мэрион поселились в скромном домике в районе Ридли Парк в Честере (Пенсильвания). Пять дней в неделю «эддистоун-

ский ученик» ездил в лабораторию трудиться, а жена его тем временем хлопотала по хозяйству. По выходным его нередко видели играющим в покер в районном пожарном депо, поскольку он был добровольцем-пожарным. Злые языки газетчиков работали вовсю, высмеивая богачей, вздумавших играть роль пролетариев. Газета «Нью-Йорк рекорд» поместила карикатуру под заголовком «Большая стирка в бедной хижине», где были изображены Мэрион, развешивающая для просушки свои драгоценности, и «муженек», подхвативший судки с обедом и весело бегущий на работу. На потеху тысячам, если не миллионам, читателей журнал херстовского синдиката «Американ уикли» на видном месте и с иллюстрациями опубликовал рассказ о том, как Мэрион «едва не потеряла интерес к «любви в шалаше», когда впервые увидела свое скромное новое жилище». Дешевые журналы окрестили их домик «любовным гнездышком». Когда Анастасию подняли жалованье до 22 долларов 50 центов в неделю, пресса отметила это событие насмешливыми поздравлениями.

Трудовой идиллии пришел конец, когда в апреле 1922 г. неожиданно появилась тень из прошлого. Люба Муромская заявила о своих супружеских и финансовых правах. Снова Вонсяцкий оказался в центре внимания публики — на этот раз как двоеженец и соблазнитель. Римы получили не только сильный удар по репутации, но и полумиллионный иск.

Отношения между Анастасием и Любой до сих пор окутаны покровом тайны. В 1920 г. они уехали из Константинополя по отдельности, но в начале 1921 г. в Париже жили как муж и жена. Встретив Мэрион, Анастасий начал отстраняться от Любы. Можно только догадываться о том, в какой степени Мэрион и Люба знали друг о друге. Люба, вероятно, понимала, что Вонсяцкий неспроста так внезапно отправился в Соединенные Штаты. Но Мэрион, кажется, до появления Любы не догадывалась, что у ее нареченного была другая жена.

Люба, оставшаяся в Париже, выждала после брака Вонсяцкого и Мэрион два месяца, а затем начала действовать. Ее поступки свидетельствуют о том, что ей нужна была в основном денежная, а не эмоциональная компенсация. 6 апреля 1922 г. адвокат Любы Эдуар де Бра написал адвокату семьи Римов Клэрэнсу Митчеллу (контора «Коузйт, Ларок и Митчелл») и одновременно подал жалобу на Вонсяцкого американскому послу в

Париже Майрону Херрику. Херрик переправил жалобу в Вашингтон, и, попутешествовав по инстанциям, она, наконец, оказалась у нью-йоркского окружного прокурора. Тот известил Любу, что для того, чтобы делу был дан ход, нужно ее присутствие в Нью-Йорке. Тем временем Анастасий и Мэрион предложили Любе деньги в обмен на отказ от иска.

Люба решила убить сразу двух зайцев. Она приняла отступные. И она купила билет на пароход до Нью-Йорка.

Увидев намерения Любы, Вонсяцкий обратился к Русской православной церкви за подтверждением законности второго брака. 22 ноября 1922 г. церковный суд под председательством митрополита Нью-Йоркского Платона постановил, что брак Вонсяцкого и Рим действителен, а союз Вонсяцкого и Муромской недействителен, ибо заключен с посторонними целями и на основании подложных документов. Суд поступил сообразно прецеденту. Браки, заключенные во время гражданской войны в захваченных белыми армиями районах, обычно в случае подачи иска признавались недействительными. Итак, церковь не имела к Вонсяцкому претензий. Осталось уладить это дело с государством.

В обстановке громкого скандала Люба Муромская и Эдуар де Бра прибыли в Нью-Йорк 27 января 1923 г. Де Бра заявил репортерам, что его клиентка предъявила Мэрион Рим иск на 500 000 долларов в возмещение морального ущерба, а также требует от Вонсяцкого уплаты алиментов. Роман принцессы и нищего был еще у всех на памяти, и драматическое Любино появление добавило к истории новое сюжетное коленце. «РУССКАЯ ЖЕНЩИНА ПРЕРЫВАЕТ ИДИЛЛИЮ МЕХАНИКА» — кричал заголовок газеты «Пайонир пресс» в Сент-Поле (Миннесота), и рядовой читатель со Среднего Запада мгновенно понимал, о чем речь. Люба искусно играла на сочувствии публики к несчастному созданию, безжалостно брошенному расчетливым обольстителем ради пресыщенной богачки. В июле истица предъявила прессе письмо, якобы полученное от Вонсяцкого, где ей предлагалась пожизненная ежемесячная пенсия в 40 долларов с тем, чтобы она в обмен оставила его в покое. Варьируя вечную тему любовного треугольника, Люба утверждала, что муж умолял ее писать ему на адрес честерского отделения ХСМЛ, «потому что Мэрион учится читать по-русски».

Сочувствия публики оказалось недостаточно — 3 ав-

густа 1923 г. нью-йоркский суд отклонил иск. Судья признал Вонсяцкого невиновным в двоеженстве, опираясь на решение церковного суда и на письмо, написанное Любой Вонсяцкому в январе 1922 г., где она поздравляла его с помолвкой. Выходило, что покинутая поначалу согласилась на его новый брак, приняв от него деньги, но потом, узнав о богатстве Мэрион, решила повысить ставку.

Изрядно потрепанные после громкого скандала, Вонсяцкие почувствовали, что пролетарский эксперимент начал выдыхаться. Их манил Кэролин Холл, обещая долгожданное уединение, изысканный досуг и дружеское участие. К тому же здоровье Кэролайн, матери Мэрион, которой шел семьдесят второй год, стало ухудшаться.

Распрощавшись со своим «любовным гнездышком», Анастасий и Мэрион в январе 1924 г. переехали в Томпсон. Заводы Болдуина потеряли молодого ученика. Коннектикут приобрел начинающего народного героя.

Первые шаги

Переселив Анастасия в Томпсон, Мэрион принялась воспитывать из него новоанглийского сквайра. Попытки мягко пересоздать ее русского мальчика, включив его в круг лучших людей округа Уиндэм, продолжались десять лет. Но Вонсяцкий оказался крепким орешком. Скоро он сам начал переделывать Томпсон с его старожилками в подмостки для своих театральных постановок.

Анастасий и Мэрион жили в Кэролин Холле до декабря 1924 г., когда умерла Кэролайн Патнэм Рим. С кончиной Кэролайн ушла в прошлое та шикарная жизнь, которую Норман Брюс Рим старался устроить своим потомкам. В 1926 г. Кэролин Холл был продан литовскому ордену девы Марии, который переименовал усадьбу в Марианополис-колледж.

12 июня 1925 г. Мэрион купила за 25 000 долларов участок в 224 акра и молочную ферму под названием Лэнард Плейс в миле к югу от Томпсона. Ферма состояла из трехэтажного белого каркасного дома, большого коровника, курятников и сараев. Окруженная дубами, голубыми елями и каштанами, она стояла на краю обрыва, с которого в западном направлении открывался вид на мягко стелющиеся поля с перелесками. К востоку от нее, через дорогу, сразу начиналась площадка для

гольфа, разбитая в начале века Норманом Брюсом Римом*.

Мэрион переименовала Лэнард Плейс в Куиннатисетскую ферму по названию ручья, который, пересекая их владения и дорогу, впадал в Римов пруд. Из-за близости к площадке для гольфа Анастасий часто называл свой новый дом «Девятнадцатой лункой»**.

Вонсяцкий пристрастился к гольфу еще во время первой поездки в Томпсон в 1921 г. К 1925 г. он обзавелся твидовой кепкой, бриджами, ботинками на шипах, клюшками и мячами. Анастасий уповал скорее на силу удара, чем на точность, и он тратил мячи, как боеприпасы. В скором времени на куиннатисетских пригорках обычным зрелищем стала фигура Вонсяцкого, размахистыми движениями пускающего белые снаряды, которые, описав красивую дугу, скрывались из виду далеко в стороне от цели. Баллистика русского ветерана давала хороший заработок местным мальчишкам, не боявшимся искать мячи под артиллерийским огнем. Но благоразумные игроки старались держаться подальше.

Одного гольфа Вонсяцкому надолго не хватало. Его энергия требовала все новых выходов, иначе она становилась разрушительной. Поняв это, Мэрион искусно вовлекала его в светскую жизнь.

С самого начала жизни в Томпсоне у Вонсяцкого обнаружили театральные и антрепренерские задатки. В январе 1924 г. он организовал в Кэролин Холле музыкальный вечер для друзей-эмигрантов и местных жителей. В отпечатанной программке, озаглавленной «Веселый вечер», зрителям обещали оперные, балетные и водевильные номера. Анастасий с несколькими ветеранами Добровольческой армии продемонстрировали казацкие пляски. Андре Рузвельт, дальний родственник Франклина Делано Рузвельта, кинопродюсер и хозяин студии «Витаграф», снимавшей боевики, поставил несколько скетчей. Его дочь Лейла (в программке — Лейла Андреевна Рузвельтская) завершала представление русскими песнями и плясками.

Ободренный успехом, Вонсяцкий стал пробовать себя в сочинении и постановке музыкальных комедий, участвуя в них как исполнитель. Местными силами

* В настоящее время — куиннатисетский загородный клуб.

** Число лунок при игре в гольф обычно равно восемнадцати (прим. перев.).

он осуществил ряд спектаклей, приспособив для них конюшню в Кэролин Холле. Если верить театральным критикам из «Патнэм пэйтриот», постановки Вонсяцкого «Приезд Китти» (1925 г.) и «Разве не так?» (1929 г.) были встречены на ура.

Благосклонность публики к его театральным начинаниям побуждала Вонсяцкого к экспериментам и в других жанрах, причем он умело использовал интерес к себе как к единственному русскому жителю Патнэма. Он ежегодно вплоть до 1926 г. в День независимости 4 июля устраивал в Кэролин Холле костюмированные балы, написал неопубликованный душещипательный роман «Русская любовь» и объездил весь округ Уиндэм, читая лекции о «старой России» членам ордена Лосей и американским легионерам.

Богатство не могло не сказаться на вкусах бывшего эддистоунского ученика. Аскетизм, в котором его воспитывали в варшавской цитадели, очень быстро уступил место повадкам светского денди. Он коллекционировал французские граммофонные пластинки, чуть ли не купался в одеколоне, курил дорогие сигареты в янтарном мундштуке, одевался во все самое лучшее. В восторге от трансатлантического перелета Чарльза Линдберга на аэроплане «Дух Сент-Луиса», Анастасий в 1927 г. упросил Маму (так он называл Мэрион) купить ему одномоторный самолет, так что он мог теперь чувствовать себя «Одиноким орлом»*, летая над северо-восточным Коннектикутом.

Автомобили тоже были предметом страсти Вонсяцкого. Спортивные машины волновали его, как восхитительные женщины. Мэрион старалась угождать этой любви к средствам передвижения, считая, видимо, что лучше это, чем что-нибудь другое, и в 1928 г. купила «Алексу» (так она называла Анастасия) желтый двухместный «мерсер» в обмен на обещание поступить в университет Брауна в Провиденсе.

Обучение Вонсяцкого в Брауне пошло не совсем так, как надеялась Мэрион. Она рассчитывала, что он подучится английскому и приобретет тот лоск, какой дает Плющевая лига**. Алекс действительно записался на

* Одинокий орел — прозвище Чарльза Линдберга (прим. перев.).

** Плющевая лига — группа университетов и колледжей на северо-востоке США, славящихся особыми традициями (прим. перев.).

семестр на курс «Английский-1» (риторика и сочинительство), но на экзамен не пришел. Его заинтересовало не учение, а футбол. Он влюбился в эту игру, увидев в ней не столько спорт, сколько имитацию рукопашного боя. Под конец успешного для Брауна сезона 1928 г. (восемь побед, одно поражение — от йельцев, со счетом 14:32) он начал говорить о футбольных набегах своей альма матер в таком торжественном тоне, как будто это были деникинские рейды. Он завел обычай откалывать кусочек от штанги ворот после каждой игры Брауна с Йелем. Кусочки благоговейно хранились в «Девятнадцатой лунке» под стеклом.

В Провиденсе помимо футбола у Вонсяцкого было еще одно дело. Каждую весну он брил голову, и эта задача оказалась по плечу лишь немногим парикмахерам, один из которых, некий Орландо, работал около студенческого городка университета Брауна. Но и он как-то жаловался, что затупил о голову Алекса пять бритв. После ежегодного бритья он немного стеснялся своего покрытого розовой кожей черепа. По словам Джимми Бэккера, который мальчиком подносил ему мячи, если после визита к Орландо Анастасий видел приближающихся симпатичных гольфисток, он тотчас командовал: «Джимми, шляпу!»

Прервав занятия после первого же семестра, Алекс вознаградил себя за труды двенадцатицилиндровым оливковым «пирс-эрроу», благодаря которому он увеличил и без того богатую коллекцию повесток в суд за превышение скорости. Для поездок на футбол по уик-эндам он сшил себе длиннополый сюртук с карманами, в которых помещались три пол-литровых бутылки водки.

Такое поведение можно было бы считать обычным для богатого и жизнерадостного студента колледжа в 20-е годы, если бы расходы Алекса не превысили всех разумных границ. Мэрион, при всем неодобрении семьи, не делала ни малейшей попытки как-то его ограничить. Наоборот, она заботилась о том, чтобы он ни в чем не нужды, выделяя ему, помимо фиксированной доли дохода, разовые субсидии. Через младшего брата Роберта Кларка Рима, президента фирмы «Рим, Райтсон и К°», ведавшей ее делами, Мэрион распорядилась о перечислении Анастасию 20 000 долларов в год (5000 ежеквартально). Примерно 12 000 из этой суммы уходило на домашнее хозяйство, в том числе на покупку и содержа-

ние четырех автомобилей, отопление, оплату садовников и слуг и всякие ремонтные работы. Остальное Алекс мог тратить как ему вздумается.

Роберт Рим не любил Вонсяцкого. «Роберт Рим никогда не считал его джентльменом», — говорил садовник Ричард Бартон, которому Роберт поручил присматривать за зятем. Для беспокойства были причины. С тех пор как Мэрион вытасила Вонсяцкого из «Фоли-Бержер», русский принес семейству Римов одни неприятности. Римы, при всем их богатстве, предпочитали не давать пищи для сплетен. Вонсяцкий выглядел в Томпсоне, по словам одного из жителей, «как готтентот на собрании Дочерей Американской революции». Сначала нежелательная шумиха вокруг брака, затем скандал с двоеженством, затем штрафы за превышение скорости и, наконец, самое худшее — буйные вечеринки.

Общительный молодой человек, женатый на женщине старше его на двадцать один год, Вонсяцкий, разумеется, искал знакомств с людьми своего возраста, разделявшими его любовь к спиртному и танцам. Постоянно озабоченная тем, чтобы Алекс чувствовал себя на новой родине как дома, Мэрион не мешала томпсонской молодежи время от времени приходить в «Девятнадцатую лунку» поразвлечься. Алекс любил танцевать и мог предложить оригинальную трактовку танго, хотя имел обезкураживающую привычку бросать партнершу посреди комнаты, когда его глаза находили более завлекательный объект. Он также любил склонять дам к переходу от фруктовых коктейлей к более сильным составам. Одним словом, девушки находили в нем экзотику и обаяние. Одна из поклонниц восхищалась его «лавандовыми глазами» и военной выправкой. Даже пристрастие к рискованному озорству было в нем привлекательно, о чем можно судить по записям в книге для гостей в «Девятнадцатой лунке»:

Алекс, будь хорошим мальчиком,
не шали!

И. С. Х.

Февраль 1925 г.

Тут живет благородный Вонсяцкий,
Все попойки тут — высший классяцкий,
И, хоть скромн отменно,

Он всегда, неизменно
Хлебосольный хозяин русяцкий.

Питер ван дер Беннет
4 апреля 1927 г.

А это явно обращено к Мэрион:

Как ты смогла его поймать?
И как умеешь удержать?

Марджори С. Тэйлор
25 сентября 1928 г.

Одна из вечеринок у Алекса, по-видимому, дала толчок к расторжению второго брака Луиса Маршалла Рима, его шурина. В октябре 1924 г. Луис пришел к Вонсяцкому, у которого были гости, и встретил там свою жену Мэри Уивер, очень веселую и нетрезвую. Прозвучал выстрел — по одной версии, стреляла испуганная Мэри — неясно, правда, кому предназначалась пуля. Через пять месяцев Мэри возбудила дело о разводе ввиду «невыносимо жестокого обращения» мужа. Хартфордская газета «Таймс» связала развод с вечеринкой у Вонсяцкого. Алекс сделал все что мог, чтобы сгладить последствия инцидента, и познакомил Мэри со своим приятелем из русских эмигрантов, нью-йоркским торговцем цветами, за которого она в результате и вышла замуж. Тем не менее все это не улучшило отношений Алекса и Римов. Одна Мэрион, кажется, восприняла дело спокойно.

Неприязнь Римов не помешала Алексу укорениться на новой родине. 30 сентября 1927 г. он стал гражданином США, распрощавшись с ненадежным статусом «постоянно проживающего». К этому времени он уже пригласил в Томпсон старшую сестру Наталью (она родилась в 1892 г.) и ее мужа Льва Бек-Мамедова.

Мамедов родился в 1886 г. в Средней Азии и был мусульманином, пока не перешел в православие во время учебы в Московской военной приготовительной школе. Когда он молодым офицером служил на Кавказе, он якобы командовал подразделением, задержавшим в 1908 г. грузинского большевика Иосифа Джугашвили. Лев женился на Наташе Вонсяцкой в 1910 г., а в первую мировую войну дослужился до артиллерийского полковника. Революция вынудила Мамедовых бежать через

Сибирь в Харбин, где они открыли кафе. Но жизнь в Харбине была, по их понятиям, слишком опасной. По приглашению Анастасия они в 1924 г. приехали в Соединенные Штаты.

Наезжая иногда в Томпсон в 1924—26 гг., Мамедовы привязались к этому тихому зеленому уголку. Мэрион, в свою очередь, почувствовала к русским свойственникам мгновенную симпатию. Толстушка Наташа излучала жизнерадостную приветливость. Небольшого роста, смуглый, курчавый и полный, Лев не уступал жене в добродушии. Их маленький сын Энди стал любимцем бездетной Мэрион.

Мэрион решила облегчить Мамедовым начало новой жизни. В 1927 г. она купила 150-летний фермерский дом (известный в округе как «дом Флинта»), расположенный у дороги в четырехстах футах от «Девятнадцатой лунки». 3 марта она преподнесла дом с участком земли Наташе в качестве подарка ко дню рождения. Мамедовы с благодарностью приняли необычайно щедрый дар и немедленно начали приводить дом и сад в порядок. К концу года они переделали «дом Флинта» в ресторан, который назвали в память о заведении в Санкт-Петербурге «Русским медведем».

«Русский медведь» процветал. Поначалу туда приезжали гурманы из округа Уиндэм. Потом он стал привлекать клиентуру из Хартфорда, Провиденса, Бостона. В 30-е годы в число его завсегдатаев входили, например, такие звезды эстрады, как Эдвард Эверетт Хортон, Алан Лэдд и Том Микс.

Успех «Русскому медведю» принесли особая кухня и атмосфера. Лев и Наташа оживили постройку колониальной эпохи, одев местных официанток в русские крестьянские костюмы и устроив танцы на открытой веранде под цыганский оркестр. Кухня «мадам Мамедовой» (так она была названа в рекламной брошюре) не имела себе равных от Нью-Йорка до Бостона. Особенно славились домашний борщ, пирожки, шашлык, бефстроганов, блины с икрой или сметаной, ромовая баба, пасха.

Вдобавок Мамедовы с другими местными хозяевами и семейством Римов разработали целую программу на уик-энд. За двенадцать долларов клиент получал еду, напитки, «чай с танцами» и бридж в «Русском медведе», ночлег в старинной гостинице «Вернон Стайлз инн» в Томпсоне, купанье в озере Уэбстер, гольф на куиннатисетской площадке.

Воодушевленные успехом в Томпсоне, Лев и Наташа открыли в 1932 г. второго «Русского медведя» в Бостоне на Ньюбери-стрит — рядом с отелем «Ритц» и в двух шагах от городского парка. Кухней бостонского «Медведя» заведовал Василий Ковань, которого брошюра рекомендовала как «бывшего шеф-повара персидского шаха». Кулинарные достижения Кованя бостонская газета «Геральд» в номере от 7 апреля 1933 г. описывала в следующих выражениях: «То, что он делает с грудкой цыпленка, заставляет взрослых мужчин плакать».

Наташа явно воспринимала это замечание как комплимент и перепечатала его в рекламной брошюре «Русского медведя».

С приездом Мамедовых окончательно рухнули благородные планы Мэрион воспитать из Алекса новоанглийского сквайра. Окруженная добродушными русскими свойственниками, она сама постепенно подчинилась его стилю жизни. Почти ежедневно они вдвоем шли в «Русский медведь», где их ждали закуски, напитки, карты и веселая компания. Вскорости она уже болтала на русско-английском диалекте, который был у Вонсяцких и Мамедовых средством семейного общения.

Американизация Анастасия обернулась русификацией Мэрион.

Линия Романовых

Вонсяцкому было не привыкать иметь дело с высшей знатью. Накануне революции он бок о бок с юными Романовыми, Трубецкими, Ольденбургскими учился в высокопоставленном Николаевском кавалерийском военном училище в Петрограде. Через четыре года в Лондоне он пользовался гостеприимством князя Феликса Юсупова. В 1925 г. Вонсяцкий принимал в «Девятнадцатой лунке» греческого принца Павла (позднее ставшего королем), когда тот приезжал в Уэбстер (Массачусетс) на открытие церкви Св. Константина.

Встречи с аристократами возбудили в Вонсяцком жажду титулов. Еще в первый свой приезд в Томпсон в 1921 г. он именовал себя графом. Мэрион подыгрывала ему, а может быть, и впрямь верила, что он граф. Вскоре и местные жители стали называть Вонсяцкого не только «Алексом», но и «графом»; правда, в обществе настоящих аристократов, каким был великий князь Александр Михайлович, Анастасий этого слова избегал.

Один из немногих уцелевших в революцию Романовых, великий князь Александр пережил крушение империи в роли главнокомандующего недолго существовавшими Российскими императорскими военно-воздушными силами. Вскоре после эвакуации из Севастополя на британском крейсере «Форсайт» Александр в Биаррице поддался чарам некоей англичанки и попытался расторгнуть брак с Ксенией, младшей сестрой царя Николая. Отказавшись дать неверному супругу развод, Ксения с шестью их сыновьями переехала в Англию и обосновалась в Вилдернесс-хаусе — доме, заботливо предоставленном ей в Виндзоре двоюродным братом, королем Георгом V. Лишенный возможности посетить Британские острова (видимо, из-за своей германофилии), Александр провел остаток жизни в путешествиях, лекциях, писании мемуаров и борьбе с самозванными родственниками и охочими до знати миллионерами.

При всем своем отвращении к позерам, Александр поддался обаянию Вонсяцкого и летом 1931 г., за два года до смерти, провел в «Девятнадцатой лунке» несколько дней. Старейший великий князь представлял собой внушительное зрелище, когда он в белом костюме и панаме с отогнутыми спереди полями одиноко прогуливался под сенью могучих дубов, кленов и каштанов. Чем привлек Томпсон гордого и пронизательного Романа? Не деньгами, нет. Скорее всего, красотой и спокойствием ландшафта, бесхитростным гостеприимством хозяина. Кроме того, двое из сыновей Александра — князя Федор и Никита — были сверстниками и друзьями Вонсяцкого.

Ростом в шесть футов и шесть дюймов, князь Федор Александрович имел истинно романовскую внешность. Федор и Вонсяцкий родились в один год и учились в одном военном училище. Неясно, когда и где они возобновили прерванное революцией знакомство. Федор проводил большую часть времени с матерью в Виндзоре, изучал архитектуру, конструировал макеты домов. Летом 1930 г. он три месяца гостил в «Девятнадцатой лунке» и с той поры вплоть до начала второй мировой войны часто наезжал к Вонсяцким, которые всегда ценили его дружбу. Летом 1932 г. «граф» и князь приняли веселую поездку по юго-западу Соединенных Штатов в алексовом четырехместном голубом «паккарде» с откидным верхом. Беззаботное времяпрепровождение

дение было омрачено лишь несколькими штрафами за превышение скорости да перебранкой с пограничником в Эль-Пасо, который не оказал джентльменам должного уважения.

В 30-е годы, когда у князя Федора завязалась с однокашником тесная дружба, он не проявлял большого интереса к политике и его не одолевали мечты о реставрации Романовых. Приняв историческую судьбу России как данность, он предпочитал строительство домов строительству империй.

Князь Никита, младший брат Федора, был более чуток к подводным течениям эмиграции. Высокий, красивый и застенчивый, Никита покинул Россию на борту британского крейсера «Мальборо», жил с матерью в Виндзоре, учился в Оксфорде. Позже он работал банковским служащим в Париже и был известен как «мсье Романов, который ездит на метро». Эта спокойная жизнь была неожиданно прервана в январе 1929 г., когда после смерти великого князя Николая Николаевича фракция монархистов, настроенных против Кирилла, «избрала» Никиту «российским государем». Молодой князь не ответил на это ни согласием, ни отказом, храня осторожное молчание. В этот-то момент и возник Вонсяцкий с предложением к Никите возглавить военную академию для молодых русских эмигрантов.

Бывший кадет-кавалерист, глубоко привязанный к петербургской альма матер, Вонсяцкий в своей жажде внести вклад в воспитание юношества был движим не только абстрактной любовью к отчизне, но и живым чувством. Он остро ощущал отсутствие таких организаций, которые научили бы молодое поколение диаспоры патриотизму и воинской дисциплине, пока время окончательно не перетерло всех нитей, связывающих его с родиной. Возможность изменить положение представилась в 1930 г., когда группа эмигрантов учредила в Париже Военную академию Николая II. Вонсяцкий вложил в создание академии немалую сумму и, по словам эмигрантской газеты, уговорил князя Никиту стать ее официальным патроном. Осенью 1930 г. тридцать семь подросков приступили к учебе.

Дружба Никиты с Вонсяцким еще больше окрепла в 1931 г., когда он приехал в Соединенные Штаты и с июня по сентябрь гостил в «Девятнадцатой лунке». Никита привез с собой жену, графиню Марию Воронцову, и двоих юных сыновей, Никиту и Александра.

Хотя хартфордская газета «Курант» в 1934 г. отозвалась о князе Никите как об «убежденном фашисте», в 1931 г. его отношения с Вонсяцким основывались скорее на личной симпатии и, возможно, ностальгии, чем на общности политических взглядов. Подобно брату Федору, Никита не был ни мечтателем, ни крестonosцем, хотя некоторые эмигранты и считали его своим царем.

Для Вонсяцкого, однако, князя Федор и Никита стали не просто приятными гостями. Им предстояло украсить собой начало его политической карьеры.

Глава VIII

РУССКИЙ ДУЧЕ ИЗ НОВОЙ АНГЛИИ

В этом ли году, через год ли, спустя пять или даже пятьдесят лет — когда-нибудь появится человек, который станет диктатором России и избавит наш народ от поработителей.

Анастасий Вонсяцкий (1927 г.)

По мере того как 20-е годы шли к концу, Анастасий Вонсяцкий стал все чаще подумывать о политической деятельности. Перейти к ней от музыкальной комедии, казалось, будет легче легкого. «Граф» полагал, что политика является естественным продолжением театра, и, считая последний своей родной стихией, верил, что успехи в первой придут сами собой. Разница тут чисто количественная, а не качественная. Для политика сценой становится весь мир, а не один лишь округ Уиндэм.

Но политика была для Вонсяцкого не только способом реализовать свой талант постановщика. Привязанности варшавского детства остались при нем и в Томпсоне, и за всеми шалостями коннектикутского сквайра пряталась глубокая преданность России. В слове «Россия» для Вонсяцкого фокусировалось все, что он потерял в годы революции: семья, друзья, дом, стиль жизни. Его патриотизм проистекал не из реальности, а из мечты. Он стремился воскресить прошлое — не больше и не меньше. Помимо живчика-плейбоя Алекса жил на свете и контрреволюционер-мечтатель Анастасий Андреевич. Пустившись в политику, Вонсяцкий употребил в дело обе стороны своего характера.

Поначалу у «графа» не было ясного представления да-

же о том, какая идеология лучше соответствует его умонастроению. Коммунизм, конечно, исключался — революция и гражданская война наполнили Алекса ненавистью к большевикам. Русский патриот, он тяготел к монархизму, но в то же время ему претили старческая дряхлость и разобщенность, свойственные монархическим организациям. Заявления Вонсяцкого о приверженности фашизму, сделанные в 1933 г., проистекали из ощущения молодости, динамизма и универсальности, присущих этому движению, дававшему надежду на избавление России от сталинского ига. Помимо этого, Бенито Муссолини, явивший собой живое воплощение *homo fascistus*, был близок «графу» по темпераменту и особенностям поведения.

Трудно точно назвать момент, когда у Вонсяцкого возникла мысль о главной роли в контрреволюционной драме. Героические мечты могла пробудить в нем книга «Голубой мундир» Николая Николаевича Брешко-Брешковского, опубликованная в Риге в 1930 г., — апологетическая биография Андрея Николаевича Вонсяцкого, отца Алекса. Возможно, что-то затевалось уже в ноябре 1927 г., когда «Уиндэм каунти обзервер» объявил, что Анастасий и Мэрион, «устав собирать яблоки и сажать цветы», отправились в Европу на пароходе «Президент Хардинг». Пока Мама отдыхала в Монте-Карло, Алекс поехал прямехонько в Париж, где встретился с целым рядом активистов-эмигрантов, среди которых выделялся генерал Кутепов.

Генерал Александр Павлович Кутепов был одной из наиболее ярких фигур среди ветеранов Добровольческой армии. В прошлом командир привилегированного Преображенского полка, в котором формально состоял в звании полковника царь Николай II, Кутепов прославился как самый талантливый из военачальников денкинской армии. Эмигрировав после разгрома белых в Париж, Кутепов в 1923 г. возглавил в составе врангелевского Русского общевоинского союза экстремистское крыло, призывавшее к актам диверсии против СССР. Деятельная натура Кутепова импонировала Вонсяцкому, который, приехав в Париж в конце 1927 г., тут же пожертвовал Союзу десять тысяч франков. Когда в 1928 г., после смерти Врангеля, Кутепов принял в Союзе бразды правления, он включил Вонсяцкого в число издателей «Часового», официального органа Союза. Вонсяцкий продолжал субсидировать Кутепова вплоть до его похищения

и предполагаемого убийства агентами ОГПУ 26 января 1930 г. Хотя монархисту Кутепову, будь он жив, вряд ли это понравилось бы, Вонсяцкий позже канонизировал его как «одного из основателей русского фашизма» (*).

Зимой 1927—28 гг., живя в Париже, Вонсяцкий вступил в якобы секретную организацию под названием Братство русской правды. Основанное в 1923 г. атаманом донских казаков генералом Петром Николаевичем Красновым, герцогом Лейхтенбергским и мало кому известным Соколовым из берлинской русской колонии, Братство поставило своей целью насильственное свержение советского режима и восстановление монархии (Братство не связывало себя с конкретным именем претендента). Большую часть членов Братства составляли бывшие белые офицеры, жившие в Париже, Берлине, Белграде и Харбине. Братство утверждало, что его члены совершали в СССР акты диверсии, но эти утверждения, видимо, не содержали преувеличений только в отношении дальневосточного (харбинского) отделения, которым командовал генерал Косьмин, в 1931—32 гг. — председатель РФП. Сделав взнос в 25 000 долларов, Вонсяцкий был поставлен во главе одного из девяти американских отделений Братства. Первым добровольцем, завербованным им по возвращении в Томпсон в апреле 1928 г., стал зять Лев Мамедов.

Поболтавшись среди экстремистских эмигрантских групп, Вонсяцкий не насытился политикой, к которой испытывал растущий голод. Осенью 1928 г. он в перерывах между футбольными матчами за университет Брауна участвовал в кампании за избрание Герберта Гувера. На митинге, устроенном республиканцами в Патнэме в сентябре, он гордо стоял на трибуне бок о бок с Робертом Т. Херли, начальником полиции штата Коннектикут. Несмотря на штрафы за превышение скорости, Вонсяцкий был рад возможности личного знакомства с шефом коннектикутских органов правопорядка.

Гувер был благополучно избран, футбольный сезон окончен, учеба в университете продолжалась лишь один семестр — и Вонсяцкому оставалось только представлять Братство, жертвовать деньги эмигрантским организациям* и писать еще одну музыкальную комедию.

* В 1941 г. Вонсяцкий писал: «Между 1922 и 1933 гг. я пожертвовал примерно 40 000 долларов русским церквям, русским больницам, русским школам, русским инвалидам войны и т. д. в разных странах мира». Деньги на эти пожертвования он брал из 20 000 долларов годового содержания, получаемых от Мэрион.

Позже, в 1930 г., он отдался новой страсти — коллекционированию огнестрельного оружия. Годы спустя Вонсяцкий вспоминал, что примерно в 1930 г. ему «захотелось собрать коллекцию российских военных реликвий». «Граф» тут сильно поскромничал.

Вонсяцкий любил оружие. Оно пробуждало в нем воспоминания о детстве, проведенном в варшавской крепости, и о боевой юности. Оно уменьшало его страх быть убитым, несомненно связанный с гибелью отца. В 1930 г. огнестрельное оружие было дешево и доступно. И все же, приступая к сбору коллекции, Анастасий счел необходимым обзавестись бумагами.

Сославшись на квалификацию, якобы приобретенную на «Локомотивных заводах Болдуина», Вонсяцкий 17 марта 1930 г. получил звание младшего лейтенанта запаса и был приписан к химическим войскам. Через девять дней он пришел в нью-йоркский магазин Эберкромби и Фитча и купил 0,45-дюймовый пистолет-пулемет Томпсона образца 1921 г. Он привез оружие в «Девятнадцатую лунку» и установил его на лестничной площадке главного здания, с которой просматривался весь вестибюль. Гость, переступив порог дома, внезапно наткнулся взглядом на хозяина, весело направлявшего на него пулеметный ствол с воздушным охлаждением.

Вонсяцкий не преминул расширить свою оружейную коллекцию. 18 октября 1930 г., вернувшись с военных учений, которые прошли близ Балтимора, он сделал первый заказ на винтовки в нью-йоркской торговой фирме «Фрэнсис Баннерман и Сын». Со складов Баннермана ему была доставлена впечатляющая партия: четырнадцать винтовок Вестингауза калибра 30/06 и сорок пять винтовок Ремингтона, изготовленных для Российской императорской армии во время мировой войны, но так и не отправленных. Правда, пользоваться «ремингтонами» было невозможно, потому что боеприпасы к ним в Соединенных Штатах не производились.

Понимая, что винтовки годятся скорее для украшения, чем для стрельбы, Вонсяцкий пополнил свой арсенал надежным оружием против непрошенных гостей. 2 сентября 1931 г. он купил у «Федеральных лабораторий» две пушки, стреляющие гранатами со слезоточивым газом, три дубинки с газовыми баллончиками и шесть «Протекто» — газовых баллончиков, замаскированных под авторучки.

Чтобы было где хранить все это хозяйство, Анаста-

сий в конце 1930 г. нанял рабочих и соорудил с южной стороны главного здания «Девятнадцатой лунки» каменную пристройку. Пристройка сменила открытую веранду (ее называли «клубом»), где Мэрион и Алекс часто проводили время в дождливую погоду. Под верандой находился погреб, куда раньше приносили бидоны с молоком из коровника, стоявшего в тридцати шагах. Когда пристройка была готова, ее гранитные стены толщиной в шестнадцать дюймов оказались в резком контрасте с дощатой обшивкой расположенных рядом строений, выкрашенных в белый цвет. Так сама архитектура «Девятнадцатой лунки» стала символом переменчивой судьбы Вонсяцкого: кусочек варшавской крепости, втиснутый в сельские традиции Новой Англии.

В пристройке Вонсяцкий оборудовал так называемую Военную комнату — причудливо убранное помещение пятнадцать на двадцать футов, которое казалось чем-то вроде Сикстинской капеллы, где возносились молитвы оружию. На полу лежал янтарно-желтый восточный ковер; сиденья зеленых плетеных стульев, как и прочая мебель, были обиты ярким ситцем. Лампы, сработанные из ружейных лож и пустых оболочек снарядов, освещали установленное вдоль стен огнестрельное оружие. На уровне пояса покачивались перевернутые каски, подвешенные к сводчатому потолку и служившие своеобразными храмовыми пепельницами. На столе, подобном алтарному престолу, были размещены кинжалы, сабли, ручные гранаты, кастеты и револьверы.

Помимо действующего и декоративного оружия, Вонсяцкий хранил в Военной комнате ряд дорогих ему вещей. Часы, вставленные в пропеллер аэроплана, напоминали о его мимолетном увлечении Чарльзом Линдбергом. Шестидюймовые кусочки футбольных ворот, которые он уносил с собой после каждого матча Браун — Йель, покоились в застекленном ящике, обитом изнутри бархатом. Благоговейное отношение «графа» к этим трофеям объяснялось не только страстью к футболу. Щепки, по словам Алекса, показывали, «какие великие дела может совершить маленькая группа людей» (например, уберечь кусочек штанги в послематчевой сутолоке — или возглавить контрреволюцию против дьявольского советского режима).

В одном из углов Военной комнаты стоял манекен в натуральную величину, одетый в шинель Российской императорской армии и с военной фуражкой на голове.

Шинель была та самая, в которой Вонсяцкий прошел гражданскую войну. Специальной биркой были отмечены два отверстия (заботливо заштопанных золотыми нитками), «пробитые большевистскими пулями». Одна из них, как мы знаем, осталась у него в брюшной полости.

Со сводчатого потолка Военной комнаты свисали знамена и эмблемы военных училищ Российской империи, включая альма матер Вонсяцкого — Николаевское кавалерийское военное училище. Широкая арка в южной стене комнаты вела в нишу с камином и иконой Богородицы, перед которой в чаше винного цвета горела лампада. На стенах ниши висели фотографии кадетов и кавалерийских офицеров.

Слева от камина была узкая дверь, соединявшая нишу с комнаткой размером пять на двенадцать футов, где до наступления эпохи центрального отопления хранили дрова. Вдоль одной ее стены стояла койка, вдоль другой — винтовки, на корзине для мусора красовалась свастика; это был уголок ностальгических воспоминаний Вонсяцкого о кадетском житье-бытье в Петрограде. Он называл его Оружейной.

Среди военных аксессуаров стоял стол с портретами членов императорской семьи. На одной фотографии были изображены покойный император Николай, крепко обнявший сына Алексея, императрица Александра и четыре их дочери. С других снимков смотрели лица великих князей Кирилла и Александра, Ксении, князей Федора и Никиты (последние двое оставили автографы). Почетное место занимал большой царский портрет, который, как говорил гостям Алекс, когда-то висел в российском посольстве в Париже.

На протяжении 30-х годов Военная комната и Оружейная были для хозяина постоянным источником наслаждения и гордости. Хотя Мэрион появлялась там очень редко, Алекс неизменно приглашал туда гостей — потолковать, выпить, послушать граммофонные пластинки.

Подчеркнуто имперское убранство Военной комнаты не помешало Вонсяцкому относиться к монархистам со все возрастающим раздражением. В 1931 г. он перестал субсидировать Русский общевоинский союз, сочтя генерала Евгения Миллера, преемника Кутепова, человеком вялым и неспособным воодушевлять людей. Когда Анастасий и Мэрион в том же году поехали в Европу, они, минуя Париж, отправились в Берлин и Белград, где

действовали отделения воинственного Братства русской правды. Но и к Братству Вонсяцкий потом потерял доверие. Оскорбленный отказом включить его в делегацию для переговоров с «богатыми американцами, связанными с компанией Стандарт Ойл», которые предлагали помощь в организации взрывов на советских нефтепроводах, Вонсяцкий в июле 1932 г. ушел из Братства. Он сделал это вовремя. «Богатые американцы» оказались на жалованье у Амторга — советского акционерного общества, занимавшегося торговлей с Соединенными Штатами. И, что еще хуже, связной Братства работал на ОГПУ. Потрясенное скандалом до основания, Братство вскоре распалось.

Потеряв веру в существующие эмигрантские группировки, Вонсяцкий начал подумывать о создании своей собственной антикоммунистической организации. Он вспоминал годы спустя:

«В 1932 г., разорвав с Братством русской правды, я решил, что мне нужна своя политическая партия, чтобы проводить в жизнь мои идеи и планы, чтобы попытаться свергнуть советское правительство и привести к власти свободное правительство русского народа».

Какие у «графа» были «идеи и планы» в 1932 г., точно определить трудно. Возможно, он и сам это смутно себе представлял. Если он и замышлял какие-то решительные действия, все равно реальных шагов по формированию партии не прослеживается еще в течение года.

Уйдя из Братства, Вонсяцкий провел остаток лета с князем Федором в автомобильной поездке по юго-западу США. Осенью он с головой окунулся в кампанию по перевыборам Герберта Гувера.

Президентские выборы 1932 г. имели для Вонсяцкого большое личное значение. Он глубоко уважал Гувера — не только за внутреннюю политику, но и за помощь миллионам русских во время голода 1921 г. в Поволжье. Анастасий обнародовал эти взгляды в статье «Гувер: друг русского народа», опубликованной сан-францисской русской газетой «Новая заря». Франклина Делано Рузвельта Вонсяцкий, напротив, считал оппортунистом, который не постесняется заключить союз со Сталиным ради политических выгод. Заявляя, что не понимает, как может русский эмигрант голосовать за кандидата от демократов, он перефразировал в нью-йоркской газете «Новое русское слово» знаменитый вопрос,

заданный Павлом Милюковым четвертой Думе в 1916 г.: «Что это — глупость или измена нашему русскому делу?» Быстрое признание Рузвельтом советского режима после победы на выборах подтвердило худшие опасения Вонсяцкого и обусловило его неизменную антипатию к президенту.

Хотя Вонсяцкий никогда не признавался, что испытал влияние Гитлера, триумф национал-социализма в Германии, без сомнения, привлек его внимание. Гитлер сумел сокрушить немецких красных и пробудить энергию тевтонов — а значит, подобное же массовое движение, только приспособленное к славянской чувствительности, сможет уничтожить большевизм и воззвать к дремлющему величию России. Вонсяцкому стало казаться, что только он, с его умом, притягательной силой и деньгами, в состоянии возглавить такое движение.

После февраля 1933 г. появился человек, с которым Вонсяцкий смог поделиться своими мечтами. Эмигрант, поселившийся в «Девятнадцатой лунке», в течение следующих семи лет верой и правдой служил «графу» в качестве секретаря.

Донат Иосифович Кунле родился в России в 1900 г. и, подобно Вонсяцкому, сражался в армии Деникина на Украине. В 1920 г. он эвакуировался в Константинополь, затем с помощью американского Красного Креста переехал в Соединенные Штаты и в 1921 г. начал работать механиком на авиационном заводе Вота-Сикорского в Стратфорде (Коннектикут). Кунле был человеком среднего роста и атлетического сложения. Курчавые темно-рыжие волосы и выпяченные губы придавали его лицу детское выражение, которому не соответствовали печальные глаза, много повидавшие в революцию и гражданскую войну.

Может быть, Кунле и Вонсяцкий познакомились и до революции или во время гражданской войны, когда оба служили в армии Деникина. Записи в книге для гостей на Куиннатисетской ферме говорят о том, что в середине 20-х годов Кунле несколько раз посещал «Девятнадцатую лунку». В начале 1933 г. жена Кунле Паула оставила его ради некоего князя Демидова, жившего на Лонг-Айленде. Тогда же Донат Иосифович ушел от Сикорского и поселился в «Девятнадцатой лунке», заняв одну из спален главного дома. Англизивовав свою фамилию, он превратился в «Кунли», а местные жители звали его «Кунц». Вскоре «граф» и Кунц стали неразлучной

парой, дав патнэмским обывателям повод для красочных сплетен.

Кунле с чувствительностью резонатора отозвался на сокровенные мечты Вонсяцкого. Они часами вели задушевные беседы в Военной комнате, на площадке для гольфа или в «Русском медведе». Они вновь переживали неудачу белого движения, сокрушались об отсутствии молодых лидеров, с восхищением говорили о том, как в Италии и Германии расправляются с местными коммунистами. Они приходили к выводу, что Сталина можно победить только изнутри России, а не извне — на это указывает горький опыт белых. Но без чего никак нельзя — это без боевого ядра пропагандистов и штурмовиков, которое послужило бы катализатором антикоммунистической Национальной Революции в Советском Союзе. Чем больше говорили Вонсяцкий и Кунле, тем больше проникались уверенностью в том, что именно им суждено помочь России встать на путь возрождения.

Всероссийская фашистская организация

10 мая 1933 г. Вонсяцкий и Кунле решили по всем правилам учредить партию. В соответствии с этим решением они сочинили «открытое письмо» от имени Главного штаба российских фашистов, где призвали к созданию объединенного фашистского фронта с участием эмигрантов-активистов, разбросанных по всему миру. В порыве восторженного многословия они дали своему детищу имя Всероссийская национал-революционная трудовая и рабоче-крестьянская партия фашистов. Для удобства обычно употреблялось название Всероссийская фашистская организация (ВФО).

Деятельность ВФО с самого начала имела семейные черты. Титул «вождя» получил Вонсяцкий. Кунле стал «партийным секретарем». Мамедов был назначен «председателем Центрального исполнительного комитета», причем, заботясь о родственниках, все еще находившихся в Советском Союзе, он взял псевдоним «Илларион Суворов». Мэрион не играла в ВФО активной роли, считая все это патриотическим хобби Алекса, но Вонсяцкий впоследствии позаботился о том, чтобы ее величали не иначе как «Первой леди» или «Графиней Вонсяцкой». Изюм всех сил стараясь угодить «вождю», партий-

ные трубадуры потом добавили к ее титулам «Клеопатру», «Леди Гамильтон» и «Императрицу Евгению».

Догматике Вонсяцкий уделял мало внимания. В отличие от русских фашистов в Маньчжурии, которые изливали потоки слов о корпоратизме, евреях и фашистских трехлетках, «граф» считал, что идеи — дело наживное. Прирожденный импровизатор, он без затруднений разыгрывал политические платформы «по слуху». Главное — начать.

«Вождь» быстро понял, что для того, чтобы ВФО вышла за пределы округа Уиндэм, нужна широкая пропаганда. Очевидное средство — газета. Выделив деньги (годовое содержание, получаемое им от Мэрион, теперь возросло до 25 000 долларов) и наняв плотников, он переделал часть курятников с тем расчетом, чтобы там могли разместиться типографские машины. На время этих работ он договорился о печатании газеты с двумя нью-йоркскими фирмами.

Вонсяцкий назвал свою газету «Фашист». Она печаталась в обычном газетном формате, но на высококачественной глянцевой бумаге, что делало ее похожей на «Нэшнл джиогрэфик». Первый номер вышел в свет в двух тысячах экземпляров в августе 1933 г. В дальнейшем «Фашист» печатался десятитысячным тиражом с интервалом примерно в месяц. Его издание стоило 4000 долларов в год, из них 2400 шло на почтовые расходы.

Для секретарской работы Вонсяцкий нанял паренька из Томпсона по имени Норман Б. Уотсон, которому был двадцать один год. Томас Уотсон, его отец, работал смотрителем на куиннатисетской площадке для гольфа, а Норман после 1921 г. время от времени бегал для «графа» за мячами. Дом Уотсонов стоял как раз напротив «Девятнадцатой лунки» — только дорогу перейти. Норман ведал вопросами подписки, возил пачки «Фашиста» на томпсонскую или патнэмскую почту для рассылки, печатал для «вождя» письма на английском языке.

Издавая «Фашиста», Вонсяцкий дал волю своей буйной фантазии. Заметки, сочиняемые либо им самим, либо Кунле, ярко расписывали подвиги вымышленных агентов РФО в самых разных уголках земного шара и даже в самом СССР. Имена боевиков «опускались» с целью их «защиты» от советских органов безопасности. Все они назывались «фашкорами» (фашистскими корреспондентами) с указанием номера партийного билета и района

боевых операций (например, фашкор 18337, Смоленск). Таким образом Вонсяцкий мог плодить агентов в любом количестве и в любой точке планеты.

«Фашист» примерно наполовину был посвящен текущим делам ВФО; другая половина отдавалась ностальгическим воспоминаниям. На богато иллюстрированных листах можно было видеть царя-батюшку, бесстрашных генералов, благочестивых крестьян. «Фашист» в изобилии печатал фотографии событий гражданской войны. В деталях воскрешались бои в Прибалтике, Сибири и на Украине, помещались групповые фотоснимки и изображения белых героев: Корнилова, Колчака, Деникина, Врангеля. ВФО представляла себя наследницей великих российских военных и монархических традиций, и портреты Николая II искусно чередовались с портретами Вонсяцкого. Чтобы усилить линию Романовых, в декабрьском выпуске «Фашиста» за 1933 г. на первой странице воспроизвели письмо Вонсяцкому от десятилетнего Никиты Никитича (сына князя Никиты Александровича), датированное 3 декабря 1933 г. Мальчик писал: «Я так счастлив, что я русский фашист!» (*)

Отдавая должное вымыслам и ностальгии, «Фашист», помимо этого, пропагандировал контрреволюционную доктрину Вонсяцкого: пора прекратить идеологические игры, надо искать путь к российским массам. Только гнев рабочих и крестьян России может сделать Национальную Революцию реальностью. Понимая, что Россия — все еще по преимуществу аграрная страна, Вонсяцкий утверждал, что ВФО должна в первую очередь искать поддержки у крестьян и сделать их неприятие колхозов основой «национального народного движения». Чтобы привлечь на свою сторону крестьянина, он разработал три пропагандистских тезиса: восстановление и защита частной собственности, раздача всей обобществленной земли крестьянам, отмена всех ограничений на торговлю сельскохозяйственной продукцией.

Вонсяцкий смотрел на фашизм прагматически: фашизм означал для него действенный антикоммунизм. В конце 1933 г. «вождь» сказал репортеру: «Если хотите знать, название мы получили от красных. Они окрестили нас русскими фашистами, а мы это имя приняли». Как и Родзаевский, Вонсяцкий считал слово «фашизм» самым действенным в СССР антикоммунистическим боевым кличем. Пока Советы называют «фашистским» все, что направлено против их режима, они невольно делают

фашизм символом сопротивления в глазах широких масс.

Фашизм ассоциировался с Гитлером и Муссолини лишь в той степени, в какой они противостояли коммунизму. В последующие годы Вонсяцкого обвиняли в том, что он нацист. Он упорно отрицал утверждения о сходстве его партии в строении и целях с национал-социалистической:

«По моим понятиям, «фашист» значит «стопроцентный антикоммунист», а вовсе не обязательно то, что имеют в виду в Германии и других странах».

И еще:

«Немецкий, итальянский и русский варианты фашизма различаются во многих отношениях. Российская фашистская партия есть просто объединенное антикоммунистическое движение русских, а фашизм в настоящее время является единственной политической системой на планете, способной покончить с коммунизмом».

Вонсяцкий настаивал на том, что принятие свастики в качестве эмблемы ВФО не является подражанием третьему рейху. Его не раз спрашивали, обычно в неодобрительном тоне, почему он использует «нацистские символы», и в ответ он всегда пускался в длинные объяснения о том, что не нацисты изобрели свастику и у них нет на нее монополии. Он указывал, что свастики рисовали еще древние индусы и греки. Первые христиане также изображали свастики на стенах римских катакомб. Императрица Александра Федоровна начертала их на дверном косяке екатеринбургского дома, где она и вся ее семья были расстреляны большевиками в 1918 г. Путешествуя в 1932 г. по юго-западу США с князем Федором, Вонсяцкий заметил, что дорожные указатели в штате Аризона используют свастики (эта практика была отменена в 1937 г.). «Не отказываться же нам от нее только потому, что она понравилась Гитлеру», — жаловался «вождь». Справедливости ради следует сказать, что Вонсяцкий порой заменял свастику ее зеркальным изображением.

Если с разъяснениями по поводу свастики еще можно было как-то согласиться, хуже обстояло дело с нацистским приветствием (сопровождаемым возгласом «Слава России!»), званиями вроде «Штурмовик смерти» и личной клятвой в верности «вождю», смахивавшей на ту, что приносили фюреру. Еще более впечатляющим было то,

что Вонсяцкий использовал для гимна ВФО («Знамена выше!..») мелодию «Хорста Весселя». Кунле сочинил новый текст, где, помимо прочего, вместо немецких коричневых рубашек фигурировали русские черные, а вместо Гитлера — Вонсяцкий:

Заря близка... Знамена выше, братья!
Смерть палачам свободы дорогой!
Звонящий меч фашистского врагам проклятья
Сметет навеки их кровавый строй.

Соратники! Нас ждет земля родная!
Все под знамена! Родина зовет...
Вонсяцкий-Вождь, измену, трусость презирая,
На подвиг нас, фашистов, поведет.

Рубашки черные, готовьтесь к бою!
Железный фронт фашистов мы сомкнем
И на врага, вперед, железною стеною
Бесстрашно, как один, мы все пойдем.

Победы день торжественный настанет,
Слетит колхоз и Сталин с ГПУ,
И свастика над Кремлем ярко засияет,
И черный строй пройдет через Москву.

Решив, что просто опубликовать гимн недостаточно, Вонсяцкий записал «Знамена выше!..» на пластинку. Он купил звукозаписывающее устройство на 78 оборотов в минуту и организовал вокальное трио в составе себя самого, Кунле и Мамедова. Для аккомпанемента наняли местный оркестр. Барабаны и трубы пришлось заменить контрабасом и саксофоном, из-за чего гимн приобрел некую джазовость — услышь его Гитлер, он, пожалуй, оправдал бы свою кличку *Terpichfresser* (Припадочный).

Вонсяцкий взял у нацистов не только символику и песни. Играя в музыкальных комедиях, он научился кое-каким приемам сценического поведения, но этого было мало — фашистский «вождь» должен уметь гипнотизировать большие массы людей. Адольф Гитлер, без сомнения, был таким харизматическим лидером, и «граф» решил взять его ораторский стиль за образец. Вонсяцкому ничего не стоило сделать записи передаваемых по радио гитлеровских выступлений в Шпортпаласе. Их содержание его мало интересовало. Он сосредоточился на интонациях, модуляциях, ритме, звучности. Потом ему пришло в голову записывать собственные речи — ради критического анализа и ради удовольствия слышать свой голос (он позаботился и об аплодисментах). На

одном из первых дисков (вероятно, 1934 г.) «вождь» напоминает Бориса Годунова, страдающего изжогой. Еще хуже то, что в аплодисментах угадывается не ликование многотысячного стадиона, а неистовое хлопанье и стук в общей сложности двенадцати рук и ног. Это был максимум шумовых возможностей, ибо Кунле и Мамедов имели всего лишь по четыре конечности.

В 1933 г. (когда точно — неизвестно) Анастасий Вонсяцкий и Константин Родзаевский узнали о существовании друг друга. В сравнении с дальневосточным «вождем» Вонсяцкий на первый взгляд казался легковесным. Он слишком поздно попытался примкнуть к триумфальному шествию мирового фашизма, не имея ни нужного опыта, ни заметного числа последователей. Правительственной поддержки у него тоже не было. Но коннектикутский «граф» компенсировал эти недостатки силой воображения, неотразимым обаянием и деньгами.

Два честолюбивых молодых эмигранта посмотрели друг на друга через огромное пространство, разделявшее Томпсон и Харбин. Найдут ли они общий язык, охватят ли всю русскую диаспору одним мощным политическим движением? Или каждый будет претендовать на единоличное лидерство? Их отношения во многом определили характер и направление развития русского фашизма после 1933 г.

Глава IX

К ОБЪЕДИНЕННОМУ ФАШИСТСКОМУ ФРОНТУ

В 1933 г. отношения Советского Союза с другими странами осложнились как на западе, так и на востоке. В Европе возвышение Адольфа Гитлера отдало Германию в руки человека, который не только ненавидел коммунизм — в этом для западного лидера не было ничего необычного, — но и публично заявлял, что немцы должны искать Lebensraum* на востоке. На азиатском континенте после захвата Маньчжурии Япония стала поглядывать на сибирскую и монгольскую границы, и, пока дипломаты в Москве и Токио обменивались нотами протеста, Крас-

* Жизненное пространство (нем.).

ная и Квантунская армии готовились помериться силами в открытом бою. Журналисты строили предположения о том, какую форму примет столкновение: советско-германской войны, советско-японской войны или совместного германо-японского крестового похода против СССР.

Встревоженный фатальными, как он считал, изменениями в капиталистическом окружении, Иосиф Сталин решил на время пожертвовать планами пролетарской революции и принялся склонять Францию, Великобританию и Соединенные Штаты к созданию системы коллективной безопасности. В 1935 г. седьмой конгресс Коминтерна призвал к формированию «антифашистского Народного фронта», что стало лейтмотивом советской пропаганды на четыре последующих года.

То, что беспокоило Кремль, в русской диаспоре рождало надежду. В Европе, на Дальнем Востоке и в обеих Америках эмигранты с волнением смотрели на грозное небо, ища глазами буревестника долгожданной контрреволюции. Возвращались старые мечты и позабытые планы. Война лишила Романовых престола — война же опрокинет большевиков и поможет народам России выразить свою волю. Замученные коллективизацией крестьяне перестанут сдавать урожай. Красная армия откажется воевать. Национальные меньшинства соблазняются отделением. Неспособные противостоять внешнему и внутреннему напору, Сталин и его приспешники дезертируют, и Россия останется без руководства. Эмигранты-антикоммунисты при поддержке немцев и японцев образуют ядро нового правительства. Германия и Япония, согласно этим горячечным видениям, как только контрреволюционная власть встанет на ноги, должны вывести свои армии с русской земли.

Считая конфликт Советского Союза с Германией и Японией неизбежным, эмигранты-активисты вдруг ясно увидели, в каком жалком состоянии находятся их собственные дела. Столкнувшись с новыми возможностями, они почувствовали, что надо принимать срочные меры.

Правые эмигрантские группировки — фашистские и прочие — в 1933 г. были, увы, совершенно неспособны извлечь какую-либо выгоду из советско-германской или советско-японской войны. Прозябая в разбросанных по свету анклавах, они были изолированы друг от друга и не доверяли друг другу. В Маньчжурии Константин Родзаевский под эгидой японцев возглавлял Русскую фа-

шистскую партию, но у него не было последователей за пределами Дальнего Востока. Российское национал-социалистическое движение (РОНД) Павла Бермондт-Авалова едва ковыляло в Германии под недоверчивым оком гестапо. Младороссы Александра Львовича Казем-Бека становились все старше и все так же не имели никакого влияния за пределами Парижа.

Самые проникательные из правых постепенно приходили к мысли, что без объединения разрозненных групп не удастся использовать те возможности, которые откроются в случае нападения Германии или Японии на СССР. Они поняли, что оптимальным вариантом будет создание всемирной организации. Очертания и строение этой организации были пока неясны, но чем дальше, тем очевиднее становилось, что обособленность абсолютно бесперспективна, что слияние — единственный способ избежать деградации, привлечь к себе внимание широких масс в России, доказать потенциальным немецким и японским покровителям свою полезность.

На первый взгляд, Анастасий Вонсяцкий был отнюдь не самым подходящим кандидатом на роль главы объединенных русских правых. Ведя жизнь то плейбоя из Плющевой лиги, то коннектикутского сквайра, он отгородил себя от невзгод, которые формировали психологию большинства эмигрантов. Мало того, его шальное богатство (сильно преувеличенное прессой) рождало подозрительность и зависть. Он почти ничего не знал о Дальнем Востоке. Ему не хватало политического опыта. Нескромный и нетактичный, он то и дело наступал кому-нибудь на мозоль. А русские, не говоря уж об украинцах, взвизывались от этого до потолка.

Но, с другой стороны, положение Вонсяцкого давало ему уникальные возможности. В отличие от Родзаевского и Бермондт-Авалова, он не был связан ни с каким правительством. В Соединенных Штатах он пользовался свободой слова и свободой организации — об этих правах в Маньчжурии и Германии нечего было и думать. Американское гражданство позволяло ему разъезжать по всему миру, за исключением Советского Союза. Благодаря Мэрион он не испытывал недостатка в деньгах, которые открывали перед ним двери, затыкали рты противникам, увеличивали число сторонников.

Но решающим фактором, который помогал Вонсяцкому в реализации его честолюбивых претензий на создание всемирного объединенного фашистского фронта,

была его несокрушимая самоуверенность. После 1933 г. он не испытывал ни малейших сомнений в том, что сможет использовать приближающуюся катастрофу в интересах России. Коллекция кусочков футбольных ворот в Военной комнате красноречиво говорила ему о том, что он, и только он, сумеет вырвать победу из пасти хаоса.

Встреча в Берлине

Вскоре после основания Всероссийской фашистской организации (ВФО) в мае 1933 г. Вонсяцкий пришел к выводу, что создание из разбросанных по всему миру правых эмигрантских групп объединенного фашистского фронта является первейшей стратегической задачей. Надо выбрать эмигрантских лидеров посговорчивей и соблазнить их постами в «генеральном штабе Национальной Революции». Вонсяцкий использовал военную фразеологию в качестве приманки, надеясь привлечь ветеранов Белой армии, которые могли остаться равнодушными к фашистской доктрине.

Вонсяцкий решил начать построение фронта с Европы. Он был там с Мэрион дважды, в 1927 и 1931 гг., и тогда познакомился с Кутеповым и другими генералами-монархистами. В 1933 г. он надеялся войти в контакт с более молодым поколением. Нет нужды говорить, что ему также очень хотелось, по его собственным словам, «посмотреть, как идут дела» в гитлеровской Германии.

В конце сентября Вонсяцкий пересек Атлантику и напрямик отправился в Берлин, где поселился в шикар-ной гостинице «Адлон» на углу Унтер ден Линден и Вильгельмштрассе. Он приурочил свой приезд к открытию конференции с участием парижских младороссов и местных русских национал-социалистов (РОНД).

Подчиняясь центростремительным импульсам, кото-рые уже начали проявляться в правом крыле диаспоры, младороссы и русские нацисты собирались обсудить перспективы более тесного сотрудничества. Александр Казем-Бек, глава младороссов, привез из Парижа двоих единомышленников — графа Сергея Оболенского и украинца Глеба Балецкого. «Фюрера» рондовцев Пав-ла Бермондт-Авалова сопровождали генеральный секре-тарь РОНД А. В. Меллер-Закомельский и группа верных людей. ВФО на конференции представлял один Вонсяц-кий. Кунле и Мамедов остались в Коннектикуте вы-

пускать «Фашиста» и заниматься «Русским медведем». Трехсторонние переговоры проходили в украшенной свастиками штаб-квартире РОИД на Бляйбтройштрассе.

Главным достижением берлинской конференции было то, что она прошла без скандала. Боевики РОИД дипломатично заменили сапоги ботинками. Гестапо не вмешивалось. Впрочем, результаты оказались невелики: по существенным вопросам соглашения достигнуто не было. Конечно, все выразили уверенность в неизбежности Российской Национальной Революции и пообещали сотрудничать в борьбе с Советами. Но сотрудничество споткнулось о проблему национальных меньшинств — в частности, следует ли после Национальной Революции предоставить автономию Украине. Самый деликатный вопрос — кто станет «вождем» антисоветского фронта — даже не ставился на обсуждение. Германизированный житель третьего рейха, имевший якобы доступ к Гитлеру, Бермондт-Авалов считал себя первым претендентом. Вонсяцкий скромно ждал, когда назовут и с восторгом одобряют его собственную кандидатуру. Казем-Бек кисло смотрел и на того, и на другого; он не желал подчинять своих младороссов нацисту и с трудом выносил выскочку-«альфонса» из Америки. Не решив вопроса о лидере, они не могли заниматься ничем иным, кроме обмена банальными заявлениями о будущей совместной работе.

Вонсяцкий, если не считать льстивой статьи о нем в печатном органе РОИД «Пробуждение России», не достиг в Берлине ничего. Без сомнения, осуществление его заветной мечты об объединенном фронте нисколько не приблизилось.

Живя в Берлине, Вонсяцкий не пытался встретиться с кем-либо из нацистских лидеров, хотя некоторые друзья склоняли его к этому, перечисляя все преимущества личного знакомства с Розенбергом, Геббельсом или Герингом. Он предпочел вести себя в рейхе как турист и остаться чистым от нацистского покровительства.

Вернувшись в октябре в Нью-Йорк, Вонсяцкий вновь, к своему удовольствию, оказался в центре внимания международной печати. Эмигрантские газеты Европы, Соединенных Штатов и Дальнего Востока широко освещали берлинскую конференцию, превознося или осуждая ее в зависимости от политической ориентации издания. Стремясь к максимальной саморекламе, Вонсяц-

кий превратил декабрьский номер «Фашиста» за 1933 г. в хвалебную песнь своему европейскому вояжу. Чтобы усилить впечатление, он добавил в нее и религиозную ноту, перепечатав письмо, благословляющее молодого американского «вождя», от митрополита Антония из Сромски Карловци в Северо-Восточной Югославии.

Скандальная слава

Самореклама Вонсяцкого не могла не вызвать реакции. Какое-то время его просто бранили в либеральной и просоветской печати. Но вскоре, желая возбудить против него общественное мнение, противники перешли к более активным действиям.

11 ноября 1933 г. члены русской коммуны Гарлема устроили демонстрацию по поводу Дня перемирия, во время которой Вонсяцкому за его фашизм хорошенько досталось. Обрадованный таким вниманием (он аккуратно собрал и наклеил в альбом вырезки из газет, сообщавшие об этом событии), «граф» в ответ наполнил следующий номер «Фашиста» материалами о «террористических актах членов ВФО в СССР»:

«БОЕВАЯ РАБОТА В ЗАПАДНОЙ РОССИИ!

7 октября (1933 г.) фашистская тройка № А-5 пустила под откос военный эшелон. Согласно поступившим к нам сведениям, погибло около 100 человек.

В поселке Брезин в районе Мозыря отряд соратников уничтожил пять коммунистов.

В Старобинском районе, благодаря действиям соратников, посевная кампания полностью сорвана. Несколько коммунистов, ответственных за посевную кампанию, таинственно исчезло.

3 сентября в районе озера Князь коммунист — председатель колхоза был убит фашкорами №№ 167 и 168» (*).

Вымышленными диверсиями Вонсяцкий не ограничился. Точно рассчитав, какой переполох это вызовет сразу после признания СССР Соединенными Штатами в конце 1933 г., он объявил в «Фашисте» о создании фонда в 1500 злотых (300 долларов) для вручения Борису Каверде после его освобождения из варшавской тюрьмы. В 1927 г. Каверда убил советского полпреда в Польше Петра Лазаревича Войкова. Будучи членом Уральского

Совета в июле 1918 г., Войков реквизировал бензин и серную кислоту, чтобы уничтожить останки расстрелянных членов императорской семьи. Вонсяцкий открыто заявил, что убийство Войкова — и, как подразумевалось, других советских дипломатов тоже — стоит награды.

Воодушевленный негодующими откликами «Дейли уоркер», Вонсяцкий в 1934 г. принялся расцветивать страницы «Фашиста» еще более яркими фантазиями. Одним из наиболее одиозных и широко цитируемых образцов был набор кровожадных инструкций несуществующему подполью ВФО в СССР:

«Организуите убийства военных инструкторов, военных корреспондентов, политических комиссаров, равно как и наиболее рьяных коммунистов.

Убивайте чекистов, сотрудников ГПУ, рабочих активистов, членов партии и вообще всех, кто надвусмысленно поддерживает советскую власть. Взламывайте красные сберегательные кассы, банки и сейфы. Используйте деньги для нужд братства [т. е. ВФО].

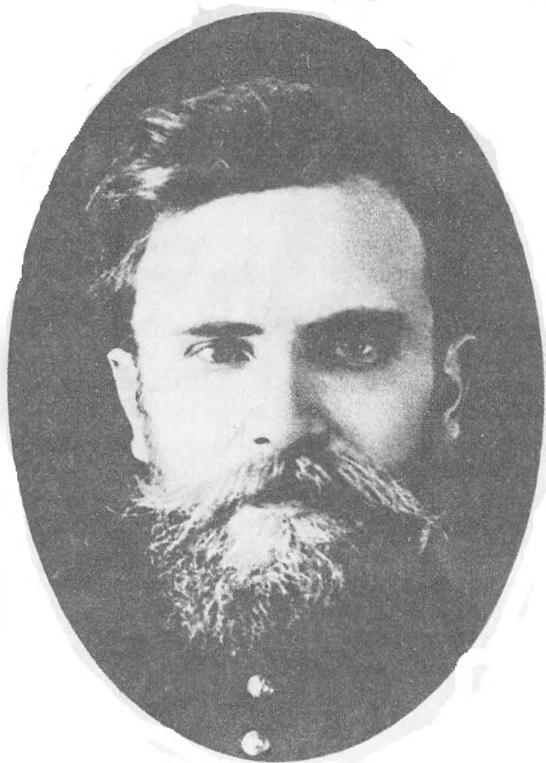
Всеми средствами разрушайте красную машину власти. Поджигайте или взрывайте здания ГПУ, партийных комитетов и клубов.

В первую очередь убивайте партийных секретарей, верных псов комиссарской власти.

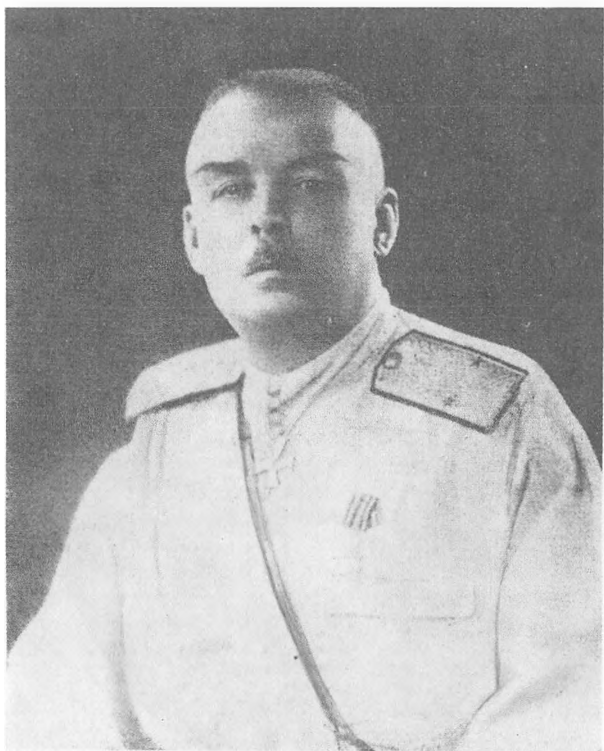
Повреждайте линии связи красных. Валите телеграфные столбы, разбивайте фарфоровые изоляторы, перерезайте провода, нарушайте телефонную связь.

Препятствуйте вывозу народного добра за границу. Что можете — захватывайте и распределяйте. Что не можете захватить, уничтожайте. Если и это невозможно, всеми способами повреждайте добро, подлежащее вывозу. Для каждого вида товара выбирайте тот способ повреждения, который к нему лучше подходит. В продукты питания добавляйте всевозможную грязь и сор. Подбрасывайте в них дохлых крыс, вшей, тараканов и клопов» (*).

Всю эту чушь принимали — или делали вид, что принимают — за чистую монету те, кому следовало быть более осведомленными. «Дейли уоркер», к примеру, выбрала Вонсяцкого своей мишенью еще в 1931 г., когда газета заявила, что «Девятнадцатая лунка» — не что иное, как «явка» тайной антисоветской организации, финансируемой «нью-йоркскими и хартфордскими капиталистами». В 1932 г. орган американской коммунистической партии приписал «графу» намерение уничтожить американских инженеров, работавших в СССР, и соучас-

Константин Владимирович Родзаевский

Генерал Владимир Дмитриевич Космин,
первый председатель РФП

**А. П. Светозаров, первый «фюрер» РОНД
в третьем рейхе (1933 г.)**

**Штурмовики РОНД на первомайском празднике
в Берлине (1933 г.)**

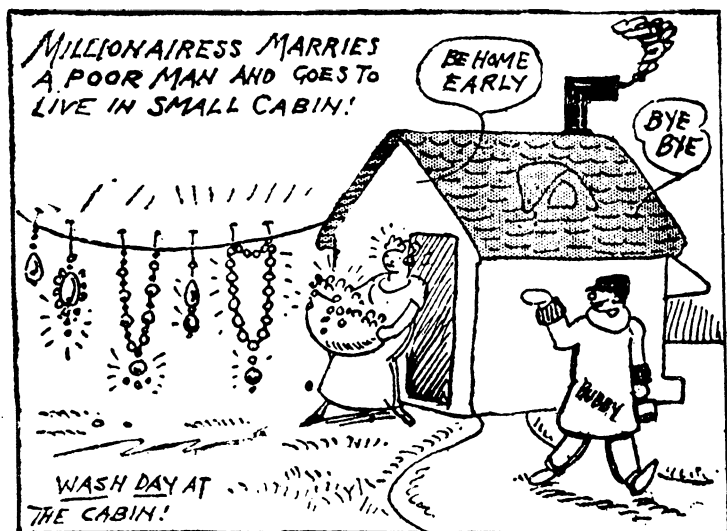
Анастасий Андреевич Вонсяцкий

Мэрион Рим Стефенс

Карикатура в «Американ уикли» под названием «Прерванные грезы мультимиллионерши и ее возлюбленного-рабочего»; на них «гневно указывает пальцем брошенная первая жена» (июнь 1922 г.)

Карикатура в «Нью-Йорк рекорд» под названием «Большая стирка в бедной хижине» (февраль 1922 г.)

Вонсяцкий с другом и однокашником
князем Федором Александровичем Романовым
во время автомобильной поездки по юго-западу США в 1932 г.

Общий вид Куиннатисетской фермы («Девятнадцатой лунки»).

Справа — фермерский дом. Темное строение в центре, отчасти скрытое за деревьями, — каменная пристройка с Военной комнатой и кабинетами.

Белая постройка с левой стороны — бывший коровник, превращенный в тир

Ресторан «Русский медведь»

Участники трехсторонней конференции в Берлине (1933 г.).

В центре с галстуком-бабочкой —

лидер РОНД «князь» Бермондт-Авалов.

Слева от него — глава парижского движения младороссов
Александр Львович Казем-Бек.

Справа от Бермондт-Авалова — Вонсяцкий

тие в убийстве премьер-министра Японии Инукаи Дзйи-оси, застреленного в Токио морскими кадетами 15 мая 1932 г. Та же газета пыталась проследить связи Вонсяцкого с государственным департаментом, утверждая, что в числе приверженцев Вонсяцкого состоит некая миссис Лумис, родственница государственного секретаря Генри Стимсона.

Без сомнения, Вонсяцкий находился в поле зрения государственного департамента еще с 1922 г., когда Люба Муромская через американского посла в Париже начала против него дело о двоеженстве. В 1933 г. в Вашингтоне завели на Вонсяцкого новое досье в связи с одной из выходов «графа», когда тот, расписывая подвиги ВФО на международной арене, изобрел «соратника Иванова-Кривкова». Розыгрыш начался в июле, когда Донат Кунле направил в польское министерство внутренних дел телеграмму:

«ИВАНОВ КРИВКОВ НАШ ЧЕЛОВЕК ХОТИМ ВИДЕТЬ ЕГО НА СВОБОДЕ ФИНАНСОВУЮ ПОМОЩЬ ГАРАНТИРУЕМ (ПОДПИСЬ) ДОНАЛЬД КУНЛБИ ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА ШТАБА».

Проверив все тюрьмы в стране, министерство убедилось, что заключенного Иванова-Кривкова в них нет. Телеграмма осталась без ответа, но польский представитель 7 августа предъявил ее американскому генеральному консулу в Варшаве и потребовал объяснений. Генеральный консул отослал материал в Вашингтон, и в течение нескольких недель отдел государственного департамента по восточноевропейским делам бомбардировал министерство обороны запросами о таинственном «заместителе начальника штаба». Властям тогда удалось установить, что телеграмма отправлена из Томпсона, однако неясно, вызывали ли Вонсяцкого для объяснений. Тем временем «Иванов-Кривков» совершал на страницах «Фашиста» героические подвиги:

«Капитан Иванов-Кривков, член Всероссийской фашистской организации, пересек польско-советскую границу в районе Томашевки. Он — активный член Организации и отправился туда несколько месяцев назад для ведения фашистской пропаганды. Он был, однако, выслежен ГПУ и вынужден покинуть Советский Союз. Сейчас он задержан польскими властями, но Руководящий центр Всероссийской фашистской организации уже принял меры для его освобождения» (*).

Розыгрыш с «Ивановым-Кривковым» не только привлек к Вонсяцкому внимание американского правительства, но и увеличил его скандальную славу в эмигрантском сообществе. Тут хорошо видно, на чем строилась политическая карьера «графа»: на таланте актера и на доверчивости публики.

Ячеечная кампания

Не все агенты ВФО были фиктивными. Во второй половине 1933 г. Вонсяцкий с усердием взялся за создание партийных ячеек в Северной и Южной Америке, Европе и на Ближнем Востоке. Задача была не так трудна, как кажется, ибо набор шел только в городах с заметными русскими коммунарами. Вонсяцкий поддерживал связь со многими ветеранами гражданской войны, часть из которых образовала костяк его международной организации. Другую группу потенциальных активистов составили подписчики «Фашиста». Да и субсидии, выделяемые из 25 000 долларов годового содержания (10 000 шло на ВФО), были хорошим подспорьем при вербовке сторонников. Иные члены ВФО никогда и не видели Вонсяцкого. Они просто получали от него деньги и именовали себя «соратниками». Будучи столь распыленной в географическом отношении, ВФО по необходимости стала «почтовой» партией, причем Томпсон Вонсяцкий окрестил «Центром».

Чтобы набрать побольше членов, Вонсяцкий сделал требования к вступающим в ВФО весьма расплывчатыми:

«Единственным условием членства в моей партии было желание войти в организацию и оказывать ей помощь в осуществлении ее планов. Планы партии состояли в том, чтобы помочь народам России свергнуть коммунистическую власть и установить такое правительство, которое отвечало бы их чаяниям».

Набор по переписке принес ценное приобретение: возник некто Михаил Михайлович Гротт, который впоследствии стал идеологом ВФО. О Гротте известно немного. Он жил в Восточной Пруссии, в Кенигсберге, и регулярно публиковался в «Фашисте», иногда под псевдонимом «Спассовский». Гротт написал большую часть

партийных пропагандистских брошюр («О нашей тайной работе», «Служу России!», «Тактика русских фашистов»), которые печатались в «Девятнадцатой лунке» и выходили в коричневых бумажных обложках с эмблемой ВФО — свастикой на фоне двуглавого орла. Гротт не скрывал своего яростного антисемитизма и своего преклонения перед Адольфом Гитлером, и с 1934 по 1940 г. «Фашист» из номера в номер печатал его русский перевод «Mein Kampf». О Гротте в «Фашисте» писали как о «великом идеологе российского фашистского движения». Вонсяцкий, хотя и расходился с Гроттом в еврейском вопросе, не вмешивался в его идеологические изыскания. У Анастасия не было ни интереса, ни способностей к работе в области теории, и он легко согласился предоставить корреспонденту из Восточной Пруссии роль партийного философа.

Первая после Томпсона партийная ячейка возникла в Нью-Йорке, в Нижнем Манхэттене, и возглавил ее эмигрант Александр Плышнов (кто он был по профессии — неясно), деливший обшарпанную контору по адресу Кэнал-стрит, 480 с Николаем Рыбаковым, издателем русской правой ежедневной газеты «Россия». Рыбаков, по-видимому, не был членом ВФО, но его типография отпечатала несколько номеров «Фашиста», пока Вонсяцкий налаживал собственную печатню в бывшем курятнике в «Девятнадцатой лунке».

Плышнову волей-неволей приходилось делить власть в городе с ячейкой Верхнего Манхэттена, состоявшей из Евгения Богословского и его жены. Телосложением напоминавший Геринга, Богословский в порядке компенсации за лысую макушку носил густые усы; под его нахмуренными бровями гнездились черные точки-глаза. За этой внешностью скрывался добродушный человек и хороший спортсмен, что роднило его с Вонсяцким. Жена Богословского, изготавливавшая для ВФО флаги и нарукавные повязки, стала в ней чем-то вроде Бетси Росс*.

Бостонскую ячейку возглавлял Иван Новожилов. О нем известно в основном то, что его жена Валентина работала в «Русском медведе» на Ньюбери-стрит, а дочь Наташа была любимицей Мэрион.

Пятью десятками членов ВФО на Западном побере-

* Элизабет Гриском Росс (1752—1836) изготовила первый американский флаг (*прим. перев.*).

жье руководил Георгий Думбадзе из Голливуда. Однако в 1936 г. он перешел в американско-германский «Бунд», и его место занял Федор Сименс из Лос-Анджелеса, который одновременно сотрудничал с «серебряными рубашками» Уильяма Дадли Пелли, фашистского лидера из Северной Каролины. Несколько активистов ВФО действовали в Сан-Франциско, причем все — непонятного происхождения: Валериан фон Мейер, Крест Латегальв с дочерью Мариной, мистер и миссис Герберт Дж. Вантц. Быть «активистом» в Сан-Франциско, по-видимому, означало раздавать потенциальным новобранцам экземпляры «Фашиста» — и только. В Сиэтле некий Прокопий Васильев («Фашкор № 293») получал от Вонсяцкого деньги на выпуск листков «Рассвет» и «Путь».

Сторонники Вонсяцкого, влачившие эмигрантское существование за пределами Соединенных Штатов, обычно получали субсидии из партийной кассы. За 600 долларов в год Николай Трофимович Дахов в 1933 г. вступил в ВФО и принялся петь дифирамбы «вождю» в «Русской газете», выходившей в Сан-Паулу. Ближневосточным представителем ВФО сначала стал некий Столбецов из Каира, а затем его сменил «барон» Георгий Таубе, бывший офицер денкинской армии. Вонсяцкий создал ячейку и в Софии, где некто Бутов, получая от него 600 долларов в год, издавал еженедельник «Русь». Те же 600 долларов платил Вонсяцкий некоему Рклицкому за публикацию хвалебных статей в белградском еженедельнике «Царский вестник», но югославские законы не позволяли Рклицкому формально вступить в ВФО. «Фашист» упоминает и некоторых других заграничных деятелей ВФО: Александра Лейбурга из Белграда (тоже не являвшегося формальным членом), Владимира Кишинского и Трофима Ловягина из Канады, Ржбинского из Праги, Владимира Прутковского из Сиднея, Петрашевского из Берлина. Что это были за люди — полноценные агенты, сочувствующие или «Ивановы-Кривковы», — можно только гадать.

Члены ВФО, как настоящие, так и вымышленные, не платили партийных взносов. В 1941 г. Вонсяцкий вспоминал, что поступления в кассу партии были «минимальные». В 1935 г., когда из канадского города Эдмонта кто-то взаправду прислал 5 долларов 65 центов, «Фашист» отметил это как важное событие.

Несмотря на все международные контакты, на Даль-

нем Востоке у Вонсяцкого не было последователей. Но в 1933 г. Дальний Восток, как знал всякий мало-мальски политически грамотный русский эмигрант, был наиболее вероятным местом начала войны с участием СССР. Поэтому не удивительно, что коннектикутский «вождь» так обрадовался, получив предложение сотрудничать от своего харбинского двойника Константина Родзаевского.

Приглашение из Харбина

Рано или поздно Вонсяцкий должен был попасть в поле зрения Родзаевского. Мы не знаем, как и когда увидели друг друга — два человека, разделенные половиной глобуса. В 1934 г. в интервью хартфордской газете «Курант» Вонсяцкий заявил, что они с Родзаевским пришли к фашизму «одновременно», но узнали о существовании друг друга только осенью 1933 г. Об «одновременности», конечно, можно было говорить лишь с большой натяжкой, потому что в конце 20-х годов, когда Родзаевский уже организовывал в Маньчжурии фашистские ячейки, Вонсяцкий еще сочинял музыкальные комедии и его главной заботой был, как правило, предстоящий матч Браун — Йель. Но то, что им ничего не было известно друг о друге до 1933 г., вполне правдоподобно. Первый шаг в направлении знакомства сделал Родзаевский.

28 октября 1933 г. Родзаевский написал Вонсяцкому письмо, приглашая его посетить Харбин и предлагая объединить две партии в глобальную организацию, которая представляла бы всех русских фашистов. Несмотря на заверения в братской солидарности, предложение о слиянии объяснялось отнюдь не верой в возможности ВФО и не восхищением личностью Вонсяцкого. Родзаевский был движим чисто меркантильными соображениями. Деньги Вонсяцкого (точнее, деньги Мэрион) — вот что неудержимо манило к нему неимущих харбинских «соратников», живших на случайные и скудные японские подачки. Как бы то ни было, Константин Владимирович, без сомнения, должен был согласовать приглашение с покровителями из Квантунской армии. Вонсяцкий и ступить бы не смог на землю Маньчжоу-Го без их разрешения.

Вонсяцкий немедленно принял предложение Род-

заевского «от имени 2000 членов ВФО» и начал готовиться к кругосветному путешествию с посещением Японии, Маньчжоу-Го, Китая, Ближнего Востока и Европы. Он почувствовал, что настало время решительных действий. Советско-японские отношения, обостренные пограничными стычками и противоречиями по поводу КВЖД, подошли к опасной черте. Министр обороны генерал Араки Садао во всеуслышание говорил о неизбежности советско-японской войны и втихомолку проталкивал идею превентивного вторжения в Сибирь. Время было дорого. Как заявил Вонсяцкий репортеру, он хотел в случае войны «быть на месте с самого начала». Не следовало также упускать возможность встретиться с японскими лидерами, в особенности с Араки, и обсудить вопросы сотрудничества. Настал благоприятный момент для того, чтобы мировое эмигрантское сообщество поддержало объединенный фашистский фронт. И, что самое главное, провидение посылало Вонсяцкому случай покрасоваться перед всем светом.

С декабря 1933 г. по февраль 1934 г. «вождь», укрывшись с Кунле и Мамедовым в Военной комнате, разрабатывал детальный план будущего путешествия. После берлинской конференции Вонсяцкий понял, как важно иметь важный вид. Во-первых, ему нужен был подобострастный помощник с безукоризненными манерами (он совершил ошибку, поехав в Берлин в одиночку — так ему трудно было противостоять Казем-Беку и Бермондт-Авалову со всеми их прихлебателями). Донат Кунле превосходно отвечал этим требованиям. Алекс снабдил своего «адъютанта» американской военной формой и портфелем. Во-вторых, требовалось предъявить убедительное доказательство богатства. Таковым могла послужить Мэрион — нежное воплощение американской плутократии. В-третьих, необходимо было подчеркнуть серьезность предпринимаемой поездки. Этой цели Алекс достиг, пропагандируя ее в «Фашисте» (и в других изданиях, которые пожелали об этом написать) как грандиозную кампанию по набору на Дальнем Востоке 150-тысячной русской армии, которая при поддержке японцев будет готовиться к вторжению в Советский Союз.

Началом турне можно считать 1 марта 1934 г., когда в нью-йоркском отеле «Вандербильт» состоялись торжественные проводы. Из Коннектикута приехали Анастасий, Мэрион и Кунле в сопровождении Льва Мамедова.

Хотя Мамедов хорошо знал Харбин (после революции у него там было кафе), ему велели остаться и руководить работой Центра. В отеле к честной компании примкнули «соратники» из Нью-Йорка во главе с Плышновым и Богословским, каждому из которых пришлось на время смириться с присутствием другого. Пожелать «вождю» счастливого пути пришел и Джон Игэн Келли, нью-йоркский представитель «серебрянорубашечников» Пелли. Последний обратился к Вонсяцкому, предлагая сотрудничество, в январе 1934 г., но Алекс предпочел отложить встречу до окончания кругосветного путешествия. Присутствие Келли в отеле «Вандербильт», вероятно, отражает желание его шефа сохранить дружбу — и субсидии — Вонсяцкого.

Из Нью-Йорка наша тройка отправилась поездом в Сан-Франциско и 6 марта взошла на борт парохода «Президент Ван Бурен», принадлежавшего компании Доллар и отправлявшегося по маршруту Сан-Франциско — Гонолулу — Кобе — Шанхай. В списке пассажиров «Ван Бурена» она была представлена как «граф и графиня Вонсяцкие и лейтенант Д. И. Кунле из Томпсона (Коннектикут)».

Перед отъездом из Сан-Франциско Вонсяцкий в красках рассказал о своей миссии нескольким репортерам, выразив уверенность в том, что японцы поддержат вторжение русских фашистов в СССР. Интервью, опубликованное, в частности, газетой «Морнинг орегониан» 7 марта, японский консул в Портленде Накамура Ютака, которому оно попало на глаза, немедленно вырезал и направил министру иностранных дел Хироте Коки. Послание Накамуры — самый ранний из известных нам документов в досье японского министерства иностранных дел на «графа» из Коннектикута, которое вскоре превратилось в толстый том.

Как только «Президент Ван Бурен» 22 марта причалил в порту Кобе, Вонсяцкий принялся излагать репортеру осакской «Майнити» свои планы мобилизации 150 000 русских солдат для войны с СССР. С удовольствием увидев на следующий день напечатанное в газете интервью, Алекс, сопровождаемый Мэрион и Кунле, проделал на поезде 350 миль к северо-востоку и очутился в Токио. Там его поджидал Константин Родзаевский, приехавший из Харбина встречать почетного гостя.

ХАРБИНСКАЯ ВСТРЕЧА В ВЕРХАХ

Тактическое единство русского фашизма — достигнуто.

Анастасий Вонсяцкий (1934 г.)

Мед сладко, а мухе падко.

Русская пословица

Как и Вонсяцкий, Родзаевский явился в Токио не один. Харбинский «вождь» взял с собой начальника агитбюро Михаила Матковского. Тонкий стратег, Матковский имел в РФП много последователей и представлял в партии скрытую оппозицию Родзаевскому. Но политическое чутье Матковского было незаменимо — ведь первая встреча с Вонсяцким решала все.

Родзаевский считал необходимым увидеться с Вонсяцким до приезда Анастасия в Харбин, ибо он хотел первым делом разрешить ряд практических вопросов, связанных со слиянием РФП и ВФО. Харбинская «встреча в верхах», назначенная на конец апреля, замышлялась как пышное, но более или менее формальное мероприятие. А пока Родзаевскому нелишне было составить предварительное мнение о человеке, чья политическая карьера так опасно сблизилась с его собственной.

С 24 марта по 2 апреля маньчжурские и коннектикутские «соратники» провели ряд встреч в токийской штаб-квартире РФП. Официальным организатором переговоров был глава местного отделения РФП Василий Петрович Балыков. После первых же бесед стало ясно, что у двух партий имеются разногласия, которые, если оставить их без внимания, могут подорвать единство. Родзаевский настаивал на том, чтобы новая партия унаследовала корпоративскую и антисемитскую догматику РФП. Вонсяцкий же слабо разбирался в корпоративских теориях и не испытывал никакого желания прослыть антисемитом. Он хотел заниматься конкретными вопросами тактики, а не «теоретическими дрызгами». Родзаевский, тщательно проинструктированный «Токуму кикан», склонял Вонсяцкого к тесному сотрудничеству с японцами и их любимцем — атаманом Григорием Семеновым. Вонсяцкий говорил, что согласен приспособить тактику русского фашистского движения к японской стратегии, но иметь дело с мерзавцем Семеновым — это уж увольте. Прагматические соображения все же возобладали

над различиями во мнениях, и «вожди» пришли к соглашению. РФП обладала силой, которой ВФО, что бы там ни писал «Фашист», явно не доставало. ВФО обладала средствами, в которых РФП, несмотря на японские субсидии, остро нуждалась.

Выход из тупика предложил Вонсяцкий: нужно создать всемирную организацию под названием Всероссийская фашистская партия (ВФП). В ней будут гармонически сочетаться особенности дальневосточной и американской ветвей: от РФП она возьмет теорию, от ВФО — тактику. Родзаевский дал согласие на эту пресную абстракцию, когда Вонсяцкий пообещал 500 000 долларов в качестве первого взноса.

Организационная структура ВФП была такова, что Вонсяцкому приходилось довольствоваться почетным титулом, оставляя Родзаевскому и его помощникам контроль над всей дальневосточной деятельностью. Решили, что возглавит новую партию Центральный исполнительный комитет из восьми человек, в котором Вонсяцкий будет председателем, а Родзаевский — генеральным секретарем. Штаб-квартира партии разместится в Харбине.

3 апреля 1934 г. результаты переговоров были зафиксированы на бумаге и подписаны в «Нью-Гранд-отеле» Иокогамы. Документ, названный «Протоколом № 1», провозглашал слияние РФП и ВФО и образование ВФП, которая определялась как «общий антикоммунистический фронт», созданный для «борьбы с коммунистической властью».

Протокол № 1 оставлял нерешенными два вопроса: о сотрудничестве с атаманом Семеновым и о евреях. Несмотря на это, у всех кружились головы от радости: российская фашистская партия всего мира существует! Все было готово для триумфального въезда Вонсяцкого в Харбин, где он, как провозгласил «Наш путь», должен был председательствовать на Всемирном съезде российских фашистов.

Не дожидаясь оглашения Протокола № 1, на его авторов обрушилась Москва. 30 марта в статье «Белогвардейское гнездо в Токио» газета «Правда» гневно осудила Вонсяцкого за попытку включить дальневосточных белогвардейцев в нацистскую орбиту — можно представить себе, как посмеялись над этим обвинением в Берлине! Впрочем, Вонсяцкого уже не первый раз без всяких оснований называли немецким агентом.

Отбросив осторожность, из-за которой он в сентябре в Берлине не стал искать встреч с нацистскими лидерами, Вонсяцкий воспользовался пребыванием в Токио для знакомства с крупным японским деятелем, с чьим именем кое-кто из русских эмигрантов связывал надежды на крестовый поход против Советского Союза,— генералом Араки Садао. Как удалось организовать встречу, где и когда она проходила, присутствовал ли на ней Родзаевский — не установлено. Однако коннектикутский «вождь» не раз вспоминал об этом разговоре в последующие месяцы, и он явно стал одним из главных событий его визита в Токио.

В 1934 г. Араки Садао исполнилось пятьдесят семь лет, и он только что миновал пик своей военной карьеры, оставив в январе пост министра обороны. Человек невысокого роста с солдатской выправкой, коротко подстриженными волосами и длинными подкрученными усами, Араки был настоящим глашатаем «японского духа», неустанно вещавшим о неизбежности войны с Советским Союзом. Этой риторикой Араки завоевал популярность у боевых офицеров, армейских кадетов и гражданских ультранационалистов, но технократы из военного министерства и главного штаба считали, что, возносясь в духовные выси, он теряет чувство реальности, а его призывы к нападению на СССР преждевременны и опасны.

Этот антисоветский ястреб имел немалый опыт в российских делах. До революции он провел в России восемь лет: пять как офицер-переводчик и военный атташе в Санкт-Петербурге, затем три как уполномоченный по связям с генеральным штабом Российской армии во время первой мировой войны. В 1918—22 гг., пока продолжалась сибирская интервенция, он возглавлял отделение армейской разведки — харбинский «Токуму кикан». Все это наложило на Араки отпечаток: он хорошо говорил по-русски и имел много русских друзей. Вернувшись в Японию, генерал сохранил привычку пить чай из самовара. Ходили даже слухи, что этот подвижник японского духа тайком принял православие. Ненависть Араки к большевикам во многом объясняется тем, что они разрушили Россию, которую он знал и любил. При всем том у него сложились хорошие личные отношения с советским полпредом в Японии Александром Трояновским.

Интерес Араки к русским эмигрантам, особенно к активным антикоммунистам, был не случаен. Он понимал их беды и считал их ценными потенциальными союз-

никами Японии. Генерал сожалел, что политики, организовавшие интервенцию, не дерзнули тогда всерьез утвердиться в Восточной Сибири. Если бы это произошло, Япония навсегда обеспечила бы безопасность своих северных рубежей, создав марионеточное государство, которое явилось бы плацдармом контрреволюции.

Все это делает вполне вероятным желание Араки увидеться с Вонсяцким в начале апреля 1934 г. О том, что говорилось на этой встрече, можно только догадываться на основании последующих заявлений Вонсяцкого. Араки, по словам «вождя», пообещал помочь его антикоммунистическому фронту (т. е. ВФП), но в детали вдаваться не пожелал. Кажется, первую скрипку в беседе играл Вонсяцкий — нешуточное достижение, ибо, как все знали, генерал был многоречив. Анастасий пообещал, что русские фашисты помогут Японии в близкой войне с СССР. Эта помощь выразится в пропагандистской работе среди населения Сибири как до, так и после японского вторжения. «Ударные отряды» ВФП будут проникать в Сибирь и объяснять рабочим и крестьянам, что японские солдаты — это предвестники Национальной Революции. Вытеснив советские войска из Восточной Сибири, японцы могли бы создать «русское буферное государство», простирающееся от Владивостока до озера Байкал. По словам Вонсяцкого, «Япония могла бы управлять оккупированной территорией до тех пор, пока национальная партия [ВФП] не объявила бы, что настало время для передачи власти ее собственному правительству». Реакция Араки на этот сценарий была маловразумительной, но Вонсяцкий уходил в полной уверенности, что генерал сочувствует его делу.

Проку из знакомства с Араки вышло мало. Готовясь к отъезду в Харбин через Дайрен, Анастасий узнал, что правительство Маньчжоу-Го отказало ему в визе. Он был ошарашен. Ведь Маньчжоу-Го — марионетка Японии, а разве Япония не его союзница? К сожалению, японские источники не проливают свет на этот казус. Возможно, такой совет министерству иностранных дел Маньчжоу-Го дало Токио, опасаясь, что в Харбине Вонсяцкий будет афишировать японскую поддержку похода против СССР и спровоцирует Советы на ответные действия, причем в такое время, когда японо-советские отношения уже балансируют на лезвии ножа. Возможно также, что все дело во внутриправительственных трениях: Квантунская армия и министерство колонизации постоянно грызлись

по поводу их полномочий в Маньчжоу-Го. А может быть, виновата обычная бюрократическая волокита.

Как бы то ни было, Вонсяцкий взбеленился и решил сделать вид, что отказывается от харбинской встречи. 7 апреля, взяв под мышку Мэрион и Кунле, он отплыл в Шанхай на пароходе «Президент Гувер». «Вождь» рассчитал, что, хлопнув дверью, он побудит Родзаевского что-нибудь предпринять.

Расчет оправдался. 8 апреля Родзаевский явился к Араки Садао в его личную резиденцию и попросил замолвить за Вонсяцкого слово. Попутно он прочел Араки лекцию о важности слияния двух партий и харбинской встречи для борьбы с коммунизмом. Не упоминая Вонсяцкого впрямую, Араки ответил, что целиком одобряет российское фашистское движение и будет ему помогать. Нам, добавил генерал, когда-нибудь придется воевать с Советским Союзом, и можно рассчитывать, что в результате возникнет дружественная Японии «национальная Россия».

Решив, что Араки не подведет, Родзаевский и Матковский 9 апреля отправились в Дайрен. Приехав на поезде в Иокогаму, Константин Владимирович прямо на платформе выступил с речью перед разношерстными «соратниками», прохожими и агентами в штатском, заявив, что токийская встреча с Вонсяцким прошла с «громким успехом», что родилась всемирная российская фашистская партия и что Япония обещала поддержать ее борьбу за освобождение России.

Прибыв в Дайрен 12 апреля, Родзаевский отправился к атаману Семенову. Как и Вонсяцкого, Родзаевского раздражала необходимость сотрудничества с этим реликтом. Но «Токуму кикан» думал иначе, а «вождь» не мог позволить себе отклониться от «царского пути». На первых порах, утешал он себя, и от Семенова будет прок — ведь атаман все еще пользуется влиянием в Токио и Синьцзине.

Родзаевский не упустил случая проверить полезность Семенова, обратившись к нему за содействием в предоставлении Вонсяцкому визы. Семенов отправил в министерство иностранных дел Маньчжоу-Го телеграмму, где выражалась просьба дать видному американскому гостю особое разрешение на въезд.

Вмешательство Семенова и (или?) Араки принесло неожиданные плоды. Мало того, что правительство Маньчжоу-Го немедленно предоставило Вонсяцкому визу,—

Квантунская армия повела себя с «вождем» как с «весьма значительным лицом».

Тем временем Вонсяцкий, не подозревая об этих усилиях, 10 апреля прибыл в Шанхай и остановился в отеле «Катэй». В первую же ночь он почувствовал острую боль в животе. Вылечил «вождя» врач-еврей. Позднее Вонсяцкий вспоминал, что этот эпизод произвел на него глубокое впечатление. Он заподозрил Родзаевского в попытке его отравить и еще решительнее стал противиться включению антисемитских пунктов в программу ВФП.

Получив известие о том, что путь в Маньчжоу-Го открыт, Вонсяцкий со спутниками 20 апреля отплыл из Шанхая и через два дня уже был в Дайрене, где кончалась Южно-Маньчжурская железная дорога. Вонсяцкий, вероятно, хотел сразу отправиться в Харбин, но Родзаевский решил по-другому. На пристани Вонсяцкого встретила группа «соратников» из РФП во главе с начальником дайренского отделения Константином Сараевым, который сообщил ему, что вечером в местном Русском клубе состоится прием в его честь. Затем к Анастасию подошел «соратник» Сергей Долов и вручил ему письмо от Родзаевского. Если приводимый ниже текст подлинный, то данное письмо является единственным дошедшим до нас образцом переписки между двумя «вождями»; оно проливает свет на их сложные отношения с атаманом Семеновым и Квантунской армией*.

«Генеральный
секретарь
Русской фашистской
партии

20 апреля 1934 г.

Председателю ЦИКа ВФП

А. А. ВОНСЯЦКОМУ

Конфиденциально

* Полный перевод письма на английский язык был опубликован в книге М. Сэйерса и А. Ю. Кана «Диверсия! Тайная война против Америки» (с. 77—78). Рядом с английским переводом в книге помещена фотография, изображающая начало и конец русского оригинала письма. Сравнение русского текста на фотографии с переводом выявляет несколько пропусков и несоответствий, которые нельзя считать просто неточностями перевода. Кроме того, подлинность фрагмента, отсутствующего на фотографии (это пункты г) — ж) и следующие три абзаца), по косвенным соображениям представляется сомнительной.

Дорогой Соратник!

Приветствуя Ваше и Д. И. Кунле прибытие в Дайрен, спешу сообщить Вам некоторые новости и высказать некоторые соображения, с которыми Вы, наверное, согласитесь.

Приехав в Дайрен, я убедился, что слова атамана Семенова в телеграмме, которую он прислал Вам до моего приезда в Токио,— имеют весьма солидные под собой основания. Оказалось, что атаман Семенов имеет гораздо большие связи с японскими военными сферами, которым будет принадлежать решающая роль в предстоящих событиях, чем можно было предполагать. В частности — атаман Семенов добился:

а) того, что Правительство Маньчжу Ди-го официально разрешило Вам въезд в Маньчжу Ди-го, о чем токийское представительство было поставлено в известность (Вы, к сожалению, в это время уже уехали),

б) того, что дайренское представительство Маньчжу Ди-го получило распоряжение немедленно дать Вам визу и, больше того,— выдать особое свидетельство для путешествия в любых районах Маньчжу Ди-го без всяких виз,

в) того, что чиновник Маньчжу Ди-го в Дайрене должен будет принести Вам неофициальные извинения,

г) того, что для содействия Вам прикомандирован ответственный сотрудник японской жандармерии [«Кемпеи»],

д) того, что вся железнодорожная линия Дайрен—Харбин на время Вашего приезда будет поставлена под особую охрану,

е) того, что полицейское ведомство, как и жандармерия, примет для Вашей безопасности особые меры,

ж) наконец, того, что в Синьцзине Вас будут ждать представители генерального штаба Квантунской армии для особых, исключительно важных и совершенно секретных переговоров.

Как Вы видите, атаман Семенов добился многого. По неизвестной причине Вы не ответили на его телеграмму, посланную Вам из Дайрена 12 апреля. В интересах нашего дела будет, если Вы скажете, что не получили его телеграмму или что ответили, но ответ не достиг адресата.

В любом случае, ввиду перечисленных выше соображений, Вам не следует сразу ехать в Харбин, поскольку это будет воспринято как неуважение к генералу Семенову. Поэтому я по-дружески прошу Вас до отъезда встретиться с генералом Семеновым, а затем проследовать в Синьцзин, где Вы останетесь на два дня. Генерал Семенов незамедлительно прибудет туда самолетом, а я, если необходимо, присоединюсь к Вам позднее. Эти два дня Вам нужно будет посвятить подробным переговорам с Семеновым, после чего Вы в сотрудничестве со штабом Квантунской армии должны будете разработать секретный план. Ваше прибытие в Харбин намечено на среду. Учитывая все обстоятельства, кото-

рые так тесно связаны с ожидаемыми событиями, и понимая огромное значение предстоящих совещаний с Вашим участием, мы решили устроить Вам в среду торжественную встречу на вокзале и в Русском клубе.

По тем же причинам желательно достичь соглашения с атаманом, чтобы он вошел в организуемую нами Всероссийскую фашистскую партию со всеми своими казачьими организациями и взял бы на себя руководство будущей фашистской армией.

В бытность мою в Дайрене мы обсудили с атаманом текст особого акта, которым он и возглавляемые им организации ин-корпоре войдут в создаваемую нами ВФП. Этот текст в двух вариантах Вы можете получить у атамана и у В. П. Балыкова. Само собой разумеется, что это черновой проект, подлежащий уточнению и детализации, а равным образом тем изменениям, которые Вы найдете нужными.

Настоящее письмо передаст Вам помощник начальника дальневосточного сектора и член верховного совета Р.Ф.П. С. И. Долов, выполнявший в дни моего и М. А. Матковского отсутствия из Харбина функции заместителя генерального секретаря. Думается, что ответственная работа, им выполненная, позволит отнести Вам к нему с полным и всесторонним доверием. Данное письмо прошу Вас немедленно сжечь.

Слава России!

С фашистским приветом

Генеральный секретарь Р.Ф.П.
К. В. Родзаевский».

Получается, что Вонсяцкий не выполнил заключительную просьбу Родзаевского — по всей вероятности, потому что письмо льстило его самолюбию. Он заверил Долова, что встретится с Семеновым и выступит перед местными «соратниками».

В 8.30 вечера в Русском клубе на Рокотон-роуд яблоку негде было упасть. Собравшиеся члены РФП, репортеры и просто любопытные предвкушали нечто необычайное. Те, кто не смог протиснуться в зал, толпились в фойе и вытягивали шеи в надежде хоть краем глаза увидеть «вождя» и его богатую жену-американку.

Когда после вступительного слова «соратника» Сараева настал черед Анастасия Андреевича, руки его дрожали. Это уже была не Военная комната, это было настоящее, дебют на Дальнем Востоке, генеральная репетиция перед Харбином. От первого впечатления зависело очень многое, и Алекс постарался не оплошать. Хорошо поставленным голосом, не забывая делать многозначительные пау-

зы, он отчеканил свою формулу фашистской контрреволюции.

Речь в Дайрене содержала все главные тезисы, которые он снова и снова потом повторял в ходе своей кругосветной поездки. Коммунисты унизили и разорили Россию, приведя ее на грань новой революции, но само по себе белое движение с его отжившей идеологией и внутренними противоречиями не имеет шансов на успех. В ходе Национальной Революции, которая явится последней схваткой с коммунизмом, патриоты России «на родине и вне ее» должны будут проявить высочайшую солидарность. Только фашисты, воплотившие в себе как лучшие традиции старой России, так и новые веяния, достойны возглавить Национальную Революцию. Кончил он призывом к оружию:

«Мы призываем всех русских эмигрантов, всех патриотов русского народа вступать в фашистские организации, чтобы, когда наступит решающий день, вы были готовы выполнить свой долг и свергнуть коммунистов».

В статье «Фашисты думают о здоровой России» газета «Манчурян дейли ньюс» назвала речь Вонсяцкого «волнующей». Можно только догадываться, сколько новобранцев вступило после нее в ВФП.

Трудно сказать, встретился ли Вонсяцкий с Семеновым в Дайрене. 10 апреля в японское министерство внутренних дел был направлен полицейский рапорт, сообщавший, что такая встреча планируется и цель ее — обсудить объединение ВФП с Дальневосточным союзом казаков. Но более поздних сообщений на эту тему в японских источниках нет. Анастасий, который любил похвастаться знакомствами со знаменитостями, о Семенове как воды в рот набрал. Если свидание все же состоялось, что маловероятно, оно должно было пройти в холодной обстановке. Семенов не одобрял интерес эмигрантской молодежи к фашизму. Язвительность, с которой Вонсяцкий говорил о промахах белых, вряд ли могла понравиться человеку, считавшему себя вождем белого движения на Дальнем Востоке. До поры до времени эти разногласия затаскивались.

24 апреля Анастасий, Мэрион и Кунле сели на южно-маньчжурский экспресс и отправились в Синьцзин. Их путь пролегал по холмистой Квантунской территории, затем — по долине реки Ляохэ и Центрально-Маньчжур-

ской равнине. В Синьцзине, где кончалась ЮМЖД, путешественники пересели на другой поезд и проделали последний отрезок пути до Харбина уже по КВЖД.

Задержался ли Вонсяцкий в Синьцзине для того, что в письме Родзаевского было названо «исключительно важными и совершенно секретными переговорами» с представителями генерального штаба Квантунской армии? И японские, и русские источники молчат об этом. Даже Вонсяцкий ни разу не упомянул о чем-либо подобном. Как-то трудно себе представить командующего Квантунской армией генерала Хисикари Такэси сидящим в своей штаб-квартире и обсуждающим с американским туристом (каковы бы ни были претензии последнего) стратегию борьбы с СССР. В лучшем случае на него бросил взгляд прежде, чем передать его харбинским коллегам, кто-либо из местных специалистов «Токуму кикан» по русским делам.

В одном, по крайней мере, Родзаевский оказался точен: охрана на маршруте Дайрен — Харбин была знатная. Солдаты сидели на открытых платформах, укрывшись за мешками с песком; по вагонам ходили патрули. Правда, Константин Владимирович позабыл добавить, что так охранялись от вездесущих хунхузов все поезда на ЮМЖД.

Что же касается личного сопровождения, то оно у Вонсяцкого было сомнительного свойства: репортер газеты «Наш путь» И. Г. Курбский. Всю дорогу Курбский пытался выудить у «вождя» информацию о его планах, целях и суждениях. Анастасий, который обычно распускал язык где надо и где не надо, на этот раз обходил деликатные темы, как заправский политик:

«Курбский: Как вы смотрите на украинский вопрос?

Вонсяцкий: Этот вопрос требует особого рассмотрения и может быть решен только на Всероссийском фашистском съезде.

«Курбский: Каковы ваши отношения с мушкетерами?

Вонсяцкий: Я хорошо знаком с организацией мушкетеров в Сан-Франциско. Мы делаем общее дело, и многие из мушкетеров Сан-Франциско вступили в нашу организацию.

Курбский: Как долго вы намереваетесь пробыть в Харбине?

Вонсяцкий: Смотря по тому, сколько понадобится времени для завершения нашей работы» (*).

Когда 26 апреля поезд Вонсяцкого остановился на харбинском Центральном вокзале, ему, наверно, показа-

лось, что исполняются его самые заветные желания. Родзаевский устроил гостю триумфальную встречу. Он приказал Саше Болотову привести на перрон и поставить в почетный караул всех чернорубашечников до одного. Он мобилизовал местные отделения Женского фашистского движения, Союза авангарда, Союза юных фашисток и Союза фашистских крошек. Присутствовали также делегации от мушкетеров, казаков и легитимистов. Колоритная толпа расположилась вдоль станционной платформы и готовилась приветствовать человека, о котором несколько недель назад еще мало кто знал.

Появление синьцинского экспресса вызвало среди встречающих немалый переполох: люди сгрудились у самого края платформы, боясь пропустить выход американских гостей. Когда Анастасий показался в дверном проеме вагона первого класса, раздались крики «Слава!». Робко спускаясь на платформу, он больше походил на болельщика университетской футбольной команды, чем на фашистского вождя. Вырядился он на славу: твидовый спортивный костюм, жилетка, галстук, широкополая фетровая шляпа набекрень; кроме защитной рубашки, на нем не было ничего военного. Вид Кунле, одетого в армейскую форму, с фашистской нарукавной повязкой и с туго набитым портфелем больше соответствовал ситуации. Мэрион, пока ее муж обменивался с Родзаевским приветствиями и возгласами «Слава!», скромно держалась поодаль. Харбинский «вождь» произнес короткую приветственную речь и представил Анастасия членам Центрального исполнительного комитета. С Матковским, Балыковым и Доловым Вонсяцкий уже встречался. Теперь состоялось приятное знакомство с Сашей Болотовым.

Охраняемые чернорубашечниками, Родзаевский и его гости проследовали на такси по Вокзальной к православному собору. Туда думали пригласить духовой оркестр, но японские власти воспротивились. В соборе Вонсяцкий подошел к иконе Сибирской Божьей Матери и зажег несколько свечей. Затем процессия вновь вышла на Вокзальную, пересекла КВЖД и, оказавшись в Пристани, направилась к отелю «Хокуман», что на Новогородной.

Первый день в Харбине оказался для Вонсяцкого весьма насыщенным. В 17.20 в отеле «Хокуман» началась устроенная Родзаевским пресс-конференция, где гостю пришлось попотеть, отвечая на вопросы о слиянии РФП и ВФО. Цель своего пребывания в Харбине он опреде-

лил так: «Выработать общий тактический план нашей борьбы с большевистским режимом» (*).

В восемь вечера в Русском клубе началось торжественное собрание. «Наш путь» предупредил членов партии, чтобы они собрались на час раньше. Но задолго до назначенного времени большой зал был заполнен до отказа. На сцене стояли трибуна и длинный стол для президиума, осененные огромным двуглавым орлом и красно-черно-желтыми знаменами. При появлении Вонсяцкого, Родзаевского, Кунле, Матковского и Болотова оркестр заиграл гимны РФП и ВФО. Родзаевский произнес несколько приветственных слов, и аудитория, затаив дыхание, приготовилась внимать новому «вождю».

Вначале Вонсяцкий по существу повторил то, что он уже говорил в Дайрене: неспособность белого движения повести за собой широкие массы, эксплуатация рабочих и крестьян в СССР, углубляющийся кризис советской власти, насущная необходимость в объединенном антикоммунистическом эмигрантском фронте, призванном заняться подготовкой Национальной Революции. Затем он огласил главные пункты программы, направленной на решение крестьянского вопроса: роспуск колхозов, раздача земли индивидуальным производителям, государственная поддержка крестьян-бедняков. Фашистская пропаганда, продолжал Вонсяцкий, должна избегать абстракций и обращаться к «повседневным нуждам» российских «рабоче-крестьянских масс». Такая пропаганда, предсказывал он, «позволит нам высвободить всю скрытую революционную энергию угнетенных крестьянских масс для генерального сражения с советской властью, превратит население России... из резерва коммунистической реакции в истинного союзника фашистской революции» (*).

Обращаясь к сидящим в президиуме, Вонсяцкий выразил надежду на то, что его визит в Харбин устранит «небольшие трения» между объединенными фашистскими партиями. В заключение он призвал всех «пожертвовать личными амбициями» ради достижения боевого единства. По свидетельству очевидца, связанного с американским консулом в Харбине, речь Вонсяцкого произвела на аудиторию «глубокое впечатление».

Хотя оратор не стал подробно останавливаться на «небольших трениях», слушатели понимали, что он имеет в виду еврейский вопрос. За немногими исключениями (к числу которых принадлежал Матковский), «соратни-

ки» из РФП были яркими антисемитами. Вонсяцкий отказывался плясать под их дудку — отчасти из прагматических, отчасти из личных соображений. Неуступчивость Вонсяцкого была для Родзаевского горькой пилюлей. Пилюлю пришлось проглотить; правда, Вонсяцкий подсластил ее обещаниями щедрой денежной помощи. Пока Анастасий находился в Харбине, «Наш путь» даже перестал издеваться над евреями.

Лишь немногие понимали, что непосредственная угроза единству ВФП заключена не в евреях, а в другом источнике «небольших трений» — атамане Григории Семенове. Атаман, которого прочили в командующие будущей Белой армии, которого (под давлением японцев) поддерживал Родзаевский, был для Вонсяцкого не чем иным, как японской марионеткой с дурной репутацией.

Все, что последовало за бурными событиями 26 апреля, не шло с ними ни в какое сравнение. Мэрион делала покупки, а Родзаевский водил Анастасия и Кунле по Харбину, показывая им редакцию газеты «Наш путь», школу партийных агитаторов и организаторов, а также советское консульство (снаружи). 4 мая Вонсяцкий выступил в театре «Весь мир» перед двухтысячной аудиторией, а на следующий день принял торжественный парад юных фашистов, юных фашисток и фашистских крошек. 6 мая в 9.30 утра трое гостей сели на экспресс и отправились в Дайрен, откуда 8 мая отплыли в Шанхай.

После наэлектризованной атмосферы Харбина Шанхай принес Вонсяцкому сплошные разочарования. Он надеялся взбудоражить русскую коммуно идеей объединенного фронта. Но Шанхай не имел ничего общего с Харбином. Большая часть его русского населения была настроена космополитически, и контрреволюция не так сильно владела умами. Город пока еще не контролировался японцами. Официальные японские представители в Шанхае в основном были дипломатами и, в отличие от офицеров Квантунской армии в Маньчжоу-Го, не хотели открыто поддерживать антисоветскую деятельность.

Вонсяцкого принимал в Шанхае некто П. М. Зайцев — человек из РФП, издававший устойчиво правую прояпонскую газету «Слово». Зайцев организовал выступление «вождя», которое называлось «Кризис коммунизма в СССР и подъем российского фашизма» и должно было состояться в зале на 15 000 мест, принадлежавшем

компании «Майнити». Приглашительные билеты были вовремя напечатаны и разосланы всем русским организациям и видным эмигрантам. Однако накануне выступления японское консульство вынудило администрацию зала отменить его, сославшись на то, что не стоит провоцировать Советы. Лекция все же состоялась в театре «Эмбасси» на день позже запланированного. А тех, кто пришел в зал в «Майнити», Вонсяцкий пригласил на чай, который сервировали в танцевальном зале отеля «Катэй».

Если верить американскому атташе Николсону, впечатление от речи Вонсяцкого в театре «Эмбасси» 21 мая «равнялось нулю». Слушатели ожидали, что им объяснят, каким образом фашизм сможет победить там, где белое движение проиграло. Вместо этого, докладывал Николсон, они получили «перелицовку» навязшей в зубах риторики. Известное изящество не компенсировало банальности произносимых слов. Дождавшись конца 50-минутной речи, люди вежливо похлопали и разошлись. Пожалуй, только одним Вонсяцкий заинтересовал шанхайских русских: своими деньгами.

Кое-какую выгоду из пребывания в Шанхае все же удалось извлечь. Вонсяцкий завязал знакомство с молодым человеком по имени Константин Стеклов, который увлекся идеей всемирного русского фашистского движения, но, как и Анастасий, сомневался в целесообразности подчинения его японским интересам. Они подружились, и следующие семь лет Стеклов был главным (и практически единственным) надежным последователем Вонсяцкого на Дальнем Востоке. Издавая в 1936—42 гг. газету «Русский авангард», Стеклов делал все возможное для прославления Вонсяцкого. Он в одиночку тащил этот тяжелый воз, который лишь в малой степени облегчали ежегодные 600-долларовые субсидии из Коннектикута.

22 мая наше трио отправилось в Европу на пароходе «Президент Гаррисон». О второй половине кругосветного путешествия известно немного — отчасти потому, что государственный департамент ослабил наблюдение за Вонсяцким, отчасти потому, что он сам потом редко о ней говорил. Ясно, что он надеялся добиться поддержки объединенного фронта у русских эмигрантов Ближнего Востока и Европы. Он также хотел познакомиться с теми из своих последователей, которых еще не знал лично, и назначить где надо новых ответственных.

В Александрии Анастасий засвидетельствовал свое

почтение каирскому представителю «барону» Георгию Таубе. Затем он проследовал в Неаполь.

Хотя в Италии жила лишь горстка русских эмигрантов, там для Вонсяцкого была лакомая приманка — Бенито Муссолини. «Вождь» направился прямо в Рим, но аудиенции у И Дуче добиться не смог. Он удовольствовался не столь уж сердечной беседой с Карло Босси, «экспертом по России» в итальянской разведке. Босси, единственная видимая связь которого с Россией заключалась в том, что он был зятем виноторговца из Бордо, поставлявшего красное вино в Санкт-Петербург, с подозрением отнесся к японским контактам Вонсяцкого (до заключения Антикоминтерновского пакта, объединившего Германию, Японию и Италию, оставалось более двух лет) и говорил с ним холодно. Разочарованный, но не отчаявшийся, Анастасий в начале июля отправился в Париж, где, как он знал, находились его друзья.

Причиной посещения Парижа в основном было желание отдохнуть и войти в курс изменчивой эмигрантской политической жизни в Европе. Анастасий дружил с несколькими аристократами, разделявшими его вкус к красивой жизни: князем Феликсом Юсуповым, князем Федором Романовым, Даниилом Волконским и князем Алексеем Щербатовым. Князь Федор летом 1934 г. оказался как раз в Париже. Анастасий наполовину в шутку предложил ему на две недели должность своего личного шофера и гида. Федор по причинам, лучше известным ему самому, охотно согласился. Вскоре Анастасий пригласил Даниила Волконского и князя Щербатова пообедать в ресторане Максима. После обеда он спросил гостей, не хотят ли они покататься в его лимузине. Они на всю жизнь запомнили эту картину: одетый в ливрею Романов открывает перед ними дверцу машины, учтиво улыбается и как бы удивляется сам себе. Удовольствию Алекса не было границ, но он почувствовал и грустный смысл этой сцены.

Отдав дань развлечениям, Вонсяцкий возобновил агитацию за объединенный фронт. Он посетил все самые крупные русские колонии в Центральной Европе и на Балканах: берлинскую, пражскую, будапештскую, софийскую и белградскую. В каждой из столиц он провел всего по несколько дней, в течение которых успевал встретиться с местными «соратниками» и произнести одну-две речи. В основном он повторял то, что говорил в Дайрене, Харбине и Шанхае, и отношение к его выступлениям бы-

ло смешанное. Две тысячи слушателей (в основном членов РОНД) в офицерском клубе Ландвера в Берлине сопроводили его речь бурными аплодисментами. Югославские власти, однако, запретили ему упоминать о Японии. Да и аудитория встретила его холодно. Как докладывал в Вашингтон американский поверенный в делах в Белграде, иные из слушателей говорили, что Вонсяцкий «опростоволосился» и что он казался «подвыпившим».

Встретился ли Вонсяцкий в Берлине с кем-либо из нацистского руководства? Впоследствии он высказывался на эту тему по-разному. Перед патнэмскими приятелями он хвалился, что его принял сам Гитлер. Сотрудникам же ФБР он ни в каких подобных контактах не признавался. Досье на него в нью-йоркской полиции, пухлое от доносов, содержит упоминания о встречах с Гитлером, Герингом, Гессом и Розенбергом.

Имея столь противоречивые свидетельства о берлинских встречах «вождя», трудно что-либо сказать о них наверняка. Если Вонсяцкого действительно принимал кто-то из крупных деятелей третьего рейха, то скорее всего это был Альфред Розенберг. В 1934 г. глава отделения международной политики НСДАП, Розенберг испытывал особый интерес к русским и украинским делам, и вполне вероятно, что Альфред Вольдемарович прослышал о Вонсяцком (его путешествия и речи подробно освещались в печати) и проявил хотя бы легкое любопытство к своему богатому бывшему соотечественнику, пытающемуся организовать крестовый поход против СССР. Если они и пили вместе чай, как сказал Вонсяцкий репортеру в 1939 г., конкретных результатов встреча не дала. Анастасий был слишком необуздан и своеволен даже для тех нацистов, кто, подобно Розенбергу, еще снисходил до контактов со славянами. Будь Вонсяцкий более управляем, Розенберг мог бы сделать его своим протеже или прихлебателем типа генерала Бискупского. Речь в офицерском клубе Ландвера Вонсяцкому даром не прошла. Через год его партия была в третьем рейхе запрещена.

1 августа 1934 г. Анастасий, Мэрион и Кунле отплыли из Марселя в Нью-Йорк на пароходе «Президент Джонсон». Анастасий мог испытывать определенное удовлетворение, оглядываясь на пятимесячную одиссею. Родилась первая всемирная фашистская организация, и он стал ее вождем. Он посетил самые многочисленные коммуны русской диаспоры, встретился с десятками эмигрантских

деятелей, привлек на свою сторону сотни людей (разумеется, не без помощи денег). Он выступал перед тысячными аудиториями, убеждая их в том, что фашисты являются передовым отрядом Российской Национальной Революции. Он стал знаменитостью. Портфель Кунле едва не лопался от вырезок, подтверждавших этот факт. Французский обозреватель Анри Роллен, известный как специалист по русским делам, назвал его в газете «Тан» русским Гитлером. Никогда раньше его мечта о едином фашистском фронте не была так близка к осуществлению.

Опьяненный успехом, Вонсяцкий не замечал его хрупкости. 1934 год еще не кончился, а любезный его сердцу единый фронт уже лежал в руинах, надежды на объединение эмиграции были перечеркнуты, а ему ничего не оставалось, как все глубже погружаться в мир грез.

Глава XI

РАСКОЛ

Здоровая политическая система вовсе не нуждается в оппозиции. Наше фашистское движение носит оппозицию в самом себе.

Бенито Муссолини

Не приходится удивляться тому, что Всероссийская фашистская партия распалась, едва успев зародиться. Неоднородная социально и распыленная географически, лишенная цельной программы, руководимая весьма капризными лидерами в лице «вождя» Вонсяцкого и генерального секретаря Родзаевского, ВФП еще, пожалуй, на удивление долго держалась на плаву. Конечно, обмен информацией между Харбином и Патнэмом шел очень медленно, и «соратники» из Маньчжурии и Коннектикута узнавали о поношениях по своему адресу с большим опозданием, что несколько задержало раскол.

Летом 1934 г. ВФП казалась вполне счастливым семейством. «Фашист» и «Наш путь» воспевали всемирную солидарность. В августе в Харбине открылась Высшая партийная школа, также известная как Академия Св. Владимира или Академия имени Столыпина. Давая в середине сентября в «Девятнадцатой лунке» интервью Уэсли Гризуолду из хартфордской «Курант»,

Вонсяцкий с ликованием говорил о том, что брак между ВФО и РФП превратил двадцать тысяч русских фашистов «от Аляски до Буэнос-Айреса и от Маньчжурии до Берлина» в монолитную силу, дал жизнь множеству фашистских ячеек, «распускающихся, словно одуванчики на весеннем лугу», и предоставил в его распоряжение «150-тысячную армию» в Маньчжурии, готовую к проникновению в СССР и к пропагандистской работе.

Но под дружеской личиной скрывалась взаимная неприязнь. И Вонсяцкий, и Родзаевский понимали, что их сотрудничество носит вполне прагматический характер и будет продолжаться до тех пор, пока кто-либо из двоих не сочтет выгоду от него исчерпанной. Неимущий и поэтому зависимый от японских подачек, Родзаевский завидовал прочному положению Вонсяцкого, обусловленному богатством и американским гражданством. Харбинскому «вождю» невыносимо было даже на словах подчиняться этому дилетанту, этому выскочке, этому альфонсу, сумевшему захомотать богатую американку. Вонсяцкий, со своей стороны, считал младшего коллегу грубым и несдержанным. Чувствуя в отношении к себе Родзаевского зависть и желчь, он тем более не упускал возможности показать всем и каждому, кто из двоих главный. Враждебность к Родзаевскому поддерживал в Вонсяцком и его зять Лев Бек-Мамедов. Последний, как бывший хозяин харбинского кафе, хорошо знал закулисную жизнь города. На вопрос Вонсяцкого, какого он мнения о Родзаевском, Мамедов ответил не задумываясь: «Как пить дать мошенник». Мамедов ни разу не видел Константина Владимировича — ведь он уехал из Харбина за год до того, как там появился беглец из Благовещенска. Но слово Мамедова было для Вонсяцкого законом.

Единство ВФП подрывала отнюдь не только личная неприязнь. По ряду политических вопросов Вонсяцкий и Родзаевский стояли на совершенно разных позициях. Из первоочередных самым важным был вопрос о Семёнове.

Соперничество Семёнова и Родзаевского имело глубокие корни. Каждый старался перетянуть на свою сторону как можно больше людей; в сельских районах, где жили в основном казаки, верх брал атаман, зато в Харбине преобладали люди Родзаевского. Оба антикоммунисты, они все же резко расходились в идеологии. Семёнов не одобрял эмигрантскую молодежь, тяготеющую к италь-

янскому фашизму и немецкому национал-социализму. Родзаевский не видел большой пользы в обветшалом казацком гоноре. К тому же два лидера имели разные конечные цели. Родзаевский мечтал о Российской фашистской империи. Семенов, сохраняя верность родным местам, хотел создать в Сибири независимое государство.

«Токуму кикан» вовсе не собирался ждать, пока его марионетки разберутся в своих дрызгах, и принял меры, чтобы принудить фашистов и казаков заключить мир. В начале 1934 г. ответственный по связям «Токуму кикан» с харбинскими русскими организациями майор Акикуса Сюн дал Родзаевскому указание уладить свои разногласия с Семеновым. Полностью зависимый от доброй воли японцев и от их денег, «вождь» не мог не подчиниться.

Это поставило Родзаевского в неловкое положение, когда в апреле в Токио начались его переговоры с Вонсяцким. Константину Владимировичу пришлось играть в отвратительную игру: убеждать одного своего соперника наладить отношения с другим. Коннектикутский «вождь», как мы уже видели, стал воротить нос. Видимость единства сохранили, отказавшись от упоминания о Семенове в Протоколе № 1 и на харбинской встрече. Вонсяцкий, однако, не собирался долго молчать. Да и Родзаевский понимал, что, идя с «графом» на компромисс, он рискует потерять японскую поддержку.

Разногласия по поводу евреев также мешали сотрудничеству. Родзаевский был убежденным антисемитом. Вонсяцкий, хотя и отдавал некоторую дань подобным настроениям, не хотел преграждать дорогу в русский фашизм евреям-антикоммунистам. В общем, он относился к евреям прагматически. Вскоре после возвращения из Харбина он сказал в одном интервью: «Если евреи захотят стать нашими друзьями и помощниками, мы примем их с радостью». Через пять лет в беседе с другим репортером он изложил свою позицию более развернуто:

«Наше отношение к евреям, я бы сказал, зависит от их отношения к нам. Если они решат, что им с нами по пути,— тогда все в порядке. Если нет — пусть пеняют на себя. Если они хотят бороться против общего врага, то за нами дело не станет. В России живет так много племен и народностей, что глупо выделять какую-то одну народность и начинать с ней войну. В Германии другое дело — ведь они там все одна нация».

Свой прагматизм он подтверждал делами. Если английский фашист Освальд Мосли нанял боксера-еврея «Детку» Льюиса, чтобы тот натаскивал его боевиков, то Вонсяцкий шил своим «соратникам» форму в нью-йоркском еврейском ателье. В 1934 г. главный редактор нью-йоркской ежедневной газеты «Новое русское слово» еврей Марк Вейнбаум провел у Вонсяцкого в «Девятнадцатой лунке» целый вечер, обсуждая с ним возможность использования газеты для пропаганды фашизма. Если верить Вонсяцкому, Вейнбаум покинул Томпсон в надежде, что в той или иной форме сотрудничество возможно, но через несколько дней он написал «графу», что ничего не получится. Анастасий сделал вывод, что Вейнбаума отговорили коллеги. «Вождь» потом долгие годы продолжал относиться к редактору «вполне по-дружески».

Ради единства партии Вонсяцкий с Родзаевским и еврейский вопрос решили пока замять. «Наш путь» и «Нация» на время оставили евреев в покое. Вынужденный сдерживаться, Родзаевский ощущал дискомфорт, который проглядывает, например, в июльском номере «Нации» за 1934 г.:

«Наши враги не упускают ни единой возможности посеять смуту в наших рядах. Узнав, что у нас имеются небольшие разногласия с соратником Вонсяцким в еврейском вопросе, они хотят нас спровоцировать.

Правда, однако, состоит в следующем: приняв во внимание тот факт, что Всероссийская фашистская партия действует в Соединенных Штатах, где правят евреи и масоны, мы сочли пока преждевременным поднимать еврейский вопрос...» (*).

Как и в отношении Семенова, отсрочка обсуждения не устранила коренного различия во взглядах. Ни один из двоих не соглашался на компромисс, и нужно было только время, чтобы молчаливое несогласие взорвалось открытой полемикой.

Еще одним фактором, угрожавшим единству ВФП, явилась Япония. Родзаевский волей-неволей должен был сотрудничать с офицерами японской армии. Он редко принимал политическое решение, не посоветовавшись с майором Акикусой или Костей Накамурой. Вонсяцкий, напротив, пользовался сравнительной свободой и мог действовать по велению сердца, не опасаясь вмешательства со стороны государства. Хотя Анастасий не возра-

жал против временного, тактического подчинения японцам, он резко расходился с Родзаевским во мнениях о степени и длительности этого подчинения. Коннектикутский «вождь» не желал, подобно Родзаевскому, выполнять любую прихоть советников из «Токуму кикан» и «Кемпеи». В интервью, которое он дал в сентябре 1934 г., он признал только, что русские фашисты поддержат Японию *после* начала советско-японской войны:

«В случае войны между красными и японцами мы, русские фашисты, будем сражаться плечом к плечу с последними, ибо, кроме Японии, в мире нет больше страны, имеющей желание и возможность вооружить нашу армию, которая в пух и прах разгромит большевиков от Владивостока до Москвы».

Итак, Вонсяцкий стоял за прагматический, ограниченный союз с Японией и не хотел иметь ничего общего с «царским путем».

Вопрос об отношении русского фашистского движения к Японии остро встал и в связи с несходством в представлениях Вонсяцкого и Родзаевского о Национальной Революции. Воображение Родзаевского рисовало ему революцию, которая придет в Россию на иностранных штыках. Вонсяцкий, напротив, считал, что до иностранной интервенции нужно привлечь на свою сторону широкие народные массы. Главное дело русских фашистов, говорил Вонсяцкий, не выполнять указания японцев в Маньчжоу-Го, а вести пропаганду среди рабочих и крестьян в СССР. Вот выдержка из интервью, напечатанного в хартфордской «Курант» в сентябре 1934 г.:

«Я учился азбуке революции у Ленина и Троцкого. В борьбе с коммунистами мы применим их же собственную тактику... Мы завоюем Россию, но завоюем не оружием. Наша сила заключена в идеях, доступных уму и сердцу каждого рабочего и крестьянина».

Вонсяцкий доказывал, что Национальная Революция должна зародиться в недрах России и не может быть привнесена снаружи или «проведена согласно инструкциям зарубежного правительства» (*). Намек был ясен: японской материальной помощи — да, японским политическим манипуляциям — нет. В частном порядке Родзаевский, может быть, и разделял такой подход, но открыто высказываться в подобном духе он не мог. Да осмелся он хотя бы назвать японское правительство

«зарубежным» — «Токуму кикан» тут же нашел бы на его место кого-нибудь поговорчивей.

Наконец, серьезным источником разногласий между Родзаевским и Вонсяцким оказался вопрос о судьбе аристократии в фашистской России. Учитывая силу монархических идей в дальневосточной русской диаспоре, Родзаевский постарался придать программе ВФП такой вид, чтобы ее поддержали и монархисты. Избегая прямых обещаний восстановить династию Романовых, он выдвигал неопределенные и эклектические лозунги, чтобы показать, что такая возможность остается (точнее, чтобы не разубедить тех, кто очень хотел верить в такую возможность). Вонсяцкий, несмотря на дружбу с аристократами, не имел намерений возрождать империю, о чем высказывался очень ясно. «В фашистской России не будет ни титулов, ни особых привилегий», — заявил он в сентябре 1934 г. Ответ «вождя» на вопрос репортера, согласятся ли с этим эмигранты из царской семьи, показывает, что его тоска по старой России не шла дальше Военной комманды и мутных фотографий в «Фашисте»:

«Мы не спрашивали их согласия. Некоторые из них добровольно вступили в наши ряды. Мы будем рады принять и остальных, если они пожелают присоединиться к нашей партии. Однако никакого возврата к прежним порядкам быть не может».

Во главе России после Национальной Революции Вонсяцкий видел харизматического фашистского лидера типа Муссолини. Хотя имени этого лидера он по скромности своей не называл, тем, кто хоть немного знал Вонсяцкого, было ясно, кого он прочит на этот пост. Одно это исключало возможность длительного сотрудничества между «графом» из Коннектикута и парнем из Благовещенска.

Открытая ссора

Если летом и осенью 1934 г. раскол ВФП только маячил под оболочкой благопристойности, то в декабре эта оболочка треснула по всем швам. «Выстрелом в Сараево» стала статья о Семенове в 13-м номере «Фашиста» (за октябрь-ноябрь 1934 г.), озаглавленная «Его нужно расстрелять». 11 декабря последовал ответ газеты «Наш путь»: Центральный исполнительный комитет (ЦИК) ВФП выражал возмущение действиями Вонсяцкого и сообщал о его изгнании из партии.

«Наш путь» сразу открыл огонь из тяжелых орудий, заявив, что ЦИК ВФП 8 декабря собрался на «внеочередное чрезвычайное» заседание, чтобы обсудить клеветнические атаки «Фашиста» против Семенова и дать оценку деятельности Вонсяцкого после его отъезда из Харбина. Далее следовал перечень прегрешений «вождя»: отсутствие каких-либо действий по усилению революционной борьбы в соответствии с решениями второго съезда российских фашистов (т. е. харбинской встречи); нежелание информировать ЦИК о своих контактах с европейскими и североамериканскими фашистскими группами; акцент на «восхвалении своей собственной персоны в ущерб серьезной пропаганде» (*); дискредитация партийной программы и присвоение прав ЦИК, выразившиеся в несанкционированных выпадах «Фашиста» против Семенова; попытка «принудить партию в целом и ЦИК в частности отказаться от своих антиеврейских принципов» (*) и, наконец, «легкомысленное отношение к своей ответственной роли в решении грандиозных задач партии в эпохальный момент истории» (*). В заключение «Наш путь» сообщил, что ЦИК принял решение лишить Вонсяцкого титула «вождя», вывести его из своего состава, исключить из ВФП и дать указание всем «соратникам», где бы они ни находились, отныне иметь дело только с Харбином. Говорилось, что эта резолюция будет поставлена на голосование на третьем съезде российских фашистов (он должен был состояться в Харбине в июне 1935 г.), чтобы широкие партийные массы могли выразить к ней свое отношение.

Вонсяцкий перешел в контратаку, написав Родзаевскому «открытое письмо», датированное 31 декабря 1934 г. и опубликованное в январском выпуске «Фашиста» за 1935 г. Не обращая внимания на обвинения газеты «Наш путь», он обрушился на Родзаевского за «уклон» от политики, согласованной в Йокогаме и Харбине, особенно в отношении Семенова и евреев. Сотрудничество с Семеновым, писал Вонсяцкий, не только противоречит харбинскому соглашению, но и подрывает Национальную Революцию. Если, как замышляет Родзаевский, поставить Семенова во главе русских вооруженных сил, связанных с японской императорской армией, атаман только повторит ошибки, допущенные белыми в 1918—22 гг. Русские фашисты, продолжал Вонсяцкий, должны сосредоточить усилия на революционной борьбе внутри СССР, и им ни в коем случае не следует становить-

ся в положение марионеток, управляемых японскими интервентами. Касаясь еврейского вопроса, Вонсяцкий напомнил о моратории на антисемитскую пропаганду, якобы принятом на харбинской встрече, и предупредил, что возобновление такой пропаганды «только ослабит национально-революционную борьбу против нашего главного врага — советского коммунизма» (*).

За «открытым письмом» последовала яростная кампания в «Фашисте» против маньчжурских «уклонистов». Вонсяцкий, кроме того, перестал отправлять в Харбин денежные переводы (их размер, правда, и так не превышал весьма малой доли обещанных в Токио 500 000 долларов). Он создал новый ЦИК в составе Мамедова, Кунле и кое-каких своих людей из Нью-Йорка (Евгения Богословского, Дмитрия Сидорова); в общем, повел себя так, как будто Томпсон (Коннектикут) стал полноправной столицей российского фашистского движения.

Как ни усердствовал Вонсяцкий, в Харбине с ним обошлись круто. Третий съезд российских фашистов, прошедший с 28 июня по 7 июля 1935 г., вылился в беспрецедентный личный триумф Константина Родзаевского. В отсутствие Вонсяцкого и его единомышленников съезд без звука одобрил решение ЦИК. Двести делегатов из Маньчжоу-Го, Китая, Японии, Соединенных Штатов, Германии, Австралии, Югославии, Финляндии, Эстонии и Сирии проголосовали за лишение Вонсяцкого всех титулов и исключение его из партии; новым «вождем» выбрали Родзаевского. Под неусыпным взором майора Акикусы съезд послушно высказался за сотрудничество ВФП с атаманом Семеновым и его Дальневосточным союзом казаков.

Третий съезд окончательно оформил разрыв, но пербранка между Вонсяцким и Родзаевским продолжалась еще долго. С осени 1935 г. «Фашист», валя в одну кучу Родзаевского, главу младороссов Казем-Бека и председателя Русского общевоинского союза генерала Миллера, стал говорить о них как о рудиментах обанкротившегося белого движения. В 1936 г. Вонсяцкий открыто обвинил Родзаевского в предательстве интересов России: Родзаевский, утверждал он, подчинил планы Национальной Революции японским паназиатским амбициям. В феврале 1937 г. «Фашист» пошел еще дальше и назвал начальника чернорубашечников Сашу Болотова убийцей Семена Каспе, действовавшим по личному приказу Родзаевского.

Приписывая Родзаевскому участие в деле Каспе,

Вонсяцкий явно пытался сыграть на скандальной известности, которую оно получило во всем мире. С тех пор как в октябре 1934 г. были арестованы Николай Мартынов и пятеро его оставшихся в живых сообщников, грязная уголовщина переросла в политическое *cause célèbre*. Боясь разоблачения своей собственной неприглядной роли, японские власти держали похитителей отрезанными от внешнего мира и не торопились начинать суд. Французский вице-консул в Харбине Альбер Шамбон, чьи одинокие усилия привели к поимке преступников, был объявлен персоной нон грата и выдворен из Маньчжоу-Го. Неприятная огласка в европейской и американской печати и энергичные протесты еврейской общественности в Шанхае и Нью-Йорке в конце концов вынудили Токио начать судебный процесс. Первое слушание (7 июня — 25 декабря 1935 г.) было прервано в связи с переводом судьи-председателя в другое место. На втором (23 марта — 14 июня 1936 г.), состоявшемся в харбинском окружном суде, японский обвинитель принялся страстно защищать подсудимых. Преступление якобы имело политическую окраску: нужно было добыть деньги для Братства русской правды. Прокурор назвал Мартынова и его сообщников патриотами, «поднявшими знамя борьбы против врага всего человечества — коммунизма». К общему удивлению, казавшиеся ручными китайские судьи приговорили Мартынова, Кириченко, Шандаря и Зайцева к смертной казни, а Комисаренко и Безручко — к пожизненным каторжным работам. «Наш путь» выразил возмущение приговором, восславил осужденных «мучеников за святую Русь» и собрал тысячи подписей в поддержку прошения о помиловании, направленного императору-марионетке Генри Пу-и.

Газета, как выяснилось, могла не беспокоиться. Японские власти немедленно организовали апелляцию в синьцзинский Верховный суд, где в июле 1936 г. судьи-японцы отменили приговор окружного суда. В феврале 1937 г. все шестеро похитителей уже были на свободе. Мартынов поступил на прежнюю должность в харбинскую муниципальную полицию. Газеты, от «Правды» до «Нью-Йорк таймс», хором осудили произвол. Вонсяцкий же надеялся, что столь мощная волна негодования даст ему лишние аргументы для борьбы с Родзаевским. Но он просчитался. Большая часть «соратников» не испытывала особого сожаления по поводу убийства богатого еврея и считала, что если Родзаевский и переусердствовал

слегка, то это вполне простительно. Вонсяцкий, напротив, прослыл защитником евреев, что едва ли могло увеличить его популярность среди членов ВФП.

Раскол явно оказался на руку Родзаевскому. Громадное большинство «соратников» со всего света, не пожелав иметь дело с Томпсоном, поддержало Харбин. Дальневосточные фашисты сохранили за собой название партии — ВФП. Знаки внимания Семенову, хотя их и неприятно было делать, немедленно окупались японскими субсидиями. После третьего съезда российских фашистов Родзаевский мог быть уверен в прочности своего положения и не обращать внимания на ругань «Фашиста». Родзаевский понял, что его противник больше боится безвестья, чем бесчестья. Поэтому он сознательно перестал отвечать на наскоки Вонсяцкого. В августовском выпуске «Нации» за 1935 г. еще можно встретить пренебрежительный отзыв о Вонсяцком как о хвостуне, не годном ни на что, кроме разговоров. После этого печать упоминала его только насмешливо и мимоходом.

Посрамленный Родзаевским в борьбе за главенство, Вонсяцкий все же сохранял две козырные карты — деньги и воображение, благодаря которым он мог быть если не реальным, то хотя бы бутафорским «вождем». Он постарался использовать и ту и другую на все сто процентов.

Замещающие фантазии

Стремясь опровергнуть клевету Харбина о том, что он-де способен только трепать языком, Вонсяцкий с января 1935 г. начал издавать специальные выпуски «Фашиста», оформление которых должно было показать, что они нелегально печатаются в СССР. Над стилизованным названием (слово «Фашист» в форме треугольника) красовался лозунг:

«КРАСНОАРМЕЕЦ, В СЛУЧАЕ ВОЙНЫ,— ВТЫКАЙ ШТЫК В ЗЕМЛЮ!»

Газета провозглашала себя подпольным органом ЦИК Всероссийской фашистской (национал-революционной трудовой и рабоче-крестьянской) партии и организации, издаваемым в Москве. Московский «Фашист» имел меньший формат, чем его американский собрат, был почти лишен фотографий и печатался на

плохой бумаге (последнее должно было придавать ему сходство с советской печатной продукцией). Первый номер содержал две статьи, принадлежащие перу Вонсяцкого и озаглавленные «Что принесли коммунисты народам России?» (ответ: рабство, угнетение, голод) и «Что дадут России фашисты?» (ответ: безопасность, процветание, справедливость, достоинство). На последней странице был помещен манифест, обращенный к русскому народу и призывавший его не верить «выдумкам большевиков» о жизни за границей, готовить Национальную Революцию, организовывать фашистские ячейки и читать газету «Фашист». Подпись гласила: «Кронштадтские фашисты» — и должна была ассоциироваться с кронштадтским восстанием 1921 г.

«Московский» «Фашист» печатался в «Девятнадцатой лунке» и рассылался подписчикам обычного «Фашиста», чтобы они знали, как активно действует Вонсяцкий внутри СССР. Вряд ли хоть один экземпляр газеты побывал в Москве, если только советские органы не раздобыли номер-другой для своих нужд.

Не упуская ни единой возможности продемонстрировать подвиги своих агентов в Советском Союзе, Вонсяцкий взял на себя ответственность за то, что Роберт Конквест назвал «преступлением века», — убийство Сергея Кирова.

Узнав о выстреле Леонида Николаева, Вонсяцкий решил, что сам Бог посылает ему возможность вырасти в глазах русской диаспоры и отыграть много очков у своего заклятого врага Родзаевского. Почему не объявить Леонида Николаева своим агентом? Недолго думая, Анастасий восславил на страницах «Фашиста» героизм Николаева и намекнул на то, что решение убрать Кирова было принято в Томпсоне (Коннектикут). Выходка не произвела на Родзаевского никакого впечатления, но Сталину послужила великолепно. Все выходило по версии Кремля: агенты, засылаемые из-за рубежа, вкуче с изменниками внутри страны убивают советских руководителей и пытаются помешать строительству социализма. 19 декабря 1934 г. «Дейли уоркер» поместила статью, озаглавленную «Белогвардейцы признаются в заговорах с целью уничтожения советских вождей». В ней наибольшее внимание было уделено заявлениям «Фашиста» об убийствах и актах диверсии в СССР. Цитируя «Известия», орган американской коммунистической партии предупреждал, что «выстрелы,

оборвавшие жизнь товарища Кирова», приведут к «немедленному истреблению фашистских террористов».

Советским властям, однако, было выгоднее не «истреблять Вонсяцкого, а сохранять его и выставять напоказ. 25 декабря «Правда» нарисовала весьма злобещий портрет коннектикутского «вождя», особо подчеркнув его реакционное классовое происхождение («сын жандармского полковника»), контрреволюционное прошлое («участвовал в гражданской войне в рядах Белой армии»), близость к плутократии («женат на дочери одного из стальных магнатов Нормана Рисса [так в газете]), связи с Уолл-стрит («у него крупные связи среди американских капиталистов») и отношения со страной Восходящего Солнца («Вонсяцкий и его «партия»... связаны также самым тесным образом с японской военщиной»). Такого пугала Сталин и нарочно не сумел бы изобрести. Вонсяцкий был наделен в точности подходящим классовым, политическим и национальным обликом, чтобы воплотить в себе то, во что Кремль с таким трудом стремился заставить всех поверить: заговор против Советского Союза.

Бункер фюрера

Лучше, чем кто-либо другой, Вонсяцкий знал, что все его агенты-террористы вымышленные. Но его беспокойство о собственной безопасности от этого не уменьшалось. Алекс считал себя вождельной целью боевиков, которые могли явиться из какого угодно лагеря. НКВД, конечно, только и думал о том, как бы его ликвидировать, Родзаевский был вполне способен послать в Томпсон Сашу Болотова поохотиться на крупного зверя. Наконец, в любую минуту могло нагрянуть из Европы семейство Муромских, чтобы разделаться с негодяем, оставившим бедную Любу на бобах.

Показной храбрости Вонсяцкому было не занимать. В сентябре 1934 г. на замечание репортера хартфордской «Курант» Уэсли Гризуолда: «Вы, конечно, понимаете, что, открыто объявив войну коммунистам всего земного шара, вы подвергаете себя определенной опасности. Вас даже могут убить» — Анастасий ответил: «Что значит жизнь одного человека из 20 000? Если партия семимильными шагами идет вперед, то неважно, буду я жив или нет».

На самом деле Алексу было очень важно, будет он

жив или нет. При всей его любви к красивой позе, его преследовали воспоминания об убийстве отца. Он все еще переживал свою шанхайскую болезнь, укрепляясь в мысли, что это было умышленное отравление.

Вскоре после возвращения из кругосветного путешествия Анастасий решил, что пора позаботиться о самозащите. Сначала он попросил принять меры по его охране полицию штата, но это оказалось невозможно. Тогда он купил бронежилет, но покупка не оправдала себя. В жилете было жарко, неудобно, и он мешал играть в гольф. К тому же он как-то не вязался с обликом храброго воина и вызывал смехи. В результате Алекс остановился на том, чтобы полностью обезопасить «Девятнадцатую лунку» от вторжения.

План, который Вонсяцкий и Кунле разработали в конце 1934 г., предусматривал на Куиннатисетской ферме внешнюю и внутреннюю линии обороны. Дальние подступы должны были охранять собаки; врагов, проникших к самой цитадели, ждали всякие военные хитрости.

В начале 1935 г. поблизости от коровника был устроен загончик, где поселился выводок немецких овчарок. Чтобы сделать из них надежных сторожевых собак, Вонсяцкий иногда спускал их на случайно забредавших соседей. Вонсяцкий души не чаял в своем четвероногом ополчении и баловал его роскошными обедками, которые ежедневно приносил из «Русского медведя» Мамедов. Каждую собаку Алекс называл в честь какой-нибудь знаменитости. Владычицей конуры была серая сука Леди Астор.

Чтобы обезопасить себя от убийц, прорвавшихся сквозь внешнюю линию обороны, Вонсяцкий устроил под земелье, достойное быть усыпальницей фараона. У северной стены Военной комнаты, примыкавшей к главному зданию, был разобран пол: внизу находился темный погреб, где когда-то держали молоко. Параллельно этой стене построили еще одну стену, но оставили в ней дверь, за которой начиналась лестница, идущая вниз. Ступени были столь круты, что спускавшегося спасали только перила. Над этой лестницей подвешивалась ложная лестница из папье-маше, которую Вонсяцкий, когда ему нужно было спуститься, мог убрать. Незванный же гость, едва ступив на лестницу-мираж, должен был с шумом и немалым ущербом для своих костей провалиться вниз.

На месте погреба Вонсяцкий устроил два маленьких кабинета, доступные только из Военной комнаты. В кабинете, расположенном ближе к лестнице, стоял письмен-

ный стол с табличкой, надпись на которой гласила: А. А. Вонсяцкий. Стол принадлежал самоотверженному Кунле, готовому, если что, принять удар на себя. А дальше шла святая святых, попасть в которую можно было только из кабинета Кунле. Ее убранство состояло из письменного стола (без таблички), корзины для бумаг со свастикой и украшенного белой свастикой красного знамени. Это знамя Анастасий называл своим талисманом, и оно было его последней защитой — подобно тому, как всякий средневековый замок имел покровителя-святого.

Не столь, может быть, неприступная, как Берхтесгаден, и не столь роскошная, как Палаццо Венеция, «Девятнадцатая лунка» была непревзойденным замком Дон Кихота. Это место идеально соответствовало хозяину, отброшенному на обочину российского фашистского движения и согласному хотя бы на видимость силы и славы. В сельском уединении Вонсяцкий все глубже погружался в мечты об освобождении России от большевиков, и когда совершал поступки, то приводил ими в недоумение и нацистов, и коммунистов, и американское правительство.

Тем временем Константина Родзаевского безнадежно засасывало роковое сотрудничество с японской императорской армией.

Глава XII

МЕТАСТАЗЫ

Повсюду в Маньчжоу-Го происходит заметное расширение фашистских групп.

*Японский консул в Маньчжоули,
6 ноября 1936 г.*

Трудно найти в новейшей истории более зловещее десятилетие, чем 30-е годы. Шатаясь под гнетом депрессии, американцы задумывались, сможет ли (и даже — должна ли) сохраниться капиталистическая система, и невольно прислушивались ко всевозможным пророкам, начиная от радиопроповедника отца Чарльза Кофлина и кончая кандидатом в президенты от коммунистов Эрлом Браудером. Европейские демократии, измотанные экономическими неурядицами, раздираемые политическими противоречиями и замороженные ложными надеждами на умиротворение, сложа руки смотрели, как Мус-

солини давил Эфиопию, Франко уничтожил Испанскую республику, Гитлер вооружал третий рейх и присоединял к нему Рейнскую область, Австрию и большую часть Чехословакии. В СССР непроницаемый Сталин руками аппаратчиков из НКВД расправлялся со своими собственными партией и армией, и суды по разнарядке гнали миллионы людей в смертные лагеря. Япония, охваченная манией преследования и ослепленная мессианскими видениями «нового порядка» в Азии, втянулась в длительную войну с Китаем и готовилась помериться силами с Соединенными Штатами и Советским Союзом.

Пока мир двигался к пропасти, неясно различимой, но от этого не менее ужасной, Всероссийская фашистская партия продолжала расти. С 1934 по 1938 г. число ее членов удвоилось. Открылись отделения в Северной и Южной Америке, Европе и Африке, намного более сильные, чем ячейки Вонсяцкого. С партийных печатных станков непрерывным потоком сходили газеты, книги, журналы, брошюры, и почта разносила их по отдаленнейшим уголкам русской диаспоры. В Маньчжоу-Го партийные учебные заведения, от детских садов до Высшей партийной школы, воспитывали в фашистском духе подрастающее поколение русских. Партия получила в русской эмигрантской колонии немалую власть.

ВФП росла, однако независимости у нее не прибавлялось. Зарубежным отделениям не хватало жизнеспособности. В Маньчжоу-Го, получая от японцев деньги и поддержку, небольшая группа рассерженных юнцов превратилась в сильное, но послушное их орудие. Большая часть «соратников» верила красивым словам о том, что они — ядро Белой армии и авангард освободительной Национальной Революции, но трезвые умы понимали, что русские фашисты не что иное, как японские марионетки, способные, впрочем, натворить немало бед.

Расширение влияния партии: БРЭМ

Хотя в начале 30-х годов ВФП уже обладала таким орудием давления на эмигрантское сообщество, как чернорубашечники, ей не хватало «законной» административной власти над 80 тысячами русских жителей Маньчжоу-Го. Такое положение длилось недолго. Через несколько месяцев после второго съезда партии, состоявшегося в апреле 1934 г., Квантунская армия сделала Родзаевскому заманчивое предложение.

С 1932 г. японская военная миссия в Харбине, в состав которой входил орган особого назначения «Токуму кикан», искала возможность установить более действенный контроль над русским населением Маньчжоу-Го. Задача усложнялась тем, что почти половина русских (в 1934 г. — 36 500 из 80 000) имела советские паспорта и поэтому была вне юрисдикции Маньчжоу-Го (т. е. Японии). Какую-то часть из них, конечно, составляли «редиски», работавшие на контролируемой СССР Китайско-Восточной железной дороге. Однако многие были фанатично преданы СССР и враждебно настроены по отношению к Японии. Таким образом, оставалось сорок с чем-то тысяч «белых» (в основном граждан Маньчжоу-Го, но попадались и беженцы без гражданства), которых японцам предстояло организовать в послушное, антисоветски ориентированное единое целое.

С 1932 по 1934 г. начальник «Токуму кикан» генерал-майор Комацубара Мититаро и его штаб управляли русскими эмигрантами, более половины которых проживало в Харбине, через японских советников, приставленных ко всем эмигрантским организациям. Советником Русской фашистской партии был майор Акикуса Сюн.

В конце 1934 г. «Токуму кикан» разработал план создания единого органа, во главе которого стояли бы русские и который обладал бы широкими полномочиями в делах русской колонии Маньчжоу-Го. Руководить всеми действиями органа, конечно, должен был японский «советник». Майор Акикуса поделился этой идеей с Родзаевским и Матковским и легко добился их поддержки.

Вечером 28 декабря 1934 г. в Русском клубе на Китайской, 125 (там же помещалась штаб-квартира ВФП) состоялось необычное собрание. Представлены были все эмигрантские организации (легитимисты, Общевоинский союз, Союз казаков), городской совет Харбина, правительство Маньчжоу-Го, японское консульство, некоторые газеты и местные органы полиции, включая «Кемпеи». Встреча была созвана якобы для обсуждения японского предложения создать русскую библиотеку. Собравшиеся эмигранты, однако, почувствовали, что затевается нечто куда более значительное.

Слово взял майор Акикуса, бегло говоривший по-русски и тут же переводивший сам себя на японский. Он сказал, что все эмигранты-патриоты, если они действительно хотят освободить родину от большевиков, должны понимать значение единства. С целью достижения

этого единства в Маньчжоу-Го учреждается Бюро по делам российских эмигрантов (сокращенно — БРЭМ).

Акикуса сделал паузу, чтобы посмотреть, как подействовали его слова. Никто не шелохнулся. Тогда он напористо двинулся дальше. Члены всех существующих организаций — политических, общественных, религиозных — автоматически должны теперь войти в сферу полномочий БРЭМ. Никакой из них, однако, БРЭМ не окажет предпочтения. Это будет истинно надпартийная организация, управляемая эмигрантами и в интересах эмигрантов. При Бюро будут действовать амбулатория, библиотека, столовые, клубы. Оно будет помогать эмигрантам в их нуждах, давать им чувство общности, учить их противостоять большевизму, разъяснять им «царский путь» и готовить их к грандиозной миссии возрождения родины.

Затем Акикуса обернулся к сидевшему рядом немолодому человеку и сказал, что хочет представить всем первого начальника БРЭМ генерал-лейтенанта Вениамина Вениаминовича Рычкова. Рычков был старым сподвижником Семенова, недавно получившим почетную должность главы Военного отдела ВФП. Как и фотогеничный первый «вождь» РФП генерал Косьмин, Рычков играл чисто декоративную роль. В 1937 г. он умер, и за ним последовала череда столь же сговорчивых свадебных генералов: Алексей Проклович Бакшеев (1937—38 гг.), Владимир Александрович Кислицын (1938—44 гг.) и Лев Филиппович Власьевский (1944—45 гг.).

Представив новое руководство и получив в ответ вежливые аплодисменты, майор Акикуса сел на место. Собрание закрыли, не проводя обсуждения. Харбинцы уже почти три года жили в условиях оккупации, и наученные горьким опытом эмигранты не доверяли сладким речам майора, догадываясь, что о самом важном он умалчивает. Но лишь немногие тогда предвидели, как сильно создание БРЭМ повлияет на всю их жизнь.

Бюро состояло из семи отделов: 1) переселенческого, 2) культурно-просветительного, занимавшегося, в частности, информацией, образованием, спортом, 3) регистрационного, ведавшего паспортами, пропиской и личными документами, 4) финансового, 5) благотворительного, 6) юридического и 7) военного, который вел учет ветеранов и обеспечивал военную подготовку русской молодежи. Как и обещал Акикуса, чиновники назначались из разных эмигрантских групп, чтобы Бюро не вы-

глядело управляемым кем-то единолично. Однако большую часть важных постов занимали фашисты и их союзники. Родзаевский по совместительству был советником у разных начальников БРЭМ и возглавлял второй (культурно-просветительный) отдел. Ключевым третьим отделом, который решал вопросы прописки, вел учет трудоустройства и предпринимательства и выдавал заграничные паспорта (эти процедуры были обязательны для русских эмигрантов в Маньчжоу-Го), руководил Матковский. Начальники четвертого и пятого отделов Михаил Николаевич Гордеев и Леонид Львович Черных, хоть и не состояли в ВФП, находились под влиянием Матковского. Седьмым отделом по очереди командовали несколько ветеранов царской армии, в том числе генерал Вержбицкий.

Все сотрудники БРЭМ подчинялись майору Акикусе, который регулярно с ними встречался. Большим влиянием пользовался также русский сотрудник японской военной миссии в Харбине Иван Адрианович Михайлов. В 1919 г. Михайлов был министром финансов в Омском правительстве адмирала Колчака.

К середине 1935 г. Бюро распространило свою деятельность на все русские эмигрантские коммуны Маньчжоу-Го. Местные отделения возникли в Мукдене, Синьцзине, Маньчжоули, Хайларе, Айгуне и на станции Пограничная. Когда в 1937—38 гг. японцы оккупировали север и морское побережье Китая, военные власти Тяньцзиня и Шанхая создали и там организации, подобные БРЭМ. Нет нужды говорить, что во всех этих структурах были широко представлены «сратники» из ВФП.

Бюро ведало делами не только русских, но и других народов бывшей Российской империи: украинцев, поляков, эстонцев, латышей, литовцев, грузин, армян, татар и балтийских немцев. Национальные меньшинства составляли около 10% «русского» населения Маньчжоу-Го.

Бюро не имело никакой власти над советскими гражданами, которых в 1934 г. в стране насчитывалось 36 000 с лишним. Но в 1935 г., когда КВЖД была продана Маньчжоу-Го (а по существу — Японии), их число резко сократилось. Только летом этого года в СССР вернулось более 25 000 человек. К концу 1936 г. в Маньчжоу-Го оставалось только пять тысяч советских граждан, в 1939 г. — меньше тысячи. Многие «редиски» после продажи КВЖД стали полноценными «белыми» и тем самым попали под юрисдикцию БРЭМ. В то же время

тысячи эмигрантов уезжали из Маньчжоу-Го в Шанхай, Тяньцзинь и Бэйпин. Совокупное действие демографических приливов и отливов вызвало незначительный рост числа людей, зарегистрированных в БРЭМ: в 1935 г. — 42 581, в 1939 г. — 45 295*.

Действуя через БРЭМ, ВФП без шума установила свою власть над русскими эмигрантами в Маньчжоу-Го и в меньшей степени — в Китае. Конечно, влияние Родзаевского во втором отделе в основном ограничивалось школами, зато уж от третьего отдела, где главенствовал Матковский, зависела судьба каждого эмигранта. Матковский использовал свое положение для сбора подробной информации обо всех русских в Маньчжоу-Го и принадлежавших им предприятиях. Все эмигранты, начиная с восемнадцати лет, обязаны были регистрироваться в его отделе. Для того чтобы переехать с места на место, поменять работу или отправиться за границу, нужно было получить там разрешение. Когда КВЖД отошла к Японии и стала называться Северо-Маньчжурская железная дорога (СМЖД), Матковский, работая по совместительству в ее управлении, взял в свои руки кадровую политику. Тысячи людей, отчаянно пытавшихся выбраться из Маньчжоу-Го, шли за паспортами не к кому-нибудь, а к Матковскому. Наталия Ильина в автобиографическом романе «Возвращение» ярко изобразила положение русских без гражданства, для которых Маньчжоу-Го стало настоящей западней. Этим дважды беженцам (сначала от большевиков, потом от фашистов), чтобы получить право на выезд, приходилось унижаться перед сотрудниками БРЭМ и отчаянно доказывать свою верность «царскому пути».

Коллега Матковского Гордеев, начальник четвертого (финансового) отдела, установил для всех эмигрантов, желающих заниматься коммерцией, систему лицензий, которая охватывала все — от банка до киоска. Инспекторы БРЭМ, вынюхивая нарушения, не давали деловым людям спокойно спать.

К 1936 г. Бюро легло в основу настоящего симбиоза между военной миссией и ВФП. Японцам это содружество давало боевиков для операций против «бандитов» и уверенность в том, что русские в Маньчжоу-Го под своим собственным руководством неуклонно идут по

* Здесь речь идет только о тех, кто достиг 18 лет, так что на самом деле в поле зрения БРЭМ попадало намного больше людей.

«царскому пути». ВФП с благословения японцев распространила свою власть практически на всех русских эмигрантов.

Бюро также создавало хорошие возможности для сговора между ВФП и японскими коммерсантами, рвавшими на харбинский рынок. Например, в 1936 г. Бюро предписало всем русским магазинам, торговавшим тканями и галантереей, пользоваться услугами исключительно концерна Хиросимая. В ноябре того же года с помощью БРЭМ японцы завладели старейшей и самой влиятельной торговой фирмой Маньчжоу-Го — «И. Я. Чурин и Компания». В операции непосредственно участвовал Родзаевский, который публиковал в газете «Наш путь» статьи, изобличавшие директора фирмы Н. А. Касьянова как агента Коминтерна.

Хотя влияние ВФП с появлением БРЭМ сильно выросло, ее финансовые дела почти не улучшились. До 1937 г., помимо ежемесячных субсидий от харбинской военной миссии в размере 10 000 иен (что равнялось 3300 долларам), Бюро получало доход только от лотерей и продажи лицензий. Этого едва хватало для покрытия собственных расходов, содержания библиотеки, издательства и водно-спортивных сооружений на Сунгари. Поскольку с БРЭМ взять было нечего, ВФП пополняла свою казну за счет членских взносов (один маньчжурский юань в месяц), платных танцев, продажи марок Фонда противокommунистической борьбы и т. п., а также обхаживала японцев в надежде на субсидии. Трудно сказать, сколько получала ВФП от военной миссии. Сумма, по-видимому, менялась год от года и была небольшой. Родзаевский, например, жил в крохотной квартирке в спартанских условиях и постоянно носил одну и ту же одежду.

Помимо БРЭМ, ВФП была связана с созданным японцами монстром, именуемым «Кёвакай» (Общество согласия). Задачами Общества, основанного в июле 1932 г. чинами Квантунской армии и идеалистами из числа гражданских лиц, считались воспитание в людях верности Маньчжоу-Го и борьба с национальной разобщенностью под лозунгом «гармония пяти народов» (маньчжур, китайцев, японцев, корейцев и монголов). В результате Общество согласия вобрало в себя все политические, общественные, экономические и культурные организации Мальчжоу-Го, причем к каждой был приставлен японский советник (часто — офицер Квантунской армии).

Обманув надежды основателей, Общество мало-помалу выродилось в инструмент пропаганды и разведки в руках армейских чиновников. Но Родзаевского это не смутило — он использовал любую возможность внедриться в русский отдел Общества, базировавшийся в Харбине.

Номинальным главой русского отдела был заслуженный деятель Аюнума Муцуми. Практическую работу по координации эмигрантских групп, включая ВФП, вел его заместитель Като Рэнити. Родзаевский, по-видимому, завоевал доверие Като, ибо «соратник» Виктор Абрамов получил в Обществе согласия ответственную должность. Во время пропагандистских поездок по Маньчжоу-Го «вождь» неоднократно подчеркивал «братскую дружбу» между ВФП и «Кёвакай», увеличивая тем самым значимость своей партии за счет других эмигрантских организаций. На самом деле в Обществе согласия были представлены и монархисты, и казаки, но Константин Владимирович не упускал случая поживиться на их счет.

Партийный набор и трения с казаками

Родзаевский постоянно думал о том, как увеличить численность ВФП. 22 мая 1935 г., когда партии исполнилось четыре года, «вождь» заявил, что в ней состоит двадцать тысяч «соратников». Цифра, наверное, была завышена раза в три, но еще через год словесной трескотни ВФП уже насчитывала около десяти тысяч человек.

Часть этой прибавки дали железнодорожники, вступившие в ВФП после продажи КВЖД в 1935 г. Поскольку Матковский лично решал, кого брать, а кого не брать на СМЖД, мало кто осмеливался отказаться от предложения вступить в ряды ВФП.

В середине 30-х годов русское население Маньчжоу-Го испытало определенный демографический сдвиг, результатом которого стало увеличение доли сельских жителей. Сдвиг в основном объясняется более высокой рождаемостью в сельских районах и отъездом из Харбина в Бэйпин, Тяньцзинь и Шанхай торговцев и специалистов различных профессий. Родзаевский уловил эту тенденцию и постарался использовать ее для расширения ВФП. Являясь начальником второго отдела БРЭМ, он потребовал от всех разбросанных по Маньчжоу-Го русских школ включить пропаганду фашизма в свои программы. Кроме того, он с удвоенной энергией принялся вербовать сельс-

кую молодежь. Эти действия привели вскоре к столкновениям между ВФП и казаками.

Несколько тысяч забайкальских казаков жили небольшими поселениями, раскинувшимися широкой дугой вдоль советской границы от Маньчжоули до Пограничной. Большая их часть бежала в Маньчжурию из Сибири и Приморья после поражения белых в 1922 г. Переселяясь, они забирали с собой семьи и домашний скот, держались друг друга и не перемешивались с прочими эмигрантами. Ненавидевшие коммунистов и готовые биться за свободу с кем угодно, они все же сторонились политики и (если не считать одного короткого, но кровавого местного бунта против японцев в 1935 г.) спокойно занимались хозяйством. Если они и считали кого-то своим главой, то это был атаман Григорий Семенов. Живя в Дайрене, Семенов руководил своими последователями через харбинский Дальневосточный союз казаков, возглавляемый генералом Бакшеевым.

Исторические обстоятельства постоянно толкали Родзаевского и Семенова к союзу, которого ни тот, ни другой не хотел. Кроме ненависти к коммунистам, у них было очень мало общего. Семенов грезил расчленением СССР и созданием в Забайкалье независимой казацкой республики. Ему не нравился русский шовинизм Родзаевского, а его фашистскую доктрину он осуждал как нездоровое увлечение итальянской и немецкой модой. Для Родзаевского, в свою очередь, атаман был символом тщеты белого движения, безнадежно отставшим от времени провинциалом. Но, несмотря на всю идеологическую несовместимость и личную враждебность, два «вождя» под давлением японцев вынуждены были создать единый фронт. Начиная с 1934 г., Родзаевскому не раз указывали, что надо уладить споры с Семеновым полюбовно. Пойти на это было нелегко, да еще Вонсяцкий, как назло, начал против Семенова шумную кампанию, в которой Родзаевский сам не прочь был бы играть первую скрипку.

Загнанный в угол, Родзаевский начал хитрить. На третьем съезде российских фашистов (28 июня — 7 июля 1935 г.) он для успокоения японских наблюдателей публично заявил о всестороннем сотрудничестве с Семеновым, но отдал заместителям негласное распоряжение вредить атаману, где только возможно.

Вскоре стало ясно, что именно задумал «вождь»: вербовщики из ВФП стали приезжать в казацкие поселения вдоль реки Аргунь и уговаривать местных ребят вступать

в «Фашистский авангард». Немедленно в Харбине, Хайларе, Цицикаре и Маньчжоули начались потасовки между чернорубашечниками и молодыми казаками, а в БРЭМ вспыхнула яростная склока фашистов с семеновцами.

Увидев, что налицо измена духу «царского пути» и под угрозой планы борьбы с СССР, Квантунская армия решила закрутить гайки и потребовала навечно прекратить междоусобицу. 22 ноября 1937 г. под пристальным наблюдением нескольких японских офицеров в здании БРЭМ в Харбине встретились руководители ВФП и Союза казаков. Председательствовал генерал Кислицын, слегка витавший в облаках из-за контузий и пьянства. Из Дайрена прибыл сам Семенов. Сопровождаемые соответственно Бакшеевым и Матковским, они сели с Родзаевским за стол и подписали протокол, где говорилось, что отныне стороны будут избегать провокаций, координировать антисоветскую деятельность, воздерживаться от заключения союзов с третьими партиями без взаимного согласия и дружно работать в БРЭМ. Как выразился один японский наблюдатель, соглашение привело к созданию «фашистско-казацкого союза».

Союз, однако, носил формальный характер. ВФП говорила о Семенове с подчеркнутым уважением. «Наш путь» всячески превозносил атамана, называя его столпом «Белого Интернационала» и ставя его в один ряд с такими «вождями нового человечества», как Муссолини, Гитлер и генерал Араки Садао. В январе 1938 г. ВФП даже изменила название на Российский фашистский союз (РФС), что намекало на некую вновь приобретенную универсальность.

Но к этому времени и фашисты, и казаки у самих же японских покровителей научились тому, как преследовать свою выгоду, сохраняя благопристойный внешний вид. Под завесой красивых слов кипела старая вражда. На людях прикидываясь добрыми друзьями, наедине фашисты и казаки немедленно принимались выяснять отношения.

Русский фашизм в маньчжурском стиле, экспортный вариант

Когда пришло время подумать о выходе партии на международную арену, Родзаевский столкнулся с трудностями, от которых его американский соперник Вонсяцкий был избавлен. Богатство жены и американский пас-

порт давали Вонсяцкому всяческие свободы, в том числе свободу передвижения. Родзаевский же, зависевший от ненадежных японских субсидий, с трудом сводил концы с концами и не мог без разрешения японцев не то что поехать за границу, но и даже отлучиться из Харбина. Несмотря на все это, дальневосточный «вождь» к 1938 г. создал международную систему ячеек, которая далеко превзошла достижения «графа» из Коннектикута.

Попытки Родзаевского открыть отделения партии за пределами Маньчжурии начались еще в 1931 г., и тогда первыми в поле его зрения попали Тяньцзинь и Шанхай с их многочисленными русскими колониями. Но в этих городах возникли свои особые проблемы. Тамошние русские эмигранты были настроены более космополитически, чем харбинцы, и не столь восприимчивы к фашистской демагогии. А власти английских и французских экстерриториальных анклавов, не говоря уже о китайских властях, всячески ограничивали влияние японцев, нажим которых Родзаевский так привык рассчитывать, занимаясь уловлением эмигрантских душ.

В Шанхае за право представлять местное русское население боролись два учреждения: Русский эмигрантский комитет под руководством бывшего российского вице-консула К. Э. Мецлера и Совет объединенных русских организаций, возглавляемый генералом Ф. Л. Глебовым. Лавируя между тем и другим, фашисты в 1932 г. сумели захватить в Шанхае маленький плацдарм, которым явился журнал «Нация» издаваемый в штаб-квартире РФП на авеню Жоффр. Но, как ни изощрялась «Нация» в пропаганде, реальных последователей почти не прибавлялось. Условия, в которых работали шанхайские сподвижники Родзаевского «соратники» Перминов и Спасский, были хуже некуда. В 1935 г. возникла соперничающая фашистская организация во главе с Константином Стекловым, человеком Вонсяцкого. Новые проблемы возникли, когда в Шанхае объявился свергнутый «вождь» РФП генерал Косьмин, получил должность в Русском эмигрантском комитете и принялся строить козни своим прежним «соратникам». Но самой большой бедой Родзаевского в Шанхае была непримиримая враждебность к нему тысяч русских и евреев, бежавших из Маньчжоу-Го от прелестей «царского пути». Заткнуть рот антифашистам в Шанхае было потруднее, чем в Харбине, где цель достигалась страхом репрессий, осуществляемых с ведома японцев.

Несколько лучше обстояли его дела в Тяньцзине, где условия больше напоминали харбинские, особенно после того, как в августе 1937 г. город заняла Северо-Китайская армия Японии. В годы японской оккупации русская колония города управлялась Антикоммунистическим комитетом — точной копией БРЭМ. Председателем Комитета был запойный пьяница из казаков по имени Е. Н. Пастухин. Пастухин называл себя журналистом и действительно издавал прояпонскую газету «Возрождение Азии». Его компаньон Ушаков одновременно возглавлял тяньцзиньское отделение ВФП. Дружба с Пастухиным позволяла Ушакову и его заместителю Карамышеву проводить в Комитете свою политику. Так как в Тяньцзине ни один эмигрант не мог получить паспорт, не пройдя регистрации в Комитете, открывались широкие возможности для устрашения и вымогательства.

Помимо отделений в Китае, ВФП создала ячейки по всей Японии, от Карафуто (Южный Сахалин) на севере до Кагосимы на юге. О южносахалинском отделении, возглавлявшемся галантерейщиком Сергеем Реконцевым, сказать практически нечего, поскольку во всем Карафуто насчитывалось человек семьдесят русских. Зато ячейка ВФП в Кобе, которой руководил К. В. Шабухин, похвалялась несколькими десятками «соратников» из довольно многочисленной местной русской колонии. Токийское же отделение из-за территориальной близости к военному министерству и императорскому дворцу по праву считалось вторым по важности после харбинского. Местная штаб-квартира располагалась в Хонго рядом с православным Никольским собором. С 1932 по 1936 г. ею руководил Василий Петрович Балыков, пользовавшийся поддержкой таких влиятельных сил, как генерал Араки Садао и крайне националистическое Общество черного дракона*. Высшей точкой карьеры Балыкова стал апрель 1934 г., когда ему было поручено организовать встречу между Родзаевским и Вонсяцким. В 1936 г. Балыкова сменил Николай Кипкаев — загадочный человек, который одновременно работал в русском отделе японского генерального штаба.

Родзаевский еще в 1932 г. стал задумываться о распространении деятельности партии на Европу и Амери-

* Общеизвестный, но неверный перевод японского названия «Кокурюкай» (буквально — Общество реки Амур); основали Общество в 1901 г. Утида Рёхэй и Кузуу Токай. Как видно из названия, оно ратовало за японскую экспансию вплоть до Амура.

ку, и это была одна из причин его желания объединиться с Вонсяцким. После того как в декабре 1934 г. Вонсяцкого исключили из ВФП, Родзаевский, недолго думая, попробовал переманить к себе его людей: он приказал всем заграничным отделениям порвать с Коннектикутом и иметь дело исключительно с Харбином.

Личная дружба с Вонсяцким и надежды на его щедрость поначалу удержали ряд региональных партийных лидеров от выполнения приказа. Но когда стало ясно, кто кого, и субсидии Вонсяцкого оказались не столь уж значительны, большинство «соратников» переметнулось к дальневосточному «вождю». Представители ВФП в Германии, Австралии, Сирии, Югославии, Эстонии и Финляндии прислали на третий съезд российских фашистов заверения в признании за Родзаевским верховенства.

Безденежье и японские ограничения не позволяли Родзаевскому ездить за границу, и ему оставалась почта, с помощью которой он создал отделения партии на всех континентах и почти во всех городах, где имелись русские колонии. Труднее всего было назначать местных руководителей — ведь лично встретиться с кандидатом, как правило, не удавалось. В рядовые члены партии зачислялся всякий, кто соглашался распространять «Наш путь», но вот на пост особоуполномоченного Константин Владимирович всегда старался подыскать предприимчивого, речистого агитатора, способного выступать перед людьми и вербовать новых членов. В большинстве русских общин хоть один такой находился. В 1938 г. партийными особоуполномоченными за пределами Дальнего Востока были, в частности, И. П. Рожественский (Брисбен), Т. Д. Яновский (Нью-Йорк, Бронкс), доктор Сергей Золотницкий (Сан-Паулу), Борис Эрн (Асунсьон, Парагвай), Михаил Лежнев (Буэнос-Айрес), И. В. Рычков (Белград), К. П. Кондреев (София), А. С. Михайлов (Бухарест), Владимир Шелихов (Варшава) и госпожа Е. Сяльская (Париж). На Ближнем Востоке партия имела «посла», который курсировал между Стамбулом и Каиром и отправлял в «Наш путь» статьи, где осуждался сионизм и провозглашался лозунг «Палестина для палестинцев!» (ВФП поддерживал палестинских арабов, с которыми, как считалось, у русских эмигрантов была общая судьба: и те и другие лишились родины под натиском «мирового еврейства»).

Очень важное значение придавал Родзаевский соз-

данию партийных представительств в Италии и Германии. Рим и Берлин были для него священными городами фашизма, и даже формальное присутствие в них ВФП подняло бы дух людей и повысило бы политический вес партии. Константин Владимирович мечтал о том дне, когда Гитлер и Муссолини, объединившись с японцами, пойдут войной на Советы. Он не простил бы себе, если бы в этот судьбоносный день в Берлине и Риме не было «соратников». Он содрогался при мысли о том, что Вонсяцкий, просто оказавшись под рукой, вдруг получит статус официального представителя всех русских фашистов.

Открытию итальянского отдела ВФП предшествовало несколько лет кропотливой подготовки. Муссолини, хотя и благожелательно относился к Японии, отложил официальное признание Маньчжоу-Го до решения некоторых вопросов. Однако Родзаевский в своей пропаганде делал все, чтобы понравиться итальянцам, если вдруг они обратят на него внимание. «Наш путь» и «Нация» превозносили дуче как великого мыслителя, государственного деятеля и вождя нации. В 1935—36 гг. оба органа поддержали войну в Эфиопии и осудили Лигу Наций за вмешательство в исполнение Италией «национального долга».

Самоотверженные усилия Родзаевского принесли плоды вскоре после того, как Рим подписал Антикоминтерновский пакт (6 ноября 1937 г.) и установил дипломатические отношения с Маньчжоу-Го (29 ноября 1937 г.). Весной 1938 г. Маньчжоу-Го посетила группа представителей Итальянской фашистской партии, и Родзаевский не преминул устроить в их честь в Харбине торжественный прием. Это произошло 29 апреля, в день рождения императора Хирохито, что увеличило весомость события. «Вождь» почтил фашистским приветствием каждого из гостей, начиная с посла Италии в Маньчжоу-Го маркиза Джакомо Паулуччи ди Кальболи Бароне. Через два месяца ВФП (переименованная к тому времени в РФС) уже имела в Риме особоуполномоченного по имени Дмитрий Родионов, который организовал на Виа делле Колонетти «Русский кружок» («Circolo Russo»). «Кружок» был крохотный, но парня из Благовещенска даже символическая связь с Вечным городом поднимала в собственных глазах.

Хотя на третий съезд российских фашистов пришли приветственные письма и из Германии, у ВФП тогда еще

не было представительства в третьем рейхе. Создание его в середине 30-х годов потребовало от Родзаевского немалой изобретательности. Согласно расистской теории нацистов, славяне были неполноценными людьми — *Untermenschen*, биологически неспособными стать национал-социалистами. Презируя славянский национализм, Гитлер утверждал в «*Mein Kampf*», что бывшее величие России объясняется преобладанием немецких элементов в дореволюционном правящем слое. Даже глава внешнеполитического отдела НСДАП Альфред Розенберг, который родился в России и с которым эмигранты связывали особые надежды, предпочитал русским балтийских немцев и украинских сепаратистов, поскольку чаяния последних отвечали его идее расчленения СССР. Помимо безразличия и даже враждебности нацистов, ВФП столкнулась с противодействием эмигрантских групп, уже существовавших в Германии (в первую очередь РОНД и НТС), которым не могло понравиться появление новых претендентов на милости фюрера.

Русскими фашистами из Маньчжоу-Го, однако, заинтересовалось руководство СС. 18 октября 1935 г. специалист по русским делам Отто Бройтигам представил Генриху Гиммлеру доклад об эмигрантских политических организациях во всем мире. В суждениях Бройтигама о ВФП проницательные выводы причудливо переплелись с заблуждениями. Говорилось, что «открыто» партию возглавляет Родзаевский, а «тайно» — атаман Семенов. Однако Бройтигам был совершенно прав, характеризуя ее как «орудие в руках японского генерального штаба».

Гестапо и СД тем временем, видимо, решили, что от ВФП на данный момент большого вреда не будет, и в 1936 г. Родзаевскому наконец позволили открыть на Вюрцбургерштрассе в Берлине *Deutsche Sektion* своей *Allrussische faschistische Partei*. Главой немецкого отдела поначалу стал Г. А. Козловский, а в 1937 г. его сменил А. А. Аверкиев — бывший член РОНД, который перенес штаб-квартиру партии на Гогенцоллерндам.

Помимо особоуполномоченных в каждой из столиц, Родзаевский нуждался в мобильном агенте, который мог бы выполнять его поручения в любой европейской стране — там, где возникнет необходимость. Такой человек наконец нашелся в лице Бориса Петровича Тедли (в немецких источниках — Тёттли).

Тедли родился в Киеве в 1901 г., происходил из русско-немецкой семьи и мечтал стать врачом, но разра-

зилась Октябрьская революция, и он оказался в Берне, где кое-как перебивался на журналистских хлебах. Потрясенный и озлобленный всем тем, что сделали с Россией и с ним самим, Тедли в 20-е годы заботливо вынашивал свою окрашенную антисемитизмом *Weltschmerz**. Он быстро усвоил популярную в правых эмигрантских кругах мысль, что революция — дело рук евреев. Он стал ярым сторонником «Протоколов сионских мудрецов» и розенберговского «Мифа двадцатого века». Он с одобрением наблюдал возвышение Гитлера и в июне 1933 г. объявил себя главой русских национал-социалистов в Швейцарии. Таковых было, по правде говоря, всего двое: сам Тедли и Рюрик фон Коцебу, тридцатилетний балтийский немец, родившийся в Маньчжурии и переехавший в Лозанну. С 1933 по 1936 г. неразлучная пара лечилась от одиночества поездками в третий рейх на эрфуртские антисемитские съезды и нюрнбергские нацистские митинги.

Можно только догадываться, как Родзаевский и Тедли нашли друг друга, но ясно, что устремления их совпадали. Обоим хотелось создать видимость могущественной русской фашистской организации, охватывающей всю Европу, — неважно, что на деле «организация» состояла из нескольких замызганных служебных помещений, где стояли ящики с брошюрами и на столах валялись почтовые марки.

В апреле 1936 г. Тедли приступил к обязанностям «временного резидента главы партии в Европе». Он быстро убедил Родзаевского в своей полезности, пообещав ему передать в гестапо компрометирующие материалы на Вонсяцкого. Вряд ли Тедли действительно приложил руку к тем гонениям, которые испытала от гестапо горстка последователей Вонсяцкого в рейхе, но Харбин остался им доволен. В январе 1938 г. Родзаевский провозгласил Тедли «европейским и африканским» представителем РФС, по-немецки называвшегося теперь *Bund russischer Faschisten*.

Воспользовавшись новым пышным титулом, Тедли перебрался из Берна в Берлин. Там Борис Петрович строил козни фюреру РОНД Бермондт-Авалову и заботливо пас свое малочисленное стадо, рассыпавшееся от Каира до Копенгагена.

* Мировую скорбь (*нем.*).

НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ СТИЛЕ

Всероссийская фашистская партия провозгласила фашистскую трехлетку. Это означает, что к 1 мая 1938 г. — не позже, а возможно, намного раньше — под ударами внешних или внутренних сил советская коммунистическая партия прекратит свое существование.

«Наш путь», 7 ноября 1935 г.

К середине 30-х годов Всероссийская фашистская партия развернула работу на четырех уровнях. На первом уровне она была пропагандистской машиной, издававшей газету, теоретический журнал и всевозможные брошюры, открывавшей школы и клубы, устраивавшей лекции, вещавшей по радио и поддерживавшей связь с иностранными отделениями — короче, стремившейся достучаться до как можно большего числа людей по всей русской диаспоре. На втором уровне она была административным органом, с помощью БРЭМ помогавшим японским властям контролировать русское население Маньчжоу-Го. На третьем уровне она была «маньчжурской мафией», участвовавшей по поручению определенных лиц из «Кемпеи» в делах с наркотиками, проституцией и вымогательством. Наконец, на четвертом уровне это была организация, с японской помощью занимавшаяся набором, подготовкой и засылкой в СССР шпионов и диверсантов.

Деятельность на четвертом уровне стоила партии наибольших людских потерь. Мы никогда, наверно, не узнаем, сколько юных «сратников», пылавших любовью к родине и ненавистью к коммунистам, не вернулись с боевых заданий в Забайкалье или Приморье. Только после 1939 г. некоторые из тех, кто выжил, начали понимать, что они были не авангардом Национальной Революции, а подопытными кроликами японской разведки.

Белые партизаны

Рейды белых партизан из Маньчжурии в Приамурье и Приморье начались сразу после победы большевиков в 1922 г. Отряды были небольшие — в два-три десятка че-

людей. Иные состояли из крестьян, которые до революции жили в районе Владивостока, а перебравшись в Маньчжурию, поселились близ советской границы (например, у станции Пограничная), иногда всего в нескольких километрах от родных мест. Другие формировались из солдат и казаков, служивших во время войны у Колчака или Семенова. Разобщенные и плохо вооруженные отряды действовали на свой страх и риск в малонаселенном приграничье: у озера Ханка, на Уссури в районе Имана, по берегам Амура между Хабаровском и Благовещенском и за рекой Аргунь близ Нерчинска и Сретенска. Белые партизаны совершали налеты на глухие деревушки и убивали коммунистов — этим обычно дело и ограничивалось. Их действия пресекались набиравшими силу пограничниками, а также агентами ГПУ, которые пробирались в Маньчжурию и охотились там на партизанских командиров. Белые отряды несли тяжелые потери, но находились все новые молодые добровольцы, готовые, рискуя жизнью, проникнуть на родину и дать бой ненавистным большевикам.

В 20-е годы находилось немало охотников создать из разрозненных отрядов стройное партизанское движение под единым командованием. Харбин был наводнен такими объединителями — каждый считал, что он один имеет необходимые способности и авторитет. Из Парижа приехал К. К. Шуберт, направленный Высшим монархическим советом. Великий князь Николай Николаевич прислал генерала Н. П. Сахарова. Братство русской правды представлял генерал Дмитрий Косьмин. Дальневосточный отдел Русского общевойскового союза, возглавляемый генералами М. К. Дитерихсом и Г. А. Вержбицким, считал организацию белого партизанского фронта своей прерогативой. Никто из претендентов не добился успеха — во-первых, потому что они не желали друг другу уступать, и во-вторых, потому что им не доверяли местные партизанские командиры. По иронии судьбы не какой-нибудь русский военачальник, а Квантунская армия в конце концов подчинила своей воле всех белых партизан Дальнего Востока и превратила их в орудие японской стратегии на континенте.

Разведывательная деятельность японской армии в Сибири началась еще в 1890-е годы, когда шпионы, маскировавшиеся под китайских и корейских рабочих, собирали сведения о ходе строительства Транссибирской железной дороги. Разведка, в частности, пользовалась

помощью японских проституток, занимавшихся своим ремеслом в лагерях строителей и на амурских пристанях. Была в Сибири и своя Мата Хари — сирена из Благовещенска по имени О-Кику. Дела японских разведчиков в Сибири окружал в то время некий ореол героизма и экзотики — чего стоят, например, похождения капитана Фукусимы Ясумасы, в 1892—93 гг. в одиночку проскакавшего от Берлина до Урала и Внешней Монголии, а затем вдоль Амура и Уссури к Японскому морю. И до, и после русско-японской войны «сиси» (храбрецы) и «тайрику ронин» (странствующие самураи на континенте), зачастую входившие в Общество черного дракона, устраивали рейды на территорию российского Дальнего Востока и порой сообщали о своих наблюдениях армейскому командованию. Сибирская интервенция 1918—22 гг. дала японским военным редкую возможность без помех обследовать Забайкалье, Приамурье и Приморье. Хотя интервенция была непопулярна внутри страны и принесла вред ее политике, она воспитала целое поколение знатоков Сибири, которые потом четверть века служили в русских секциях второго (разведывательного) отдела генерального штаба императорской армии и его передового органа — харбинского «Токуму кикан». Хотя в 1922 г. японские войска покинули Владивосток, агенты «Токуму кикан» (часть из них составляли китайцы и русские) продолжали действовать на советской территории.

Харбинский «Токуму кикан», учрежденный в 1918 г., с самого начала принялся вербовать эмигрантов для разведывательных заданий. Но к концу 20-х годов возникло мнение, что русских можно использовать с большей выгодой, чем просто для сбора информации. В 1928 г. майор Канда Масатане разработал план диверсий на советском Дальнем Востоке, реализовать который должны были русские эмигранты. Все же до 1932 г., когда Квантунская армия заняла Харбин, «Токуму кикан» не мог широко привлекать русских к своим операциям.

В 1932 г. харбинский «Токуму кикан» стал полевой штаб-квартирой армейской разведки и контрразведки против Советского Союза. Новым его главой генерал-майор Комацубара Мититаро, который с 1927 по 1929 г. был военным атташе в Москве, немедленно предложил генералу Вержбицкому объединить все формирования белых партизан под общим руководством японцев. План

провалился по нескольким причинам. По существу, «Токуму кикан» пытался сделать из партизан шпионов, с чем вояка Вержбицкий согласиться не мог. Да и не желал он вообще, по крайней мере в то время, подчиняться японским командирам. К тому же, генерал Комацубара вскоре сам понял, как трудно будет объединить вольные отряды крестьян, казаков и царских ветеранов, разбросанные вдоль границы Маньчжоу-Го. И «Токуму кикан» до поры до времени ограничился вербовкой и обучением отдельных групп русских эмигрантов.

Использование русских японской военной разведкой сопровождалось активизацией советской шпионской деятельности в Маньчжурии. Кафе «Бомонд» и ресторан «Яр» в Харбине кишели агентами ОГПУ (после 1934 г. — НКВД), которые благодаря дипломатической неприкосновенности чувствовали себя вполне вольготно. Нельзя сказать, однако, что все советские граждане могли быть столь же спокойны. До 1935 г., когда КВЖД была продана Маньчжоу-Го, служащих с советскими паспортами нередко арестовывали как «агентов Коминтерна»*. В 1936 г. при загадочных обстоятельствах умер сотрудник советского Дальневосточного банка (Дальбанка), взятый японцами под стражу. Подобные случаи неизменно вызывали громкие протесты Москвы и осуждение в американской печати. Но никто не шевелил и бровью, если какого-нибудь эмигранта настигала чекистская пуля или тихо ликвидировали японские жандармы на втором этаже харбинской «Кемпей».

Русские приняли на себя главный удар советско-японской войны разведок. Граждане Маньчжоу-Го и лица без гражданства (что было почти одно и то же) не имели практически никакой защиты — ни правительственной, ни консульской. Зыбкость их положения делала отношение к ним еще более настроженным. Советские власти считали их японскими прихвостнями, японские выискивали среди них «антиредисок» (белых снаружи, красных внутри). Наибольшей опасности с обеих сторон подвергались казаки, населявшие приграничные районы. Те, что жили вдоль реки Аргунь, в 20-е годы испытали советские рейды, в 30-е — японские усмирительные кампании. Расправляясь с русскими беженцами, советские и японские

* Многих бывших работников КВЖД после репатриации в СССР в 1935 г. обвинили в том, что они японские агенты. Бессчетное число их пошло в лагерь.

органы безопасности в то же время не упускали случая воспользоваться их нищетой и бешеным патриотизмом. Эмигранту сам Бог велел таскать каштаны из огня, и русские фашисты не были исключением.

Даешь Национальную Революцию к 1938 году!

22 мая 1935 г. в выступлении по случаю четвертой годовщины РФП (с 1934 г.— ВФП) Родзаевский сделал необычайное предсказание. Национальная Революция в СССР произойдет до 1 мая 1938 г. Речь начиналась с утверждения, что в одном лишь Маньчжоу-Го ВФП ныне располагает 20 000 активистов, и этот успех знаменует конец первого этапа фашистского движения — «этапа сбора и накопления сил». На втором этапе, продолжал Родзаевский, будет выполнена «фашистская трехлетка», цель которой состоит в «ликвидации еврейского владычества на русской земле» и установлении власти ВФП не позднее 1 мая 1938 г.

Пути, ведущие к победе, «вождь» определил на третьем съезде российских фашистов, состоявшемся через месяц. План состоял из пяти пунктов: 1) усиление фашистской пропаганды; 2) объединение всех русских эмигрантов Маньчжоу-Го под эгидой ВФП; 3) тесное сотрудничество с Германией и Италией; 4) упрочение связей с Японией; 5) проникновение в Советский Союз и установление контакта с «антисталинскими элементами». Выполнение этих пяти пунктов, наряду с провалом в СССР «еврейской» второй пятилетки (1932—37 гг.), должно было обеспечить ВФП ведущую роль в стихийной Российской Национальной Революции, которую следовало ожидать примерно в начале 1938 г.

К лету 1935 г. в четырех направлениях из пяти партия добилась немалых успехов. Пропагандистская машина работала вовсю: действовали школы, публиковались фашистские издания, радиостанция в Цицикаре вела передачи на СССР. Через БРЭМ и Общество согласия ВФП «координировала» русское население Маньчжоу-Го. Партия, правда, не имела еще представителя в Берлине, но отделение в Риме вот-вот должно было открыться. С преемником генерала Комацубары на посту начальника харбинского «Токуму кикан» генерал-майором Андо Риндзо сложились неплохие отношения, а в роли советника партии продолжал выступать доброжелательный настав-

ник Родзаевского майор Акикуса Сюн. Более того, личная дружба связывала Константина Владимировича с генералом Араки Садао — кумиром молодых офицеров-идеалистов и лидером фракции «императорского пути» в японской армии, которая ратовала за схватку с СССР. «Вождя» осчастливил своей милостью могущественнейший из японских «крестных отцов», «куромаку» (политический интриган) и крайний националист Тояма Мицуру. В 1935 г. Тояма направил в Харбин представителя Общества черного дракона Томиту, который вручил Родзаевскому почетный дар — самурайский меч — и передал послание патрона, где выражалось сочувствие российскому фашистскому движению и надежда на его победу в борьбе с советской властью.

Итак, с пунктами 1—4 все было в порядке, но вот пункт 5 оказался камнем преткновения. Несмотря на воинственную риторику Родзаевского, до середины 1936 г. с проникновением в СССР дело шло туго.

Причина лежала не в недостатке желания или смелости, а в японском вето. В то время «Токуму кикан» нужна была информация, а не мятеж. Фашистам запретили высылавать в СССР пропагандистские и диверсионные группы; правда, «Токуму кикан» вербовал отдельных членов ВФП, обычно юношей, едва окончивших школу, и поручал им переходить границу с целью сбора сведений о передвижениях красноармейских частей. Этих «соратников», как и корейцев, японская армейская разведка использовала как профессиональных шпионов — Национальная Революция ее мало заботила.

Нарушение границы, пусть и не с целью революции, раздражало Москву. В апреле 1936 г. полпред в Токио Константин Юренев выразил решительный протест против японской поддержки белогвардейского терроризма в СССР. Представитель министерства иностранных дел Хориноути Кэнсукэ с невинным видом ответил, что Москве следует обратиться к правительству Маньчжоу-Го, поскольку Япония не имеет к подобным действиям никакого отношения и «строго воздерживается от вмешательства во внутренние дела этой страны». Ответ, конечно, не удовлетворил Москву. Напряженность вдоль советско-маньчжурской границы все возрастала, а дипломаты обменивались все более возмущенными нотами.

В какой-то момент летом 1936 г. позиция «Токуму кикан» относительно того, какие операции в СССР допу-

стимы, а какие нет, резко изменилась. Разведку стали понимать более широко — не только как сбор информации, но и как пропагандистскую и диверсионную деятельность. Что именно заставило «Токуму кикан» уйти от концепции «чистой» разведки, можно только гадать. Как бы то ни было, русские фашисты получили теперь возможность показать, на что они способны на родной земле.

В сентябре 1936 г. к Родзаевскому обратился майор Сузуки* из «Токуму кикан» и предложил создать боевой отряд из членов ВФП, который японцы взяли бы обучить и снарядить для выполнения пропагандистских и диверсионных заданий в Восточной Сибири. В местах своих операций отряд должен был создавать «фашистское подполье». Родзаевский с энтузиазмом откликнулся и поручил одному из своих помощников, Матвею Платоновичу Маслакову, реализовать вместе с Сузуки этот план.

К концу октября Сузуки и Маслаков завербовали несколько десятков молодых «соратников» и дали им элементарную подготовку в стрельбе, пользовании рацией и взрывчаткой. В начале ноября отряд разделился на несколько групп, которые пересекли маньчжурско-советскую границу в отдаленных друг от друга точках. Задача их была организовать беспорядки в день 7 ноября.

Каждая вторая группа была обнаружена и уничтожена пограничниками. Одна группа переплыла Амур в районе Благовещенска и какое-то время скиталась по берегам Зеи, перерезая провода и нападая на людей. Другая все же выполнила задание. Проникнув в Забайкалье близ Разъезда 86 (пограничной станции, где кончалась Северо-Маньчжурская железная дорога и начиналась ветка транссибирской), полдюжины бойцов ВФП прошагали по шпалам 400 километров до Читы.

7 ноября, незаметно смешавшись с толпой демонстрантов, ребята вдруг вынули листовки, где обличались преступления Сталина. Горожане, у которых они оказывались в руках, просто цепенели — настолько все это было невероятно и страшно. Через несколько минут весть о том, что кто-то распространяет подрывные материалы, достигла органов безопасности. В толпу устремились со-

* Майор Сузуки, по-видимому, сменил майора Акикусу на посту советника ВФП после присвоения Акикусе звания подполковника и перевода его в Токио во второй (разведывательный) отдел генерального штаба в начале 1936 г.

трудники НКВД и военные, арестовывая всякого, к кому попадала злополучная листовка. Центральная улица Читы стала похожа на муравейник, атакованный термитами,— но в это время «соратников» на ней уже не было. Они топали обратно в Маньчжоу-Го.

Не желая оставаться в стороне от событий, Родзаевский стал подбивать харбинских «соратников» устроить нападение на советское консульство и приурочить его к тому же празднику 7 ноября, на который были назначены действия подрывных групп. «Токуму кикан», которому явно хотелось поозорничать, не только дал согласие, но и проинструктировал «вождя», с какой стороны лучше прорываться на территорию консульства. Дело не выгорело из-за проведавшего о затее японского консульства. Министерству иностранных дел вовсе не улыбалось расхлебывать очередной кризис только из-за того, что армейским «Лоуренсам» вздумалось подразнить СССР. В этом случае, как ни странно, вмешательство министерства оказалось действенным. 7 ноября харбинская муниципальная полиция окружила консульство столь плотным кольцом, что чернорубашечники не смогли к нему даже приблизиться.

События 7 ноября 1936 г., хотя их, может быть, и нельзя было назвать увертюрой Национальной Революции, дали Родзаевскому некоторое удовлетворение. С известной натяжкой он мог утверждать, что русские фашисты под самым носом у НКВД сорвали коммунистический крестный ход. Он мог читать гневные статьи «Амурской правды», выходявшей в его родном Благовещенске, о «фашистских террористических бандах, опустошающих берега Зеи». Он мог слышать рассказы о массовых арестах в Чите, которую в поисках пятой колонны прочесывали чекисты. Удовлетворение Родзаевского было оплачено дорогой ценой. Половина бойцов назад так и не вернулась.

В канун рейдов Харбин был во власти панических слухов о приближении войны. 7 ноября шанхайская газета «Чайна уикли ревью» многозначительно писала, что спрос на противогазы в Харбине стимулирует японскую резиновую промышленность. Что вызвало панику — неясно, но рейды, без сомнения, усилили ее.

Когда 26 ноября 1936 г. Токио объявило о том, что Япония и Германия заключили Антикоминтерновский пакт и взяли обязательства по совместной борьбе с международным коммунизмом, Родзаевский явственно услы-

шал барабаны Национальной Революции, зовущие его к бессмертным деяниям.

Но барабаны предвещали Родзаевскому несколько иную судьбу, чем он думал. Во-первых, Сталин вовсе не собирался ослаблять тиски, в которых он держал Россию, наоборот, он еще туже закрутил их, и по его повелению НКВД начал массовую ликвидацию подлинных и мнимых противников режима, что усилило раболепное легковерие одних и гнетущий страх других. Во-вторых, генеральный штаб и Квантунская армия постепенно уточняли свой взгляд на то, как следует использовать воинственных русских эмигрантов. «Токуму кикан» нашел своим фашистским подопечным чисто военное применение, при котором они должны были действовать не по прихоти своего воображения, а согласно стратегическим планам Японии.

Все это происходило в 1937—38 гг., на фоне расширения японо-китайской войны к югу от Великой Стены. После того как 7 июля 1937 г. начались полномасштабные боевые действия против Чан Кай-ши, мало кто из японских военных стратегов рассматривал возможность нападения на советский Дальний Восток до окончания «китайского инцидента». В то же время заключение Антикоминтерновского пакта привело к дальнейшему ухудшению советско-японских отношений. Создание в Китае антияпонского фронта, объединившего националистов и коммунистов, и советская военная помощь Чан Кай-ши укрепляли офицеров Квантунской армии в мысли о том, что СССР по-прежнему главный враг Японии. Неспособная нанести северному соседу сокрушительный удар, но жаждущая проверить, на что он способен, Квантунская армия устраивала на границах Маньчжоу-Го с СССР и Внешней Монголией локальные стычки. Для этого как нельзя лучше подходили русские эмигранты — особенно если они готовы были умирать.

Бригада Асано

Из тысяч солдат белых армий, бежавших в Китай после поражения в гражданской войне, некоторые стали там наемниками. Шаньдунский военный правитель Чжан Цзу-чан создал в свое время русский отряд под командованием генерала Нечаева и использовал его в боях со своими противниками в Северном Китае. После захвата

Маньчжурии в 1931-32 гг. Квантунская армия последовала этому примеру и стала нанимать русских по одному и целыми отрядами. Но в одном важном отношении условия службы изменились. Под началом у китайцев русские воевали за плату и знали это. Теперь же они думали, что будут биться за Национальную Революцию, которая уничтожит большевиков и вернет их самих на родину. В этом было их трагическое заблуждение, которое и Квантунская армия, и генеральный штаб не упускали случая поддержать.

В первую очередь Квантунская армия постаралась использовать для вербовки эмигрантских лидеров. Летом 1932 г. начальник «Токуму кикан» генерал-майор Комацубара предложил «вождю» РФП генералу Косьмину набрать вооруженный отряд. Комацубара заверил Косьмина в том, что отряд составит ядро Белой армии Маньчжоу-Го и сыграет важную роль в будущей японо-советской войне. Косьмин охотно согласился и создал два формирования по несколько сот человек каждое. Они несли караульную службу на железных дорогах Мукден — Шаньхайгуань и Гирин — Лафачан. Прошло немного времени, и Комацубара попросил Косьмина сформировать дополнительные части. Мечтая о Белой армии, генерал опять принялся за дело. Новобранцы были брошены на борьбу с китайскими и корейскими партизанами в районе Хайлиня и Мулина, примерно на полпути между Харбином и Владивостоком. Людей Косьмина поддерживали отряды монархистов и казаков, используемые японцами для таких же целей.

К концу 1936 г. полковник Кавабэ Торасиро из штаба Квантунской армии разработал план слияния разрозненных эмигрантских отрядов в единую русскую воинскую часть. Набор в эту часть предполагалось вести непосредственно из русского населения, а командовать ею должны были не нынешние эмигрантские лидеры, а японские офицеры или те, кого они назначат. Вымуштрованная офицерами Квантунской армии, новая часть могла бы выполнять важные разведывательные и диверсионные задания. Получив одобрение начальства, Кавабэ познакомил со своей идеей начальника харбинского «Токуму кикан» генерал-майора Андо Риндзо, который согласился оказать помощь. Он выделил для этого специалиста по русским делам, который в течение года претворял план Кавабэ в жизнь. К началу 1938 г. новая воинская часть была образована. Она получила название «бригада

Асано» по фамилии ее японского советника полковника Асано Такаси.

Бригада Асано была расквартирована в Эрчане (Вторая станция) — деревушке на Сунгари в ста километрах вверх от Харбина. Русские называли это место Сунгаридва. Вначале бригада насчитывала двести человек, но вскоре увеличилась до семисот, которые были разделены на пять рот.

К новой бригаде, как и ко всем русским формированиям после 1931 г., был приставлен японский офицер, но на этом сходство кончалось. Полковник Асано подчинялся не харбинскому «Токуму кикан», а штаб-квартире Квантунской армии в Синьцзине, и бригада официально входила в состав армии Маньчжоу-Го. Хотя она действовала под прямым руководством Квантунской армии, всячески подчеркивалось, что ее существование есть внутреннее дело Маньчжоу-Го. Денежное содержание шло из военного министерства Маньчжоу-Го, и солдаты носили маньчжурскую форму — за исключением тех случаев, когда выполняли особые задания.

Не желая делать бригаду Асано вотчиной какой-либо русской организации, Квантунская армия поставила во главе ее армянина. Смуглый и коренастый Гурген Наголян был крепким орешком. В конце 20-х годов он ушел из харбинского юридического института и поступил на работу в железнодорожную полицию КВЖД. В 1932 г. Наголян, который всегда держал нос по ветру, вступил во вновь образованную марионеточную армию Маньчжоу-Го и быстро дослужился до майора, ибо глубоким пониманием «царского пути» произвел хорошее впечатление на японских советников. Бригадой Асано он командовал в ранге полковника.

Русский националист до мозга костей, Константин Родзаевский не имел ни малейшего желания видеть своих «соратников» под началом у какого-то армянина, но японцы знали, как заставить его проявить такое желание. В марте 1938 г. начальник «Токуму кикан» генерал-майор Хигути Киитиро пригласил «вождя» в свою личную резиденцию для «откровенного разговора» (по словам Родзаевского) о том, что ему следует уладить мелкие разногласия с другими эмигрантскими группами ради великой цели — уничтожения коммунистического государства. Хигути тонко сыграл на страстях и стремлениях Родзаевского. Япония хочет, сообщил он по секрету, превратить советский Дальний Восток в русское

буферное государство, где фашисты могли бы играть важную роль. Что это будет за роль — зависит от того, как фашисты будут действовать в бригаде Асано. В 1939 г. этот ход повторили преемник Хигути генерал-майор Хата Хикосабуро, а также посланцы от генерала Араки, в то время — министра образования, и генерала Итагаки Сэйсино, одного из соавторов мукденского инцидента 1931 г., назначенного военным министром 3 июня 1938 г.

Родзаевскому не было резона долго ломаться. Приходилось прислушиваться к советам людей, от которых зависело его будущее. Поэтому он публично приветствовал создание бригады Асано и приехал на Сунгари-два, чтобы отдать дань уважения ее командиру. А наедине с собой он скрипел зубами и молил Господа о лучших временах. Работать с Семеновым и то было несладко. Теперь этот армянин-полицейский. Кто следующий?

Ответственным за набор в бригаду Асано молодых членов партии Родзаевский назначил Льва Охотина. Этот двадцатисемилетний богатырь сам только что вступил в РФП. Родзаевскому понравились его усердие и хватка, и он назначил Охотина своим личным секретарем. Он также сделал жену Охотина Нину Григорьевну первой леди Всероссийского женского фашистского движения вместо Шейны Румянцевой*.

Недолго думая, командование Квантунской армии стало давать бригаде Асано весьма опасные задания, которые из-за секретности не сулили участникам даже посмертной славы. В красноармейской форме бойцы бригады пробирались на советскую территорию и изучали расположение войск. Время от времени они устраивали «советскую провокацию», открывая огонь по маньчжурской территории — на такие уловки частенько шла и Красная армия. Не имея специальной подготовки и советских документов, нарушители границы подвергались огромному риску. Если они попадались, их расстреливали как предателей — даже тех, кто родился уже в Маньчжурии.

Находясь в Маньчжоу-Го под пристальным наблюдением «Кемпеи», в СССР — под пулями пограничников и везде и всюду — под командованием армянина, бригада Асано, конечно, испытывала большую текучесть личного состава. Но русских юношей, желавших пополнить убыль, всегда было в избытке.

* Жена Бориса Румянцева, одного из соучредителей РФО (1925 г.), который вышел из РФП в 1932 г.

Эскалация напряженности вдоль границ Маньчжоу-Го с Внешней Монголией и СССР в 1938-39 гг. предоставила бригаде Асано широкие возможности боевой закалки. Наиболее серьезному испытанию она подверглась в Номонханском районе (у реки Халхин-Гол) на Монгольско-Маньчжурской равнине с мая по сентябрь 1939 г. Среди принимавших участие в событиях японских соединений важную роль играла 23-я пехотная дивизия Квантунской армии, которой командовал бывший начальник харбинского «Токуму кикан» генерал Комацубара, и много людей из бригады Асано служили там разведчиками и переводчиками. Они стали жертвами невероятной бойни. Советские танковые части окружили японскую пехоту, окопавшуюся в плоской степи без единого деревца, и против тяжелых машин, снаряженных огнеметами, японцы оказались беззащитны, как кролики. 23-я дивизия понесла самые тяжелые потери: за десять дней боев из 15 140 человек пало 11 124. Сколько осталось в живых из русской бригады — неизвестно.

До окончания второй мировой войны японская цензура хранила номонханскую катастрофу в тайне. Слушая сводки о победах Квантунской армии над советскими войсками в Номонханском районе, тысячи русских эмигрантов предвкушали победоносную для Японии войну с СССР. Жизнь жестоко посмеялась над этими иллюзиями.

Ростки разочарования

В 1939 г. Константин Родзаевский начал сомневаться в будущем российского фашистского движения. Отчасти это объясняется сильной усталостью. В тридцать два года он выглядел старше своих лет. Постоянные требования многочисленных японских начальников, непрестанная грызня с другими эмигрантскими группами, фракционная деятельность внутри партии, не говоря уже об опасности в любой момент быть убитым — все это сказывалось на его нервах. Его когда-то несокрушимый оптимизм подтачивали и внешние обстоятельства. Несмотря на все усилия, Российский фашистский союз в 1939 г. был не ближе к установлению своей власти в России, чем Русская фашистская партия в 1931 г. 1 мая 1938 г., объявленное крайним сроком свержения коммунистов, прошло без малейших признаков Национальной Револю-

ции. Для широких масс Родзаевский, конечно, придумал объяснение: Национальная Революция не состоялась из-за сталинских чисток, когда были уничтожены маршал Тухачевский и другие крупные военачальники, «которые хотели покончить с Коминтерном». Но никакими липовыми доводами нельзя было стереть постыдные воспоминания о похвальбе 1935 г.

Теперь Родзаевский мог хвалиться лишь одним мнимым достижением — побегом командующего силами НКВД на Дальнем Востоке генерала Г. С. Люшкова в июне 1938 г. Инсценировав инспекционную поездку в пограничный район близ Посъета, Люшков перешел границу Маньчжоу-Го. Его дезертирство стало для «Токуму кикан» настоящим подарком, а «Наш путь» постарался изобразить его как поражение коммунистической идеологии. На самом же деле Люшков спасал свою шкуру, и ему было не до идеологии. Когда Москва уведомила его, что ему на смену едет новый человек, он понял, что дела его плохи. Ведь он слишком хорошо помнил, как год назад по приезде в Хабаровск сам расправился с предшественником.

То, что в 1938 г. Национальная Революция так и не произошла, укрепило Родзаевского в его давнем убеждении, что для ликвидации советского режима необходим удар извне. Под ударом извне он подразумевал одновременное нападение Японии и Германии. «Вождь» в своих расчетах придавал этому все более важное значение и к 1939 г. пришел к выводу, что без германо-японского военного союза не обойтись.

Советско-японские и советско-германские отношения в начале 1939 г. были действительно напряженны, но перспективы германо-японского союза выглядели неопределенными — во многом из-за разногласий в японском руководстве. Командование Квантунской армии, ряд офицеров генерального штаба, гражданские ультранационалисты и некоторые деятели в администрации (в том числе и в министерстве иностранных дел) хотели равняться на рейх. Но руководство военно-морского флота, преобладающие фракции в министерстве иностранных дел, деловых и финансовых кругах, а также влиятельный и заслуженный государственный деятель принц Сайондзи Кинмоти глубоко сомневались в целесообразности смычки с Гитлером. Подобные разногласия проявились и в Российском фашистском союзе.

Нацистская ориентация Родзаевского вызвала столк-

новение между ним и Михаилом Матковским. Обходительный Матковский пользовался все большим уважением как среди русских, так и среди японцев за осторожный реализм и за умелое руководство третьим отделом БРЭМ. Хотя он не был идеологом, к нему тяготели некоторые партийные интеллектуалы: Владимир Кибардин из БРЭМ, редактор газеты «Наш путь» Сергей Ражев, инструктор Высшей партийной школы и автор «Азбуки фашизма» Геннадий Тараданов. Вскоре после третьего партийного съезда, состоявшегося в 1935 г., они образовали ядро «группы Матковского» в ВФП — РФС. Группа выделялась из партийной массы большей цивилизованностью и практичностью. Она сомневалась в полезности антисемитизма, порицала выходки чернорубашечников и избегала сотрудничества с самыми одиозными из японцев, вроде сотрудника «Кемпеи» Кости Накамуры. Отношения группы с Родзаевским всегда были натянутыми, но в 1939 г. они еще больше обострились из-за разногласий по поводу нацистской Германии.

Расхождения между Родзаевским и Матковским выявились на четвертом (и последнем) съезде российских фашистов, состоявшемся в Харбине 21—23 января 1939 г. По сравнению с предыдущими на нем было мало народу и мало единства. Три дюжины делегатов из Маньчжоу-Го, Шанхая, Тяньцзиня, Кореи и Японии собрались в здании на Диагональной* под пристальным взглядом советника из «Токуму кикан». Похвалиться на съезде было нечем. После 1 мая 1938 г., когда не состоялась обещанная Национальная Революция, люди начали покидать партию, и еще больше истощал партийные ряды исход русских эмигрантов из Харбина в Тяньцзинь и Шанхай. Незавидные обстоятельства добавили смелости группе Матковского, и она выступила с открытым забралом.

Назвав Гитлера врагом России и всех славян, Матковский и его сторонники заявили, что РФС сможет поднять свой упавший престиж только в том случае, если разорвет все связи с нацистами и уберет свастику из партийной эмблемы. Они призвали делегатов искать союза с другими антикоммунистическими организациями русской диаспоры — например, с НТС. Они подвергли критике финансовую деятельность партии и под конец

* В 1937 г. штаб-квартира партии переехала с Китайской на Диагональную.

подняли руку на самого «вождя», предложив подумать об «обновлении руководства».

Хотя большинство делегатов отнеслось к предложениям холодно, Родзаевский не смог убедить съезд одобрить откровенно прогерманскую платформу. Четвертый съезд завершился, не приняв никаких серьезных решений, если не считать резолюции, осуждающей власти Маньчжоу-Го за помощь еврейским беженцам, которые прибывали из Европы по Транссибирской железной дороге. Делегаты разъезжались разочарованные. И Родзаевский, и Матковский лишились былого авторитета. Их взаимное доверие тоже было навсегда подорвано.

Удрученный оттоком людей из партии и внутренним разбродом, Родзаевский решил поехать в Токио и получить там новое подтверждение своего права на лидерство. Воспользовавшись положением начальника второго отдела БРЭМ, он организовал для русских эмигрантов поездку по Японии. С 17 апреля по 2 мая 1939 г., пока его подопечные осматривали достопримечательности Токио, Родзаевский наносил визиты влиятельным лицам, поддерживавшим или способным поддержать его дело.

В первую очередь он разыскал Акикусу Сюна. Работая с 1932 по 1935 г. в харбинском «Токуму кикан» и считаясь знатоком России, майор Акикуса был советником при РФП (впоследствии — ВФП). К 1939 г. его уже перевели в Токио, повысили до полковника и сделали директором Школы офицеров разведки — позднее выяснилось, что под этим названием скрывалась «Школа Накано», готовившая шпионов и диверсантов. Полковник Акикуса согласился представить руководителя Российского фашистского союза ряду крупных японских деятелей. В последующие десять дней перед ним прошло целое созвездие сильных мира сего, склонявшихся к «активной» политике в отношении Советского Союза: военный министр генерал Итагаки Сэйсиро, лидер так называемой «маньчжурской фракции» в японской императорской армии; генерал Хаяси Сэндзюро, бывший военный министр и премьер-министр, к тому времени ушедший в отставку; получивший американское образование импульсивный президент Южно-Маньчжурской железнодорожной компании Мацуока Ёсукэ; бывший шеф столичной полиции и знаменитый борец с коммунистами внутри страны Мията Мицуо; два министра из кабинета Хиранумы — министр колонизации генерал Койсо Куниаки и министр образования генерал Араки

Садао. Родзаевский никогда раньше не встречался с Койсо, но генерал знал о русских фашистах еще в 1932-34 гг., когда служил начальником штаба Квантунской армии. С 1913 г. проповедовавший японскую экспансию в Маньчжурию и Монголию, Койсо высоко отзывался о деятельности Родзаевского и пообещал оказывать РФС всяческую помощь. Что касается Араки, он уже был почти что другом Родзаевского. Впервые они встретились в 1934 г. и с тех пор регулярно переписывались. Араки, как и Койсо, заявил о полной поддержке РФС.

И, наконец, Родзаевский удостоился личной встречи с Тоямой Мицуру — достопочтенным главой Общества черного дракона. Тояма редко появлялся на людях, и его могущество было трудно измерить, но легко почувствовать. Почти шестьдесят лет он наводил ужас на политиков, облагал данью деловых людей, воодушевлял оголтелых патриотов — и при всем том его называли скромным и простым человеком. В свои восемьдесят четыре года он был едва ли не живой легендой. Выразив РФС сочувствие и поддержку, Тояма сфотографировался вместе с «вождем».

Родзаевский вернулся в Харбин в мае с целым ворохом обещаний, но без единого конкретного обязательства. Едва успел он распаковать вещи, как в печати начали появляться сообщения о боях между Квантунской армией и монгольскими частями в Номонханском районе. К середине июня номонханский конфликт перерос в маленькую войну с участием советских военно-воздушных и танковых войск.

Читая о номонханских сражениях, Родзаевский видел в них нечто большее, чем заурядное пограничное столкновение. Использование обеими сторонами столь крупных сил означало только одно: Япония и СССР находятся на грани полномасштабной войны. А если это так, то день освобождения России от большевиков не за горами.

В июле-августе «Наш путь» с воодушевлением писал о неизбежном заключении германо-итало-японского союза против СССР и призывал к созданию Дальневосточного национального фронта под руководством РФС для подготовки Национальной Революции. 20 августа, когда после массированного наступления Красной армии номонханская равнина была усеяна горящими танками и гниющими трупами, начало советско-японской войны казалось делом дней, если не часов.

От этих чаяний не осталось и следа после одного из

самых впечатляющих политических превращений в истории. 21 августа 1939 г. Германия и Советский Союз объявили, что решили заключить пакт о ненападении. Пакт, подписанный 23 августа, предусматривал не только обязательство обеих сторон воздерживаться от нападения друг на друга, но и нейтралитет каждой из сторон в случае нападения на другую третьей державы. Кроме того, каждая из сторон обязалась не участвовать в группировках держав, прямо или косвенно направленных против другой стороны. Смысл этого необычайного соглашения между Гитлером и Сталиным стал ясен через неделю, когда Германия и СССР поделили между собой Польшу и началась вторая мировая война.

Нацистско-советский пакт нанес Японии ошеломляющий удар и оставил ее в дипломатической изоляции. Развязав номонханский конфликт с Красной армией, Япония просила Берлин оказать ей поддержку. Немецкое заявление от 21 августа не просто изумило и потрясло Токио. Оно вызвало всплеск антигерманских настроений. Взяв на себя ответственность за дипломатический нокаут, кабинет Хиранумы 30 августа подал в отставку. Преемник Хиранумы генерал Абэ Нобуюки смотрел на союз с Германией скептически и держался в стороне от европейской войны. Военные и гражданские сторонники прогерманской ориентации оказались не у дел и до поры до времени притихли.

Ударная волна от нацистско-советского договора быстро достигла Маньчжоу-Го. 7 сентября Умэдзу Ёсидзиро сменил Уэду Кэнкити на посту командующего Квантунской армией. Умэдзу, который до этого служил в Северном Китае, был давним противником идеи превентивного удара по СССР, которую высказывал генерал Араки. Свободный от каких бы то ни было просоветских настроений, Умэдзу просто считал, что нельзя гнаться за двумя зайцами сразу. Первоочередной задачей в то время был Китай. Только такой дисциплинированный солдат, как Умэдзу, и мог заставить Квантунскую армию, кипевшую жадой реванша за Номонхан, отойти от советских передовых позиций в сентябре 1939 г.

Пакт разрушил надежды тех русских фашистов, кто превозносил Адольфа Гитлера как мессию. Родзаевский стоял среди обломков своей пропаганды, не смея посмотреть в глаза Матковскому. Пожалуй, первый раз в жизни парень из Благовещенска не знал, что сказать.

Столь же сильное потрясение испытали все русские

эмигранты, независимо от политических убеждений. В первые дни мало кто понял истинный смысл содружества между Гитлером и Сталиным. Но после расправы с Польшей большинство эмигрантов во всем мире горячо поддержало Англию и Францию, которые зимой 1939-40 гг. находились не только в состоянии войны с Гитлером, но и на грани столкновения со Сталиным (в результате советского вторжения в Финляндию).

Эти бурные события вызвали массовый выход из РСФСР, и без того изрядно похудевшего. Исход «соратников» грозил перейти в паническое бегство. В Германии репрессии гестапо обрушились на всех антисоветски настроенных эмигрантов — и в том числе на фашистов. Хотя Борис Тедли говорил о нацистско-советском пакте как о блестящем ходе рейха, призванном нейтрализовать западные плутократии, в ноябре его выслали в Швейцарию. Не первый и не последний раз русские фашисты оказались пешками в большой игре. Гитлер просто бросил их под ноги Сталину, чтобы тот вытер о них сапоги.

Родзаевский отреагировал на нацистско-советский пакт в номере «Нации» от 3 сентября. Он осудил пакт, назвав его «роковой ошибкой», отступлением в борьбе с евреями и коммунистами. Желая, видимо, оставить лазейку для возобновления сотрудничества с рейхом, он не упомянул Гитлера. Недавние события, неубедительно утверждалось дальше, доказали, что истинным спасителем России является Япония. Союз Японии и русского народа, заключил он без воодушевления, когда-нибудь опрокинет советский режим без помощи сомнительных европейских друзей.

Однако японской императорской армии было мало дела до Национальной Революции в России, если национальные интересы Японии лежали в другой плоскости. А эти интересы, согласно мнению, преобладавшему после августа 1939 г. в Токио и Синьцзине, состояли в быстрейшем завершении «китайского инцидента» и установлении «нового порядка в Восточной Азии». После начала европейской войны считалось, что ключ к решению этих задач находится в Юго-Восточной Азии. Японцы полагали, что столь упорное сопротивление Чан Кайши стало возможным из-за того, что Бирма и Индокитай поставляли ему сухим путем необходимые товары. Кроме того, британская Малайя и голландская Ост-Индия обладали каучуком и нефтью, жизненно важными для

японской военной машины перед лицом набравшего силу американского эмбарго. Немецкий блицкриг в апреле-июне 1940 г., когда пали Бельгия и Нидерланды, капитулировала Франция и английские войска ушли с континента, превратил голландские, французские и британские колонии в Юго-Восточной Азии в перезрелый плод, сорвать который можно было безнаказанно.

Юго-Восточная Азия оттеснила СССР как объект для нападения на второй план. Москва, занимавшая в европейском конфликте нейтральную позицию, могла без помех концентрировать войска на Дальнем Востоке, а советские военные аэродромы в Приморье находились в угрожающей близости от Токио. В Номонханском районе Красная армия проявила мобильность и превосходство в качестве техники, в связи с чем командование Квантунской армии стало вести себя осторожнее.

Все это уменьшало энтузиазм японского офицерства по поводу сибирской авантюры, если таковой еще оставался после ухода Араки. Как ни пылала Квантунская армия жаждой мести за унижение на поле боя, стратегические соображения заставляли проявлять сдержанность. В министерствах, штаб-квартирах и казармах то и дело звучали слова «хокусу нансин» («защищай север, продвигайся на юг»), которые знаменовали новый политический курс.

Этот новый курс не заставил себя ждать и в Маньчжоу-Го. 16 сентября номонханские сражения завершились перемирием, после которого была образована монгольско-маньчжурская (а на деле советско-японская) комиссия для решения спорных пограничных вопросов. Комиссия собралась в Чите в декабре. Тем временем Москва и Токио делали жесты доброй воли, отпуская задержанные рыболовные суда. Возобновилась торговля, и по Транссибирской железной дороге двинулся значительный поток грузов между Германией, которая была блокирована британским флотом, и Японией.

Встревоженный признаками советско-японского сближения, Родзаевский нанес в октябре короткий визит в Токио, чтобы выяснить намерения Японии и попытаться убедить японское руководство в полезности РФС. Араки и Койсо, его главные покровители в армии, не устояли во время последней политической перетасовки. Оба генерала потеряли министерские посты после августовской отставки правительства Хиранумы. Родзаевский нанес визит Койсо, но отставному генералу было почти

нечего сказать, кроме того, что «Япония должна отобрать у Советского Союза Тихоокеанское побережье». Звучало волнующе, но за словами не стояло никакой реальной власти. Снова Константин Владимирович возвращался из Токио с пустыми руками.

Если после визита в Токио у Родзаевского и оставались еще заблуждения относительно намерений японцев, то они рассеялись очень скоро. 5 января 1940 г. монгольско-маньчжурская пограничная комиссия перенесла свои заседания из Читы в Харбин. Во избежание инцидентов харбинская военная миссия предписала руководителям всех русских эмигрантских организаций на время работы комиссии покинуть город.

Чтобы умаслить обиженных русских коллаборационистов, начальник «Токуму кикан» генерал-майор Янагита Гэндзо 26 января пригласил руководителей БРЭМ на банкет. В числе других пришли Родзаевский, Матковский и еще ряд «соратников». Почетным гостем и главным оратором стал начальник штаба Квантунской армии генерал Имамура Хитоси. Имамура сказал, что Квантунская армия никогда не пойдет на сделку с Советами, и отменил все подозрения в намерении распустить «лояльные» русские организации. В конце прозвучал совет, завуалированный комплиментами:

«Наблюдая деятельность ваших организаций, я с огромным удовлетворением вижу, что вы, вожди русских эмигрантов, правильно понимаете идеи, исходящие от японской армии. Принципы, заложенные в основу руководства русской эмиграцией, остаются неизменными. В нынешней политической ситуации я полностью полагаюсь на вас и прошу не обращать внимания на слухи. Доверяйте японской армии».

Доверяйте японской армии... А что оставалось делать Родзаевскому и всем другим эмигрантам в Маньчжоу-Го?

Доверяйте японской армии... Прошло немного дней, и русские увидели — или вспомнили — неявный смысл этих слов. В марте 1940 г. Квантунская армия поручила атаману Семенову создать русские части для отправки в Центральный Китай в качестве ядра армии Ван Цзинвэя, бывшего деятеля Гоминьдана, который стал главным союзником Японии к югу от Великой Стены. К концу марта три русских полка по тысяче человек каждый уже двигались в Нанкин, где только что было сформировано марионеточное правительство Вана.

Доверяйте японской армии... В марте 1940 г. два-

дцать четыре «соратника» из РФС были арестованы силами «Кемпеи» в Муданьцзяне — городе на железной дороге, соединяющей Харбин и Владивосток. Муданьцзян был вотчиной мелкого царька Бориса Николаевича Шепунова, который пользовался доверием местной «Кемпеи». Шепунова раздражала деятельность РФС на его «территории», и он решил покончить с ней одним ударом. Он убедил «Кемпеи», что все местные русские фашисты являются советскими агентами и заражают скот чумой, а людей — тифом. «Кемпеи» не только арестовала местных «соратников», но и привезла на допрос из Харбина члена ЦИК РФС Константина Арсеньева. В штаб-квартире «Кемпеи» в Муданьцзяне Арсеньева подвергли жестоким пыткам, включая пытку водой.

Узнав от охваченной отчаянием жены Арсеньева о его исчезновении, Родзаевский попросил генерала Янагиту объяснить, в чем дело. Тот ответил, что не знает, где находится Арсеньев, но пообещал выяснить.

После двух дней пыток Арсеньев подписал «признание» в том, что он сам и двадцать четыре «соратника» занимались шпионажем и вели бактериологическую войну по заданию НКВД. Затем их всех отправили в синьцинскую тюрьму ждать суда.

На суде, который состоялся через несколько недель, обвинитель продемонстрировал старый радиоприемник и какие-то склянки и потребовал смертного приговора. Обследование, проведенное японскими экспертами, показало, что приемник не работает, а в склянках нет ни следа вредоносных микробов. Кроме того, обвиняемые несли на себе явные следы физического воздействия. Японский судья их оправдал. Арсеньев вернулся в Харбин, а остальные двадцать четыре отправились в Муданьцзян.

Через два дня Родзаевский получил оттуда телеграмму о том, что по приезде все они были расстреляны сотрудниками «Кемпеи». Придя в бешенство, «вождь» ринулся к генералу Янагите и потребовал объяснений. Янагита якобы сказал: «Их действительно расстреляли. Это была ошибка. Те, кто это сделал, запятнали мундир японской императорской армии. Я приношу искренние извинения».

В Харбин бросились родственники погибших. Янагита уклонился от встречи с ними и попросил финансовый отдел БРЭМ выдать каждой пострадавшей семье по 1000 иен (330 долларов) в качестве «компенсации» от харбин-

ской военной миссии. После этого жеста мунданыцзянское дело сочли исчерпанным.

Оказавшись во власти миража Национальной Революции, тысячи русских в 30-е годы верой и правдой служили японской армии. Очень немногие отдавали себе отчет в том, что они пешки в руках работодателей и покровителей. Когда человек загнан в угол, ему трудно взглянуть в глаза истине.

Глава XIV

КОННЕКТИКУТСКИЕ ЗАБАВЫ

Русское гостеприимство в новоанглийской обстановке.

*Из рекламы «Русского медведя»
(1934 г.)*

Русское фашистское движение, как шекспировская трагедия, время от времени для разрядки превращалось в комедию — и, пожалуй, даже слишком часто. Олицетворением трагического начала был Константин Родзаевский, комического — Анастасий Вонсяцкий. После недолгой харбинской встречи в 1934 г. их дороги разошлись навсегда и взаимоотношения свелись к газетной перепалке. Вырвав бразды правления Всероссийской фашистской партией (ВФП) из рук Вонсяцкого в декабре 1934 г., Родзаевский все глубже погружался в сотрудничество с японской императорской армией в Маньчжоу-Го. Вонсяцкий же принялся тешить свое помятое самолюбие безудержным фанфаронством: используя послушную ему партию (она стала называться ВНРП — Всероссийская национал-революционная партия) и газету «Фашист», он дал волю своим буйным политическим фантазиям, от которых гудом гудел весь северо-восточный Коннектикут.

Если не считать небольшой поездки в Европу в 1938 г. и двух кругосветных путешествий — в 1936 и 1939 гг., Вонсяцкий провел 1934—1941 годы в уютной «Девятнадцатой лунке». Он редко встречался с иностранцами и, за исключением нескольких друзей-эмигрантов, которые порой заезжали к нему из Нью-Йорка, Бостона или Провиденса, имел дело в основном с местными жителями, слугами, лавочниками, фермерами и пестрой компанией приятелей.

В середине 30-х гг. вокруг Вонсяцкого крутилось много всякого народу: одних привлекали его деньги, других — его притязания, третьих — его любовь к развлечениям. В этой толпе русских эмигрантов и местных энтузиастов причудливо смешались ностальгия по царским временам, деловитость янки и юношеская оголтелость. Все они — кто сознательно, кто нет — явились действующими лицами талантливо поставленного спектакля.

Семья

К 1934 г. у Римов не осталось никаких сомнений в том, что Анастасий — злой гений их семьи. Мало того что по его милости пошел под откос брак Луиса Маршалла Рима, его младшего шурина, — в довершение всего он стал законченным чудаком, принялся коллекционировать винтовки и футбольные штанги, а от его политических претензий можно было только за голову схватиться. Что верно, то верно, молодые шалопаи — общая беда всех богатых и уважаемых кланов, но кому еще из деятелей, занимающих, подобно другому его шурину Роберту Кларку Риму, почетное место в Национальной американской биографической энциклопедии, приходится терпеть в семье будущего фашистского фельдмаршала? Приличное общество, конечно, как-нибудь примирилось бы с похвалами Гитлеру за решение проблемы безработицы в Германии или с восторгами по поводу того, что при Муссолини итальянские поезда ходят по расписанию. Но Вонсяцкий оставил далеко позади правила хорошего тона. На поле для гольфа он насвистывал «Хорста Весселя», на слуг гавкал, как будто они отбывали у него Arbeitsdienst*, похвалялся, что когда-нибудь проведет свои полки по Красной площади. Однажды, когда шурин Роберт, который был президентом нью-йоркской страховой компании и стойко держался республиканско-епископальных традиций, созвал гостей на чопорный ужин в смокингах, Вонсяцкий явился в хаки, португее, черных сапогах и со свастикой на красно-бело-синей нарукавной повязке.

Мэрион не отдавала себе полного отчета в том, как

* Arbeitsdienst — военизированная трудовая повинность в фашистской Германии (прим. перев.).

сильно поведение Алекса беспокоит ее семью. Романтико-филантропическое ослепление, которое в 1921 г. толкнуло ее в объятия рабочего сцены из «Фоли-Бержер», еще не прошло до конца, и Мэрион обращалась со своим Алексом как с беспомощным найденышем, несчастной жертвой революции, сиротой, нуждавшимся в материнской ласке. Она не видела ничего дурного в том, что Алекс забавляется со своей миниатюрной фашистской партией. В одном дружеском разговоре она заметила, что хорошо, когда муж чем-то занят, а не болтается просто так.

Мэрион недооценила масштаб увлечений Анастасия еще и потому, что ее связь с окружающим миром в одном отношении ослабла. Хотя ей не было и шестидесяти, возраст давал себя знать. В начале 30-х годов у нее ухудшился слух, и в дальнейшем, несмотря на три операции, глухота прогрессировала. Многие из того, что Вонсяцкий говорил и делал, просто-напросто ускользало от ее внимания. Многие — но не все. Она без труда догадывалась о характере его высказываний по лицам слушателей. По словам одной приятельницы, если гости бледнели или краснели, Мэрион могла повернуться к мужу и взмолиться: «Алекс, не знаю, что ты говоришь, но перестань».

Все же, когда Вонсяцкий всерьез занялся политикой, Мэрион кое-что изменила в их отношениях. Она продолжала платить ему 25 000 долларов в год, из которых 10 000 он мог тратить на свое «хобби». Но, понимая, что он шокирует ее друзей, Мэрион начала принимать их без него. И поскольку у каждого из двоих установился свой круг общения, они почти перестали встречаться.

Кроме Мамедовых, все прочие родственники Анастасия остались в России. В прошлом артиллерийский полковник, Лев Мамедов разделял как любовь шурина к оружию и амуниции, так и его тоску по старым временам. В целом он поддерживал политическую деятельность Алекса и был членом ВФО (с 1933 г.) и ВНРП (с 1935 г.). Он, однако отрицательно относился к Родзаевскому — даже в 1934 г., во время недолгого медового месяца Алекса с маньчжурскими фашистами. Наташа Мамедова принадлежала к числу тех немногих, кто умел утихомирить Анастасия, не навлекая на себя гнева. Когда брат чересчур заводился, она вела его в ресторан «Русский медведь» и давала поесть. Сын Мамедовых Энди вырос стопроцентным американским подростком, и дядя с тетей, не имевшие своих детей, были к нему равнодушны.

Друзья

Создавая себе окружение под стать амбициям, Вонсяцкий постоянно пребывал в компании друзей и помощников. Порой ему ассистировали политически наивные молодые американцы, имевшие весьма отдаленное представление о России. К примеру, Сэди Локк, ирландка родом из Нью-Гэмпшира, была у «вождя» стенографисткой. Норман Уотсон, сын управляющего куиннатисетским гольф-клубом Римов, был произведен из подносчиков мячей в курьеры и принялся таскать связки «Фашиста» из «Девятнадцатой лунки» на томпсонскую почту. Майкл Капрал, юный блондин, которого все звали Мишей, делал всякую случайную работу — например, позировал перед фотокорреспондентами в полной партийной форме.

Впрочем, Вонсяцкий рассчитывал не только на местные силы. Донат Иосифович Кунле («Кунц») был секретарем «вождя» и редактором «Фашиста». Мягкий, скромный и обладавший приятной внешностью, Кунц из всех фашистов пользовался наибольшей любовью жителей округа Уиндэм. Ходили слухи, что он еврей, но, к несчастью, это было не так; «граф» был бы рад возможности доказать на практике положение партийной платформы о том, что еврей может стать полноценным «соратником».

Алекс питал слабость к журналистам, от которых в конечном счете зависела реклама его деятельности. Хотя страх перед убийцами делал Вонсяцкого осторожным с незнакомыми людьми, добропорядочным корреспондентам в «Девятнадцатой лунке» всегда были рады, и порой их даже приглашали переночевать. В 1934 г., после возвращения «графа» из кругосветного путешествия, десятки предприимчивых репортеров устремились в Томпсон за красочными подробностями. Их ожидания обычно оправдывались.

Вонсяцкий делал из приема гостей настоящее театральное представление. У ворот их встречал Кунле в облачении штурмовика. Уотсон, Капрал и Мамедов-старший стояли неподалеку, причем один из них держал рвущуюся с поводка сторожевую собаку Леди Астор, как бы давая посетителю понять, что его жизнь теперь зависит от доброй воли хозяина. Гостя затем вводили в дом, и под дулом пулемета, установленного на лестничной площадке, он должен был проследовать в камен-

ную пристройку — там его ожидал «вождь» во всем своем загадочном величии. В Военной комнате перед посетителем вдруг выростала внушительная фигура, одетая в хаки и испещренная свастиками, протягивающая к нему руки в порыве сердечного гостеприимства. «Прямо как аудиенция у фюрера», — изумился один репортер в 1937 г.

Всякого гостя, хотел он этого или нет, ждала продолжительная экскурсия по Военной комнате. Вонсяцкий с гордостью демонстрировал флаги, винтовки, портреты, щепки от шанг, надетую на манекен простреленную шинель. О шинели он говорил особенно подробно и всегда подчеркивал, что одна из пуль сидит у него в жилете.

После экскурсии перед гостем разворачивали панораму деятельности ВНРП. Ходя взад и вперед, используя весь арсенал выверенных жестов, взятых из итальянской кинохроники, Вонсяцкий говорил о целях партии, называл точное число актов диверсии и террора против СССР, сыпал именами в импровизированной лекции о том, кто есть кто в Японии и третьем рейхе. Репортер лихорадочно строчил в блокноте, причем «вождь» время от времени делал паузу, ждал, когда слушатель кончит записывать, а потом предлагал какое-нибудь особенно яркое сравнение, зная, что оно попадет в газету.

«Российская фашистская партия — автомобиль, который доедет до Кремля. Его надо только подтолкнуть», — заявил он Гарретту Бирнсу из «Джернал» (Провиденс) в 1935 г.

На вопрос, много ли у него сторонников, Анастасий отвечал по настроению:

«Двадцать тысяч» (1935 г.);

«Миллион» (1937 г.);

«Кто будет считать зерна кукурузы в кастрюле, когда они пошли взрываться?» (1934 г.);

«Мы решили не раскрывать наш количественный состав. Вы ведь знаете, что ОГПУ всегда тут как тут» (1939 г.).

Враждебно настроенные репортеры принимались так же радушно, как и дружественные. В 1937 г. в «Девятнадцатой лунке» гостил Гарри Рэймонд из «Дейли уоркер», собирая материал, чтобы потом описать в газете «фашистскую крепость». Вонсяцкий никогда не протестовал против нападок — наоборот, они его радовали. Он собирал о себе вырезки из «Дейли уоркер» и распространял

их среди друзей и подписчиков «Фашиста». «Граф» считал публикации в «Дейли уоркер» — а эта газета, полагал он, доступна в СССР — идеальным средством для того, чтобы его имя стало широко известно русскому народу.

Трое из корреспондентов, посещавших «Девятнадцатую лунку», стали чуть ли не приятелями Вонсяцкого — это были Ричард Макколи, Джордж Коннелл и Джеймс Ричард Бэккер.

Макколи из Патнэма публиковал статьи и фотографии в нескольких газетах: вустерской «Газетт», норвичской «Буллетин», хартфордских «Таймс» и «Курант». С «графом» он свел знакомство в 1933 г., и потом они часто встречались — то с деловыми целями, то просто так. Они любили проводить время в Военной комнате, слушая граммофонные записи немецких военных маршей и гитлеровских речей.

Джордж Коннелл, редактор патнэмской газеты «Пэйтриот», познакомился с Вонсяцким в 1935 г., после чего вплоть до 1942 г. они виделись примерно раз в месяц. Каждую осень «граф» приглашал газетчика на матч Браун — Йель, куда они отправлялись в сопровождении Кунле и Мамедова. То, что по соседству живет столь колоритная личность, было для Коннелла большой удачей. Это внесло свежую струю в поток местных новостей и дало ему возможность иногда публиковаться в крупных журналах. Например, в 1937 г. сенсационный рассказ о Вонсяцком появился в журнале «Тру».

Джеймс Ричард Бэккер, по дружескому описанию — «умница, задира и неистощимый весельчак», был томпсонским сельским книголюбом. Он все время таскал с собой «Историю философии» Уилла Дюрана, а прочитавши что-то из Ницше, начал именовать себя «белокурой бестией». В 20-е годы Бэккер подрабатывал у Вонсяцкого подносчиком мячей на площадке для гольфа. Позже, будучи внештатным корреспондентом патнэмской «Пэйтриот» и уэбстерской «Таймс», он писал всякие небылицы о подвигах Вонсяцкого в Белой армии — например, как он спас Колчака, когда под адмиралом была убита лошадь. В 1937 г. Бэккер начал издавать в Патнэме еженедельную газету «Демократ». Хотя они с Джорджем Коннеллом были конкурентами, это не мешало совместной работе над публикацией в «Тру» об их общем друге.

Закон и порядок

Постоянно думая о том, как разжечь в СССР восстание, Анастасий Вонсяцкий тем не менее считал себя законопослушным гражданином Соединенных Штатов. Сын жандарма, он относился к полицейским с профессиональной симпатией. Более того, не понаслышке зная о многотрудной жизни блюстителей порядка, он по мере сил старался ее облегчить и то и дело предлагал им какое-нибудь развлечение или руку помощи.

Еще до 1924 г., когда Вонсяцкий начал жить в Томпсоне, у него был солидный опыт непосредственного общения с американской полицией. Дорожное лихачество сделало его постоянным гостем филаделфийских полицейских участков и судов в 1922 и 1923 гг. После переезда в Томпсон Алекс существенно пополнил свою коллекцию повесток от транспортной полиции, особенно во время вылазок в Бостон, Провиденс и Нью-Хейвен на футбол. Это не помешало ему установить дружеские отношения с несколькими сотрудниками полиции штата Коннектикут, жившими в даниелсонских казармах в двенадцати милях к югу от «Девятнадцатой лунки». Одним из первых с ним подружился сержант Элтон Томас Нолан.

Познакомились они в 1927 г., когда Вонсяцкий обратился в полицию по поводу пропажи большого камня из фронтона его дома. Камень не нашли, но зато у хозяина появился новый приятель. К 1930 г. посещения «Девятнадцатой лунки» вошли у Нолана в привычку — в свободное время он мог там выпить, сыграть в гольф, мог привести туда свою девушку. При всем том Нолан относился к Алексу не слишком всерьез. От опытного глаза сержанта не укрылось, например, то, что бóльшая часть огнестрельного оружия в Военной комнате непригодна к употреблению.

В 1933 г. Вонсяцкий свел знакомство и с начальником Нолана лейтенантом Россом Б. Эркхартом, командиром полицейской части, расквартированной в даниелсонских казармах. Как и Нолан, Эркхарт приходил в «Девятнадцатую лунку» выпить и поиграть в гольф. В отличие от Нолана, он еще занимал у хозяина деньги. Алекс всегда держал для друзей свой кошелек открытым.

Отношения Вонсяцкого с полицией штата окрепли как раз вовремя — потребовалась помощь для поддержания порядка непосредственно в округе Уиндэм. В 1934 г., когда забастовали фабричные рабочие в Норт-

Гровнор-Дейле, что в трех милях к северо-западу от Томпсона, «вождь» не остался равнодушным к этому событию, слишком хорошо помня о пролетарских волнениях в России, предшествовавших революции. Как «граф» применил свои специфические способности в роли блюстителя закона, видно из его письма Эдварду Дж. Хикки, комиссару полиции штата:

«4 сентября 1934 г. ко мне пришли два офицера из полиции штата и попросили одолжить им несколько ручных гранат со слезоточивым газом, так как на следующий день ожидалось волнение в связи с забастовкой на фабрике в Норт-Гровнор-Дейле. Я ответил, что охотно предоставлю им не только все мои ручные гранаты, но и две полуторрадиймные пушки дальнего боя и боеприпасы к ним со слезоточивым газом, а также несколько дубинок.

Поскольку в настоящее время полиция штата в Даниелсоне не имеет необходимого опыта в использовании пушек, стреляющих гранатами со слезоточивым газом, я сказал этим двум офицерам, что считаю своим гражданским долгом оказать им всемерное содействие и что я и мой секретарь мистер Кунле (бывший офицер российской Белой армии) будем на месте событий, чтобы в случае необходимости помочь использовать пушки.

На следующий день, 5 сентября, в 6 часов утра, мистер Кунле и я доставили все необходимое лично лейтенанту Эркхарту, который командовал действиями полиции в Норт-Гровнор-Дейле. Мистер Кунле и я почти весь день провели вместе с подразделением полиции штата, готовые прийти на помощь в любой момент. К счастью, события в Норт-Гровнор-Дейле не приняли острого характера, и обошлось без использования моих средств. К ним, однако, прибегли позже в другом фабричном районе».

Вонсяцкий не получил официальной благодарности за услуги, однако полиция возместила ему потраченные гранаты, заменив их эквивалентными боеприпасами из арсенала коннектикутской национальной гвардии.

Политические импровизации

Всероссийская национал-революционная партия с начала до конца была не более чем мыльным пузырем. После разрыва с Родзаевским в конце 1934 г. Вонсяцкий, по существу, не имел никакого влияния на эмигрантов, живших в Китае и Маньчжурии, где русские фашисты были реальной силой. Тем не менее Анастасий продолжал оценивать число своих последователей то в 20 000, то

в 1 000 000, говорить, что они действуют в сорока трех государствах и что он может поставить под ружье 150 000 русских и повести их на Москву. За вторую половину 30-х годов через почтовые отделения Патнэма и Томпсона в мир было извергнуто около трех миллионов экземпляров «Фашиста» и бесчисленное число листовок и открыток. Если верить тому, что там было написано, выходит, что ВНРП вела в СССР непрекращающуюся войну, совершая акты диверсии и убивая партийных работников.

Редко какое политическое движение демонстрировало подобный разрыв между словом и делом. В действительности ВНРП состояла из десятка членов в Новой Англии и десятка «ячеек», состоявших с Центром в переписке и соразмерявших свою активность с величиной денежных поступлений из Томпсона.

Однако 1935 г. принес ВНРП ценное приобретение — «соратника» в рясе, православного священника отца Александра Цуглевича, служившего в Георгиевском храме в нью-йоркском районе Куинс. Человек маленького роста, в очках, с коротко подстриженными волосами, небольшой бородой и усами, Цуглевич всю жизнь испытывал удары судьбы, обусловленные политическими потрясениями и враждой церковью. Октябрьская революция разразилась, когда он учился в Петрограде; впоследствии Цуглевич эмигрировал в составе южной волны и недолго преподавал в русской школе в Константинополе. Позже он переместился в Прагу и в 1924 г. получил сан священника Русской православной церкви. Через пять лет его выслали из Чехословакии за попытку переманить в лоно своей церкви греко-католическую общину одной словацкой деревни. Оказавшись потом в Нью-Йорке, он с успехом воспользовался словацким опытом, когда ему пришлось по поручению митрополита Виталия поехать в Карпаты в 1933 г.

Благословение духовного лица было далеко не все, что получила ВНРП от отца Александра. Его миссионерское рвение произвело на Вонсяцкого такое сильное впечатление, что в апреле 1936 г. «вождь» поставил его во главе первого партийного учебного заведения — Русской фашистской библейской школы в Нью-Йорке. Несмотря на столь внушительное название, Библейская школа была скромным предприятием. «Классом» служила квартира Богословского по адресу 144-я улица-запад, дом 507. Две дюжины мальчиков и девочек от восьми до четырнадцати лет были набраны в русской колонии Гарлема. Цугле-

вич делил учительские обязанности с Богословским. Первый преподавал Закон Божий и русский язык. Вторым, напялив форму ВНРП, читал лекции по русской истории. На стенах красовались портреты Вонсяцкого и Николая II, увешанные бумажными гирляндами из свастики.

Не имея лицензии и не пройдя должной регистрации, Библейская школа действовала на весьма шатких основаниях. Ученики приходили вечером, отзанимавшись в обычных школах. Не добавляли солидности и перепалки между Цуглевичем и Богословским в присутствии учеников о сферах полномочий церковной и светской властей. Смерть Богословского в 1939 г. лишила Школу помещения. Цуглевич был не в состоянии возить юных «сратников» из Гарлема к себе в центр города, и дело на этом заглохло.

Библейская школа навела Вонсяцкого на мысль устроить для нью-йоркских русских детей летний лагерь. Живописная природа округа Уиндэм как нельзя лучше подходила для забав на свежем воздухе. И в июне 1936 г. «вождь» открыл в Томпсоне «Лагерь юного авангарда». Из Нью-Йорка на помощь поспешили Цуглевич и Богословский, но главная тяжесть забот о дюжине «русских бойскаутов», как называл их Вонсяцкий, легла на плечи Миши Капрала. Каждое лето с 1936 по 1938 г. в «Девятнадцатую лунку» приглашали мальчиков — ходить в походы, купаться, разучивать песни. В выходные дни Лев Мамедов частенько возил юный авангард в Провиденс смотреть кино.

Проявив в Нью-Йорке и Коннектикуте чудеса предприимчивости, Вонсяцкий потерпел полную неудачу в попытках найти зарубежных покровителей. Немецкие и итальянские деятели отмахивались от него, как от назойливой мухи. В 1934 г. какое-то время казалось, что ангелами-хранителями могут стать японцы. В том году во время кругосветной поездки он не раз выражал надежду на японскую поддержку — например, сказал американскому репортеру, что «Япония — единственная страна в мире, которая может снабдить нас достаточным количеством оружия и боеприпасов». На заданный ему в Белграде вопрос, нет ли у него сомнений в конечных целях Японии, Алекс доверительно ответил: «Им [японцам] не нужно ни пяди русской земли. Они знают, что в их интересах иметь по соседству сильное российское национальное государство».

Но после раскола с Родзаевским Вонсяцкий обидел-

ся на Японию. Он публично возмущался притеснениями русских эмигрантов в Маньчжоу-Го со стороны Квантунской армии и предупреждал, что в борьбе со Сталиным русским патриотам на Японию рассчитывать нечего.

Не было у Вонсяцкого связей и с европейскими фашистами. Он никогда не встречался и не переписывался ни с французом Шарлем Морра, ни с англичанином Освальдом Мосли, ни с норвежцем Видкуном Квислингом, ни с голландцем Адрианом Антоном Муссертом, ни с венгром Ференцем Салаша, ни с румыном Корнелиу Зеля Кодряну. Он не приехал на международный фашистский конгресс, состоявший в 1934 г. в Монтре (Швейцария). Хотя недоброжелатели связывали имена Вонсяцкого и голландского нефтяного магната сэра Генри Детердинга, который симпатизировал нацистам, нет оснований утверждать, что у них были какие-то контакты.

«Вождь» держался в стороне и от правых группировок в самих Соединенных Штатах. Генри Д. Аллен, создатель Американской белой гвардии, в 1936 г. безуспешно пытался склонить Вонсяцкого к сотрудничеству на почве антиеврейской пропаганды. Майору Фрэнку Пизу, главе «Американских защитников Корал-Гейблс» (Флорида), удалось наладить с Томпсоном переписку и обеспечить себе право на распространение «Фашиста» к югу от линии Мейсона — Диксона, но дальше этого дело не пошло. Несмотря на активный обмен корреспонденцией с лидером «Серебряных рубашек» Уильямом Дадли Пелли и католическим радиопроповедником отцом Чарльзом Кофлином, отношения Анастасия с ними, по существу, ограничивались перепечаткой в «Фашисте» отдельных статей из «Пеллис уикли» и «Соушл джастис».

Вонсяцкий не примкнул к американским правым по нескольким причинам. Он совершенно не разделял их враждебного отношения к Вашингтону, постоянно помня о том, что правительство Соединенных Штатов предоставило ему статус беженца и гражданство. «Положение обязывает нас быть особенно щепетильными и вести себя, как подобает гостям» (*), — отметил он в интервью в 1938 г. Да и сама перспектива фашизации Америки вовсе ему не улыбалась. В 1939 г. он откровенно сказал репортеру: «Я бы не хотел видеть Соединенные Штаты фашистской страной. В фашистских странах нам [то есть русским фашистам] мешают делать нашу работу». «Граф» не очень-то верил, что американское правое крыло сможет предложить ощутимую помощь в борьбе про-

тив Сталина. По иронии судьбы наибольшие возможности для пропаганды предоставляли Вонсяцкому не правые, а левые, в чем мы уже убедились на примере дружбы-вражды с газетой «Дейли уоркер», которая, как он считал, занималась рекламой ВНРП в СССР.

Из чисток, от которых в 1937-38 гг. содрогался Советский Союз, «Фашист» постарался извлечь максимум возможного. При этом Вонсяцкого не удовлетворяло простое осуждение жестокости Сталина или констатация его мании преследования. Он использовал свое богатое воображение и чувство юмора для того, чтобы привлечь внимание к себе самому. Например, 21 декабря 1937 г. бостонская «Ивнинг транскрипт» опубликовала телеграмму, отправленную Вонсяцким советскому полномочному представителю в Вашингтоне Александру Трояновскому:

«ЕСЛИ СТАЛИН ВЫЗОВЕТ ВАС В МОСКВУ, ПРИЕЗЖАЙТЕ С ЖЕНОЙ В ТОМПСОН И ЖИВИТЕ У МЕНЯ. ЖЕЛАЮ ВСЕГО ХОРОШЕГО И НАДЕЮСЬ НА СКОРУЮ ВСТРЕЧУ».

Вонсяцкий любил дразнить левых двусмысленными комплиментами — такими, например, какой он сделал Сталину в нью-йоркской газете «Новое русское слово» в 1938 г.: «А ведь Сталин — самый лучший фашист из всех. Сколько коммунистов убил — даже больше, чем я!» (*)

«Граф», однако, не шутил, когда в 1939 г. сказал репортеру: «Троцкий автоматически стал моим союзником». Алекс ценил высланного революционера за беспощадную критику Сталина и даже назвал его «стопроцентно честным социалистом». Говорили, что незадолго до 20 августа 1940 г., когда Троцкий был убит близ Мехико, Вонсяцкий написал ему письмо. Если такое письмо и было, оно осталось без ответа.

Политическая риторика Вонсяцкого в 30-е годы изобиловала противоречиями. Об этом осторожно высказался Джордж Коннелл: «Он очень откровенен, но не всегда последователен». То Алекс превозносит Японию до небес, то ругает ее последними словами. То он радушно принимает в «Девятнадцатой лунке» репортера-коммуниста, то едет в Нью-Йорк, чтобы сорвать выступление бывшего царского офицера. То он восхищается социалистом Троцким, то порицает фашиста Сталина.

Эти политические импровизации отчасти объясняются тем, что Вонсяцкий был падок на дешевую славу и равнодушен к общепринятым дефинициям и ярлыкам.

Однако если копнуть глубже, нельзя отделаться от мысли, что Алекс все еще был эмигрантом, неспособным смириться с реальностью и искавшим иллюзорные ключи к утраченному прошлому.

Томпсонские дурачества

Российская национал-революционная фашистская партия идет на Томпсон (Коннектикут), но бить тревогу нет нужды — во всяком случае, Соединенным Штатам. Кому надо задуматься, так это Союзу Социалистических Советских Республик.

*«Ивнинг буллетин», Провиденс,
2 июля 1937 г.*

К середине 30-х годов Анастасий Вонсяцкий развернулся в Томпсоне во всю свою мощь. Он превратил городок в подмостки и разыгрывал на них в миниатюре то, что в его мечтах происходило по всей России.

В округе Уиндэм к 1937 г. вряд ли остался хоть один человек, который не слышал или не читал в местной печати о «графе». К этому времени Алекс из частного лица превратился в явление. Конечно, мнения о нем были разные. Респектабельные люди, в том числе наиболее придирчивые из друзей Мэрион, считали, что его поведение — это вызов всем приличиям. Многие принимали аристократические претензии «графа» за чистую монету, хотя сейчас иные это отрицают. Но даже легковерному простаку было ясно, что столь грандиозные политические амбиции могут быть только у позера, да еще слегка чокнутого. При этом изрядная часть местных жителей была ему благодарна уже за то, что он внес некоторое оживление в сонную новоанглийскую сельскую жизнь. В конце концов, если миллионам американцев возможность забыть о мрачной действительности эпохи депрессии давало кино, то тысячам патнэмцев и томпсонцев Анастасий Вонсяцкий показывал спектакли с живыми актерами — и притом бесплатно.

Кто встречал Вонсяцкого в лучшие его годы, запомнил навсегда. Его форма цвета хаки приковывала к себе внимание и на площадке для гольфа, и на вечеринках, и за рулем оливкового «пирс-эрроу», у которого на

обоих передних крыльях развевалось по вымпелу со свастикой. Патнэмские лавочники до сих пор помнят, как он метал на прилавок монеты — словно играл в «расшибалочку». А если выходил в монокле и с офицерской тростью, то в сочетании с военной выправкой, прической ежиком и черными сапогами это делало из него вылитого Эриха фон Штрогейма.* Дети и люди робкого десятка обходили Вонсяцкого стороной, напуганные его внушительным видом и громовым голосом, но большинство местных жителей успели привыкнуть к шумовым эффектам и раскусили его непреодолимую тягу к паясничанью.

Вонсяцкий не допускал ничего, что могло умалить его величие в глазах других людей. Он часто называл себя «избранником судьбы» и не уставал повторять, что не случайно родился в один день с Петром Великим. Сравнивая себя с Муссолини и Гитлером, он находил, что сравнение в его пользу, и лишь неохотно включал их в «мировую тройку», которая определяет лицо двадцатого века. В минуты воодушевления он говорил об этой тройке как о «трех мушкетерах». Порой он соглашался добавить к ней Франко на правах д'Артаньяна.

Непоколебимо уверенный в окончательном успехе, Алекс с энтузиазмом предавался детальному планированию славного будущего. Он, в частности, набросал проект ипподрома, который будет выстроен в России, не забыв предусмотреть свою собственную конюшню на пятьдесят две лошади. Большой любитель подробностей, он заранее определил имя и пол каждого скакуна. Он заявил, что манекен с надетой на него простреленной шинелью когда-нибудь будет выставлен в Москве как национальная святыня. Он напечатал почтовые марки со своим собственным портретом, но, зная о строгости американского почтового законодательства, использовал часть из них для сбора средств на рождественские праздники, а остальные приберег — когда-нибудь пригодятся в новой России.

Убежденный в том, что Национальная Революция восстановит в правах царские бумажные деньги, Анастасий в 1936 г. запасся ими на сумму, эквивалентную 7 500 000 долларов (если считать по номиналу), и полагал, что теперь о финансах можно не беспокоиться.

В начале 1937 г., когда волна чисток в СССР достигла

* Эрих фон Штрогейм (1885—1957) — знаменитый американский кинорежиссер и актер (прим. перев.).

высшей точки, Вонсяцкий превратил у себя бывший коровник в тир. На одной из стен он повесил портреты членов советского Политбюро и приглашал всех поупражняться в стрельбе из дробовика. Мы никогда не узнаем, скольким репортерам, полицейским, фермерам и школьникам посчастливилось в упор расстрелять Сталина, Кагановича, Ворошилова, Жданова или Ежова.

Для тех, кого больше интересовала стрельба по живым мишеням, Вонсяцкий 18 июля 1938 г. учредил «Смертельный тотализатор». Гостям предлагали на деньги заключать пари о том, кто из советских лидеров будет ликвидирован в ближайших чистках. В тот день «граф» написал свой собственный перечень предполагаемых жертв Сталина: Блюхер, Каганович, Литвинов, Ворошилов, Постышев, Ежов. Алекс добился 50-процентного результата, правильно предсказав судьбу Блюхера, Постышева и Ежова.

Через год «вождь» составил второй такой список, но, как он жаловался газетчику, «поживиться уже почти нечем. Становится труднее. Крупная дичь в основном убита».

Второй список открыл Молотов, за ним шли Каганович, посол в Англии Иван Майский, преемник Блюхера на Дальнем Востоке генерал Г. М. Штерн и Лаврентий Берия. «И года не пройдет, как им всем будет крышка», — радостно заявил «граф». На этот раз его предсказание сбылось только в отношении Штерна.

Чем призрачнее становились шансы Вонсяцкого на политическое влияние в русской диаспоре, тем важнее для него были внешние атрибуты могущества. Лучшее подтверждение этому — история создания Алексом своих собственных вооруженных сил.

Начиная с 1930 г. «граф» собирал всевозможное действующее и недействующее оружие — отчасти из ностальгических чувств, отчасти из страха перед убийцами, отчасти просто для форса. Но после того как 16 марта 1935 г. кончился срок его пребывания в роли офицера-резервиста американской армии, он больше не мог купить даже пистолет-пулемет Томпсона в магазине Эберкромби и Фитча. О более серьезной военной технике — артиллерии, танках, боевых кораблях — и говорить нечего, на это Алекс не имел права и в звании офицера. Да и соседи не были бы в восторге от канонады, и Мэрион не вынесла бы вида тяжелых танков, сминающих ее цветочные клумбы. Что же касается боевых кораблей,

то по реке Куиннебог, на которой стоит Патнэм, не может пройти и простая яхта.

Вонсяцкий одним махом преодолел эти препятствия, составив свое военное хозяйство из игрушек и зверушек. Возможно, эта мысль пришла к нему в ванне, где он засиживался подолгу, практикуясь в красноречии. Всякий любитель горячих ванн знает, что, если прищуриться, выбрать правильный угол зрения да употребить немного фантазии, то вместо налитой из крана воды можно увидеть открытое море. А что за море без флота?

В 1937 г. Алекс заказал у Вулворта семьсот сборных моделей боевых кораблей; часть товара пришлось отправить специальной партией из Чикаго, так как нованглийских запасов фирмы оказалось недостаточно. Как только ящики пришли, «вождь» и Кунле взялись за распаковку и сборку кораблей. Каждому из них было дано имя реального судна, входившего в состав царского флота. Первыми обрели очертания большие броненосцы, на их бортах сияющими буквами были выведены гордые имена: «Петропавловск», «Гангут», «Севастополь», «Полтава». За ними последовали «Адмирал Ушаков», «Императрица Мария», «Император Николай I», «Андрей Первозванный», «Бородино» и другие. На семьсот штук у Алекса и «Кунца» не хватило сил, так что они остановились на трех дюжинах. Нераспечатанные наборы остались про запас — на случай гонки вооружений в военно-морской сфере.

Российский фашистский военно-морской флот был спущен на воду и сделал торжественный круг в Римовом пруду. Некоторые суда перевернулись и затонули, прочие же были выловлены, разделены на четыре флотилии (Балтийскую, Черноморскую, Беломорскую и Тихоокеанскую) и выставлены на подоконниках в главном доме и каменной пристройке.

Имея не то двадцать тысяч, не то миллион фиктивных «соратников» по всему свету, Алекс обошелся без игрушечных солдатиков, но вот как быть с бронетанковыми войсками? Вместо того чтобы опять обращаться к Вулворту, он решил, что танки у него будут живые. После тщательных поисков в местных прудах Алекс, Кунле, Мамедов и Джимми Бэккер выловили с дюжину кусающихся черепах. На панцире у каждой черепахи они намалевали символ ВНРП: белую свастику на красном фоне, обведенную синей каймой. Не желая держать свои танки взаперти, «вождь» выпустил их в лес, сказав (со-

гласно одному из источников), что теперь они начнут обращать в фашизм себе подобных. Хотя ему так и не удалось вдохнуть в земноводные фашистские части стрелительность «панцеров» Хайнца Гудериана, «граф» получил немалое удовольствие, наблюдая, как они цепью продвигались через лужайку к воображаемой советской линии обороны, проходившей вдоль Куиннатисетского ручья.

Если верить местным слухам, выходит, что прогрессирующая страсть Анастасия к приобретательству имела и сексуальную составляющую. Конечно, он всегда отдавал должное флирту, но к середине 30-х годов флирта, похоже, стало недостаточно. По мере того как Мэрион старела и ухудшение слуха ослабляло ее связь с окружающим миром, Алекс получал все больше и больше свободы для реализации своих плотских влечений.

Однако, несмотря на немощи, Мэрион, кажется, знала о неблагодарном поведении мужа. Однажды вечером (точная дата неизвестна), вернувшись после поездки в Бостон за покупками раньше обычного, пожилая дама застала Алекса в самом разгаре «буйной вечеринки». Подъезжая на «кадиллаке» к дому, она в свете фар увидела стайку бежавших вокруг дома девиц разной степени обнаженности.

Реакция Мэрион на этот эпизод неизвестна, но, по всей вероятности, она не потребовала от Алекса объяснений и не пригрозила разводом. В 1942 г. на вопрос о том, почему Мэрион мирилась с таким безобразием, один из ее ближайших друзей ответил: «Под конец она поняла, как она влипла, но ее самообладание не имело границ».

То, что самообладание Мэрион действительно не имело границ, видно на примере ежегодного празднования Алексом Дня независимости 4 июля. Эти мероприятия требовали всей ее выдержки, поскольку к середине 30-х годов они приобрели если не масштаб, то характер нюрнбергских митингов. 4 июля 1937 г. пришлось на воскресенье. В понедельник 5 июля, который тоже был выходным днем, ожидалось прибытие в Нью-Йорк из Англии друга Алекса князя Федора Александровича Романова. Поэтому Вонсяцкий решил устроить для «соратников» запоминающееся празднество на весь длинный уик-энд, а кульминацией должно было стать появление троюродного брата Николая II собственной персоной.

Чтобы собрать побольше участников, Анастасий

оплатил проезд всем «соратникам», проживавшим в радиусе двухсот миль, и велел отцу Александру Цуглевичу и Евгению Богословскому мобилизовать солидный контингент в нью-йоркской русской колонии. Заботясь о рекламе, он заблаговременно настропалил прессу всех мастей — от патнэмской газеты «Пейтриот» до «Дейли уоркер».

Уик-энд начался поздно вечером в пятницу 2 июля, когда Вонсяцкий, Кунле, Мамедов и Капрал поехали в Патнэм на вокзал встречать человек тридцать «соратников», прибывавших с семьями из Нью-Йорка. После того как приезд был отмечен полуночной торжественной церемонией прямо на станционной платформе, все расселись по такси и отправились в «Девятнадцатую лунку».

Рано утром в субботу 3 июля примерно тридцать пять «соратников», надев коричневые рубашки и нарукавные повязки со свастиками, стояли по стойке «смирно» и смотрели, как Кунле поднимает над каменной пристройкой красно-бело-синий флаг. Рядом суетилось с полдюжины корреспондентов с фотоаппаратами и блокнотами; о результатах их работы можно судить, например, по статье в хартфордской «Курант», озаглавленной: **«ГРОЗНАЯ ГРУППА РУССКИХ ФАШИСТОВ НА ТАЙНОЙ СХОДКЕ В ТОМПСОНЕ ГОТОВИТ НЕЗАВИСИМОСТЬ СВОЕЙ СТРАНЫ».**

Суббота была посвящена выступлениям и обсуждению текущих дел. Председатель Центрального исполнительного комитета ВНРП Лев Мамедов пригласил всех на общее собрание в коровник, на стенах которого рядом с изрешеченными дробью портретами советских лидеров висели разукрашенные свастиками фашистские эмблемы. Сев на складные стулья, «коричневые рубашки» принялись слушать «вождя». Вонсяцкий поздравил всех с прибытием в Центр, поблагодарил «соратников» за политическую работу и выразил уверенность в том, что если чистка в рядах коммунистических деятелей и красноармейских военачальников не прекратится, то к Рождеству ВНРП будет уже в России*. Затем лидеры всех ячеек ВНРП вставали и кратко отчитывались о состоянии дел в своих епархиях. Плышнов, Бо-

* Неназванный «соратник» позже в беседе с репортером сетовал, что к тому времени, как ВНРП овладеет Россией, в последней может вовсе не остаться сталинистов для примерного наказания.

гословский и Цуглевич косились друг на друга, но сдерживались. После обеда «вождь» провел вдохновляющую беседу с каждым из «соратников» в отдельности. Вечером Наташа Мамедова сервировала в «Русском медведе» торжественный ужин.

Воскресным утром 4 июля в центре внимания оказался пастырь ВНРП отец Александр Цуглевич, который в одиннадцать часов начал в Военной комнате богослужение. Вместо полной обедни он отслужил короткую «полевую обедню» наподобие той, какую он, по его словам, служил в окопах Белой армии в гражданскую войну. Со сводчатого потолка Военной комнаты свисали знамена со свастиками и полковые эмблемы Российской императорской армии. Все преклонили колена перед импровизированным алтарем, состоявшим из иконы Богородицы и лампы. Собравшиеся вслух молились о родственниках и соотечественниках, живущих под властью Сталина.

Во второй половине дня Цуглевич освятил бывший курятник, где помещалась типография «Фашиста», и после этого началось веселье. Алекс повел гостей через дорогу к Римову пруду, где слуги уже приготовили все для пикника. Кто-то затянул песню, и, соединяясь с веселыми криками плещущихся в пруду детей, мелодия поплыла через куиннатисетскую площадку для гольфа и звучала до тех пор, пока ее не заглушило хлопанье праздничных шутих.

В продолжение этой пасторальной сцены ребята в коричневых рубашках и с немецкими овчарками охраняли ее от вмешательства зевак. К участникам пикника подпускали только репортеров, если они сообщали о себе исчерпывающие сведения. Один «соратник» на вопрос газетчика, чувствует ли он здесь себя в безопасности от возможного нападения коммунистов, ответил:

«Коммунисты, как и многие другие, вероятно, слышали о том, что у нас есть в доме [каменной пристройке?] кнопка, секретная кнопка, которую можно нажать и взорвать вместе с собой весь Томпсон, что у нас тут повсюду расставлены пулеметы — так знайте, что ничего этого нет. Гласность — вот наша лучшая защита».

В какой-то момент действительно показалось, что коммунисты пошли в атаку. Над именем на малой высоте сделали круг два аэроплана, из которых, словно конфетти, посыпались клочки красной папиросной бума-

ги. По словам репортера хартфордской газеты «Курант» Фрэнка Куинлена, «что это было — предостережение со стороны коммунистов или просто праздничная шутка — никто не знает, потому что самолеты тут же улетели, а кому они принадлежат, выяснить не удалось».

Празднование закончилось в понедельник 5 июля, и закончилось неудачно. Князь Федор, почетный гость, должен был утром сойти в Нью-Йорке с лайнера «Европа» и появиться в «Девятнадцатой лунке» во второй половине дня. Его приезд, однако, оказался затруднен одним неожиданным обстоятельством, связанным с томпсонским Марианополис-колледжем. Марианополис (ранее — Кэролин Холл, собственность семьи Римов) был религиозным учебным заведением и принадлежал ордену девы Марии. Большинство учащихся были мальчики-литовцы, готовившиеся стать священниками. 4 июля 1937 г. Марианополис праздновал День Литвы, и на Томпсон обрушилось около десяти тысяч литовцев-эмигрантов с семьями, съехавшихся из всех уголков Новой Англии и Восточной Канады. 5 июля, когда они стали разъезжаться по домам, тысячи машин загрохотали по 101-ю и 193-ю дороги. Лимузин Федора застрял в возникшей пробке, и он попал в «Девятнадцатую лунку» только в 11.30 вечера, когда почти все «соратники» уже отправились восвояси по своим Гарлемам и Бэк-Бэям — кое-кто из них, может быть, встретил его по дороге.

Федор, вероятно, не жалел, что не попал на торжественную встречу, которую приготовил ему Вонсяцкий. Высоко вымахавший отпрыск семьи Романовых очень хорошо относился к Алексу, но при всяком упоминании о ВНРП только скептически улыбался. Князь, конечно, был слишком вежлив, чтобы прямо об этом сказать, но он не мог не почувствовать облегчения, разминувшись с тремя десятками возбужденных соотечественников. Он спокойно жил в Англии и потерял всякое желание возвращаться в Россию, какое бы правительство там ни было. Репортеры, собравшиеся в «Девятнадцатой лунке», получили от него в подарок замечание о том, что «нынешняя форма правления в России может легко превратиться в фашистскую». Осталось неясным, что он имел в виду: что грядет Национальная Революция или что сталинизм перерождается в фашизм.

В остальном визит Федора прошел без значительных событий, во всяком случае, пресса ничего интересного не сообщила. Внимание жителей Томпсона было слишком

занято нашествием литовцев, и они почти не обратили внимания ни на празднество в «Девятнадцатой лунке», ни на приезд князя. Ведь местная публика уже привыкла к необычным гостям Алекса и к торжествам в день 4 июля. Но мог ли знать Вонсяцкий, что уик-энд приведет в действие силы, с которыми он так и не сумеет совладать? Его выходы начали приносить ему дурную славу в Нью-Йорке и Вашингтоне, где, в отличие от Томпсона, кое-кто отнесся к ним вполне серьезно.

Глава XV

ПРИБЛИЖЕНИЕ БУРИ

А что вы скажете о русских фашистах-белогвардейцах в Коннектикуте? Я бы мог отвести вас туда и показать арсенал величиной с это здание, начиненный порохом, огнестрельным оружием, боеприпасами и пятидесятитысячную фашистскую армию прямо в штате Коннектикут. Не пора ли губернатору штата принять меры?

*Конгрессмен Сэмюэл Дикштейн
(демократ от штата Нью-Йорк),
выступление в палате представи-
телей 27 июля 1937 г.*

Если от прикосновения Мидаса все превращалось в золото, то от прикосновения Анастасия Вонсяцкого все превращалось в сенсацию. Снова и снова, неотразимый в своей артистической наглости, делал он из банальных событий лакомые кусочки для прессы. Еще в 1921 г. он в «Записках монархиста» запятнал свое имя фальшивым «признанием» в нескольких убийствах. В 1922 г., идя с Мэрион под венец, он стал в глазах газетчиков всего мира обладателем счастливого лотерейного билета, а вскоре последовала еще одна сногшибательная новость — иск Любы Муромской о двоеженстве. На всем протяжении 20-х годов бесконечные повестки за превышение скорости, буйные вечеринки, музыкальные постановки и т. д. не позволяли публике надолго выпускать коннектикутского «графа» из поля зрения.

Однако за 30-е годы характер скандальной славы Вонсяцкого существенно изменился. Раньше недоброжелатели (в основном братья Мэрион) возмущались им,

но не принимали его всерьез. Но к концу 30-х в нем стали видеть серьезную угрозу как Соединенным Штатам, так и Советскому Союзу. Громкие обвинения в его адрес, прозвучавшие в печати и в Конгрессе, привлекли к нему внимание вашингтонских властей. С 1933 по 1941 г. Вонсяцкий не менее двадцати раз становился объектом правительственных или частных расследований. Можно только догадываться, сколько времени потратили на эти расследования чиновники из государственного департамента, министерств обороны, военно-морского флота, юстиции и финансов и сколько при этом ушло денег, взятых у налогоплательщиков. И, несмотря на это, даже в 1941 г. Федеральное бюро расследований еще не решило, кто он такой — германо-японский супершпион или безвредный позер.

Как же удалось Анастасию Андреевичу вызвать такую общенародную истерию, если в Томпсоне каждый, кого ни спроси, сказал бы, что он шут гороховый? Во-первых, чем дальше от Томпсона, тем легче было преувеличить могущество «графа». Во-вторых, нашлись люди (например, репортеры), которые были кровно заинтересованы в том, чтобы представить Вонсяцкого важной шишкой. Газета «Дейли уоркер» явно сочла, что он так и просится на роль пугала, но даже самые аполитичные из газетчиков видели, что Вонсяцкий — это именно то, что нужно читателям. Он привлекал внимание своей колоритностью, динамизмом, скандальным поведением, экзотическим прошлым — и очень хорошо было, что все это окутывала некая таинственная дымка. К тому же он охотно допускал к себе любых корреспондентов, независимо от политической ориентации.

Наряду с людьми, которые сознательно преувеличивали мощь Вонсяцкого, находились и такие, кто был предрасположен принимать его утверждения за чистую монету. В эту группу входили многие из либералов, которых возмущало и тревожило усиление фашизма в Европе и которые склонялись к тому, чтобы считать СССР главным бастионом против его экспансии (во всяком случае, до нацистско-советского пакта 1939 г.). Эти люди считали связь Вонсяцкого с Гитлером очевидной. Вонсяцкий называет себя фашистом, носит нарукавную повязку со свастикой, распевает песни на мотив «Хорста Весселя», открыто называет себя антисоветчиком. Поэтому, конечно, он нацист. И как только «графу» прилепили ярлык нациста, так сразу на нем

„Наш Путь“ приветствует Вождя!

ДА ЗАВЕТСТВУЕТ АНАСТАСИЙ АНДРЕЕВИЧ ВОНСЯЦКИЙ!
 Да здравствует Русская Национальная Фашистская Партия!
 ДА ЗАВЕТСТВУЕТ РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ!
 Да здравствует грядущая Фашистская Национально-Трудовая Россия!
ПРИВЕТ! СЛАВА РОССИИ!

РУССКИЕ СБРАТОВЫ!

Возвещает: встреча с
 вождями ВФП

Сегодня в 2 ч. 10 м. дня А. А. ВОНСЯЦКИЙ приѣзжает в Харбин.

Специальный выпуск газеты «Наш путь» от 26 апреля 1934
 приветствующий визит Анастасия Вонсяцкого в Харбин

Родзаевский (со сплетенными пальцами) ждет приезда Вонсяцкого на харбинском вокзале во главе отряда чернорубашечников

**Участницы Российского женского фашистского движения
в ожидании Вонсяцкого**

Анастасий Вонсяцкий и Донат Кунле на харбинском вокзале

Вонсяцкий выступает на торжественном собрании
в харбинском Русском клубе 26 апреля 1934 г.
Слева направо: Д. Кунле, М. Матковский, А. Болотов, А. Вонсяцкий

**Константин Стеклов, представитель Вонсяцкого в Шанхае
после раскола с Родзаевским в 1935 г.**

Михаил Михайлович Гротт (Гротт-Спассовский)

Вонсяцкий в Оружейной

Фотография молодой японки (вероятно, Накамуры Фусако),
найденная среди бумаг Вонсяцкого

Три «соратника» в «Девятнадцатой лунке» во время празднования
4 июля 1937 г. Слева направо:
Д. Кунле, А. Вонсяцкий, А. Цуглевич

**КРАСНОАРМЕЕЦ, в случае войны, - в т ы к а и
ш т ы к в з е м л ю !**

**Орган Ц. И. К. ВСЕРОССИЙСКОЙ ФАШИСТСКОЙ (национал-революцион-
ной трудовой и рабоче-крестьянской) ПАРТИИ и Организации**

Фрагмент первой страницы газеты «Фашист»

Преподаватели и ученики Русской фашистской библейской школы
в Нью-Йорке

тяжким грузом повисло все, что ассоциировалось с этим словом.

И наконец, кое-кто из политиков, кому было неважно, угрожает Вонсяцкий безопасности Америки или нет, сделал из него ступень для собственной карьеры. Именно этим людям суждено было сыграть в его жизни роковую роль.

Буря в масштабах всей страны, которую пришлось перенести Вонсяцкому, посылала предвестников в течение десяти лет — это было три порыва ветра, сменявшихся временными затишьями. Хотя все эти порывы предупреждали Алекса о том, к чему могут привести его шалости, он остался глух к предупреждениям — а потом было уже поздно.

1931—35: бриз

Атаки на Анастасия Вонсяцкого в печати начались в 1931—32 гг., когда газета «Дейли уоркер» связала его имя с кознями капиталистов против СССР, с планами убийства американских инженеров в России и с насильственной смертью японского премьер-министра Инукаи Дзийоси. Затем в 1933 г., когда Вонсяцкий основал ВФО, принялся издавать «Фашиста», ездил в Берлин на совещание русских правых и начал пропагандистскую кампанию против установления дипломатических отношений между США и СССР, критика в его адрес со стороны «Дейли уоркер» и либеральных эмигрантских газет усилилась. Но гораздо более сильную реакцию вызвала в 1934 г. его попытка стать «вождем» русских фашистов всего земного шара.

Что касается рекламы, кругосветное путешествие 1934 г. принесло Вонсяцкому необычайный успех. Он соединил свою ВФО, представлявшую собой форменный мыльный пузырь, с довольно мощной маньчжурской организацией Родзаевского, и считалось, что у него были встречи со многими японскими генералами, Гитлером, Герингом, Геббельсом и Розенбергом,— это преувеличение он сознательно не стал опровергать. Кроме того, он громко заявил о себе в русских колониях от Шанхая до Парижа. «Фашист» писал о его передвижениях так, как если бы он был древнеримским завоевателем. Даже всегда сдержанная французская газета «Тан» назвала его «русским Гитлером».

Кругосветное путешествие 1934 г. вызвало в Ва-

шингтоне суматоху. В марте 1934 г., обеспокоенный визитом «вождя» в Японию, государственный секретарь Кордэлл Хэлл предусмотрительно велел дипломатическим миссиям в Китае, Японии, Франции, на Ближнем Востоке и Балканах докладывать о всех переездах и высказываниях Вонсяцкого. Военная разведка в Форт-Шефтере на Гавайях была предупреждена о том, что маршрут «графа» проходит через Гонолулу.

Между апрелем и августом 1934 г. Вашингтон получил ряд донесений о Вонсяцком из Токио, Харбина, Шанхая, Софии, Белграда и Парижа. Как правило, к ним прилагались газетные вырезки и тексты выступлений Вонсяцкого, записанные и переведенные русскими информантами. Изучив эти материалы, госсекретарь Хэлл пришел к выводу, что 1) будучи старшим лейтенантом запаса в армии Соединенных Штатов, Вонсяцкий встречался с японскими военными и что 2) ВФП, лидером которой Вонсяцкий только что стал, планирует свержение советского правительства. В связи с этим перед государственным секретарем возник вопрос: нарушает ли деятельность Вонсяцкого соглашение, подписанное в 1933 г. Рузвельтом и Литвиновым, по которому между США и СССР были установлены дипломатические отношения, — ведь в нем каждая из стран-участниц обязалась не разрешать создания или пребывания на своей территории какой-либо организации или группы, «имеющей целью свержение или подготовку свержения или насильственное изменение политического строя» другой стороны. Чтобы ответить на этот вопрос, заместителю начальника восточноевропейского отдела Эрлу Л. Пэккеру было поручено провести в отношении Вонсяцкого расследование. Пэккер незамедлительно направил в Томпсон сотрудника по особым поручениям Р. Баннермана.

7 ноября 1934 г. Баннерман позвонил Вонсяцкому из Нью-Йорка, назвал себя и откровенно изложил суть полученного им задания. «Граф» ответил, что столь деликатные вопросы по телефону обсуждать не стоит, и предложил встретиться в «Девятнадцатой лунке» в 16.30 того же дня. Приехав, Баннерман был подвергнут «весьма тщательному осмотру» секретарем мужского пола, затем приглашен в Военную комнату и встречен Донатом Кунле, который задал ему ряд вопросов. Кунле взял служебное удостоверение Баннермана и понес вниз. Минуту спустя в комнату решительно вошел высокий

осанистый мужчина в гражданском платье и вежливо спросил, чем может быть полезен.

В течение следующих полутора часов «вождь» рассказывал Баннерману о своей партии и ее целях. «Граф» заверил гостя в том, что русские фашисты в Америке занимаются только пропагандистской работой и не разрабатывают планов военной интервенции. Конечно, когда-нибудь в будущем СССР одновременно испытает внутренние беспорядки и вторжение извне. В этот момент американские «ударные отряды» ВФП присоединятся к дальневосточным соратникам. Их задачей будет привлекать на свою сторону российских рабочих и крестьян как на занятой, так и на не занятой японскими войсками территории. После создания «национальной» России японская армия, чтобы не оказаться перед лицом «второй Ирландии», вынуждена будет уйти. Алекс сказал, что обсуждал этот план с японскими представителями, которые, однако, давали на все уклончивые ответы. Соглашаясь, что некоторые из его штурмовиков заражены антисемитизмом, Вонсяцкий настаивал на том, что в целом ВФП от него чиста. Кстати, недавно в «Девятнадцатой лунке» целый вечер провел еврей Марк Вейнбаум, редактор газеты «Новое русское слово», и обсуждал перспективы сотрудничества с «Фашистом». Под конец Вонсяцкий вручил Баннерману вырезки о себе из разных газет и заверил агента в своей готовности и в будущем давать, в случае необходимости, любые сведения.

10 ноября Баннерман передал Пэккеру отчет о встрече с Вонсяцким. В нем говорилось, что «граф» совершенно безвреден, и делался следующий вывод:

«...перед нами русский эмигрант из старой аристократии, желающий принести Советам как можно больше вреда и благодаря выгодному и, по-видимому, счастливому браку, а также личному обаянию способный активно действовать в соответствии со своими намерениями».

Анастасий понял, что произвел на Баннермана хорошее впечатление. Шестью неделями позже в интервью вашингтонской газете «Стар» он заявил, что чиновники из госдепартамента (он употребил именно множественное число) выдали ему «свидетельство о благонадежности».

Замечание Вонсяцкого в «Стар» вызвало острую реакцию в просоветских кругах, которые немедленно

обрушились на госдепартамент, объявив его соучастником Алексовых прегрешений. В статьях о Вонсяцком, опубликованных в издаваемом нью-йоркским обществом «Друзья Советского Союза» (ДСС) ежемесячном журнале «Совет Раша тудей», Леон Деннен предъявил обвинения Роберту Ф. Келли, начальнику Пэккера и главе восточноевропейского отдела госдепартамента. Он утверждал, что Келли «ярый антисоветчик» и послушное орудие воротил с Уолл-стрита, что он получает «большую часть информации из парижских и американских белогвардейских газет». Келли, как было сказано, принимает Вонсяцкого «с распростертыми объятьями» и использует его как средство для подрыва советско-американских отношений.

Статьи Деннена, перепечатанные в 1935 г. в тридцатистраничной брошюре ДСС «Белогвардейские террористы в США», положили начало Вонсяцкиане — разновидности алармистской литературы, где «граф» был представлен как реальная угроза для СССР и Соединенных Штатов. Утверждалось, что Анастасий — «убийца русских рабочих и сын убийцы». Его цель определялась как захват власти в СССР «посредством террора, покушений на советских лидеров, военных акций против Советского Союза». За ним стоят «пожилая наследница большого состояния Мэрион Рим и, что еще более важно, банкиры Уолл-стрита, с которыми она связана», не говоря уже об Уильяме Рэндолфе Херсте, сэре Генри Детердинге, японских милитаристах и Адольфе Гитлере. Сам Альфред Розенберг устроил Вонсяцкому «торжественный прием» в 1934 г. в Берлине, желая заручиться согласием «графа» на участие в будущей германо-японской интервенции против Советского Союза. Вонсяцкий, говорилось в брошюре, был в восторге от этого предложения. Деннен предостерегал, что на деле он уже вербует армию по всему земному шару:

«В мире насчитывается на менее миллиона белогвардейцев, которые мечтают разрушить Советский Союз. В одном Нью-Йорке их больше 3000... По всему свету — в Мексике, Аргентине, Соединенных Штатах, Германии, Польше, Японии, Китае, Маньчжурии — агенты Вонсяцкого и ему подобных набирают контрреволюционную армию».

Денненовская брошюра так понравилась Анастасию, что три года спустя она послужила образцом для написанной по его личному заказу биографии.

И Деннен, и Вонсяцкий равным образом ошиблись, полагая, что государственный департамент дал Анастасию «свидетельство о благонадежности». 13 марта 1935 г. госсекретарь Хэлл направил министру обороны Джорджу Х. Дерну послание, в котором описал деятельность Вонсяцкого и спросил, не следует ли лишить его офицерского звания. ДERN переадресовал послание начальнику генерального штаба генералу Дугласу Макатуру, который 26 марта сообщил Хэллу, что срок офицерских полномочий Вонсяцкого истек десятью днями раньше и они не будут продлены.

Но Хэлл на этом не успокоился. 18 мая он направил генеральному прокурору Хомеру С. Каммингсу папку с газетными вырезками и конфиденциальными донесениями о Вонсяцком и задал вопрос, не нарушает ли анти-советская деятельность «графа» каких-либо статей закона. 17 июня Каммингс ответил: «Изучение представленных материалов не дает оснований утверждать, что деятельность господина Вонсяцкого, по крайней мере до настоящего времени, нарушала какие-либо статьи федерального законодательства».

Неужели генеральный прокурор сознательно закрыл глаза на движение, напрямую заявлявшее о намерении свергнуть правительство иностранного государства? Этот вопрос скоро стал животрепещущим для советско-американских отношений. Когда американские коммунисты приехали на Всемирный конгресс Коминтерна, проходивший в Москве в июле-августе 1935 г., Хэлл назвал их участие «грубейшим нарушением обязательства о невмешательстве, данного нам 16 ноября 1933 г.», и немедленно отправил жесткую ноту протеста. Отклоняя протест, Москва привлекла внимание американской стороны к «белогвардейской деятельности» в Соединенных Штатах, и это был прозрачный намек на Вонсяцкого.

Все это отнюдь не доказывает, что государственный департамент или какое-либо другое американское правительственное учреждение одобряло шалости «графа». Скорее всего, вашингтонские чиновники увидели, что Вонсяцкий не приносит никакого вреда, и на время оставили его в покое. В конце концов, он уже не мог разгуживать в форме американской армии.

1937: порыв ветра

Через два года после первой серии атак, вызванных политической деятельностью Вонсяцкого, он снова оказался объектом общественного негодования. И, хотя непосредственный повод для возмущения был крайне незначителен (празднование 4 июля, описанное в предыдущей главе), шуму уже было гораздо больше, чем в прошлый раз.

Отдельные раскаты грома слышались более чем за месяц до злополучного уик-энда и явились результатом появления 21 мая 1937 г. в питсбургской «Пресс» богатого иллюстрированного материала о Вонсяцком под заголовком:

**«БУНТ ПРОТИВ РОССИИ! АМЕРИКАНСКАЯ НАСЛЕДНИЦА
ВКЛАДЫВАЕТ СОСТОЯНИЕ В АНТИСОВЕТСКУЮ ПАРТИЮ
МУЖА».**

Статья сопровождалась фотографиями Анастасия в полной форме, Мэрион в шляпке с полями («вложившей свое 50-миллионное состояние в политическую деятельность мужа»), каменной пристройки («настоящая крепость... способная выдержать осаду»), иконы в Военной комнате («посреди многочисленных винтовок и касок») и Миши Капрала, отдающего «пресловутый нацистский салют у пресловутого нацистского флага». Подпись под фотографией двух десятков старых винтовок гласила: «Эти винтовки используются для обучения его личной Белой армии, которая приезжает сюда на автобусе из Нью-Йорка». Конец недописанной статьи был эффектен: «Полиция штата Коннектикут считает, что мистер Вонсяцкий — очень ценный сосед. Время от времени она пользуется его винтовками и слезоточивым газом для подавления беспорядков при забастовках».

Один из читателей «Пресс» был настолько ошарашен, что обратился к государственному секретарю с вопросом, правда ли, что в Соединенных Штатах кто-то может содержать «личную армию». Государственный департамент переадресовал запрос генеральному прокурору, который проинформировал читателя о том, что «закон обязывает генерального прокурора давать заключения только по запросам президента или министров». После

празднования 4 июля такой отписки было бы недостаточно.

Не успел последний «соратник», продираясь через скопление машин разъезжавшихся по домам литовцев, 5 июля покинуть Томпсон, как на Вашингтон начали сыпаться сердитые письма. Автор одного из первых, адресованного конгрессмену от штата Род-Айленд Эму Дж. Форэнду, негодовал:

«...шайка разного рода фашистов, подрывных элементов и лиц антиобщественного поведения, пользуясь сравнительной свободой, предоставляемой нашим государством, плетет заговоры против дружественной нам страны, а именно Советского Союза. Я также вижу, что эта банда преступников и головорезов явно имеет в своем распоряжении смертельное оружие».

Автор письма настаивал на немедленном расследовании со стороны ФБР и спецслужб. Форэнд передал письмо государственному секретарю, который, действуя уже по привычке, направил его генеральному прокурору, чтобы тот определил, какие меры следует принять.

Кроме посланий от отдельных граждан, были также письма и телеграммы от трех организаций коммунистического толка: Американской лиги против войны и фашизма (АЛПВФ), «Друзей Советского Союза» (ДСС) и Международного рабочего ордена (МРО). 19 июня Хестер Хантингтон, секретарь отделения АЛПВФ в Норуоке (Коннектикут), направил конгрессмену от Коннектикута Уильяму М. Ситрону, сенатору от того же штата Фрэнсису Т. Мэлони и государственному секретарю Хэллу телеграммы с требованиями запретить партию Вонсяцкого, нарушающую соглашение Рузвельта — Литвинова. Секретарь нью-йоркского отделения ДСС Стэнли Рэндолф с 12 по 29 июля послал письма аналогичного содержания Мэлони, Хэллу, губернатору Коннектикута Уилберу Кроссу и генеральному прокурору Каммингсу. В июле и августе прошла кампания жалоб со стороны МРО, центр которого находился в Нью-Йорке. Письма членов МРО из Хартфорда, Провиденса, Нью-Йорка и Чикаго направлялись Хэллу и президенту Рузвельту. Лидер чикагского отделения МРО Николас Куцко обвинял Вонсяцкого в том, что он «устроил в своем доме арсенал, где хранится военное снаряжение, готовое к использованию против Советского Союза и его друзей

как в США, так и за границей». Председатель МРО Уильям Вайнер заявил:

«Российская национал-революционная фашистская партия представляет собой вызов и угрозу как нашим добрым отношениям с Советским Союзом, так и демократической форме правления в Соединенных Штатах. Она должна быть ликвидирована, а всякая подобная деятельность — запрещена».

После 4 июля, помимо писем и телеграмм, возникла и другая форма Вонсяцкианы — имя Анастасия Андреевича начали склонять в Конгрессе. Внимание законодателей привлек к нему не представитель Коннектикута или Род-Айленда, как можно было ожидать, а демократ из Нью-Йорка Сэмьюэл Дикштейн. Он родился в 1885 г. в России в районе Вильно, в 1891 г. переехал в Америку и вырос в Нью-Йорке, в Нижнем Ист-Сайде. После избрания в палату представителей в 1922 г. он сосредоточился на проблемах иммиграции. Возвышение Гитлера и преследование евреев в Германии сделали Дикштейна неутомимым охотником на американских правых экстремистов; в частности, с марта 1934 г. по февраль 1935 г. он был вице-председателем Особого комитета по нацистской пропаганде, возглавляемого Джоном Маккормаком. В январе 1937 г., будучи председателем комитета палаты представителей по иммиграции и натурализации, Дикштейн разработал законопроект о депортации «нежелательных иностранцев», которые проникали в Соединенные Штаты, заключая фиктивные браки. Возможно, одним из тех, кого он при этом имел в виду, был Вонсяцкий.

Дикштейн предпринял первую публичную атаку на Вонсяцкого в радиопередаче 9 июля 1937 г. Он получил время в эфире после трансляции заседания Конгресса. Многозначительные намеки, сделанные конгрессменом в этом выступлении, должны были показать, что Вонсяцкий — грозный противник: «Сегодня в штате Коннектикут есть организация, к услугам которой 50 000 американских фашистов по всей стране. Они занимаются подпольной деятельностью в нашем государстве в сговоре с другими подрывными иностранными группировками».

Через семнадцать дней, выступая с трибуны палаты представителей, Дикштейн объяснил, что «другие подрывные иностранные группировки» — это немецкие нацисты и итальянские чернорубашечники:

«Нацисты, чернорубашечники, фашисты и белые грязнорубашечники сколотили организацию. Лидером русских белых, которые вступили в союз с нацистами и чернорубашечниками, является Анастасий Вонсяцкий, и если я произношу его фамилию неправильно, то это из-за отвращения, которое я к нему испытываю. Одна женщина, обладательница огромного состояния, исчисляемого миллионами, имела глупость выйти замуж за так называемого бывшего князя или бывшего не знаю кого, и все эти деньги идут теперь на нужды русской белогвардейской организации, созданной в нашей стране. Эта организация в союзе с нацистами замышляет свержение правительства России».

На следующий же день, 27 июля, Дикштейн продолжил разоблачение Вонсяцкого. На этот раз он засунул все «50 000 фашистов» в один только штат Коннектикут и назвал «Девятнадцатую лунку» арсеналом «величиной с это здание» (вероятно, имеется в виду Капитолий). Далее он интересовался, собирается ли губернатор штата Коннектикут Уилбер Кросс принимать меры.

Откуда Дикштейн взял эту цифру — пятьдесят тысяч фашистов в одном Коннектикуте — остается неясным. Даже если бы он посчитал всех черепах и прочую живность, все равно вышло бы намного меньше — цифра сравнима разве что с самыми невероятными притязаниями Вонсяцкого. Не отвлекаясь на подобные мелочи, уверенный в себе конгрессмен налегал на «белых грязнорубашечников» весь остаток июля и изрядную часть августа.

Попав под столь сокрушительный огонь, государственный департамент вынужден был, по выражению Дикштейна, «принять меры». И почти в то же время, как Дикштейн произносил свои речи, начальник европейского отдела Джей Пьерпонт Моффат поручил сотруднику по особым поручениям Баннерману снова посетить Вонсяцкого и выяснить, что у него теперь делается. Прежде чем ехать в Томпсон, Баннерман позвонил в Хартфорд в прокуратуру штата Коннектикут и поинтересовался, предпринимаются ли в отношении Вонсяцкого какие-либо шаги. Оказалось, нет. Никто не привлек внимания главного прокурора штата к шалостям «графа». Затем Баннерман поехал в Патнэм и переговорил о злополучном июльском уик-энде с местным начальником почтового отделения. Выяснилось следующее:

«...в последнее время было только одно сообщение в печати о ситуации с Вонсяцким — перепечатка в местной газете из газеты,

выходящей в Бриджпорте (Коннектикут) с упоминанием о встрече 4 июля в поместье Вонсяцкого, в которой участвовало некоторое число делегатов, связанных с данным движением. Собрание не привлекло к себе внимания местных жителей, поскольку в тот же уик-энд по соседству с Вонсяцким проходило большое собрание духовных лиц из ордена девы Марии, и это событие широко освещала патнэмская газета. Не было никаких разговоров о том, что кто-нибудь обращался к прокурору округа с просьбой принять меры. Не было никаких нарушений общественного порядка, а также признаков того, что приезжавшие к Вонсяцкому делегаты носили военную форму, участвовали в каких-либо учениях или парадах. Фактически собрание прошло бы и вовсе незамеченным для жителей Патнэма, если бы сообщение бриджпортской газеты не было воспроизведено в местной печати».

Решив, что обстоятельства не требуют встречи с прокурором округа, Баннерман позвонил из Патнэма Вонсяцкому и попросил назначить встречу. «Граф» предложил приехать немедленно. Через пятнадцать минут, в три часа пополудни 26 июля, двое мужчин встретились на лужайке перед «Девятнадцатой лункой» и направились в Военную комнату.

На вопрос о том, не означают ли последние газетные публикации, что характер его деятельности изменился, «граф» ответил, что он по-прежнему занимается главным образом пропагандистской работой. Пропаганда, продолжал он, является его «лучшим оружием против Советской России и практически единственным, которым располагает относительно небольшое количество русских эмигрантов, проживающих в Соединенных Штатах». Поэтому он считает, что любая публикация идет ему на пользу.

Касаясь праздничного уик-энда, Вонсяцкий объяснил, что он пригласил примерно тридцать пять членов партии с семьями приехать к нему в гости, поскольку ожидалось прибытие троюродного брата Николая II. Политические дискуссии, действительно, имели место, но не было никаких учений. Через несколько дней после четвертого числа из Нью-Йорка позвонил сотрудник «Дейли уоркер» Гарри Рэймонд и стал спрашивать об уик-энде. Понимая, что Рэймонд в любом случае постарается опорочить ВНРП, Вонсяцкий все же пригласил его приехать лично. Рэймонд согласился, и, как следовало ожидать, «Дейли уоркер» поместила красочное описание «фашистского лагеря» и «огромного арсенала». Алекс сказал, что подобная реклама ему как раз на руку. Пусть да-

же о нем говорится во враждебном тоне — так или иначе люди в Советском Союзе узнают о нем и его деле.

На вопрос Баннермана о его связях с заграницей Вонсяцкий ответил резкой критикой японцев. Их безобразное обращение с русскими эмигрантами в Маньчжурии делает невозможным какое-либо сотрудничество между ВНРП и Токио. Говоря о Германии, Алекс сказал, что он и не сторонник, и не враг Гитлера. Отношение «вождя» к Гитлеру будет зависеть от степени понимания фюрером нужд русской эмиграции и его политики по отношению к ней.

Затем Вонсяцкий повел Баннермана на экскурсию по Военной комнате, объясняя, где он взял винтовки, рассказывая историю каждого полкового флага и каждой надписанной фотографии. Разумеется, он не забыл привлечь внимание гостя к манекену в простреленной шинели. Он заверил его, что не склонность к подрывной деятельности, а лишь забота о собственной безопасности заставила его устроить подземный кабинет, завести немецких овчарок и приобрести гранаты со слезоточивым газом, которые, как он напомнил Баннерману, ни разу не использовались полицией штата после сентября 1934 г.— что бы там ни писала пресса.

Когда сотрудник по особым поручениям Баннерман вечером покинул «Девятнадцатую лунку», ему уже все было ясно:

«Говорить, что пристройка к дому Вонсяцкого является арсеналом, значит ставить все с ног на голову... Никаких военных учений не наблюдается... Для активного пропагандиста антисоветских идей, живущего в довольно уединенном месте, собаки и бомбы являются естественным средством защиты. Признаки наличия наступательного военного снаряжения или подготовки какой-либо насильственной акции полностью отсутствуют».

К тому времени как отчет Баннермана, отосланный 29 июля, поступил в государственный департамент, госсекретарь Хэлл успел получить заключение о деятельности Вонсяцкого, подписанное помощником генерального прокурора Брайаном Макмэхоном. Изучив все жалобы, Макмэхон пришел к выводу, что нарушений федерального законодательства со стороны «графа» не было. Другое дело, вписывается ли его поведение в рамки соглаше-

ния Рузвельта — Литвинова. По этому вопросу Макмэхон от суждения воздержался и сообщил Хэллу, что вывод можно сделать только в результате формального расследования.

Явно не желая ставить вопрос о формальном расследовании по делу Вонсяцкого, государственный департамент попытался склонить генерального прокурора к тому, чтобы тот высказал неформальное суждение о том, как выглядит деятельность «вождя» в свете соглашения Рузвельта — Литвинова. 12 августа один из помощников Хэлла направил Макмэхону копии отчетов Баннермана, написанных в 1934 и 1937 гг., а также тексты посланий, которыми обменивались Рузвельт и Литвинов. В сопроводительной записке задавался вопрос: нарушил ли Вонсяцкий «какое-либо из обязательств, содержащихся в письме президента от 16 ноября 1933 г.»? Отзвук бюрократического пинг-понга слышится в ответе Макмэхона, датированном 17 августа:

«Рассматривая материалы, приложенные к Вашему письму, я прихожу к выводу, что министерство юстиции не уполномочено высказывать суждения по предлагаемому вопросу, поскольку, как представляется, это вопрос чисто дипломатический и должен быть решен исполнительной властью в лице Вашего департамента».

Отброшенный на исходные позиции, государственный департамент от дальнейших действий воздержался.

Вонсяцкий мог так и остаться в бюрократическом вакууме, но Макмэхон известил о его деятельности уполномоченного по федеральным налогам и Федеральное бюро расследований. В результате в течение августа и сентября вокруг Томпсона рыскали агенты министерства финансов и ФБР. Джордж Дж. Старр из ФБР беседовал с Вонсяцким в «Девятнадцатой лунке» 24 сентября. Свою добычу — двадцать шесть машинописных страниц, фотографии и экземпляры «Фашиста» — он передал Дж. Эдгару Гуверу*, который 4 января 1938 г. отправил ее генеральному прокурору Каммингсу. С этого времени ФБР держало Вонсяцкого под наблюдением.

* Джон Эдгар Гувер (1895—1972) — директор ФБР с 1924 г. (прим. перев.).

Общественное негодование и административные игры, создававшие завихрения вокруг Вонсяцкого после июльского уик-энда, к концу 1937 г. постепенно сошли на нет, и начался более или менее спокойный период продолжительностью почти в два года. Такая необычная тишина в какой-то степени объясняется более частыми заграничными поездками Алекса.

Весной 1938 г. Алекс и Мэрион совершили путешествие по Европе. В начале марта они провели в третьем рейхе ровно столько времени, сколько было нужно, чтобы почувствовать себя нежелательными гостями. Находясь в Австрии, они, как и тысячи жителей Вены, 14 марта наблюдали приезд Адольфа Гитлера, осуществлявшего аншлюс. В Белграде они встретились с героем гражданской войны, командиром казачьих частей генералом Андреем Шкуро, который пригласил Вонсяцкого на банкет с участием 150 казачьих ветеранов. Вонсяцкий выступил с речью (позже он вспоминал, что она была встречена «бурными аплодисментами») и стал почетным членом кубанского казачества. Этот эпизод был кульминацией всей поездки.

Вернувшись в Томпсон в мае, Анастасий обнаружил, что известность его резко пошла на убыль. Газеты обошли поездку молчанием. Госдепартамент, министерства юстиции и финансов, казалось, не считали нужным с ним связываться. Конгрессмен Дикштейн как будто о нем забыл. Специальный комитет палаты представителей по антиамериканской деятельности (так называемый комитет Дайза) не обращал на него внимания. Только однажды (21 ноября 1938 г.) имя Алекса прозвучало на слушаниях в комитете: кто-то сказал, что «у него есть арсенал и своя небольшая армия», но это утверждение не вызвало видимого интереса. Как писала бриджпортская газета «Санди хералд», Вонсяцкий был обижен таким невниманием со стороны комитета Дайза.

Оказавшись забытым, Алекс начал проявлять беспокойство. В конце 1938 г. они с Мэрион надумали отправиться в новое кругосветное путешествие, третье за пять лет*. Несмотря на раскол с Родзаевским (а может

* Второе кругосветное путешествие было совершено ими на пароходе «Президент Адамс» в 1936 г. и прошло без заметных событий.

быть, благодаря ему), Анастасий хотел посмотреть, как живет горстка его дальневосточных последователей (в основном они находились в Шанхае). И еще его тревожила недружественная позиция, занятая по отношению к нему правительством Германии, и ему казалось, что следует немного покрутиться в рейхе. Наконец, он хотел заказать кому-нибудь свою биографию, и ему нужны были сговорчивый автор и дешевое издательство.

Сев в Нью-Йорке на пароход «Президент Полк» компании Доллар вскоре после Рождества 1938 г., Алекс и Мэрион (на этот раз без Кунле) проследовали через Панамский канал в Лос-Анджелес, где 16 января их встретил лидер калифорнийского отделения ВНРП Федор Сименс. Во время короткой стоянки Вонсяцкий встретился с несколькими членами местного германо-американского «Бунда» (пронацистской организации, с которой Сименс поддерживал добрые отношения) и дал интервью лос-анджелесской «Таймс», в котором предсказал советско-германскую войну за контроль над Румынией. Затем супружеская пара продолжила путь вдоль побережья к Сан-Франциско, куда она прибыла 18 января. Остановившись в отеле Св. Франциска, Вонсяцкий посвятил следующие три дня встречам с местными представителями ВНРП и видными деятелями сан-францисской русской коммуны, в частности с издателем русской газеты «Новая заря» Григорием Тимофеевичем Суховым и князем Василием Александровичем Романовым, младшим сыном великого князя Александра и братом князей Федора и Никиты. 21 января Мэрион и Алекс снова взойшли на борт «Полка» и двинулись через Тихий океан.

28 января во время десятичасовой стоянки в Гонолулу «граф и графиня Вонсяцкие» (так они были поименованы в списке пассажиров) дали в своей каюте первого класса интервью местным газетам «Адвертайзер» и «Стар буллетин». Николай II взирал на все происходящее с портрета, висевшего на одной из переборок.

Услышав вопрос о цели поездки, «граф» пожал плечами. «Ну что ж, шпионы ведь так и так узнают. Почему в таком случае я должен молчать о своих планах? В конце концов, это касается всех».

Заговорщическим шепотом Вонсяцкий сообщил, что он едет на встречу с дальневосточными партийными лидерами.

«Я выбрал для поездки именно это время по стратегическим причинам. В России армия пропагандистов ждет сигнала для наступления. Вне ее тысячи членов партии готовы прийти на помощь тем, кто внутри. В этом году произойдут важные события. Режим Сталина слабеет с каждым днем».

Предвосхищая вопрос о том, почему у него в лацкан пиджака воткнута булавка со свастикой, Вонсяцкий объяснил: «Нет, это не нацистская свастика. У Гитлера свастика черная на красном. А наша — белая на синем. Мы пользовались этим символом задолго до того, как Гитлер пришел к власти».

Как всегда, Анастасий подкинул репортерам лакомую косточку, описав «Девятнадцатую лунку» как «замок, превращенный в неприступную крепость». Вероятно пленившись образом твердыни на скале, репортеры обеих газет заменили Томпсон Плимутом.

Прибыв в Шанхай 17 февраля, — в Иокогаме и Кобе Вонсяцкий даже не сходил на берег — Алекс и Мэрион остановились в «Парк-отеле». Их встречали Константин Стеклов и дюжина местных «соратников». Стеклов, который любил, чтобы его называли полковником, выпускал на деньги, присылаемые из Томпсона, газету «Русский авангард». Он также носил звучный, но достаточно дутый титул главы дальневосточного отделения ВНРП.

О визите Вонсяцкого в Шанхай в 1939 г. с изрядной долей приувеличения говорится у Наталии Ильиной, вернувшейся в СССР из эмиграции в 1947 г. и впоследствии выпустившей двухтомный роман, написанный на автобиографическом материале. Ильина оценила состояние Мэрион в 50 миллионов долларов, намекнула на грязные делишки, якобы связывавшие Вонсяцкого с Токио, и отправила «вождя» РФС Родзаевского из Харбина в Шанхай для встречи с Вонсяцким в «Парк-отеле».

Алекс был бы польщен, если бы узнал о версии Ильиной; увы, данные из японских дипломатических и военных архивов рисуют несколько менее яркую картину. Там ни слова не говорится о встрече Вонсяцкого с Родзаевским, да и ни один из «вождей» ни разу не упомянул о якобы имевших место шанхайских переговорах ни в 1939 г., ни в последующие годы. Японская армейская разведка считала газету Стеклова антияпонской, а консул Миура Ёсиаки полагал, что Вонсяцкий может попытаться подогреть антияпонские настроения

среди русских эмигрантов Шанхая. В связи с этим он предупредил Токио, что американец заслуживает «пристального наблюдения».

Японцам нечего было беспокоиться. Вонсяцкий покинул Шанхай 21 февраля, пробыв там всего четыре дня, на борту лайнера, следовавшего в Европу. В этом городе он добился только одного: познакомился с Н. Н. Грозным, который согласился написать его биографию.

Творение Грозина под названием «Защитные рубашки» вышло на русском языке в Шанхае в том же 1939 г. Быстротой публикации книга была обязана тому, что во многом она повторяла изданную в 1935 г. «Друзьями Советского Союза» брошюру Леона Деннена «Белогвардейские террористы в США».

Оставшаяся часть путешествия прошла разочаровывающе. Не сбегались толпами репортеры на Ближнем Востоке и на Балканах, как в 1934 г. Не приглашали Анастасия казацкие генералы, как в 1938 г. Остановившись в Берлине в отеле «Адлон», он узнал, что ВНРП и «Фашист» в рейхе запрещены.

Неприязнь немецких властей к Вонсяцкому имела несколько причин. Бермондт-Авалов и другие местные русские нацисты считали, что он вмешивается в их дела, и всячески старались его дискредитировать. Весьма уязвимым пунктом было у Вонсяцкого отсутствие антисемитского пыла, что не преминули использовать его противники, распускавшие слухи о том, что Кунле — еврей, что арийское происхождение Мэрион тоже сомнительно, что ВНРП существует на деньги американских евреев. Борис Тедли, агент Родзаевского в Берлине, неустанно привлекал к этим слухам внимание гестапо, у которого и без того было очень чуткое ухо. Примерно в это время некоего юного «соратника» ВНРП (вероятно, единственного последователя Вонсяцкого в рейхе) вызвали в берлинское отделение гестапо и спросили, где он хочет дальше обучаться: в школе или в концлагере. Быстро сообразив, что надо выбирать первое, объятый ужасом паренек получил совет прекратить всякие сношения с Вонсяцким. В такой ситуации ВНРП лишалась шансов даже на самую крохотную ячейку в русской коммуне Берлина.

Вернувшись в Томпсон 20 апреля после четырехмесячного отсутствия, Анастасий бросил взгляд на политические горизонты. На международной арене все вы-

глядело многообещающе. Советский Союз явно шел на столкновение с Японией и Германией. Сталинские чистки, обескровившие Красную армию и коммунистическую партию, должны были, по мнению Вонсяцкого, существенно ослабить режим. «Вождь» чувствовал, что в любой момент может раздаться зов судьбы. Но был ли он к этому готов? Партия не имела покровителей за рубежом. Запрещенная и в Германии, и в Японии, она не смогла бы использовать в своих интересах советско-германскую или советско-японскую войну. Боясь остаться в критический момент вне игры, Вонсяцкий принял судьбоносное решение. Он установит тесные отношения с германо-американским «Бундом», и это заставит Берлин взглянуть на него другими глазами.

1939: шторм

Вонсяцкий и до этого вступал в контакт с «Бундом» и его воинственным голубоглазым лидером Фрицем Юлиусом Куном. В первую мировую войну Кун провел четыре года в окопах, потом год воевал с большевиками в Прибалтике в составе Добровольческого корпуса. Он вступил в нацистскую партию в 1921 г. и через два года, как говорили, принял участие в мюнхенском пивном путче. В 1928 г. он через Мексику попал в Соединенные Штаты, получил гражданство и устроился работать химиком в Дирборне (Мичиган) в компании Форда. В 1938 г. Кун вступил в нацистскую организацию «Друзья новой Германии», объединявшую как немцев, так и американцев немецкого происхождения и тесно связанную с геббельсовским министерством пропаганды, после чего быстро стал главой ее отделения на Среднем Западе. Когда в 1936 г. сформировался «чисто американский» «Бунд» («Amerikadeutscher Volksbund*»), Кун сделался его фюрером. У Куна действительно было с Вонсяцким кое-что общее: военное прошлое, иммигрантская судьба и театральная жилка. Он щеголял в форме, сшитой на заказ (как он утверждал, по образцу формы Американского легиона), закатывал громкие речи, любил экстравагантные жесты. Но, в отличие от Вонсяцкого, Кун ненавидел евреев, боготворил Адольфа Гитлера и был лишен как воображения, так и юмора.

* Народный союз американских немцев (нем.).

Неудивительно, что Кун и Вонсяцкий познакомились на публичном зрелище. В январе 1937 г. «Bundführer» в письме предложил «графу» пригласительные билеты на митинг, который должен был состояться 12 февраля в зале нью-йоркского ипподрома. По замыслу организаторов, там, наряду с бундистами, должны были собраться итало-американские активисты, испанские монархисты и русские патриоты, чтобы громко осудить коммунизм, антифашизм, испанских республиканцев и бойкот нацистской Германии. Будучи не прочь оценить красноречие Куна и выступить самому от имени «русских патриотов», Вонсяцкий принял приглашение. Потом он вдруг подумал, что никак не может прийти на ипподром без сопровождения. В конце концов, он же полноправный фюрер, и ему нужно заботиться о своей репутации. Поэтому «вождь» велел Донату Кунле заказать пятьдесят билетов для ВНРП. Получив билеты, Вонсяцкий выслал их лидеру верхнеманхэттенской ячейки ВНРП Богословскому и приказал обеспечить явку на все зарезервированные места.

12 февраля Анастасий, Кунле и Мамедов, одетые по полной форме, явились на ипподром. Поглядев на бесконечные ряды кресел в обширном зале, Вонсяцкий вдруг занервничал. Но его волнение улеглось, когда он увидел входящего в зал Богословского с победной улыбкой на мясистом лице. За ним шаркала бестолковая толпа каких-то субъектов в потертых пальто и мятых шляпах. Евгений Михайлович выполнил поручение на сто процентов, всучив все пятьдесят билетов членам гарлемской русской колонии.

Когда все стадо благополучно расселось, Вонсяцкий бросил взгляд на программку — и возмущенно фыркнул. Помимо его собственного, там фигурировало еще одно русское имя: Николай Мельников, обозначенный как глава Русского национального союза. Знакомый с тайным пантеоном эмигрантских фракций, «граф» тут же узнал врага. Ему было известно, что РНС только что установил дружеские связи с Родзаевским.

В эту минуту появился Кун и, представившись, спросил Вонсяцкого, не скажет ли он собравшимся несколько слов. Не желая делить подмостки с приспешником Родзаевского, Анастасий резко ответил, что у него болит горло и он не может говорить. Кун кивнул и направился к трибуне. После того как все пропели «Звездно-поло-

сатый флаг»*, встав навтытяжку и воздев руки в нацистском приветствии, начались выступления. Чем ближе становилась очередь Мельникова, тем в большее возбуждение приходил Вонсяцкий. Наконец на трибуну вышел помощник Мельникова и начал представлять РНС. Когда он нараспев произнес слова: «Гитлер — наш вождь!» и «Русский национальный союз ведет с коммунистическими вооруженными силами подлинную войну», терпение Вонсяцкого лопнуло:

«Я жестом показал Кунле, что мы уходим, и мы оба встали, после чего все, пришедшие с Богословским, также поднялись с мест и потянулись к дверям. Это выглядело как демонстративный уход, и Фриц Кун, подбежав ко мне, спросил, в чем дело. Я сказал, что все в порядке, просто мы с Кунле должны успеть на поезд».

Этот эпизод испортил отношения между «Бундом» и ВНРП на два года.

В апреле 1939 г., вскоре после возвращения из третьей кругосветной поездки, Вонсяцкий получил от Куна приглашение присутствовать на открытии Кемп-Зигфрида, бундовского учебно-увеселительного лагеря, расположенного поблизости от базы американской армии Кемп-Аптон на Лонг-Айленде. Посоветовавшись с Кунле, Анастасий решил, что не следует пренебрегать возможностью помириться с «Бундом». Он надеялся, что это в конце концов улучшит отношения между ВНРП и третьим рейхом. Ему также очень хотелось сфотографироваться с Куном. Фотография хорошо бы смотрелась в «Фашисте».

В воскресенье 21 мая Вонсяцкий, Кунле и Мамедов сели в «кадиллак» Мэрион и отправились в Кемп-Зигфрид. Форма одежды была парадная: защитные рубашки, галифе, сапоги и портупей. Кун тепло приветствовал прибывшее трио и представил гостям своего секретаря Джеймса Уилера-Хилла, который оказался родом из России, и главного пропагандиста Вильгельма Герхарда Кунце. Оркестр заиграл «Хорста Весселя», Кун жестом пригласил Вонсяцкого идти с собой рядом, и два вождя торжественным маршем прошли вокруг поля во главе колонны из трех тысяч бундистов, в числе которых было двести мальчиков и девочек из «Jugend-

* Гимн США (прим. перев.).

schaft)* и триста штурмовиков из Ordnungsdienst**, прозванной журналистами «бундовской СС». К полному удовлетворению Алекса, фотоаппараты так и щелкали.

Взволнованный помпезным парадом, Вонсяцкий в порыве дружеской щедрости заявил, что его дом открыт для Куна и других лидеров «Бунда» в любое время, когда они только пожелают. В июне и июле бундовский пропагандист Кунце несколько раз воспользовался гостеприимством «вождя». Он и глазом не успел моргнуть, как Алекс начал называть его «Вильгельм Герхардович». Газетчики в любом случае должны были рано или поздно оповестить всех об этом братании, которое давало хороший повод добавить темных красок в описание «Девятнадцатой лунки». Но ни «Дейли уоркер», ни бриджпортская «Санди хералд» при всем желании не смогли бы выдумать ничего более невероятного, чем то происшествие, которое одним махом выставило отношения между «Бундом» и Вонсяцким на всеобщее обозрение.

В субботу 15 июля 1939 г. во второй половине дня после собрания бундистов в Нью-Бритене (Коннектикут), на котором Кун председательствовал, он с тремя помощниками (Вильгельмом Кунце, Джеймсом Уилером-Хиллом и казначеем Густавом Эльмером) выехал на автомобиле в Бостон. Вспомнив о приглашении Вонсяцкого, Кунце предложил: «А что, не заехать ли к Алексу? Нам как раз по пути».

Через два часа лай Леди Астор возвестил прибытие бундистов в «Девятнадцатую лунку». Анастасий, хотя и не ждал гостей, встретил их очень радушно, тут же позвонил Наташе Мамедовой в «Русский медведь» и предупредил, что к ужину придут еще четыре человека. Донат Кунле, который считал поведение Куна вызывающим, скрыл свое неудовольствие за вымученными приветствиями. Мэрион, извинившись, ушла к себе, как всегда делала, когда Алекс принимал гостей.

Кун в этот вечер был в плохом настроении. Даже Наташины куриные котлеты и ромовая баба не отвлекли его от мыслей о делах, которые складывались неважно. Пресса и администрация Рузвельта травили его. Вдобавок два месяца назад нью-йоркский суд присяжных предъявил ему обвинение в краже в связи с исчезновением 14 548 долларов из кассы «Бунда» в Манхэттене.

* Юность (нем.).

** Служба охраны порядка (нем.).

Нью-йоркский окружной прокурор Томас Э. Дьюи засыпал его повестками. Его то сажали за решетку, то выпускали, и в настоящее время он был отпущен под залог в 5000 долларов. Полулежа на обитом ярким ситцем диване в Военной комнате, Кун был полон жалости к самому себе. Он пил все, что ему наливали, с угрюмым видом слушая вполуха разглагольствования хозяина о великих князьях и простреленных шинелях.

В полночь Куну взбрело на ум покататься. «Кто со мной?» — спросил он. Полупьяный «бундфюрер» ощущал характерное для этого состояния беспокойство. Кунце, Уилер-Хилл и Эльмер услужливо закивали ему в ответ. Анастасий, Кунле и Мамедов, однако, не проявили энтузиазма. Но, поскольку гости не знали местных дорог, решили отправить с ними Энди Мамедова, девятнадцатилетнего племянника Алекса.

Когда Уилер-Хилл сел за руль и они выехали на дорогу к Томпсону, Энди указал на едва различимые в темноте ориентиры: школу для девочек Хоу-Маро, Марианополис-колледж, гостиницу «Вернон Стайлз инн». Томпсон мало что мог предложить по части ночных увеселений, так что Уилер-Хилл повернул на север, и вскоре они пересекли границу штата Массачусетс и прибыли в город Уэбстер, лежащий в восьми милях от «Девятнадцатой лунки».

В начале второго ночи в воскресенье 16 июля Энди привел бундистов в кафе, расположенное на главной улице Уэбстера, но, войдя, они узнали, что по закону штата Массачусетс каждую субботу в полночь продажа спиртных напитков прекращается. Разочарованная компания направилась к другому кафе подкрепиться кофе и пирожками. Энди, однако, остался снаружи и вступил в беседу с полицейским патрульной службы Генри Плэссом.

Примерно в час тридцать Кун, Уилер-Хилл, Кунце и Эльмер вышли из кафе и поплелись к машине. Увидев, что Кун нетвердо стоит на ногах, Плэсс порекомендовал ему не садиться за руль в таком состоянии. Кун резко обернулся и зарычал: «А ты знаешь, кто я такой? Как ты смеешь так со мной разговаривать?» Тут Плэсс тоже завелся и заметил, что ему, Плэссу, безразлично, с кем он имеет дело. Никому не позволено разъезжать вокруг Уэбстера в нетрезвом виде.

Что произошло потом — не совсем ясно. По версии бундистов, Кун сказал: «Какого черта нас сюда занес-

ло?» Но Плэсс утверждал, что сказано было: «Пошел к черту». Как бы то ни было, Плэсс задержал Куна, отвел его в участок и написал протокол, вменяя ему в вину оскорбление полицейского и пьянство.

Через четыре часа, когда поднятый с постели Алекс приехал в уэбстерскую полицию и уплатил залог в 54 доллара, Кун и его товарищи вернулись с ним в «Девятнадцатую лунку». С восходом солнца весть об инциденте начала распространяться. В Уэбстер слетелись местные репортеры и принялись допытывать Плэсса вопросами. К воскресному вечеру новость достигла крупных радиостанций и газет. В понедельник 17 июля в утреннем выпуске «Нью-Йорк таймс» она была помещена на первой странице.

В первых сообщениях события 15—16 июля были искажены и приукрашены до неузнаваемости. Кун якобы угрожал местной полиции. В одной газете говорилось о «попытке путча». Полицейского Плэсса называли героем, спасшим беззащитный новоанглийский городок от захвата нацистами. В нескольких газетных репортажах было сказано, что вся каша заварилась в присутствии или даже с участием Вонсяцкого.

20 июля Вонсяцкий, сопровождаемый толпой репортеров и зевак, явился в уэбстерский суд на заседание по делу «Жители западного Массачусетса против Фрица Куна». «Вождь» пришел не только для того, чтобы посмотреть, как «бундфюрер» признаёт себя виновным («чтобы избежать спектакля», как утверждал Кун) и приговаривается к штрафу в 5 долларов (согласно закону, это было максимальное наказание за оскорбление, а пьянство и вовсе сошло Куну с рук). Алексу нужно было опровергнуть утверждения о своем собственном участии в инциденте, и для этого он привез с собой бостонского адвоката Джона Х. Девайна. Девайн сделал заявление для печати, которое устно подтвердил Кун, о том, что его клиент не участвовал в уэбстерских событиях и даже не находился в это время в Уэбстере.

Алекс рассердился на прессу, связавшую его имя с «путчем». Когда его обвиняли в намерении свергнуть Сталина, он только радовался, но ложь о том, что он замешан в пьяной перепалке в соседнем городке, пятнала его доброе имя. Желая показать газетчикам, что с ним шутки плохи, Вонсяцкий предъявил ряду газет иски о клевете. До суда дело не дошло, так как газеты опубликовали поправки или извинения. Но это происходило

лишь спустя месяцы. «Нью-Йорк таймс», к примеру, извинилась (на странице 52) лишь 5 июня 1940 г. К этому времени уэбстерское дело уже дало начало новому витку Вонсяцкианы.

На этот раз первый залп произвел Американский совет против нацистской пропаганды (АСПНП), возглавляемый бывшим американским послом в Германии Уильямом Эдвардом Доддом. «Выстрелил» информационный бюллетень АСПНП, издававшийся Альбертом Ю. Каном под названием «Аур». Благодаря посредничеству Ричарда Макколи, патнэмского независимого журналиста и друга Алекса, корреспондент «Аур» Дэвид Карр три раза приезжал в «Девятнадцатую лунку» брать у Вонсяцкого интервью вскоре после уэбстерского инцидента. Карр собрал изрядную информацию о ВНРП, сфотографировал Анастасия и интерьер Военной комнаты. 2 августа, после третьего интервью, Карр и Макколи произвели на свет нотариально заверенный документ, в котором под присягой утверждали, что Вонсяцкий в разговоре с ними признал за собой авторство «Записок монархиста». Эти показания легли в основу обширного досье, которое было заведено на Вонсяцкого в редакции «Аур» на 42-й улице в Нью-Йорке. Начиная с 30 июля «Аур» опубликовал о Вонсяцком ряд материалов, призванных привлечь к «вождю» внимание общественности и заставить правительство принять против него меры. Через тридцать семь лет редактор Кан вспоминал:

«Насколько я знаю, «Аур» первым поместил информацию о действиях Вонсяцкого по сколачиванию пятой колонны и о его темном прошлом; эти сведения потом были подхвачены другими средствами массовой информации. Более того, я полагаю, что именно публикации в «Аур» побудили правительство начать свои действия против Вонсяцкого».

3 августа, после первого публичного разоблачения в «Аур», АСПНП направил министру труда Франсес Перкинс телеграмму о том, что в его распоряжении имеются документы, подтверждающие сокрытие Вонсяцким «зверских убийств», совершенных им в Ялте в 1920 г., при получении американского гражданства в 1927 г. АСПНП потребовал немедленного расследования этого обвинения и представил «документальное подтверждение» (вероятно, показания Карра и Макколи от 2 августа

относительно авторства «Записок монархиста»). 18 августа председатель АСПНП Додд телеграфировал конгрессмену Мартину Дайзу, что считает необходимым обязать Вонсяцкого дать показания в Комитете по антиамериканской деятельности по поводу своих связей с германо-американским «Бундом» и третьим рейхом.

Кампания АСПНП быстро начала приносить плоды. Новые и новые газеты по всей стране подхватывали сенсационную весть о «зверских убийствах» и требовали, чтобы комитет Дайза принял меры. Кое-кто настаивал на депортации «русского нациста».

Неудивительно, что к общему хору присоединил свой голос и конгрессмен Дикштейн. 21 августа в записке госсекретарю Хэллу Дикштейн писал, что «Вонсяцкий — это человек, который пытается вызвать брожение на нашей земле», что его деятельность является «антиамериканской» и «должна быть прекращена». Он попросил Хэлла дать ему как можно более исчерпывающую информацию. Хэлл ответил Дикштейну 30 августа, предлагая конгрессмену из Нью-Йорка представить свидетельства, «которые подтверждали бы содержащиеся в записке обвинения». Госсекретарь, кроме того, направил копию записки Дикштейна генеральному прокурору Фрэнку Мерфи с просьбой «принять те меры, какие Вы сочтете необходимыми».

Обратившись к генеральному прокурору, Хэлл поступил правильно, потому что министерство юстиции, без сомнения, было лучше информировано по делу Вонсяцкого, чем любой другой правительственный орган. ФБР держало «графа» под наблюдением с 1937 г. и дважды подвергло его специальному расследованию, представив результаты генеральному прокурору соответственно в январе 1938 г. и в мае 1939 г. Досье ФБР содержало тексты бесед с самим Вонсяцким, с его друзьями, с жителями Патнэма и Томпсона и кучу писем, отправленных различными информантами по собственной инициативе. Один агент ФБР прожил два года в Патнэме под видом продавца мыла, имея лишь одно задание — следить за Вонсяцким. Однажды, сидя за рулем, Алекс нечаянно едва не сшиб свою «тень». Помимо этого, у генерального прокурора была информация о Вонсяцком из Службы иммиграции и натурализации и из министерства финансов, которое в марте 1939 г. представило ему налоговые декларации Алекса за все годы начиная с 1933-го. Что же вытекало из этих данных?

Ничего — и, стало быть, все. Расследование, проведенное министерством финансов, показало, что пистолет-пулемет Томпсона, купленный в 1930 г. у Эберкромби и Фитча (а все остальное огнестрельное оружие у Вонсяцкого было непригодно к употреблению), по всем правилам зарегистрирован в полиции штата Коннектикут и в налоговом управлении. Что еще более важно, у него отсутствовал магазин. В ходе кропотливого расследования ФБР «не обнаружило никаких данных о том, что Вонсяцкий получает финансовую или иную помощь от какого-либо иностранного государства или какой-либо иностранной организации». В связи с часто повторяемыми обвинениями в проведении поблизости от «замка» военных учений и маневров агент ФБР, приставленный к Вонсяцкому на два года, докладывал:

«...любые учения такого рода были бы видны с дороги, и тем самым о них стало бы известно местным жителям. Нет никаких указаний на то, что в помещении [т. е. в «Девятнадцатой лунке»] имеются какие-либо лица из числа слуг, последователей или прочих, которые могли бы составить обученный вооруженный отряд; следует отметить, что проведены многочисленные беседы с жителями Патнэма и Томпсона, имевшие целью получить подтверждение этим подозрениям, которые, как выясняется, ни на чем не основаны».

Исследовав досье ФБР, служащий министерства юстиции Александр Хольтцгофф 31 мая 1939 г. сообщил генеральному прокурору Мерфи, что, по его мнению, Вонсяцкий не является иностранным агентом. Изучив обвинения в «зверских убийствах», Служба иммиграции и натурализации доложила, что данные, имеющиеся в ее распоряжении, «не подтверждают подозрений в обмане или каких-либо других незаконных действиях при получении американского гражданства». 13 сентября, рассмотрев представленные выводы, помощник генерального прокурора О. Джон Рогге проинформировал конгрессмена Дикштейна о том, что Вонсяцкий не совершил никаких нарушений федерального уголовного законодательства.

Разыскания министерства юстиции на некоторое время заставили Дикштейна замолчать. Но бюллетень «Аур», который сам Вонсяцкий не уставал снабжать горючим материалом, продолжал свои атаки и в 1940 г.

Сентябрь 1939 — июнь 1941: «глаз» циклона

23 августа 1939 г. мир был потрясен невиданным дипломатическим *volte-face**: Германия и Советский Союз — казалось, непримиримые враги — пожали друг другу руки и заключили пакт о ненападении. Смысл пакта стал ясен неделей позже, когда Гитлер, поощряемый благожелательным нейтралитетом Сталина, вторгся в Польшу, а Англия и Франция объявили Германии войну. Нацистско-советский пакт любопытным образом отозвался в Соединенных Штатах. Американские коммунисты (во всяком случае, те из них, кто выдержал шок и остался в партии) и германо-американские бундисты вдруг начали петь в унисон. Те из русских эмигрантов, кто делал ставку на Гитлера как на непримиримого антикоммуниста, испытали сокрушительный удар. Русским нацистам в самом рейхе оставалось только спрячься, и чем дальше — тем лучше.

Вонсяцкий отреагировал на нацистско-советский пакт с беззаботностью человека, способного вплести в мир своих фантазий любую реальность. «Фашист» приветствовал пакт, сравнивая его с соглашением 1807 г. между Наполеоном и Александром I. Позиция Вонсяцкого кое-кого сбила с толку. Например, один из его противников, православный священник из Уиллимантика (Коннектикут) отец Джоскин В. Ткоч, сказал агенту ФБР, что Вонсяцкий «заключил мир со Сталиным» и работает теперь на коммунистов.

В то же время нацистско-советский пакт серьезно осложнил отношения Вонсяцкого с германо-американским «Бундом». «Граф» перестал посещать бундовские митинги, а бундисты, за исключением «Вильгельма Герхардовича» Кунце, — «Девятнадцатую лунку». Во время этой интерлюдии «Бунд» занимался в основном своими собственными проблемами. 28 ноября Фриц Кун был признан виновным в краже и приговорен к пяти годам заключения. Отправку его в тюрьму Синг-Синг нью-йоркская «Дейли ньюс» назвала «Дранг нах Оссининг»**. Бундфюрером стал Кунце.

Нацистско-советский пакт нанес ВНРП более сильный удар, чем все наскоки «Дейли уоркер», «Друзей

* Поворотом на 180° (*фр.*).

** Тюрьма Синг-Синг находится в Оссининге (штат Нью-Йорк) (*прим. автора*). Игра слов: Drang nach Osten (натиск на Восток) — лозунг немецких завоевателей (*прим. перев.*).

Советского Союза», «Международного рабочего ордена», Дикштейна и бюллетеня «Аур», вместе взятые. Весьма жидкие ряды «соратников» и так уже ослабила смерть Евгения Богословского 11 февраля 1939 г. Но самые чувствительные потери партия понесла после того, как Гитлер и Сталин подали друг другу руки.

В октябре 1939 г. партию покинул зять «вождя», председатель ЦИК ВНРП Лев Бек-Мамедов. Он настолько разочаровался в перспективах российской Национальной Революции, что решил всецело посвятить себя «Русскому медведю».

Вскоре после нацистско-советского пакта из партии вышел и Донат Иосифович Кунле, редактор «Фашиста», секретарь ВНРП и верный друг Алекса с 1933 г., когда они вдвоем основали ВФО. Кунле какое-то время еще жил в «Девятнадцатой лунке», но в июне 1940 г. он покинул Коннектикут и ушел из жизни Алекса, отправившись в Калифорнию учиться летному делу.

В июле 1940 г. в разговоре с агентом ФБР Вонсяцкий признал, что многие члены ВНРП уходят из нее и прекращают подписываться на «Фашиста». Опять он оказался почти совсем один, если не считать Леди Астор, черепах и голубей.

Партия рассыпалась на глазах, вымышленный мир Вонсяцкого рушился, и он решил расстаться с частью его реквизита. 7 июня 1940 г. он отдал сержанту Нолану пистолет-пулемет Томпсона, сказав, что дарит его полиции штата, чтобы она пользовалась им «в случае необходимости».

4 июля 1940 г., когда, как обычно, «соратники» собрались в «Девятнадцатой лунке», Алекс выступил с заявлением, которое отражало изменения в его политической позиции:

«Российская национал-революционная партия, главой которой я являюсь, не поддерживает притязаний Германии и Японии на гегемонию в Европе и на Дальнем Востоке.

Германия и Япония ни разу ясно не высказались по вопросу о замене нынешнего сталинского режима Национальным правительством России.

Единственная цель нашей организации — вернуть русским людям свободу и установить в России правительство, избранное народом, из народа и для народа.

Мы намерены создать в России истинно демократическую форму правления.

Наша партия отвергает антисемитизм.

В нашей партии нет членских взносов; она финансируется исключительно за счет добровольных пожертвований ее членов и сочувствующих лиц. Она не пользуется ни правительственными, ни частными субсидиями из-за рубежа.

В Германии и Японии наша организация запрещена.

Только в Соединенных Штатах мы пользуемся свободой действий и убеждений, границы которой определяются законом.

Настоящим решительно заявляю, что деятельность нашей организации направлена исключительно против нынешнего советского правительства и никоим образом не нарушает ни конституцию, ни законы Соединенных Штатов, которые мы уважаем и исполняем.

Анастасий А. Вонсяцкий

Томпсон, Конн.

4 июля 1940 г.».

В заявлении от 4 июля видно желание Вонсяцкого отмежеваться от всего, что можно было бы считать «анти-американским». В 1940 г. «граф» уже знал, что находится под наблюдением ФБР. Кроме того, у него было предчувствие, которое усилилось после ноябрьских перевыборов Рузвельта, что Соединенные Штаты постепенно движутся к вступлению в европейскую войну. Когда 11 марта 1941 г. Конгресс принял закон о ленд-лизе, Вонсяцкий решил, что до начала войны с Германией остались месяцы. «Вождь» также предполагал, что, хотя Германия и Советский Союз пока соблюдают пакт о ненападении, Рузвельт и Черчилль, чтобы нанести поражение Гитлеру, в конце концов сделают ставку на союз со Сталиным. При таком развитии событий деятельность ВНРП в Соединенных Штатах стала бы невозможной.

Принятие закона о ленд-лизе побудило Вонсяцкого перенести штаб-квартиру ВНРП из Соединенных Штатов на Дальний Восток и снять с себя обязанности «вождя». Да и мало что осталось от ВНРП в Соединенных Штатах — руководить было нечем. 17 марта 1941 г. «граф» написал дальневосточному представителю ВНРП Константину Стеклову, жившему в Шанхае, письмо с предложением возглавить ВНРП и известил его о том, что после июльского выпуска 1941 г. «Фашист» перестает выходить.

Ирония судьбы была в том, что в 1940 г. и в начале 1941 г., когда Вонсяцкий стал сворачивать свою политическую деятельность, Вонсяцкиана расцвела, как никогда

прежде. «Аур» не жалел красок, изображая опасности для Америки, исходящие от «графа». В конце 1939 г. к кампании присоединился журнал «Либерти», рассказавший читателям о том, что Вонсяцкий превратил поместье жены в тренировочный лагерь, где штурмовики «Бунда» упражняются в тактике и стрельбе. В книге «Пятая колонна в Америке», вышедшей в 1940 г., Хэролд Левайн посвятил Вонсяцкому целую главу, в которой говорилось, что во время гражданской войны в Испании он переправлял оружие Франко и что в Томпсоне вооруженные люди в форме обучались военному делу.

Частные лица также вносили свой вклад в Вонсяцкиану: в ФБР и другие органы, ответственные за охрану правопорядка, шли письма от «обеспокоенных граждан». Нью-йоркское полицейское управление завело на Вонсяцкого досье после того, как туда пришло письмо, утверждавшее, что он снюхался с Гитлером, Герингом, Розенбергом и Гебсом. Житель Янгстауна (Огайо) сообщил в 1940 г. в разведывательный отдел 12-го военноморского округа, расположенный в Калифорнии, что Вонсяцкий — немецкий шпион и «один из лидеров пятой колонны в Соединенных Штатах», что он пытался сколотить подпольную организацию с участием «Друзей Новой Германии» и членов Ирландской республиканской партии для осуществления актов диверсии на калифорнийских авиационных заводах. Информант из Янгстауна даже признался, что сам присутствовал на тайной встрече подпольщиков, состоявшейся 22 марта 1940 г. в кафе «Вся Ирландия» на Третьей авеню в Нью-Йорке. Женщина из Рочестера (штат Нью-Йорк) 13 августа 1940 г. написала в нью-йоркское городское отделение ФБР, что Вонсяцкий — «очень опасный человек», который желает свергнуть правительство Соединенных Штатов и передать власть Адольфу Гитлеру.

Вероятно, еще большее влияние, чем наскоки прессы и разоблачительные письма, оказали на министерство юстиции действия одного редактора, одного репортера и одного правительственного служащего. Издатель бюллетеня «Аур» Альберт Ю. Кан предоставил сотрудникам министерства юстиции свое досье на Вонсяцкого. Некоторые документы этого досье носили достаточно личный характер. Кан в 1976 г. вспоминал: «Видите ли, в эти давние годы я собирал документальную и прочую информацию разными методами, как официальными, так и неофициальными — и некоторые из них хотя и не совпадают,

но имеют определенные черты сходства с методами президентской команды во время уотергейтского дела». Вполне возможно, что в досье вошли и документы, отправленные в «Аур» самим Вонсяцким. Очень уж падок был «вождь» на гласность.

Репортер нью-йоркской газеты «Уорлд телеграм» Кеннет Уотсон в 1940—41 гг. направил в министерство юстиции несколько «конфиденциальных сообщений», основанных на беседах с названными и неназванными информантами. Один из них, некий Джон Меткаф, в 1938 г. давал показания о «небольшой армии» Вонсяцкого в комитете Дайза.

На отношение министерства юстиции к Вонсяцкому в 1940—41 гг., вероятно, повлиял и экономический советник министра сельского хозяйства Мордехай Эзекиль. В конце 1940 или начале 1941 г. Эзекиль отправил генеральному прокурору письмо, в котором спрашивал, не следует ли лишить Вонсяцкого американского гражданства. Он предъявил некие «вещественные доказательства», но что именно — точно неизвестно; предположительно, они связаны с обвинениями в «зверских убийствах», якобы совершенных в 1920 г. 15 января 1941 г. исполняющий обязанности генерального прокурора Уэнделл Берг направил доказательства Эзекиля уполномоченному Службы иммиграции и натурализации, который 31 января передал их в нью-йоркское отделение Службы для тщательного расследования.

В течение февраля и марта инспектор Службы по особым поручениям Митчелл Соломон изучал документы нью-йоркского отделения ФБР, нью-йоркского городского отделения полиции, военно-морской разведки и бюллетеня «Аур» в поисках улики против Вонсяцкого. Соломону, конечно, попались на глаза сообщения информантов (таких, как женщина из Рочестера и мужчина из Янгстауна), в которых Вонсяцкий был обрисован весьма темными красками. Эти сообщения Соломон не преминул вставить в свой отчет от 1 апреля, который впоследствии входил во все досье министерства юстиции по делу Вонсяцкого. Утверждениям, основанным на слухах, на каждой стадии придавалось все больше и больше весу.

Таким образом, Вонсяцкиане, существовавшей в общественной и частной разновидности, в 1941 г. удалось наконец привести в движение бюрократическую машину — и это несмотря на то, что в ходе расследований,

проводившихся в 1934—40 гг. государственным департаментом, а также министерствами юстиции и финансов, не было обнаружено ничего противозаконного.

При всем том, если бы Вонсяцкий в дальнейшем вел себя так же тихо, как в 1940 г. и в начале 1941 г., он, скорее всего, избежал бы крупных неприятностей во время второй мировой войны. Но вторжение Гитлера в Советский Союз 22 июня 1941 г. побудило «графа» тряхнуть стариной и снова окунуться в политику — на этот раз с роковыми последствиями.

Глава XVI ГОД АПОКАЛИПСИСА

Соратники! Российская Национальная Революция началась! Назад возврата нет. Россия или погибнет, или будет наша! (*)

*Константин Родзаевский,
27 июня 1941 г.*

Как только над Москвой взвевется нацистский флаг, я в течение двадцати часов проинформирую государственный департамент о том, что я представляю в Америке Российское национальное правительство (*).

*Анастасий Вонсяцкий,
25 июля 1941 г.*

Вторжение Адольфа Гитлера в Советский Союз точно так же застало русскую диаспору врасплох, как и его пакт о ненападении со Сталиным за двадцать два месяца до этого. После того как прошел первоначальный шок, реакция эмигрантов оказалась весьма разнообразной. Просоветские элементы призвали к сплочению рядов под знаменем Сталина. Некоторым из антикоммунистов пришлось разрываться между ненавистью к Сталину и глубоким русским патриотизмом, из-за которого они не могли не сочувствовать защитникам родной земли. Прочие же оказались, по словам Марии Авиновой, «столь слепо наивны, что приняли Гитлера за потенциального освободителя». Среди последних были не только фашисты, но и монархисты. Например, князь Трубецкой отправил из Парижа в Берлин письмо с просьбой разрешить ему сформировать русский эмигрантский Frei-

korps*, который воевал бы против СССР бок о бок с вермахтом.

Русские фашисты в Европе приветствовали вторжение, видя в нем предвестие долгожданной Национальной Революции, и пытались вспрыгнуть на германскую колесницу. Бискупский и Бермондт-Авалов, находившиеся в Берлине, выразили фюреру свою безусловную поддержку. Борис Тедли, европейский представитель Родзаевского, высланный после заключения нацистско-советского пакта из рейха в Швейцарию, осаждал немецкое посольство в Берне, умоляя разрешить РФС влиться в ряды воюющих и «принять участие в преобразовании России». Тедли клялся, что РФС считает Гитлера своим «духовным вождем и учителем», и великодушно признавал право Германии на «ведущую роль в Новой Европе». Чтобы никто не подумал, что РФС поддерживает рейх только на словах, Тедли с гордостью подчеркивал, что его сын Альберт доблестно служит в дивизии СС «Германия».

Константин Родзаевский и до 22 июня был уверен, что, несмотря на пакт о ненападении, война между Германией и Советским Союзом рано или поздно разразится. По случайному совпадению утром этого дня он написал редакционную статью для «Нации», в которой предсказывал, что война «близка». Через несколько часов, когда, присутствуя при обряде крещения, он узнал о немецком нападении, он предложил присутствующим сочинить молитву, за которой последовал гимн русских фашистов. В тот же вечер «вождь» собрал ЦИК РФС на срочное заседание. А его помощники тем временем лихорадочно готовили экстренный выпуск газеты «Наш путь», который был тут же запрещен японской цензурой на том основании, что он мог вызвать нежелательное волнение и спровоцировать антисоветские инциденты**.

Не прошло и нескольких дней, как Родзаевский начал вести себя так, как будто война уже выиграна. Он разо-

* Добровольческий корпус (нем.).

** Японское правительство (за исключением министра иностранных дел Мацуока Ёсукэ, который призывал к нападению на СССР) вначале не знало, как ему реагировать на немецкое вторжение, однако и Токио, и Квантунская армия предпочитали до прояснения ситуации на Западе избегать трений с Советским Союзом. Вскоре после 22 июня редакция «Нашего пути» переместилась из Харбина в Шанхай, предположительно — по требованию «Токуму кикан».

слал целый ряд приказов представителям РФС в Варшаве, Софии, Париже и Берне. Приказом № 3 от 27 июня 1941 г. создавались Освободительные отряды, из которых должна была вырасти Российская национальная армия. «Состоятельных русских эмигрантов» приказ под страхом наказания за предательство обязывал финансировать военную деятельность партии. Приказом № 15 от 3 июля назначались региональные руководители РФС по Европейской России, Украине, Кавказу, Средней Азии, Сибири и Дальнему Востоку. Каждому «соратнику» было рекомендовано «срочно изучить территорию и население своего района» и «иметь при себе сумму денег, достаточную для того, чтобы прибыть в Россию к месту назначения» (*).

Родзаевский телеграфировал в Берлин, что РФС готов признать «первое Национальное правительство на освобожденной русской земле». Он не забыл дать немцам рекомендации по кандидатурам членов Национального правительства, начав с себя и включив также разведенного мужа сестры Николая II Ольги герцога Лейхтенбергского, Бориса Тедли, представителя РФС в Варшаве Владимира Шелихова, редактора берлинской русской ежедневной газеты «Новое слово» Владимира Михайловича Деспотули, генерала А. В. Туркула из Русского национального союза (США) и Михаила Михайловича Гротта, публициста-антисемита из Кенигсберга (Восточная Пруссия).

Только немногие из директив Родзаевского, отправленных в конце июня и начале июля 1941 г., дошли до адресатов. Перехваченные либо английской, либо канадской почтовой цензурой, они заканчивали свой путь в папках британского министерства иностранных дел или военной разведки.

В течение лета 1941 г. Родзаевский ни на минуту не усомнился в том, что Красная армия развалится, что рабочие и крестьяне повернут оружие против комиссаров, что флаги со свастикой скоро будут развеиваться над стенами Кремля. Его озабоченность деталями послевоенного существования напоминает приказ Гитлера о том, чтобы напечатали приглашения на Рождество 1941 г. в ленинградскую гостиницу «Астория», или сомнения стратегов из вермахта по поводу того, как делить СССР между Германией и Японией — по семидесятому меридиану или по реке Енисей. Но наивность Родзаевского проявлялась не только в вере в скорую победу Герма-

нии. Он наивно предполагал, что Гитлер не только установит российское Национальное правительство, но и поставит на ключевые посты маньчжурских фашистов. Как и десятки других эмигрантов, предавшихся в 1941 г. апокалиптическим видениям, он был неспособен понять, что славянам не отведено места в нацистских планах по управлению покоренной Россией.

На другом конце света весть о немецком вторжении вернула к жизни и Анастасия Вонсяцкого. После нацистско-советского пакта Вонсяцкий, обескураженный последними тенденциями в американской внешней политике, развалом ВНРП и видимой невозможностью сокрушить сталинский режим, стал постепенно отходить от дел. В этот период Алекс занял по отношению к войне в Европе позицию пассивного наблюдателя, как если бы это был спортивный матч. 13 июня 1940 г., когда немецкие части рвались к Парижу, он вбежал в гостиную «Девятнадцатой лунки» с номером нью-йоркской «Геральд трибюн» в руках и закричал: «Ура! Третья попытка, и пять ярдов до линии!»* Всех гостей Мэрион из комнаты как ветром сдуло — они не желали иметь ничего общего со столь пламенным болельщиком Гитлера. Но дело обстояло не так просто. Копируя ораторские приемы Гитлера, он смотрел на немецкого вождя прагматически:

«Если Гитлер пойдет против России, Российская фашистская партия [ВНРП] пойдет против него. Но если он выступит против поработителей России — большевиков, тогда тактические интересы российского фашизма и немецкого национал-социализма будут совпадать» (*).

Поэтому, когда 22 июня Вонсяцкий узнал о начале реализации плана «Барбаросса», он почувствовал, что лелеемые им надежды могут исполниться, и решил вернуться на политическую сцену.

В реакции Вонсяцкого на немецкое вторжение в полной мере проявилась характерная для его поступков театральность. Он послал Сталину телеграмму, предлагая советскому правительству от имени ВНРП условия «бескровной и мирной» капитуляции. Как писала 22 июля газета «Русский авангард», издававшаяся в Шанхае Константином Стекловым («Фашист» уже перестал выходить), условий было шесть:

* Эти слова описывают игровую ситуацию в американском футболе (прим. перев.).

«1. Обещание полной амнистии и отказа от репрессий против членов советского правительства.

2. Гарантия сохранения жизни и имущества всех членов правительства и коммунистической партии, а также сотрудников НКВД.

3. Гарантия сохранения работы всем правительственным служащим.

4. Неприкосновенность всех офицеров Красной армии, за исключением политических комиссаров.

5. Гарантия всем членам коммунистической партии возможности играть полноценную роль в национальной жизни России.

6. Гарантия всем членам коммунистической партии свободного выезда из России, если народ не решит иначе» (*).

Телеграмма продолжала:

«Вышеуказанные условия могут быть пересмотрены третьейким судом, составленным из нейтральных государств. Принятие данного предложения предотвратит гражданскую войну в России и автоматически положит конец войне между Россией и Германией. Все встречные предложения нынешнего российского правительства могут быть переданы в штаб-квартиру Всероссийской революционной партии через любое российское посольство или консульство в одной из следующих стран: Швеция, Болгария, Португалия, Бразилия, Китай» (*).

Слушая военные сводки в первые дни после 22 июня, Вонсяцкий предавался героическим мечтаниям. Воображение рисовало ему величественные картины — вроде той, что в свое время запечатлел Донат Кунле в гимне ВНРП: «...и свастика над Кремлем ярко засияет, и черный строй пройдет через Москву». В одном из последних номеров «Фашиста» был помещен снимок Красной площади, сделанный с воздуха во время военного парада и подправленный так, что получалось, будто над башнями и стенами Кремля и над мавзолеем Ленина реют знамена со свастиками. Легкой походкой пересекая куиннатисетскую площадку для гольфа с перекинутой через плечо наподобие винтовки клюшкой номер пять, Анастасий с теплым летним воздухом вдыхал предчувствие триумфального возвращения домой. Почему бы Гитлеру не назначить его на какую-нибудь ответственную должность? Конечно, придется пойти на некоторые территориальные уступки Германии и, возможно, Японии. Но главное — возродить Россию в ее прежнем величии, и тогда споры с восточными и западными соседями уж как-нибудь да будут решены.

26 июня эти грезы прервала личная трагедия. Он получил известие о том, что днем раньше погиб Донат Кунце: аэроплан, на котором он совершал учебный полет, взорвался над Сан-Диего. Разбросанные, обугленные части тела были опознаны по зубам.

Возмущенный тем, что прах его ближайшего соратника собираются сжечь в Сан-Диего «как мусор», Алекс распорядился, чтобы останки перевезли в Томпсон для почетного погребения. Годом раньше «граф» уже готовил будущим героям место последнего успокоения, потратив 20 000 долларов на устройство склепа на кладбище, расположенном к западу от Томпсона в двух милях от «Девятнадцатой лунки». Строение получилось внушительное: стены были сложены из гранита и облицованы изнутри итальянским мрамором; напротив стрельчатой арки входа красовалось окно-витраж тонкой работы, изображавшее Богородицу с младенцем; у каждой боковой стены один над другим были помещены по три больших саркофага. Двускатную крышу склепа венчал православный крест. Обсаженный кипарисами мавзолей резко контрастировал со скромными надгробиями, типичными для кладбищ Новой Англии. Сооружение в готическо-византийском стиле подросло как раз вовремя — в начале июля там погребли то, что осталось от Доната Иосифовича.

Ось «Берлин — Токио — Патнэм»

Хотя в период нацистско-советского потепления после заключения пакта официальные отношения «Бунда» и ВНРП были натянутыми, бундфюрер Вильгельм Кунце по-прежнему заезжал в «Девятнадцатую лунку» выпить и подзанять денег, когда дела забрасывали его в северо-восточный Коннектикут. В конце февраля 1941 г. Кунце привез с собой каменщика Августа Клаппротта, который выпускал бундовскую газету «Фри американ» и руководил лагерем Кемп-Нордланд в Андовере (Нью-Джерси). Кунце и Клаппротт были в числе девяти лидеров «Бунда», признанных 31 января 1941 г. судом графства Сассекс виновными в нарушении закона штата Нью-Джерси от 1935 г. о «расовой нетерпимости» — на митинге в Кемп-Нордланде в июне 1940 г. они произносили антисемитские речи. Освобожденный 4 февраля под залог до рассмотрения апелляции, поданной адвока-

том «Бунда» Уилбером Киганом, Кунце искал человека, который дал бы ему 2000 долларов для уплаты штрафа в казну штата Нью-Джерси. Он знал, что с Вонсяцким в принципе можно договориться, но решил дождаться удобного момента.

Случай представился 3 июля, в день похорон Доната Кунле. Проводы в последний путь павшего воина-антикоммуниста как нельзя лучше подходили для публичного примирения между «Бундом» и ВНРП (а также для личной просьбы).

Кунце приехал в сопровождении бундовского национального секретаря Гуго («Вилли») Лютке, но просьбу свою высказал с глазу на глаз.

Кунце нужны были деньги еще для одного дела. Уплатив штраф штату Нью-Джерси, он собирался как можно скорее уехать в Германию. Кунце вовсе не улыбалось находиться в Соединенных Штатах во время германо-американской войны, которая с каждым днем становилась все вероятнее. Кунце происходил из семьи немецких иммигрантов и родился в Кэмдене (штат Нью-Джерси), но всю жизнь с горькой обидой вспоминал о том, как во время первой мировой войны в Пенсильвании его чуть не каждый день били одноклассники. Не желая, чтобы это повторилось еще раз, он в январе 1941 г. отправил в Германию жену и сына и собирался последовать за ними. Кунце скрыл эти планы от других бундистов. Напротив, в начале июля он заверил Клаппротта (к тому времени назначенного начальником восточного отделения) и Отто Альберта Виллюмайта (начальника среднезападного отделения), что останется в Соединенных Штатах, если будет переизбран председателем «Бунда» на очередном национальном съезде, который должен собраться в Чикаго в День труда. Однако Вонсяцкому Кунце намекнул о своем плане отъезда в Германию, считая, что так легче будет заставить «графа» раскошелиться.

Кунце не пришлось долго убеждать Вонсяцкого в своей полезности. «Вождь» и сам уже думал примерно о том же самом; впоследствии он рассказывал агенту ФБР:

«...когда началась война между Германией и Россией, я понял, что Германия теперь может принести моей партии и ее делу бóльшую пользу, чем когда-либо, и, когда летом 1941 г. стало ясно, что немцы прорываются к Москве, я почувствовал, что, без сомнения, они установят в России правительство, сходное с теми, которые были установлены в Норвегии и оккупированной Франции, и, возможно, они захо-

тят, чтобы во главе правительства России стоял русский. Поэтому, когда в июле 1941 г. Кунце приехал ко мне домой на похороны Кунле, я спросил его, когда он возвращается в Германию. Он ответил, что не знает, но собирается поехать как можно скорее, и я попросил его быть моим представителем и связать меня с теми, кто будет формировать новое правительство России. ...Желая избежать американской бюрократической волокиты, я собирался иметь дело непосредственно с Кунце, который должен был снестись с представителями нового правительства; я имел в виду, что, возможно, в конечном итоге США признали бы это новое правительство и признали бы меня в качестве его представителя в США».

Посоветовавшись между собой после похорон Кунле, двое лидеров быстро пришли к устному соглашению. Вонсяцкий даст Кунце 2800 долларов (2000 — штраф, 800 — на дорогу в Германию). Взамен Кунце использует свое влияние и замолвит в рейхе слово за ВНРП. Собирался ли Кунце выполнять свое обязательство — это другой вопрос.

Анастасий, хотя и слыл человеком со средствами, не имел на руках требуемой суммы. Поэтому он попросил Вильгельма Герхардовича приехать еще раз дней через десять. За это время он продаст кое-какие акции компании «АТТ» и положит выручку на свой счет в патнэмском банке, откуда ее можно будет взять в любой момент.

Кунце покинул «Девятнадцатую лунку» в приподнятом настроении. Видимо, чтобы продемонстрировать свое дружелюбие, он почтил память Кунле высокопарным некрологом на первой странице выпуска «Фри американ» за 10 июля. В таких выражениях, какие могли бы при жизни вызвать на лице убежденного антибундиста Кунле скептическую улыбку, Кунце воздал покойному хвалу за то, что он «в душе всегда был другом и боевым товарищем немецких и других национальных элементов среди граждан Соединенных Штатов». Для вящего эффекта он сделал реверанс Вонсяцкому как «великому русскому».

12 июля Кунце приехал из Нью-Йорка в «Девятнадцатую лунку», на этот раз один. Его поджидал чек на 2800 долларов. На вопрос о том, какие у него планы, Кунце ответил, что насчет отъезда в Германию пока полной ясности нет, но пообещал держать Анастасия в курсе дела. Пока же, добавил Кунце, он думает немного отдохнуть в бундовском лагере в Мичигане, а затем поехать

в Чикаго. Алекс сказал, что он как раз собирается съездить на Западное побережье, а возвращаться будет в конце июля и, по всей вероятности, через Чикаго. А раз так, почему бы там не повидаться? Разумеется, Вонсяцкий сделал это предложение не случайно. Алексу не хотелось выпускать Кунце из поля зрения: в него были вложены деньги, и с ним были связаны надежды. Кунце согласился и предложил встретиться 30 июля в штабквартире «Бунда», носившей название «Haus Vaterland»*.

Через два дня Кунце написал Вонсяцкому из Нью-Йорка благодарственное письмо, в котором заверял «графа», что оправдывает доверие. Два отрывка должны были особенно польстить «графу»:

«Я глубоко уважаю и ценю русский характер, воплощением которого являетесь Вы и Ваши соратники, и буду счастлив, если благодаря моему посредничеству о Вас и Вашей деятельности смогут лучше узнать там, где творится новая, свободная Россия.

...Я не пожалею сил, чтобы помочь Вам приобрести такое положение, в котором Вы будете в наибольшей степени способствовать преобразованию Вашей великой страны; возможность реально послужить святому делу вместо того, чтобы сидеть сложа руки в этот решающий час, будет мне великой наградой. Заверяю Вас, что если обстоятельства не позволят мне уехать в обозримом будущем, то все вышеупомянутые деньги, за исключением суммы, которую придется истратить на подготовку к отъезду, будут Вам возвращены. Вы сделали мне огромную честь, оказав столь большое доверие, и я его оправдаю. Мы с Вами служим общему делу, и я молю Бога о том, чтобы мощь пробудившихся Соединенных Штатов также пошла нашему делу на пользу!

Слава России! Хайль Гитлер! До свидания!»

Примерно через неделю Анастасий отправился в Сан-Франциско. Мэрион с ним не поехала, и хорошо сделала. Он собирался встретиться с молодой японкой по имени Такита Момоё, которая должна была 24 июля прибыть в Сан-Франциско из Йокогамы на лайнере «Тацута-мару». О личности Такиты и ее отношениях с «графом» мало что известно. Косвенные данные говорят о том, что она была знакома с Накамурой Фусако, с которой Вонсяцкого связывали сердечные узы.

Во время кругосветного путешествия 1934 г. Вонсяцкий познакомился с богатым и европеизированным токийским бизнесменом Накамурой Хитоси. У его доче-

* Дом «Отечество» (нем.).

ри Фусако вскоре завязалась с Алексом, по собственному признанию «графа», «чрезвычайно нежная дружба». В 1936 г., во время второй кругосветной поездки, он снова виделся с Фусако в Токио. Когда Накамура по делам приехал в Соединенные Штаты, Вонсяцкий пригласил его со всей семьей пожаловать в Томпсон в любое удобное для них время. Осенью 1936 г. семейство Накамуры, включая Фусако, действительно провело в «Девятнадцатой лунке» полтора месяца. Алекс возил Фусако в Нью-Хейвен и Филадельфию на футбол. Потом Фусако поехала учиться в Париж, и Алекс там встречался с ней дважды — в 1938 и 1939 гг., когда бывал в Европе вместе с Мэрион. Вероятно, из-за Мэрион Алекс и Фусако всегда разговаривали по-французски. В Париже Фусако подарила Алексу свою фотографию с надписью на японском языке*, которую он хранил всю жизнь.

Осенью 1940 г. Фусако приехала в «Девятнадцатую лунку» и провела у Алекса три недели. Друзья Мэрион были обеспокоены. Им не нравилось, что рядом с Алексом находится такая «молодая и умная» женщина. Мэрион, которой было уже шестьдесят три года, как всегда, сохраняла полное присутствие духа и не пыталась влиять на мужа в вопросах выбора друзей. Она даже позволила Алексу и Фусако поехать 2 ноября в Нью-Хейвен на матч Браун — Йель и присутствовать после игры на званом вечере в «Тафт-отеле».

В списке пассажиров «Тацута-мару» было указано, что Такита Момоё, двадцати семи лет, незамужняя, едет в Монтебелло (Калифорния). Вероятно, она была подружкой Фусако, потому что, как говорил позже Вонсяцкий, она послала ему вазу в подарок от семейства Накамура. Можно предположить, что на борту «Тацута-мару» могла находиться и сама Фусако, поскольку Вонсяцкий признавался потом друзьям, что, помимо Такиты Момоё, надеялся встретить на причале еще одну женщину.

Кто бы ни был на борту, это оказалось не столь уж важно, потому что Вонсяцкий так и не встретил «Тацута-мару». Судно должно было прибыть в Сан-Франциско 24 июля, но оно осталось в море еще на шесть дней из-за неопределенной ситуации, возникшей в связи с заявлением Японии о намерении занять французские (пете-

* «В день нашего прощания в Париже благодарю [Вас] от всего сердца. Молюсь о том, чтобы наша дружба длилась вечно».

новские) базы в Южном Индокитае, на что президент Рузвельт ответил распоряжением заморозить японские активы в Соединенных Штатах.

Вонсяцкий приехал в Сан-Франциско 23 июля и остановился в отеле Марка Хопкинса, зарегистрировавшись под именем Альберт Вон. Его присутствие в городе не было, однако, тайной ни для ФБР, ни для репортера местной русской газеты «Новая заря» Евгения Серебренникова. Когда Серебренников 25 июля позвонил Вонсяцкому в отель, «граф» не смог устоять против соблазна попасть в газету и согласился дать интервью, которое «Новая заря» напечатала 26 июля. В блаженном забытьи, не думая о возможных последствиях, Алекс выставил свои грандиозные претензии на всеобщее обозрение:

«Вопрос: Как обстоит дело с планами ликвидации Российской фашистской партии в Америке?

Ответ: Никак... Я готовлюсь к тому, чтобы представлять здесь Российское национальное правительство, которое будет размещаться в Москве.

В. Как скоро оно начнет действовать?

О. В ближайшем будущем. Как только немецкая армия займет Москву.

В. А когда это может произойти?

О. Примерно через две недели.

В. В таком случае правительство, вероятно, уже сформировано и Вам, может быть, известны фамилии членов кабинета?

О. О да, оно сформировано, но Вы, конечно, понимаете, что я не могу Вам назвать фамилий — ни официально, ни неофициально.

В. Гитлер про это знает?

О. Конечно.

В. И одобряет?

О. Безусловно!

В. Выходит, Вы установили связь с членами правительства в Берлине?

О. Конечно, но, ввиду нынешних обстоятельств, это делается тайно, по правилам конспирации.

В. Что Вы будете делать, если США, как многие думают, в конце концов вступят в войну против Германии?

О. Я буду представлять Российское национальное правительство.

В. Но что если США не признают это правительство?

О. Я вторично сообщу государственному департаменту, что я представляю Российское национальное правительство.

В. Но разве Вы не допускаете возможность того, что США не признают Российское национальное правительство?

О. В таком случае США не должно быть никакого дела до того, кто представляет российское правительство» (*).

Интервью в «Новой заре» было, пожалуй, все, чего добился Вонсяцкий в Сан-Франциско. В местном агентстве японского пароходства ему сообщили, что «Тацута-мару» направляется в Мексику*. Смирившись с неудачей, Алекс 26 июля выехал в Чикаго.

Прибыв туда в четверг 29 июля, Алекс отправился в «Haus Vaterland» и нашел Кунце. Председатель «Бунда» приветливо встретил его и спросил, не хочет ли он познакомиться с одним русским антикоммунистом, который приехал из Южной Америки и теперь живет в Чикаго, поддерживая дружеские отношения с Виллюмайтом, начальником среднезападного отделения «Бунда». Анастасий согласился, сказав, что у них могут быть общие русские знакомые в Южной Америке. Тогда Кунце попросил Виллюмайта связаться с русским и пригласить его к девяти часам вечера того же дня в коктейль-холл отеля «Бисмарк». «Русский» оказался украинским священником и тайным агентом ФБР по имени Алексей Пелипенко. Пелипенко обладал весьма развитым воображением и театральной жилкой, что роднит его с «графом». Алекс не просто нашел себе ровню — он встречал свою злую судьбу.

Пелипенко родился в 1893 г. на Западной Украине и сформировался под воздействием политических и религиозных неурядиц, которые отравляли жизнь региона, расположенного на стыке то и дело перекраивавшихся границ России, Польши и Австро-Венгрии. Получив в 1915 г. сан православного священника, он нес свою службу в Российской императорской армии, а потом обосновался в Варшаве и в 1925 г. перешел в униатскую (греко-католическую) веру. Впоследствии он преподавал в Мюнхене католическое богословие, а в 1937 г. приехал в Буэнос-Айрес заниматься миссионерской деятельностью в украинской колонии Аргентины. Страстно желая избавления Украины от владычества Советов и русских,

* 30 июля «Тацута-мару» все-таки пришвартовался в порту Сан-Франциско. Если Фусако и была на борту, в глубь страны она не поехала. Такита Момоё послала Вонсяцкому подарок от семейства Накамура, после чего в жизни Алекса (и в досье, заведенном на него ФБР) следов ее не обнаруживается.

Пелипенко клюнул на обещания оказать помощь, исходившие из посольства Германии в Буэнос-Айресе. Под руководством советника посольства принца Штефана цу Шаумбург-Липпе, в прошлом помощника министра пропаганды Геббельса, Пелипенко развернул прогерманскую пропагандистскую кампанию среди украинцев, проживавших в Аргентине. Спустя какое-то время Пелипенко пришел к выводу, что немцы не выполняют своих обещаний. Поэтому он подружился с англичанами и стал их тайным агентом, сохраняя в то же время хорошие отношения с немцами. В конце 1940 г. к Пелипенко обратились сотрудники американского посольства и предложили работать на правительство Соединенных Штатов (не уточняя, на какой именно орган). Тогда же Пелипенко согласился на предложение принца Штефана заняться распространением немецкого влияния на украинцев в Соединенных Штатах. 24 марта 1941 г. Пелипенко приехал в Нью-Йорк, где был встречен и тут же на месте завербован представителем ФБР. По заданию ФБР Пелипенко отправился в Чикаго и в апреле познакомился в ресторане* с Отто Виллюмайтом. Пелипенко сумел убедить Виллюмайта в своей симпатии к Германии, и тот привел его в «Haus Vaterland» и представил Кунце. Когда 29 июля в Чикаго приехал Вонсяцкий, два бундиста, естественно, решили познакомить двоих славян друг с другом.

Четверка собралась 29 июля в начале десятого вечера в коктейль-холле отеля «Бисмарк». Пелипенко пришел в священническом облачении: черной рясе до пят и черной же широкополой шляпе с низкой тульей. Остальные были в пиджаках и галстуках. Так как Пелипенко знал немецкий, но не знал английского, а Вонсяцкий по-немецки не говорил, разговор двигался с трудом. Пелипенко обращался к Кунце и Виллюмайту на немецком языке, к Вонсяцкому — на русском. А с бундистами Вонсяцкий разговаривал по-английски. Поэтому любая произнесенная фраза, чтобы ее поняли все, должна была переводиться. Этим отчасти объясняется тот факт, что потом разные участники беседы передавали ее содержание по-разному.

Все четверо впоследствии сходились на том, что пред-

* Виллюмайт потом говорил, что это был русский ресторан. Пелипенко, конечно, настаивал, что украинский.

метом обсуждения было возвращение Кунце в Германию. К тому времени Кунце уже рассказал Виллюмайту о своем желании вернуться и упомянул Мексику как возможный промежуточный пункт на тот случай, если германо-американские отношения будут окончательно порваны. Виллюмайт пытался отговорить Кунце, ссылаясь на то, что его отъезд в столь критический момент пагубно скажется на судьбе «Бунда». Но Кунце пообещал только, что не уедет до общенационального съезда «Бунда», намеченного на День труда (1 сентября). Кунце предвидел, что добраться до места будет трудно. Хотя у него и было 2800 долларов, полученные от Вонсяцкого, он сомневался, что с одним лишь американским паспортом ему удастся просочиться сквозь английскую морскую блокаду, взявшую Европу в кольцо. Пелипенко заметил, что мог бы выхлопотать в польском консульстве в Филадельфии «иммиграционные документы», с которыми Кунце впустили бы в Аргентину. Кунце вроде бы заинтересовался, но не стал развивать эту тему.

По версии Виллюмайта, большая часть разговора шла между Пелипенко и Вонсяцким. Не понимая деталей, он уловил, что Вонсяцкий хвастается перед украинцем своей партией и агентами, разбросанными по всему свету. К несчастью для Алекса, собеседник отнесся к его рассказам серьезно.

Прежде чем попрощаться, Пелипенко сказал Вонсяцкому, что собирается в Нью-Йорк и хотел бы заодно посетить его в Томпсоне. Анастасий ответил, что будет рад его приезду в любое время.

Через два дня Вонсяцкий вернулся в «Девятнадцатую лунку», а еще через два дня он получил от Пелипенко телеграмму, где тот сообщал, что приедет в Томпсон 6 августа. Едва усевшись на диван в Военной комнате, украинец выпалил: «Вы кого-нибудь знаете в японском посольстве?» Почувствовав неладное, Вонсяцкий ответил, что не знает. Но затем «вождь» решил проверить Пелипенко:

«...Мне хотелось знать причину [этого вопроса], и тут я вспомнил, что у меня была визитная карточка, которую дал мне кто-то из семейства Накамура или из их знакомых, когда я был в Японии, и я сказал, что, возможно, это имя будет Вам полезно, достал визитную карточку и дал ему, повторив, что она, может быть, принесет ему пользу».

Кроме того, Вонсяцкий попросил гостя навести в японском посольстве справки о местонахождении Таки-ты Момоё, «желая узнать, искренен ли был Пелипенко».

13 августа Пелипенко опять приехал в «Девятнадцатую лунку» и сообщил Алексу, что для того, чтобы найти Такиту, японскому посольству понадобится время и что военный атташе, со своей стороны, спрашивает, не знает ли Вонсяцкий кого-нибудь на Аляске, кто согласился бы выполнять разведывательные задания. Тут подозрения Анастасия превратились в уверенность; вот как он сам описывает свою реакцию:

«Я взъярился на Пелипенко и решил немедленно от него избавиться. Я отвел его в ресторан «Русский медведь», заплатил за его ужин и попросил моего зятя Бек-Мамедова накормить его и проводить на вокзал, чтобы он убрался как можно скорее».

Вонсяцкий и Пелипенко больше никогда друг друга не видели. 18 августа ФБР отказалось от услуг украинца, но еще до этого он отчитался во всем, что открылось ему за три предыдущие недели.

В середине августа Пелипенко в несколько приемов — и в различных версиях — доложил ФБР и сотруднику Службы иммиграции и натурализации о том, что Анастасий Вонсяцкий — немецкий и одновременно японский шпион, член развитой подпольной сети, действующей в Соединенных Штатах. Он занимался сбором совершенно секретной информации об армии, флоте и военно-воздушных базах США и собирался передать эту информацию японской шпионке «мадам Таките», которая должна была прибыть в Сан-Франциско на «Тацута-мару». Вонсяцкий не только ездил инкогнито в Сан-Франциско на встречу с мадам Такитой, но и намеревался вступить в контакт с «агентами в рядах армии и диверсантами», находящимися на Западном побережье. «Тацута-мару» не пришел в Сан-Франциско по расписанию, и тогда, докладывая Пелипенко, Вонсяцкий устремился в Чикаго, чтобы передать военные тайны Вильгельму Кунце, который собирается ехать в Германию через Мексику и Аргентину.

В отеле «Бисмарк», продолжал Пелипенко, собралось пять человек*, которым предстояло обсудить вопрос о том, как вывезти Кунце и секретные данные из Соединенных Штатов. Вонсяцкий настойчиво просил Пелипен-

* В отчетах для ФБР за август 1941 г. Пелипенко утверждал, что на встрече в отеле «Бисмарк» присутствовал также Джордж Фробезе, глава чикагского отделения «Бунда». Однако 30 июля 1942 г. на процессе Курта Мольцана он под присягой показал, что там было четыре человека (Кунце, Виллюмайт, Вонсяцкий и он сам).

ко помочь Кунце получить необходимые для выезда документы. Кунце сказал Пелипенко, что для этого может быть полезен лютеранский пастор из Филадельфии Курт Мольцан. Часть времени была потрачена на разговоры о том, «как разделаться с Рузвельтом и его еврейскими прихвостнями». Очень часто, сообщал Пелипенко, все трое восклицали «Хайль Гитлер!». В конце встречи они договорились о том, что соберутся еще раз у Вонсяцкого в Коннектикуте и окончательно обсудят, «что следует делать в Соединенных Штатах».

6 августа, по словам Пелипенко, он приехал в «Девятнадцатую лунку», где Вонсяцкий проинструктировал его, как установить контакт с японским военным атташе в Вашингтоне, и попросил передать, что «его [Вонсяцкого] шпионская сеть организована настолько хорошо, что за несколько часов он может представить полную информацию об американской армии Токио и Берлину». Затем Вонсяцкий дал Пелипенко визитную карточку, на которой стояло имя «командующего японской армией в Маньчжоу-Го»*. Вонсяцкий также попросил священника узнать у сотрудников японского посольства, где находится «очень важный агент японской разведки», известный под именем «мадам Такита».

В Вашингтоне, рассказывал Пелипенко, он посетил японское посольство и встретился с военным атташе. Не названный Пелипенко офицер якобы сказал ему, что хочет лично увидеться с Вонсяцким и выяснить, сколько самолетов переправляется из Соединенных Штатов в СССР через Аляску. Когда Пелипенко с этим вернулся в «Девятнадцатую лунку» 13 августа, Вонсяцкий, по словам священника, ответил, что располагает секретными данными о полетах через Аляску и охотно встретится с японским военным атташе.

Изложенная Пелипенко версия событий, происшедших между встречей в отеле «Бисмарк» 29 июля и его вторым визитом в «Девятнадцатую лунку» 13 августа, не содержит внутренних противоречий. Но очень скоро воображение украинца вышло из-под контроля — веро-

* На визитной карточке было написано по-французски: «G. Kobajashi, Commandant d'Artillerie de l'Armée Japonaise» (Г. Кобаяси, майор артиллерии, армия Японии). На допросе Вонсяцкий сказал, что это японский военный атташе в Париже. В архивах японского военного министерства военного атташе с таким именем не значится, но фигурирует артиллерийский полковник Кобаяси Гундзи, который в 1939—40 гг. служил по интендантскому ведомству.

ятно, потому что он пытался угодить столь многим и столь разным людям: немецким дипломатам, бундистам, русскому эмигранту, ФБР и все возраставшему количеству сородичей-украинцев. Опасаясь, что он окружен двойными агентами, Пелипенко начал одним говорить одно, другим — другое и, кажется, безнадежно запутался. Сотруднику Службы иммиграции и натурализации он сообщает, что Вонсяцкий в августе приезжал в Чикаго на встречу с Кунце и Виллюмайтом. ФБР он докладывает, что Кунце и Виллюмайт сами приезжали в августе к Вонсяцкому в Томпсон.

Не понимая, что и Служба иммиграции и натурализации, и ФБР — части единого бюрократического организма, подчиненного министерству юстиции, Пелипенко сказал сотруднику СИН, что он скрыл от ФБР некую важную информацию*, потому что ему известно, что в ФБР проник двойной агент-украинец, через которого идет утечка сведений, получаемых от Пелипенко, обратно в «Бунд».

Все глубже погружаясь в мир призраков, Пелипенко уделял все меньше внимания первоначальному заданию, полученному им от ФБР (давать информацию о бундистах), и полностью отдался вынюхиванию скрытых нацистов среди завербованных ФБР украинцев. Разумеется, это отклонение не прошло незамеченным, и Дж. Эдгар Гувер немедленно отстранил Пелипенко от работы. Но священник отнюдь не ушел в небытие. Если ФБР не оценило его по достоинству, то были ведь и другие, кому он мог пригодиться.

Вонсяцкий же, пока Пилипенко плел о нем небылицы, всю вторую половину августа и весь сентябрь жил в Томпсоне, наслаждаясь обманчивым покоем после броска в Сан-Франциско и Чикаго. «Фашист» уже не издавался, и у «графа» было много свободного времени. В «Девятнадцатой лунке» царила необычная тишина. Лев Мамедов покинул партию. Кунле был мертв. Бедняжка Мэрион слышала все хуже и хуже. Энди Мамедов, осуществляя свою давнюю мечту о полетах на «Спитфайре», уехал из дому и поступил на военную

* «Важная информация» (которая в конечном итоге попала через СИН в ФБР) состояла в том, что 13 августа Вонсяцкий якобы сообщил Пелипенко: 1) фамилии и адреса семи агентов на Аляске, снабжавших его военными сведениями для передачи японскому военному атташе в Вашингтоне; 2) фамилию бразильского цензора в Сан-Паулу, через которого Вонсяцкий получал приказы из Берлина.

службу в английскую авиацию, даже не сказав ничего Льву и Наташе, которые уже из Англии получили известие о том, что их сын записался добровольцем.

Деревенская идиллия никак не вязалась с темпераментом Анастасия, тем более что шла война, обещавшая избавление его родной страны от сталинского режима. Он внимательно следил по газетам за военными сводками, с воодушевлением встречая почти ежедневные известия о победах вермахта по всему фронту от Балтийского до Черного моря. Интервью, данное 16 августа бриджпортской «Санди хералд», было выдержано в особенно эйфорическом тоне. Следующий номер «Фашиста», заявил он, выйдет в Москве (он явно забыл, что с 1935 г. сам же распространял специальные выпуски «Фашиста», якобы подпольно изданные в СССР). Он предсказывал, что к весне немцы отбросят остатки Красной армии за Волгу и Урал, давая возможность русским фашистским частям заняться наведением порядка на захваченной территории.

В это беспечальное время только одно обстоятельство порой тревожило «графа» — и этим обстоятельством был Вильгельм Кунце. Алекс истратил на бундовского лидера 2800 долларов, и ему было очень важно, чтобы тот замолвил в Германии слово за ВНРП. Но Кунце что-то не торопился возвращаться в рейх, и у Вонсяцкого появилось чувство, что надежды на участие в будущем Национальном правительстве России тают с каждым днем.

Кунце пытался поддерживать сложное равновесие между «Бундом», ФБР и своими собственными загадочными импульсами. В августе, когда о его планах отъезда из Соединенных Штатов стало известно другим вождям «Бунда», возникли жаркие споры о том, может ли он оставаться на посту председателя. Кунце было велено в течение августа не уезжать из Чикаго, и за ним пристально следили как Ordnungsdienst, так и ФБР — обе организации были обеспокоены тем, как бы он не улизнул из страны, будучи еще под судом в Нью-Джерси. После долгих дебатов общенациональный съезд «Бунда», состоявшийся в «Haus Vaterland», переизбрал Кунце председателем, но с него взяли обещание, что он останется в Соединенных Штатах и вернет Вонсяцкому 2800 долларов. Тем не менее Алексовы денежки Кунце сохранил при себе, а штраф в 2000 долларов был уплачен из казны «Бунда».

Кольцо сжимается

Беззаботно, в почти полном блаженном неведении, перенес Анастасий Вонсяцкий три залпа, сделанных по нему в течение 30-х годов. Каждый залп спровоцировала одна из его экстравагантных — и даже возмутительных — выходов. В 1934 г. это было кругосветное путешествие, сопровождавшееся невероятными притязаниями на страницах «Фашиста», в связи с чем «Дейли уоркер» и «Друзья Советского Союза» чуть не захлебнулись в показной ярости — но госдепартамент и министерство юстиции, расследовав все обстоятельства, не обнаружили нарушения федеральных законов. В 1937 г. празднование Четвертого июля в «Девятнадцатой лунке», из которого сделали сенсацию, до того наэлектризовало коммунистов, что они организовали кампанию писем и вызвали даже поток пустопорожнего красноречия в Конгрессе — но расследование показало, что и это была всего лишь буря в стакане воды. В 1939 г., после бундовского парада в Кемп-Зигфриде и ложных обвинений в том, что Вонсяцкий был замешан в уэбстерском «путче» Фрица Куна, он оказался под перекрестным огнем прогрессистских организаций, интеллектуалов-либералов и одного конгрессмена — но опять-таки после тщательных проверок, проведенных различными правительственными органами, выяснилось, что все в рамках закона. Еще 15 июля 1941 г. сотрудник министерства юстиции написал, что Вонсяцкий не является ни преступником, ни иностранным шпионом. Он просто-напросто шут гороховый.

Но против четвертого залпа, раздавшегося в июне 1942 г. (а заряд начал готовиться в конце июля 1941 г.), Вонсяцкий не устоял. Если отвлечься от деталей, то в 1941—42 гг. изменилось только одно — климат в американском обществе. То, что в 1934 и 1937 гг. здравомыслящие наблюдатели считали фарсом и ничем иным, в грозовой атмосфере, создавшейся после Перл-Харбора, казалось зловещим. К тому же, по некоему неписаному закону, соразмеряющему достоверность с давностью, все доносы и голословные обвинения, которые в свое время были сочтены не заслуживающими доверия и лежали без дела в папках министерства юстиции, накапливаясь, приобретали общий вес, намного превышавший сумму весов составных частей.

Если бы Анастасий хоть отдаленно представлял себе.

в какой водопад несет река его потешное судно, он, возможно, успел бы, пристав к берегу, избежать катастрофы. После нацистско-советского пакта он сделал движение в этом направлении. Но через двадцать два месяца немецкое вторжение в СССР заставило его забыть об осторожности — настолько возбужден он был неизбежным, казалось, крахом сталинского режима. Когда в декабре 1941 г. Алекс наконец увидел впереди стремнину, было уже поздно.

В результате самозабвенных разоблачений Пелипенко Вонсяцкий, сам того не зная, оказался в опасном положении уже в сентябре 1941 г. Хотя ФБР и распрощалось с Пелипенко, в досье Вонсяцкого были подшиты его рапорты. Невероятно, но факт — вместо того чтобы предостеречь о сомнительной достоверности представленных Пилипенко данных, бумаги указывают на него как на лицо, занимающее высокое положение в Национальном совете «Бунда». Поэтому любой человек, незнакомый с Пелипенко и читавший его донесения о Вонсяцком, удивлялся сыщицким способностям первого и гнусному облику последнего.

В начале сентября Особый оборонный отдел министерства юстиции, возглавлявшийся Лоуренсом М. С. Смитом, начал расследование, которое должно было установить, нарушил ли Вонсяцкий закон № 583, известный как закон Воорхиса, принятый Конгрессом в 1938 г. и требовавший регистрации всех организаций, связанных с иностранными государствами. Заместитель Смита Р. Кит Кейн поручил это дело Сэмьюэлу С. Бисгайеру, который, в свою очередь, воспользовался услугами эксперта министерства юстиции Луиса Немзера. Немзер принялся сопоставлять данные о Вонсяцком из досье ФБР, СИН, государственного департамента, военноморской разведки, а также публикации в «Фашисте», жалобы граждан, донесения информантов. Немзер и Бисгайер завершили предварительный этап расследования в конце сентября.

6 октября Бисгайер написал Вонсяцкому письмо, в котором высказывалось требование министерства юстиции о том, чтобы Всероссийская национал-революционная партия зарегистрировалась согласно закону Воорхиса.

Но еще 4 октября министерство финансов без предупреждения заморозило счета Алекса и Мэрион в нью-йоркском банке и в банке Каргилла в Патнэме и наложило арест на их совместные депозиты в Гражданском

национальном банке в Патнэме. Мэрион, правда, вскоре выхлопотала разрешение брать на текущие расходы не более 1500 долларов ежемесячно.

Пока правительство сжимало вокруг Вонсяцкого кольцо, «Девятнадцатую лунку» потрясла новая трагедия — менее чем четыре месяца спустя после гибели Кунле, 14 октября, Лев и Наташа Мамедовы получили известие о том, что их единственный сын Энди был убит в бою пятью днями раньше, пилотируя «Спитфайр» в составе британской «Эскадрильи орлов». Мамедова похоронили на особом кладбище для американских добровольцев, служивших в британской королевской армии. Анастасий, который тяжело переживал смерть племянника, 15 октября необдуманно произнес в интервью норвичской «Буллетин» фразу о том, что гибель Эндрю была «ненужной». В сочетании с другими признаками прогерманских настроений Анастасия это замечание не улучшило репутацию «графа» и усилило его изоляцию среди местных жителей.

Получив письмо от 6 октября из министерства юстиции, Вонсяцкий прибег к юридической помощи нью-йоркской фирмы «Коуэйт, Митчелл и Эли». 27 октября глава фирмы Кларенс В. С. Митчелл от имени клиента обратился в министерство юстиции, выражая убежденность в том, что ВНРП — это «практически не более чем один человек» и поэтому она не подпадает под действие закона Воорхиса. Заместитель начальника Особого оборонного отдела Р. Кит Кейн, отвечая Митчеллу 14 ноября, повторил, что Вонсяцкий должен зарегистрировать ВНРП, и пригласил адвоката приехать в Вашингтон для беседы по этому вопросу. Митчелл отправился в Томпсон и получил там от Вонсяцкого письменные показания на девяти страницах, содержавшие сведения о происхождении «графа», его послужном списке и состоянии текущих дел. С этим адвокат приехал в Вашингтон, где 6 декабря встретился с Кейном. Кейн взял показания и, в свою очередь, дал Митчеллу регистрационную анкету на тридцати двух страницах, которую Вонсяцкому надлежало заполнить.

В тот же день (6 декабря) Верховный суд штата Нью-Джерси признал закон 1935 г. о «расовой нетерпимости» противоречащим конституции и отменил приговоры, вынесенные Кунце и восьми другим бундистам за антисемитские выступления в Кемп-Нордланде. Но Кунце уже не было на месте, чтобы отпраздновать оправда-

ние. 6 ноября он сбежал в Мексику. В середине ноября он прислал Анастасию открытку из Мехико, радостно докладывая ему (и всему свету), что едет в Германию.

Вернувшись из Вашингтона в Нью-Йорк в субботу 6 декабря, Митчелл письмом заверил Кейна в том, что «на следующей неделе» повидается с Вонсяцким и убедит его заполнить регистрационную анкету. На следующей неделе Соединенные Штаты уже были в состоянии войны с Японией*.

Узнав о вступлении Америки во вторую мировую войну, Вонсяцкий вдруг увидел всю опасность своего положения. Нацисты и фашисты стали теперь врагами государства. Сталин сделался союзником. С ужасом Алекс понял, что он, никогда не скрывавший своих антикоммунистических взглядов, повязанный и с немцами, и с японцами, должен первым попасться на глаза нервным и озлобленным американцам, готовым в чем угодно увидеть шпионаж и пятую колонну. Он немедленно сжег открытку от Кунце и ряд других документов.

Но Кунце, как навязчивая любовница, 8 декабря написал Вонсяцкому еще раз:

«Дорогой мой Анастасий Андреевич!

Рузвельт, наконец, получил то, чего он по глупости своей так желал, но скоро он получит по шее как следует. Если бы тихоокеанская война задержалась на несколько недель, я отправился бы в Японию. Но раз так, я поеду в другом направлении и, когда Вы получите это письмо, буду уже в пути.

Трансатлантический перелет, о котором я вначале думал, стоит на 2600 долларов больше, чем у меня есть, и ждать пришлось бы несколько месяцев. Единственный путь, который остается, потребует на 1000 долларов больше, чем я имею.

Я сжег за собой мосты, и чем дальше я буду двигаться, тем труднее будет посылать мне деньги. Пожалуйста, пошлите, что можете, по адресу: доктор Вольфганг Эбелл, ул. Меса 111, Эль-Пасо, Техас. Он мой очень близкий друг, и я попросил его пересылать мне деньги и почту на другой адрес. Не указывайте, пожалуйста, моей фамилии на денежных переводах и письмах — пишите только его фамилию. Пишите кратко, потому что его почта перлюстрируется.

Я очень аккуратен в тратах, и у меня сохранилось примерно две трети той суммы (800 долларов), которую я взял с собой. Я, безусловно,

* США объявили войну Японии 8 декабря 1941 г., на следующий день после нападения на Перл-Харбор (прим. перев.).

верну Вам все, что останется из тех денег, которые Вы мне пришлете.
До встречи в Москве, слава России! Хайль Гитлер!

Ваш Вильгельм Герхардович.

Меньше всего хотелось напуганному и притихшему Вонсяцкому получать такие письма. Попав в руки цензоров, письмо могло послужить поводом для обвинения в помощи беглецу-нацисту, если не хуже. Знал бы Алекс, что копия письма уже лежит в его досье в ФБР по соседству с откровениями Пелипенко...

Первый раз в жизни Вонсяцкий попытался стать незаметным. Заполняя полученную через Митчелла регистрационную анкету, он представил ВНРП каким-то клубом друзей по переписке. Утверждалось, что партия «не имеет руководящих органов». Ее деятельность заключается в «переписке с русскими людьми сходного мировоззрения» и издании «Фашиста», которое «теперь прекращено». Дополняя ответы на вопросы, Анастасий назвал своих «четыре главных корреспондентов»: Константин Стеклов (Шанхай), барон Георгий Таубе (Каир), Евдоким Мациков (Суботица, Югославия) и Федор Сименс (Лос-Анджелес). Цель переписки он определил как «общение русских эмигрантов всего мира с тем, чтобы, когда советское правительство в конечном итоге будет свергнуто, они смогли, вернувшись на родину, принести наибольшую пользу и способствовать установлению хороших отношений с Соединенными Штатами». Конечно же, ВНРП не одобряет насилия: «...я, естественно, буду рад увидеть падение советского правительства, но никогда я не призывал в нашей стране к достижению этой цели посредством силы».

К 30 декабря 1941 г., когда эти уверения в ангельской чистоте были представлены в министерство юстиции, к созданию образа шпиона и преступника по фамилии Вонсяцкий уже подключились новые силы. Бельгийский журналист Акивиссон, родом из России, о котором некий сотрудник министерства юстиции отозвался как о человеке, «известном нам с самой лучшей стороны», 9 декабря в письме, адресованном в министерство, назвал Вонсяцкого японским агентом. В прямой контакт с сотрудником Особого оборонного отдела Бисгайером вступили Арнольд Фостер и Майлз Голдберг из Лиги против клеветы*, которые представили ему некие данные, получен-

* Лига против клеветы (основана в 1913 г.) — американская организация, борющаяся за равноправие для всех американцев, в частности против антисемитизма (*прим. перев.*).

ные от информанта по имени Константин Каледин. Наконец, Альберт Ю. Кан из бюллетеня «Аур» открыл сотрудникам Особого оборонного отдела доступ к своей Вонсяцкиане, которой у него был «полный шкаф», включая «собственное признание в совершении семи убийств».

Бисгайер передал эти и другие материалы эксперту Луису Немзеру, который взвалил на себя устрашающую по сложности задачу — разобраться в них. Два месяца — ноябрь и декабрь — корпел Немзер над документами, где было все что угодно — от двоеженства в 1922 г. до государственной измены в 1941 г. В докладе на тридцати четырех страницах, представленном Бисгайеру 19 декабря, Немзер определил три направления, по которым на Вонсяцкого можно заводить дело: 1) нарушение закона Воорхиса; 2) нарушение закона Макормака (деятельность, противоречащая американским интересам, по заданию, полученному из-за границы); 3) незаконное получение гражданства посредством сокрытия «зверских убийств» и первого брака, «неискренность» при произнесении клятвы в лояльности Соединенным Штатам.

Чего врагам Вонсяцкого не удалось достичь разоблачительными письмами и взрывами общественного возмущения за десять лет — в том помогла им бомбардировка Перл-Харбор: министерство юстиции склонилось к мысли, что Вонсяцкий, *возможно*, не просто шут. Как осторожно высказался Немзер в докладе от 19 декабря, «вполне может быть, что само это сходство с опереточным персонажем явилось ширмой для незаметной, но тем не менее незаконной деятельности».

Оставалось найти обвинителя, который сумел бы доказать суду, что Анастасий Вонсяцкий действительно германо-японский шпион, наносящий ущерб американской безопасности. Чтобы добиться от Большого жюри обвинительного акта, прокурор должен был убедить суд в достоверности откровений Пелипенко, ибо в них содержались наиболее важные (а по некоторым пунктам и единственные) свидетельства. Что еще существеннее, он должен был продолжать гнуть свое, узнав характер обвиняемого и познакомившись с его реальными делами.

Такой человек нашелся — им оказался молодой помощник генерального прокурора Томас Дж. Додд.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Это не просто игра в солдатики, не похоже.

Томас Дж. Додд, 14 мая 1942 г.

Первые четыре месяца 1942 г. Анастасий Вонсяцкий прилежно играл роль хорошего мальчика. Он тщательно избегал не только скандальных поступков, но и сочных замечаний и старался выглядеть как можно патриотичнее и незаметнее. В свои сорок три года он не подлежал призыву в армию. Но, желая показать, что вносит вклад в общее дело, он передал патнэмскому отряду гражданской обороны сорок пять допотопных винтовок.

Тем временем в Вашингтоне, в недрах министерства юстиции, продолжали крутиться бюрократические колеса. В апреле Особый оборонный отдел завершил свое расследование по делу Вонсяцкого и с одобрения генерального прокурора Франсиса Биддла передал документы в уголовный отдел, чтобы там сформулировали обвинение. Когда это было сделано, выяснилось, что Вонсяцкому инкриминируются куда более серьезные вещи, чем нарушение законов Воорхиса и Маккормака. По статье 32 закона о шпионаже 1917 г. он обвинялся в передаче секретных сведений иностранному государству с нанесением ущерба безопасности Соединенных Штатов.

Разумеется, прежде чем Вонсяцкий мог быть отдан под суд и получить приговор, федеральное большое жюри должно было утвердить обвинительный акт. А для этого требовалось убедить присяжных в том, что имеются серьезные доказательства виновности. Материалы о подозреваемом, собранные в Особом оборонном отделе, составили огромный том. Однако почти все улики были косвенные и основывались на слухах. Можно было надеяться, что самая ценная уличающая информация содержится в частных бумагах Вонсяцкого.

Отсюда вывод: надо провести в «Девятнадцатой лунке» обыск.

Блицкриг

Когда в 1934—35 гг. Анастасий приспособливал архитектуру «Девятнадцатой лунки» к нуждам обороны и заводил собак, ему и в голову не приходило, что его крепость будут штурмовать не советские агенты и не боевики Родзаевского, а сотрудники государственных правоохранительных органов. Но в 1942 г. ему следовало ожидать такого визита. Конгрессмен Дикштейн говорил о нем в палате представителей как об «опасном для страны элементе». Ранней весной в «Девятнадцатую лунку» даже приезжал лейтенант полиции штата Росс Эркхарт, чтобы по-дружески предупредить Алекса о возможном рейде ФБР. Тем не менее когда рейд состоялся, он был для «графа» полной неожиданностью.

Имея ордер на обыск от федеральных властей, тринадцать фэбээровцев спикировали на «Девятнадцатую лунку» в субботу 9 мая 1942 г. вскоре после полудня. Их возглавлял начальник нью-хейвенского отделения ФБР Ричард Х. Саймонс и сопровождал лейтенант Дж. Виктор Кларк, командир полицейской части, расквартированной в Даниелсоне (Эркхарта перевели на другую должность). Когда группа на нескольких машинах подъехала к дому, там были только Мэрион и слуги. Алекс уехал за покупками в Бостон.

Обыск начался немедленно. Агенты обследовали все четырнадцать комнат дома, каменную пристройку с Военной комнатой и кабинетами, коровник и бывшие курятники, где все еще стояли типографские машины, на которых печатался «Фашист». За два часа они разжились шестью комплектами формы защитного цвета, дюжиной нарукавных повязок со свастиками, коробкой булавок с изображениями все той же свастики, шестью винтовками выпуска 1916 г., звукозаписывающим оборудованием, несколькими пластинками на 78 оборотов в минуту, четырьмя баллонами со слезоточивым газом, двумя десятками игрушечных корабликов и каким-то изъеденным молью пальто, напяленным на манекен. Некоторые из агентов отправились на Западное кладбище, вошли в построенный Вонсяцким склеп и оставились на саркофаги. Там ничего не было, кроме останков Кунле. В доме особое внимание привлекли одиннадцать железных ящиков, ломившихся от писем, альбомов с вырезками, конторских книг, номеров «Фашиста», брошюр. Так как почти все было написано по-русски, агенты хло-

пали глазами в растерянности. Им оставалось только ждать хозяина.

В одиннадцатом часу вечера Вонсяцкий вернулся из Бостона. Увидев стоявшие около дома машины, он подумал, что у Мэрион гости. Но когда ему стало ясно, что объектом внимания является он сам, Анастасий воодушевился. Он охотно провел сотрудников ФБР по всем комнатам, отпирая своими ключами ящики и шкафы. Он пригласил их в Военную комнату и рассказал те же истории, какими начиная с 1930 г. угощал нацистов, коммунистов и просто приятелей. Он уговаривал гостей забрать с собой все одиннадцать железных ящиков — так они будут точно знать, что оттуда ничего не пропало.

Незадолго до одиннадцати сотрудники ФБР Менье и Мэхан сели с Вонсяцким за стол, и он проговорил без перерыва до половины пятого утра. Он рассказал всю свою жизнь начиная с Варшавы, затем подробно остановился на отношениях с Вильгельмом Кунце, что особенно интересовало слушателей. Менье вел подробную запись беседы.

В воскресенье многие газеты от океана до океана поместили на видных местах сообщения о набеге на «Девятнадцатую лунку»; это была всего лишь часть общенациональной операции ФБР против предполагаемых фашистов, проведенной в течение уик-энда. Из «соратников» ВНРП посещения удостоились: в Манхэттене — отец Александр Цуглевич, в Куинсе — Т. Савин, в Лос-Анджелесе — Федор Сименс и Георгий Думбадзе, в Сан-Франциско — Герберт Дж. Вантц и княгиня Анна Гантамура. Ни их, ни Вонсяцкого не взяли тогда под стражу. Целью рейдов был сбор сведений, которые могли послужить обвинению. Окружной прокурор Роберт П. Батлер объявил, что все обнаруженные у Вонсяцкого материалы отправляются в Хартфорд, где они будут представлены федеральному большому жюри, заседания которого должны начаться в окружном суде во вторник 12 мая.

Вечером 11 мая в «Девятнадцатую лунку» приехал грузовик и забрал ящики с бумагами, винтовки, безделушки и то, что хартфордская «Курант» определила как «богатый гардероб фашистского обмундирования». В Военной комнате остался торчать один голый манекен. Гладкая гипсовая фигура являла собой «белого воина» в буквальном смысле слова. Не в состоянии вынести это

зрелище, Вонсяцкий положил манекен в сундук, похожий на гроб.

В понедельник газеты назвали имя человека, которому министерство юстиции поручило быть обвинителем Вонсяцкого на заседаниях хартфордского большого жюри: Томас Дж. Додд.

Судебное разбирательство

Томас Джозеф Додд родился в Норуиче (Коннектикут) 17 мая 1907 г., и, когда его назначили обвинителем по делу Вонсяцкого, ему не было еще тридцати пяти. Несмотря на молодость, он отличался жесткостью и смекалкой, питаемыми мощной волей к успеху и развитыми в ходе суровой выучки. Додд вырос в набожной ирландской католической семье, принадлежавшей среднему классу. Он хотел стать актером, но отец запретил ему такое баловство и пустил его по юридической части. В конце 20-х годов, когда Вонсяцкий мотался на футбольные матчи Брауна на своем желтом двухместном «мерсере», Додд штудировал Фому Аквинского в близлежащем Провиденс-колледже — суровой цитадели доминиканского богословия. Додд впервые почувствовал вкус к политике на юридическом факультете йельского университета, где он был избран председателем университетского клуба демократов и не раз, прерывая учебу, участвовал в избирательных кампаниях в качестве доверенного лица ведущих кандидатов. Тут нужно было уметь завладеть вниманием нетерпеливой, а то и враждебной аудитории времен депрессии, выступая без микрофона то в помещении профсоюзной ячейки, то на ступенях здания суда, то на открытом воздухе — и, пройдя эту школу, Додд приобрел хорошие ораторские навыки. Его многолетний помощник потом вспоминал:

«Додд, прошедший настоящую проверку боем, знал, где нужно повысить, а где понизить голос, как осадить скептика-крикуна, умел с одного взгляда измерить пульс толпы и определить, что она хочет и чего не хочет услышать».

Пропагандистская деятельность Додда привлекла к себе внимание Хомера С. Каммингса, видного члена демократической партии из Коннектикута. Вскоре после того как Франклин Рузвельт в 1933 г. назначил Кам-

мингса генеральным прокурором, тот рекомендовал Додда Дж. Эдгару Гуверу, который предложил ему место в ФБР. Но жесткая дисциплина, царившая в ведомстве Гувера, сковывала неуемные амбиции Додда. В 1935 г. он покинул ФБР и вошел в команду Франсиса Т. Мэлони, политического деятеля из Коннектикута. Когда в 1936 г. Мэлони избрали в сенат, он оплатил Додду за услуги, назначив его заместителем директора коннектикутского Управления общественных работ. Вскоре Додд перешел в другую организацию, также рожденную Новым курсом*, — Национальное управление по делам юности — и стал директором его отделения в том же штате. В 1938 г. Додд вернулся в министерство юстиции, сделавшись помощником по особым поручениям у своего давнего патрона Хомера Каммингса. После того как в 1939 г. Каммингс ушел в отставку, Додд служил под началом у Фрэнка Мерфи, Роберта Х. Джексона и Франсиса Биддла. Когда разразилась вторая мировая война, Додд был освобожден от военной службы из-за высокого кровяного давления и пятерых детей. И его коньком стали дела об уклонении от призыва — до тех пор, пока судьба не свела его с Анастасием Вонсяцким.

Это было у Додда первое по-настоящему серьезное дело. Юрист придавал ему исключительно важное значение по трем причинам. Во-первых, он испытывал отвращение к нацистам. Во-вторых, Вонсяцкий казался прокурору ключевой фигурой в германо-японской шпионской сети, что отвечало его тяге к разоблачению международных заговоров. И в-третьих, при столь значительном интересе к Вонсяцкому со стороны прессы, его обвинитель не мог не привлечь к себе внимания всей страны. Подворачивался случай, который, если им как следует воспользоваться, мог резко повысить шансы Додда на политическую карьеру. Додд понимал, что успех зависит от того, удастся ли представить Вонсяцкого матерым шпионом. Кто скажет спасибо, если выяснится, что он спасает Америку от клоуна?

Первым делом Додду нужно было добиться принятия большим жюри обвинительного акта, что позволило бы взять Вонсяцкого под стражу. Главная трудность состояла в недостатке времени для подготовки (между изья-

* Новый курс президента Ф. Д. Рузвельта — система реформ для ликвидации последствий экономического кризиса 1929—33 гг. (прим. перев.).

тием документов из «Девятнадцатой лунки» и началом слушаний в большом жюри прошло всего три дня). Но тут пришел на помощь Альберт Ю. Кан, который предоставил Додду свое обширное досье на Вонсяцкого. Да и что тут особенно готовиться, считал Додд, когда дело совершенно ясное — откровенный, неприкрытый шпионаж. На путаницу и противоречия в свидетельских показаниях он обратил внимание позже — уже после начала слушаний. На восприятие Доддом этого дела решающим образом повлияла война. Соединенные Штаты борются с фашизмом в лице Германии и Японии. Вонсяцкий называет себя фашистом, поддерживает связь с японцами и немцами — разве эта связь сама по себе не указывает на тайную антиамериканскую деятельность? Происхождение и суть антикоммунистических взглядов Вонсяцкого, его действительные отношения с немецкими и японскими властями, его отношения с другими эмигрантскими группами и, главное, его страсть к преувеличению, вымыслу и карнавалу — все это было для молодого обвинителя несущественно. Зачем наводить тень на плетень, когда есть материалы Кана и показания Пелипенко?

Судебные заседания начались утром в четверг 14 мая в здании федеральных ведомств в Хартфорде. В десять часов окружной судья Дж. Джозеф Смит принял присягу у двадцати трех членов большого жюри — одиннадцати женщин и двенадцати мужчин. Обвинителями от правительства были Додд, окружной прокурор Роберт П. Батлер и два его помощника: Джозеф Э. Кун и Валентайн Дж. Сакко. Ни Вонсяцкий, ни его адвокат не присутствовали на слушаниях, которые проходили при закрытых дверях.

Батлер сделал несколько предварительных замечаний. Ничто из сказанного в зале суда, предостерег он, не подлежит разглашению, ибо «полагаю, что здесь весьма существенно затрагивается безопасность нашей страны и ее правительства, а также безопасность наших союзников в нынешней войне». Он подчеркнул особую важность дела: «Уже почти восемь лет, как я исполняю должность прокурора Соединенных Штатов в этом округе, и должен сказать, что за эти годы в большом жюри не было более серьезного разбирательства». В заключение Батлер сказал, что вести заседание будет помощник по особым поручениям генерального прокурора Соединенных Штатов. После этого он предоставил слово Додду.

Додд бросил последний взгляд на свои заметки, неторопливо поднялся и медленно обвел глазами весь состав присяжных. Несмотря на небольшой рост и полную фигуру, он умел произвести впечатление. Его лицо, если отвлечься от некоторой красноты, могло бы принадлежать римскому патрицию: полные щеки, прямая линия губ, крепко вылепленный нос, испытующий взгляд из-под широких черных бровей, ранняя седина на висках. Но поразительнее всего был динамизм Додда. Каждое его движение излучало энергию и волю. Своей не всегда идеально правильной речью он словно гвозди в слушателей забивал — такая была в ней убежденность, не допускающая и тени сомнения.

Додд начал с очерка жизни Вонсяцкого, предупредив, что «не надо считать это попыткой что-либо вам доказать или создать у вас предвзятое мнение... я только хочу, чтобы вы получили минимальное разумное представление, о чем идет речь». Прокурор обрисовал юность Анастасия, его воспитание, воинскую службу, встречу с Мэрион в Париже и иммиграцию в Соединенные Штаты, ставшую возможной «благодаря связям семьи Римов... которая в то время была хорошо известна в правительственных кругах». Додд выделил участие «графа» в Братстве русской правды, создание им фашистской партии и его приезд в Маньчжоу-Го в 1934 г., когда он «на глазах у всех разгуливал в японской офицерской форме». Далее были упомянуты международная деятельность ВНРП, отношения с «Бундом», уэбстерский путч, выданный Кунце чек на 2800 долларов, бросок в Сан-Франциско и встреча в Чикаго, Военная комната с «очень даже годными к употреблению винтовками», пистолет-пулемет («с патронами»), военные учения в «Девятнадцатой лунке», фашистская школа в Нью-Йорке и намерение Алекса «возглавить новое правительство России, когда ее захватят немцы». Под конец Додд особо подчеркнул связь Вонсяцкого с Кунце, наличие у него визитной карточки японского армейского офицера и якобы имевшую место переписку с какими-то людьми на Аляске:

«Не так давно Вонсяцкий дал одному русскому священнику визитную карточку в японское посольство, и он подтверждает, что он ее дал, а на карточке стояло имя офицера японской армии, полковника. С карточкой этот человек отправился в посольство, и японцы сказали, чтобы он поехал обратно и спросил Вонсяцкого, с кем он связан на Аляске. Мы знаем, что Вонсяцкий совсем недавно по-

сылал на Аляску заказные письма. Здесь уже начинает просматриваться важность этого дела. Это не просто игра в солдатики, не похоже.»

За вступительным словом Додда последовал допрос свидетелей.

Для дачи свидетельских показаний в суд вызвали тридцать девять человек. Каждый из них явился в Хартфорд по повестке и был допрошен в ходе одного из восьми заседаний, проходивших между 14 мая и 9 июня. В совокупности они с разных сторон освещали всю жизнь Вонсяцкого. Давал показания Лев Мамедов — родственник Анастасия и ветеран гражданской войны. Пришли отец Александр Цуглевич, Норман Б. Уотсон, «Миша» Капрал — настоящие и бывшие «соратники» по ВНРП. Собралась внушительная команда друзей Алекса: Джордж Коннелл из патнэмской «Пэйтриот»; независимый репортер и фотограф Ричард Макколи; бывший подносчик мячей, бывший газетчик, бывший страховой агент, а ныне рядовой американской армии Джимми Бэккер; офицеры коннектикутской полиции Росс Эркхарт и Элтон Нолан.

Большую группу образовали свидетели, проживавшие за пределами окрестностей Томпсона и Патнэма, но имевшие личные или деловые связи с Вонсяцким.

Под конец пошли самые важные свидетели, которые играли ключевую роль в установлении причастности Вонсяцкого к шпионажу в пользу Германии и Японии. Это были бундисты Отто Виллюмайт и Август Клаппротт, а также лютеранский пастор из Филадельфии преподобный Курт Мольцан — всем им грозил суд за содействие побегу Кунце из Соединенных Штатов в Мексику. Но настоящей звездой процесса стал Алексей Пелипенко. С февраля месяца он томился в лагере для перемещенных лиц в Форт-Ховарде (Мэриленд), пока Служба иммиграции и натурализации решала, как с ним быть. Додд, однако, вмиг понял, что свидетельству Пелипенко цены не будет, выдернул ошарашенного священника из Форт-Ховарда и поселил в хартфордском «Бонд-отеле».

Свидетель шел за свидетелем, но не было среди них одного человека, который знал Вонсяцкого лучше всех. Ведь Мэрион прожила с Анастасием двадцать лет. С 1928 г. она сопровождала его во всех зарубежных поездках, во время которых он якобы был завербован для шпионажа в пользу Германии и Японии. Почему же Мэрион не вызвали? О причинах можно только догады-

ваться. Может быть, она была избавлена от участия в процессе усилиями Римов — тем более что во время слушаний в большом жюри любой человек имел право отказаться свидетельствовать против супруга или супруги. Можно предположить, хотя и нельзя доказать, что, узнав о возрасте Мэрион (шестьдесят пять лет), ее физическом состоянии, популярности в местных кругах и неучастии в политической деятельности мужа, Додд решил не подвергать ее болезненной и унижительной процедуре. Не исключено, что Додд к тому времени успел обнаружить, что «японская линия» Вонсяцкого имеет любовный подтекст, и счел неоправданной жестокостью разбор в присутствии ни в чем не повинной пожилой дамы амурных походов муженька.

Действуя в соответствии с выработанной стратегией, Додд от каждого свидетеля добивался показаний, подтверждающих выдвинутое против Вонсяцкого обвинение в попытках передачи американских военных секретов японцам (через мадам Такиту) и немцам (через Вильгельма Кунце). Из всех тридцати девяти свидетелей старательнее всех помогал Додду Алексей Пелипенко.

Свои многословные и порой противоречивые показания Пелипенко давал через переводчика дважды (20 и 21 мая). Священник не ограничился простым повторением того, что он сообщил в свое время ФБР, — он украсил рассказ новыми выдумками. Так, он поведал большому жюри, что 6 августа 1941 г. в «Девятнадцатой лунке» Вонсяцкий говорил о принце Штефане цу Шаумбург-Липпе как о своем бразильском агенте. В свое время Пелипенко проинформировал сотрудника Службы иммиграции и натурализации о том, что Вонсяцкий назвал ему имя бразильского цензора из Сан-Паулу, которое, конечно, звучало не столь выразительно. Имя принца Штефана Пелипенко никогда раньше не упоминал. Принц, как мы помним, был сотрудником немецкого посольства в Буэнос-Айресе, который направил Пелипенко в Соединенные Штаты вести нацистскую пропаганду. То, что священник приписал Вонсяцкому связь со своим собственным патроном, вызывает изумление и даже кажется чересчур смелым. Додд сразу ухватился за зловеще прозвучавшее тевтонское имя, и принц Штефан цу Шаумбург-Липпе до конца процесса оставался человеком Вонсяцкого в Бразилии.

Дальше — больше. Один раз Пелипенко сказал, что Вонсяцкий — «главарь немецко-японской шпионской

сети в Америке». Позже он добавил, что Анастасий «руководил немецкими шпионами в Канаде». «Граф», по словам Пелипенко, говорил, что у него есть агенты на острове Кадьяк и в Ситке на Аляске. Материалы, которые Вонсяцкий пытался передать мадам Таките в Сан-Франциско, а потом передал Кунце, содержали «полные данные о расположении американской армии и флота». Чтобы слушатели не подумали, что Вонсяцкий сохранил хоть какие-то остатки лояльности Соединенным Штатам, Пелипенко привел слова «графа»: «Мне плевать на американское гражданство».

При всем своем рвении Пелипенко порой не столько помогал Додду, сколько мешал. Создаваемый им образ Вонсяцкого получался весьма далеким от реальности и граничил с карикатурой. Такой ход слушаний Додда совершенно не устраивал. У присяжных могли возникнуть сомнения. И действительно, одна женщина из состава жюри, у которой явно возникли подозрения в отношении Пелипенко, спросила, почему он был интернирован. На это украинский священник ответил вспышкой гнева в адрес «полячишек», засадивших его в Форт-Ховард. Когда выяснилось, что у Пелипенко имеется сын, один из присяжных спросил, как это вяжется с саном священника. Вопрос опять-таки задел болезненное место, и Пелипенко немедленно пустился обвинять своего прежнего куратора из ФБР в том, что и его законность священнического потомства интересовала больше, чем поиски шпионов.

К этому времени Додд понял, что его козырной свидетель уже не помогает, а вредит. Знаком показывая переводчику, что допрос окончен, Додд произнес: «Есть еще вопросы? Все. [Обращаясь к Пелипенко.] Большое спасибо. От вас нам ничего больше не нужно».

От Пелипенко ничего больше не было нужно. Он отправился обратно в Форт-Ховард.

Хотя Пелипенко и создавал для Додда трудности, он, по крайней мере, не жалея сил помогал ему обосновать обвинения против Вонсяцкого. Прочие свидетели оказались не столь сговорчивы. Виллюмайт, Клаппротт и Мольцан упрямо отказывались признавать свою подпольную деятельность. Виллюмайт дал свою версию встречи в отеле «Бисмарк», которая противоречила пелипенковской. Клаппротт признался только в том, что пил в «Девятнадцатой лунке» и слушал там пластинки с военными маршами. Мольцан утверждал, что никогда не

встречался и не переписывался с Вонсяцким. Публицист антисоветского направления Борис Бразоль также сказал, что с Вонсяцким лично знаком не был, хотя в 1930 г. и получил от «графа» письмо с просьбой возглавить американское отделение Братства русской правды. Несмотря на сильное давление со стороны Додда, Цуглевич не смог припомнить никаких связей с Аляской по церковной линии.

Додду пришлось нелегко еще и потому, что ему не доставало исторических познаний вообще и знания русской диаспоры в частности. Он упорно называл Родзаевского и Семенова членами партии Вонсяцкого, возглавлявшими «харбинское отделение». Когда Мамедов по ошибке назвал Накамуру не Хитоси, а Хиросита, Додд протянул от него ниточку к японскому императору Хирохито. Когда юрист из Бостона Пол Киллиам упомянул о том, что в кембриджском «Русском клубе» — неформальной организации, объединявшей ученых, художников и прочих специалистов русского происхождения — выступал историк из Гарварда Михаил Карпович, Додд поинтересовался, не является ли Карпович также фашистом.

Додд столкнулся с новыми затруднениями, когда стали выходить свидетель за свидетелем из округа Уиндэм и все повторяли одно и то же — что Вонсяцкий мечтатель и позер, но никакой не шпион. Сержант Нолан из коннектикутской полиции, знавший «графа» с 1927 г., заметил: «Я понял, что он умеет выставляться перед публикой как мало кто и что ему всегда надо быть на виду. Могу сказать, что он никогда не говорил ничего антигосударственного». Нолану вторил лейтенант Эрхардт: «Ну, в одном отношении он показал себя полным идиотом. Он помешался на рекламе, она для него была все».

Отвечая на вопрос Додда, как он воспринял разговоры Вонсяцкого летом 1941 г. о его намерении участвовать в правительстве России, которое будет установлено с немецкой помощью, Джордж Коннелл сказал: «Я не принял это всерьез».

Джимми Бэккер, явившийся в суд в солдатской форме, в начале 30-х годов подносил Вонсяцкому мячи на площадке для гольфа, в середине 30-х был его собутельником, а с 1941 г. получал страховые взносы за витраж в построенном Вонсяцким склепе. Вот его оценка деятельности «графа»:

«Мнение, которое у меня сложилось, не позволяет считать это движение чем-то серьезным... то есть достаточно эффективным, чтобы причинить кому-то вред. Я думаю, что, когда я так говорю, я говорю, вероятно, от имени большинства людей, живущих с ним рядом. Я не заметил, чтобы кто-либо принимал это движение всерьез».

Боясь, как бы все дело не показалось пустяком, Додд начал проявлять признаки беспокойства. Первым почувствовал на себе его нервозность Джордж Коннелл, на которого прокурор рывкнул: «У вас что, память не в порядке?» Услышав от лейтенанта Эркхарта, что тот дружил с подозреваемым и занимал у него деньги, но не может сообщить присяжным никакой существенной информации, помимо того, что ружья Алекса, вероятно, были непригодны к употреблению, Додд со вздохом заметил: «Думаю, что это не все сведения, которыми располагаете вы и ваши люди». Когда и сержант Нолан не представил никаких улик против Вонсяцкого, Додду стоило большого труда сдержаться:

«Выходит, все эти годы вы с ним постоянно вели разговоры, близко дружили, и я не могу взять в толк, как это у вас не возникло никаких соображений по существу вопроса, помимо того, что он шут гороховый, если я правильно вас понял?»

...Разве не факт, что ваши отношения выходили далеко за рамки официальных контактов, и если так, то не можете ли вы сообщить нам еще что-нибудь, о чем вы умолчали?»

Когда Джимми Бэккер заявил, что воспринял рейд фэбээровцев не слишком всерьез, Додд с раздражением спросил:

«Вы гражданин Соединенных Штатов и военнослужащий, и вы, конечно же, знали, что там [в «Девятнадцатой лунке»] бывали немецкие представители. И что, вам никогда не приходило в голову, что с этим человеком что-то неладно?»

Бэккера, однако, не так-то просто было запугать: «Я хотел бы поправить вас, сэр. Я никогда ничего не слышал о том, что в его владениях появлялись немецкие представители». Додд закончил допрос Бэккера предупреждением, чтобы тот не смел больше видеться с Вонсяцким: «Это вам может стоить жизни».

Но главный удар прокурорского гнева обрушился на Нормана Уотсона. В 1933—1937 гг. Уотсон работал у

Вонсяцкого секретарем, и Додд полагал, что он что-нибудь да расскажет о нелегальных связях начальника с Германией и Японией. Но Уотсон припомнил только, что писал письма, платил по счетам, сопровождал Вонсяцкого в Нью-Йорк к зубному врачу, вел приятельские беседы с полицейскими и доставлял кипы «Фашиста» на томпсонскую и патнэмскую почту. Это переполнило чашу терпения Додда:

«Понимаете ли вы, что это ваша обязанность — честно, правдиво и без утайки рассказать Большому жюри все, что знаете, а не ходить вокруг да около? Дошло это до вас или нет?»

...А вы тут сидите и прикидываетесь, что не понимаете, о чем идет разговор, и вообще я давно не встречал свидетеля, который бы так сопротивлялся допросу.

...Одно из двух: либо вы немой, либо решили не отвечать на вопросы.

...А ну-ка выйдите, сядьте там и подумайте. Давайте, давайте. Выходите. [Когда Уотсон вышел из зала суда.] Видали такого лгуна?»

Додд напрасно огорчился. Война привела людей в такое состояние, что двадцать три заседателя были готовы в чем угодно увидеть заговор против государства. Во вторник 9 июня после получасового размышления Большое жюри вынесло решение. Старшина присяжных Скотт, обращаясь к судье Смиту, объявил, что жюри предъявляет Вонсяцкому обвинение в нарушении статьи 32 закона о шпионаже 1917 г. посредством участия в заговоре с целью передачи секретной информации оборонного характера* Германии и Японии между 1 января и 6 декабря 1941 г. В числе сообщников «графа» были названы Кунце, Виллюмайт и еще двое американцев немецкого происхождения, пересылавших Кунце почту: преподобный Курт Мольцан из Филадельфии и доктор Вольфганг Эбелл из Эль-Пасо (Техас).

В обвинительном акте перечислялись двенадцать «преступных действий», совершенных заговорщиками. Вонсяцкий имел отношение к пяти:

- 1) встреча с Кунце в Томпсоне 12 июля 1941 г.;
- 2) передача Кунце чека на 2800 долларов 12 июля 1941 г.;

* Носителями секретной информации были «документы, записи, шифровки, таблицы кодов, эскизы, фотографии, негативы, светокопии, планы, карты, макеты, заметки, орудия, приспособления и прочие материалы, относящиеся к обороне Соединенных Штатов...».

3) поездка в Сан-Франциско «приблизительно в июле 1941 г.»;

4) встреча с Кунце и Виллюмайтом в отеле «Бисмарк» приблизительно в июле 1941 г.;

5) получение от Кунце «писем определенного рода», отправленных «приблизительно в ноябре 1941 г.».

У Вонсяцкого остались две возможности: признать себя виновным или предстать перед судом.

Вонсяцкий не сидел сложа руки, пока федеральное Большое жюри разбиралось в его деятельности. Точнее, не сидели сложа руки его адвокаты. В конце 1941 г. адвокат бундистов Уилбер В. Киган сообщил агенту ФБР, что Мэрион «наняла юристов» для защиты Анастасия. Одним из них был Кларенс Митчелл, который в октябре — декабре 1941 г. был в контакте с министерством юстиции по вопросу о регистрации ВНРП в соответствии с законом Воорхиса. Но после 9 мая 1942 г., когда ФБР совершило рейд на «Девятнадцатую лунку», стало ясно, что Анастасию не обойтись без первоклассного защитника, имеющего опыт работы в зале суда. Мэрион (возможно, с помощью брата Роберта Кларка Рима, который куда лучше разбирался в таких делах) договорилась с одним из самых известных адвокатов страны — Мартином Литтлтоном-младшим.

Это был разумный выбор. Отец избранника Мэрион, Мартин Литтлтон-старший, с успехом защищал шалопая-миллионера Гарри К. Тоу, который убил знаменитого архитектора Стэнфорда Уайта на крыше Мэдисонсквер-гардена 25 июня 1906 г. в 11.05 вечера, когда там шла к концу музыкальная комедия «Мамзель Шампань». В результате одного из самых громких уголовных процессов столетия Литтлтон добился оправдания подсудимого, убедив присяжных в том, что Тоу страдает наследственной душевной болезнью. И это несмотря на то, что Тоу с негодованием отвергал всякий намек на невменяемость.

Мартин-младший унаследовал от отца выразительные манеры и завораживающее красноречие. Один коллега с завистью заметил, что «из него бы вышел великий драматический актер». В середине 30-х годов Литтлтон какое-то время был окружным прокурором округа Нассау, но потом он перешел на частную практику, убедившись, что, чем посылать людей на электрический стул, гораздо выгоднее защищать их от него.

Литтлтон решил применить в деле Вонсяцкого ту же

стратегию, что и его отец в деле Тоу. Обвиняемый должен быть признан душевнобольным и, следовательно, невменяемым.

Литтлтон был отнюдь не первый, кто назвал Вонсяцкого сумасшедшим. В 1939 г. в одном докладе ФБР говорилось, что «из-за своей революционной партийной деятельности он считается слегка ненормальным». Многие люди — как друзья, так и враги — называли Анастасия сумасбродом, чудаком, мегаломаном, одержимым. Литтлтон собирался только сделать акцент на этих странностях, раздуть их до такой степени, чтобы его клиента отправили не в тюрьму, а в психиатрическую лечебницу.

Одобрят ли Вонсяцкий план Литтлтона? Едва ли. Пребывание в лечебнице ничуть не лучше тюремного заключения. Кроме того, Вонсяцкому, в отличие от Тоу, не приходилось выбирать между принудительным лечением и смертной казнью. Анастасий понимал, что в худшем случае его ждет солидный срок с возможностью досрочного освобождения. В лечебницу же можно угодить на всю жизнь.

Напротив, семейство Римов отнюдь не возражало бы, если бы Алекса определили в заведение для душевнобольных, и, возможно, план Литтлтона возник под их влиянием. Семья по-прежнему считала ошибкой брак Мэрион с нищим беженцем вдвое моложе ее. Римов шокировали и раздражали любовные и политические похождения Алекса. Справка о психическом расстройстве поможет гуманно и без громкого скандала убрать его из поля зрения и удалить от Мэрион. Душевная болезнь, помимо прочего, является основанием для развода.

Попытки изобразить Алекса «неуравновешенным, истеричным тевтополяком» (так Эзра Паунд выразился о Ницше) начались в первых числах июня, когда по настоянию Литтлтона Вонсяцкий отправился в нью-йоркскую больницу «Белльвью» и был обследован главным психиатром доктором Фостером Кеннеди. Подключив еще троих известных врачей (Ричарда Хоффмана из Нью-Йорка, Дэниела Гриффина и Хэролда Рибнера из Бриджпорта), адвокат добился заключения о том, что Вонсяцкий — «параноик, представляющий опасность для себя самого и для общества». Имея на руках столь весомый медицинский документ, Литтлтон 4 июня позвонил Додду, который как раз в это время проводил слу-

шание в Большом жури, домой в Лебанон (Коннектикут) и сообщил, что его клиент «представляет опасность для себя самого и для других». Литтлтон не сказал Додду, что при помощи доктора Гриффина договорился о помещении Вонсяцкого в больницу штата в Фэрфилде уже на следующий день — 5 июня, в пятницу.

Тактика Литтлтона провалилась. Быстро сообразив, что госпитализация Вонсяцкого поможет защите добиться судебного решения о невменяемости, Додд выяснил, куда собираются отправить Анастасия, позвонил директору фэрфилдской больницы и узнал от него о договоренности с Гриффином. Через несколько минут Додду позвонил сам Гриффин и признался, что участвовал в попытке устроить Вонсяцкого в больницу. Поговорив с Доддом, Гриффин изменил свое решение. Когда 5 июня Вонсяцкий приехал в Фэрфилд, его отказались принять.

Уловка Литтлтона с госпитализацией побудила Додда 5 июня обратиться в Хартфорде в суд за ордером на арест Вонсяцкого. Ордер был получен 6 июня. Двое агентов ФБР прибыли в «Девятнадцатую лунку» за «графом». Оказалось, что Алекс уехал в Провиденс к своему любимому парикмахеру Орландо. Агенты отправились в Провиденс, сцапали его там и посадили в местную тюрьму. Ему предложили выйти на свободу под залог в 25 000 долларов.

Если Алекс думал, что кто-нибудь придет ему на выручку, он заблуждался. Банковские счета Мэрион были заморожены. Ее братья скорее приплатили бы, чтобы он остался в тюрьме. Литтлтон, который утверждал, что Вонсяцкий — опасный маньяк, не мог помочь раздобыть залог, не ставя под удар свою линию защиты. В результате «граф» провел уик-энд в Провиденсе, привыкая к тюремному житью-бытью. Додд за это время побывал в Провиденсе, однако предположение о его встрече с арестованным ничем не подтверждается. Как отметил судебный исполнитель Нил Мерфи, Вонсяцкий весь уик-энд прошагал взад-вперед по камере, уперев руки в бока и куря сигарету за сигаретой в янтарном мундштуке.

8 июня, в понедельник, отказавшись от права опротестовать перевод, арестованный был доставлен судебным исполнителем в Хартфорд и помещен в тюрьму округа, где и дождался решения Большого жури. Когда на следующий день присяжные утвердили обвинитель-

ный акт по делу о шпионаже, вдруг выяснилось, что выйти на свободу «граф», вероятно, сможет лишь очень нескоро.

10 июня хартфордская «Таймс» вышла с аршинным заголовком, потеснившим военные сводки из Европы и с Тихого океана, где только что закончилась битва у атолла Мидуэй: **«КРУПНОЕ ДЕЛО О ШПИОНАЖЕ В НАШЕМ ШТАТЕ: ВОНСЯЦКИЙ И 4 ДРУГИХ ОБВИНЯЮТСЯ В ЗАГОВОРЕ В ПОЛЬЗУ ОСИ»**

Далее было сказано, что разразилось «одно из крупнейших дел о шпионаже в Америке», связанное с разоблачением русского фашистского «фюрера», который вкуче с бундистами «передавал военную информацию в страны Оси».

В три часа пополудни 10 июня Вонсяцкому было предъявлено формальное обвинение, и, когда адвокат протянул судье Смиту заявление о том, что его подзащитный не признает себя виновным, Анастасий, одетый в «аккуратный спортивный костюм», молодецки щелкнул каблуками.

Через несколько минут после того, как клиент богатырскими шагами вышел из зала суда, Литтлтон подал судье Смиту прошение о предварительных слушаниях по вопросу о вменяемости; четыре видных специалиста, говорилось в прошении, установили, что Вонсяцкий не в состоянии понять смысл обвинений в свой адрес, страдает паранойей и «неимоверной манией величия». Литтлтон охарактеризовал Вонсяцкого как «неискреннего, болтливую субъекта, страдающего недержанием речи в отношении своих ложных и фантастических идей».

Покинув зал суда, Литтлтон в деталях раскрыл репортерам то, о чем он ранее говорил только в общих чертах. Мэрион, по его словам, запиралась от Анастасия в «Девятнадцатой лунке», поскольку у него бывали приступы гнева. Вонсяцкий намеревался укокошить Гитлера и Тодзио*, а затем включить Германию и Японию в состав фашистской России. Вонсяцкий собирался сделать американский футбол национальным российским видом спорта и лично руководить турне сборной России по США, в котором она бы обыгрывала команды Уэст-Пойнта и Висконсина со счетом 60:0. Вонсяцкий обещал, если он будет оправдан, наградить Литтлтону почетной медалью.

* Тодзио Хидэки (1884—1948) — премьер-министр и военный министр Японии в 1941—44 гг. (прим. перев.).

Комментарии Литтлтона были находкой для газетчиков, но Додд по-прежнему настаивал на скорейшем начале судебного разбирательства. «Суд покажет, был ли он психически болен, когда совершал действия, в которых он обвиняется», — заявил прокурор. Сам он считал Вонсяцкого здоровым: «Я полагаю, что он виновен в инкриминируемых ему деяниях и что он знал, что делает, когда их совершал». Додд видел, что Вонсяцкому можно поставить в вину еще кое-что, о чем не упоминалось в обвинительном акте: сокрытие информации о «зверских убийствах» в Крыму и о браке с Любой Муромской при въезде в Соединенные Штаты в 1921 г., а также обман при получении американского гражданства в 1927 г. Имея все это в виду, Додд 12 июня сказал, что готовит иск о лишении Вонсяцкого гражданства.

Заявления Литтлтона и Додда предвещали долгую, изматывающую судебную битву. 15 июня в нью-йоркской газете «Уорлд телеграм» Кеннет Уотсон поставил вопрос так: «Или Анастасий Вонсяцкий — один из самых курьезных сумасшедших в нашей стране, страдающий невероятной, фантастической манией величия, или же это опасный и умный конспиратор, действовавший против правительства Соединенных Штатов».

Предвкушаемое состязание не состоялось. Между Доддом и Литтлтоном, вероятно, прошли некие закулисные переговоры, и 22 июня Вонсяцкий вновь предстал перед судьей Смитом и официально признал себя виновным. В противоположность молодцеватой самоуверенности, выказанной им двенадцатью днями раньше, «граф» выглядел усталым и выпотрошенным. В одном из задних рядов зала суда Наташа Мамедова успокаивала сидевшую рядом Мэрион.

Додд, державший речь в качестве официального обвинителя, в несколько разжиженном виде повторил рассказы Пелипенко о Вонсяцком, «Бунде» и японцах. Видимо, не зная, что после 1934 г. Вонсяцкий был в Японии и Германии персоной нон грата, Додд приписал Анастасию связи, до которых даже Пелипенко не додумался: якобы в 1939 г. он вступил в контакт с токийским «военным ведомством»* и с «высшими нацист-

* Вероятно, имеется в виду военное министерство или генеральный штаб. Вспомним, что, когда «Президент Полк» в феврале 1939 г. останавливался в Иокогаме и Кобе, Вонсяцкий даже не сходил на берег. Маловероятно, что японские военные представители высокого ранга поднимались на борт лайнера, чтобы с ним поговорить.

скими чинами» в Берлине. Однако, продолжил прокурор с неожиданной сдержанностью, Вонсяцкий не обязательно являлся «центральной фигурой» заговора. «Я полагаю,— сказал он,— что на первых ролях там были другие». Кроме того, признав себя виновным, Вонсяцкий помог правительству сберечь время и деньги. В конце выступления Додд рекомендовал суду приговорить подсудимого к пяти годам тюремного заключения, место которого должен определить главный прокурор штата, и к штрафу в 5000 долларов.

Литтлтон, в свою очередь, сказал, что Вонсяцкий «был брошен в водоворот» революции в возрасте семнадцати лет (на самом деле ему было девятнадцать), что его, «полуобмороженного, проволокли по России в вагоне для перевозки скота» и что в нем до сих пор сидит пуля — памятка о пережитых ужасах. Вонсяцкий «флиртовал» с «Бундом» и японцами только потому, что они, как он думал, могли быть полезны в борьбе против Сталина. Адвокат слегка замялся, когда попытался объяснить, почему он больше не настаивает на невменяемости, но быстро взял себя в руки, заверив суд в «безукоризненной честности» четырех врачей, объявивших Вонсяцкого неизлечимо больным. В заключение Литтлтон, обращаясь к Мэрион, сказал, что «было бы чрезвычайно жестоко и ничем не оправдано, если бы мы хоть словом задели жену Вонсяцкого», которая всегда была «безупречной гражданкой», ничего не знала о проступках мужа и заслужила всеобщую симпатию.

Выступая после обвинителя и защитника, судья Смит отметил, что Вонсяцкий «злоупотребил гостеприимством нашей страны», перейдя от антикоммунистической к антиамериканской деятельности. Смит признал, что Вонсяцкий был во власти навязчивой идеи, «которая деформировала его сознание и толкнула на этот путь», но добавил, что «он, безусловно, понимал, что делает», и поэтому заслуживает «примерного наказания». Все же, поскольку Вонсяцкий не был руководителем подполья, а также признал себя виновным, сэкономив тем самым для государства время и деньги, максимальная мера наказания не будет применена. Последовав рекомендации Додда, Смит приговорил подсудимого к пяти годам заключения и 5000 долларов штрафа.

Все это время Анастасий просидел в молчании. По временам он бросал пристальный взгляд на Додда. Порой казалось, что он едва удерживается от слез —

особенно когда судья Смит сетовал на злоупотребление американским гостеприимством. Когда заседание окончилось, Алекс был выведен из зала суда под конвоем. Мэрион и Наташа молча смотрели, как он уходил. Потом они одни, без провожатых, вернулись в «Девятнадцатую лунку».

Майские и июньские события нанесли Мэрион тяжелый удар. Вряд ли ее могло сильно утешить то, что Литтлтон уважительно отозвался о ней в суде, что хартфордская «Таймс» всячески расписывала ее популярность среди местных жителей («Его они ненавидят, ее — любят»), что через двадцать четыре часа после объявления приговора судья Смит отменил штраф в 5000 долларов, поскольку с учетом поправок закон о шпионаже не предусматривал денежных штрафов. Мэрион была потрясена — но не разбита. В ней оказалось гораздо больше стойкости, упорства и преданности, чем можно было предположить. Несмотря ни на какие нашептывания родственников и друзей, она не развелась с арестантом и не бросила его — именно потому, что это был бы самый легкий путь. Ее любовь пересилила тюрьму, как пересилила все шалости Алекса, всю его политику и все его измены.

Вонсяцкому повезло, что его осудили так быстро: если бы его дело слушалось неделей позже, ему могли бы пришить участие в разработанной абвером операции «Пасториус», в ходе которой предполагалось взорвать алюминиевые заводы на Восточном побережье и на Среднем Западе и тем самым парализовать американское самолетостроение. Приговаривая 22 июня Вонсяцкого к пяти годам, судья не знал, что восемь немецких диверсантов только что высадились на берег с подводных лодок в районе Амагансета на Лонг-Айленде и близ Джексонвилла (Флорида). Все восемь раньше жили в Соединенных Штатах и говорили по-английски с натуральным среднезападным акцентом. Амагансетская группа была немедленно схвачена, когда ее увидел молодой солдат береговой охраны. Один из ее членов во всем признался, что позволило ФБР выследить флоридскую группу в считанные дни. 27 июня Дж. Эдгар Гувер сделал сообщение о поимке диверсантов и привел биографические данные каждого из них. Эти сведения были опубликованы 28 июня и содержали, в частности, следующий факт: Герман Нойбауэр, один из участников флоридской группы, в 1931 г. работал в отеле в Хартфор-

де, а с 1936 по 1939 г. — в чикагском отеле «Бисмарк». Додд решил, что это указывает на возможную связь между Вонсяцким и Нойбауэром. 29 июня в интервью хартфордской газете «Таймс» Додд сказал, что Нойбауэр «мог играть очень важную роль» в шпионской деятельности Вонсяцкого. К счастью, Анастасий уже был благополучно арестован и приговорен — иначе список его преступлений мог сильно вырасти. Подумать страшно, что случилось бы с «графом» в наэлектризованной атмосфере того лета. Нойбауэр, который нес американский флаг на Олимпийских играх 1936 г. в Берлине, был казнен в июле.

Четверым американским немцам, которые якобы являлись сообщниками Вонсяцкого в передаче американских военных тайн Германии и Японии, в июне или июле были предъявлены обвинения, а приговоры огласили 21 августа. Отто Виллюмайт признал себя виновным и получил пять лет. Доктор Вольфганг Эбелл, врач из Эль-Пасо, который пересылал Кунце письма после того, как тот сбежал в Мексику, сначала все отрицал, но затем также признал себя виновным и был приговорен к семи годам. Вильгельм Кунце, арестованный 3 июля на ранчо близ Мехико, где он устроился на временную работу под именем Альфонсо Гратт-Кабедес, был возвращен в Соединенные Штаты, признал себя виновным и получил пятнадцать лет. Преподобный Курт Мольцан, пастор филадельфийской Старо-Сионской лютеранской церкви, которому Кунце передал через Пелипенко свои фотографии для заграничного паспорта, не признал своей вины. Он, единственный из всей группы, прошел через суд.

Процесс Мольцана (формально он назывался «США против Анастасия Вонсяцкого и др.») проходил с 28 июля по 20 августа в Хартфордском федеральном окружном суде и выглядел как повторение слушаний в Большом жюри по делу Вонсяцкого. Доводы обвинения, которое представлял Додд, базировались на показаниях Пелипенко, вновь привезенного из Форт-Ховарда для допроса. Не имея сколько-нибудь серьезных данных, доказывающих связь Мольцана с японцами, Додд пригласил йельского ориенталиста Джорджа А. Кеннеди, и тот зачитал раздел из книги «Кто есть кто в Японии», касающийся генерала Араки Садао, с которым Вонсяцкий встречался в 1934 г. Додд с большим успехом сыграл на чувствах присяжных, обвинив Эбелла в ходе перекрестного допро-

са в том, что тот заранее знал о нападении на Перл-Харбор.

20 августа Мольцана признали виновным и приговорили к десяти годам тюрьмы. Апелляция, которая рассматривалась в 1943 г. на выездной сессии Апелляционного суда Соединенных Штатов, была отклонена. В течение всего процесса Мольцан получал горячую поддержку от своей паствы, которая взяла на себя его судебные расходы, и от некоторых лютеранских пасторов. Т. Генри Уолнат, один из адвокатов Мольцана и бывший сотрудник министерства юстиции, впоследствии назвал приговор «великой несправедливостью», поскольку он основывался на «версии разговора с ним [Мольцаном], не подтвержденной ничем, кроме рассказа священника [Пелипенко], являвшегося тайным агентом». Уолнат также утверждал, что, «стараясь решить дело в свою пользу, обвинение не остановилось перед обманом». Эти соображения стали достоянием публики в 1943 г. и были, вероятно, первой критической стрелой в адрес Томаса Додда.

«Соратники» из ВНРП отделались куда легче, чем «вождь» и его приятели — бундисты. Мамедов, Цуглевич, Федор Сименс, Т. Савин и Герберт Дж. Вантц были допрошены ФБР, но их не задержали и им не предъявили обвинений. Некоторые из друзей Вонсяцкого, которые были тогда в призывном возрасте, вспоминают, что неожиданно быстро получили повестки. Но никто не пытался выслать «соратников» обратно в СССР — в отличие от Вонсяцкого, ибо в декабре 1942 г. коннектикутский окружной прокурор Джозеф Куни подал в Хартфордский окружной суд заявление о лишении «графа» гражданства.

Пугало военного времени

Находясь в тюрьме, Вонсяцкий достиг еще большей скандальной известности, чем на свободе. Разумеется, причиной этой известности было в основном воображение публики, а не поведение Алекса до ареста или что-то, что он мог совершить в тюрьме в Спрингфилде (Миссури). В 1942—45 гг. политики, публицисты, газетчики и один писатель сознательно или бессознательно сделали его имя нацистско-японским пугалом — точно так же, как в 1934—37 гг. «Дейли уоркер» сделала его антисоветским пугалом.

Запевалой стал Сэмьюэл Дикштейн: 1 июня 1942 г., выступая в палате представителей, он поздравил себя с тем, что еще «четыре или пять лет назад» разоблачил шпиона Вонсяцкого, и обрушился на коллег-конгрессменов и на комитет Дайза за невосприимчивость к его предостережениям:

«Уважаемый председатель, неделю назад Вонсяцкий был окончательно обвинен [так в стенограмме]. Он признался, что занимался шпионской деятельностью против нашей страны, и был приговорен к 5 годам заключения и штрафу в 2000 долларов [так в стенограмме]. Многие лица, о которых я еще годы назад говорил с этой трибуны, также арестованы за шпионаж, и Бог знает, сколько их еще разгуливает на свободе».

В сравнении с тем, что сходило с типографских станков впоследствии, красноречие Дикштейна звучит чрезвычайно умеренно. В книге Алана Хинда «Право на измену: подноготная шпионажа в Америке», изданной в 1943 г., «Девятнадцатая лунка» предстала массивным зданием на мысу, из которого было видно все, что делалось в радиусе нескольких миль, с вращающимся во все стороны пулеметом на верхушке башни и стальными шкафами, полными гранат. В Военной комнате висели карты Великобритании и Соединенных Штатов, причем во всех стратегических пунктах были нарисованы свастики. Все бундисты состояли у Вонсяцкого на службе в качестве агентов. Заседания, на которых разрабатывались планы подрывной деятельности, проходили у Кунце на дому (ни Пелипенко, ни Додд до этого не додумались):

«Сотрудники ФБР, наблюдавшие за тем, что делалось в доме у Кунце, сквозь мощные бинокли, видели, как Вонсяцкий ходил взад и вперед по гостиной бундиста, бурно жестикулировал и что-то показывал на карте Европы, разложенной на столе. Это была такая же карта, как та, что висела у Графа в его легендарном кабинете».

Хинд сделал из Анастасия эдакого странствующего шпиона: он у него разъезжал в лимузине от одного военного завода к другому и получал секретные сведения от агентов-рабочих.

«Он [Вонсяцкий] вошел в телефонную будку, стоявшую недалеко от ворот судоверфи, и позвонил. Минут через десять в воротах

появился человек в рабочем комбинезоне; он направился к роскошному лимузину Графа и сел с ним в кабину. Странно выглядела эта пара: чумазный рабочий и элегантный Граф».

В книге «Тайный агент», изданной в 1943 г. бывшим сотрудником ФБР Артуром Деруняном под псевдонимом «Джон Рой Карлсон», повторялась хорошо известная легенда о том, что Вонсяцкий переправлял оружие Франко и создал всемирную «нацистскую шпионскую сеть». Но Дерунян не удержался и вставил кое-что от себя. «Русский медведь» оказался ночным клубом; Анастасий шествовал по страницам книги как «легендарная фигура нацистского подполья... Его имя произносили с замиранием сердца, о его делах говорили шепотом».

Но уж издатель бюллетеня «Аур» Альберт Ю. Кан должен был знать, что делает. Кан собрал о «графе» объемистое досье, куда входили материалы, посланные в «Аур» самим Вонсяцким. Кан вполне мог отделить факты от вымысла. Результатом его исследований стала книга «Диверсия! Тайная война против Америки», изданная в 1942 г. в соавторстве с Майклом Сэйерсом.

В этой книге Кан посвятил Вонсяцкому главу, которую назвал «Миллионер-диверсант». Широкими мазками исторической кисти он набросал портрет Вонсяцкого, «активно занимающегося подпольной деятельностью в союзе с германо-американским «Бундом» и прочими связанными с Осью организациями, с целью подготовки в Соединенных Штатах фашистского переворота» в 1934 г.— за два года до создания «Бунда».

Кан отправляет Вонсяцкого в места, где он вряд ли бывал, и приписывает ему маловероятные знакомства. Он «выступал на больших митингах бундовских штурмовиков в Кемп-Нордланде» (нет никаких указаний на то, что Вонсяцкий когда-либо там появлялся). В 1934 г. он «встречался с Альфредом Розенбергом, доктором Геббельсом и офицерами высокого ранга, занимавшимися военной разведкой» (Вонсяцкий действительно хвастался, что пил с Розенбергом чай, но данные о беседах с Геббельсом или кем-либо из абвера отсутствуют). «В Токио он последний раз ездил в 1941 г.; он вернулся в Соединенные Штаты незадолго до того, как японцы напали на Перл-Харбор» (Вонсяцкий после 1939 г. вообще не выезжал за границу).

Приведенная Каном версия встречи в отеле «Бисмарк» 29 июля 1941 г. кое в чем даже превосходит вдохновенные видения Пелипенко:

«Незадолго до нападения Японии на Соединенные Штаты в одном из номеров чикагского отеля «Бисмарк» состоялась конспиративная встреча... Обсуждались планы будущей шпионско-диверсионной деятельности в Америке. Кунце напирал на растущие трудности в получении денег из-за границы. Он попросил Вонсяцкого оказать финансовую помощь нацистским агентам в Соединенных Штатах. Вонсяцкий тут же передал главе «Бунда» 2800 долларов наличными в качестве первого взноса».

Кан явно не обратил внимания на то, что Вонсяцкий дал Кунце 2800 долларов еще 12 июля в Томпсоне, и не наличными, а в виде чека. Даже Пелипенко не упоминал о передаче каких-либо денег в отеле «Бисмарк». Даже Пелипенко и словом не обмолвился о том, что Вонсяцкого просили субсидировать нацистских шпионов и диверсантов в Соединенных Штатах. Даже Пелипенко не оспаривал тот факт, что встреча в отеле «Бисмарк» проходила в людном коктейль-холле.

Версия Кана и вымыслы Вонсяцкого о самом себе существенно различаются лишь в одном — журналист вставил куски, свидетельствующие о заговоре против Соединенных Штатов:

«И недели не проходило без посещения Томпсона японскими, немецкими или итальянскими функционерами. Развалившись в удобных креслах в роскошно обставленном доме Вонсяцкого или рядом с ним на обширной лужайке, они обсуждали с белогвардейским фюрером пути и средства достижения победы мирового фашизма и в особенности — организацию фашистского переворота в Соединенных Штатах».

Отвечая в 1976 г. на вопрос об источниках улик против Вонсяцкого, Кан писал: «Я боролся с нацистами, и мне было не до миндальничанья».

Красоты журналистики вскоре перешли в красоты прозы. В 1944 г. Эптон Синклер вывел Вонсяцкого (под настоящим именем) в романе «Агент президента» из популярной серии о Лэнни Бадде. Анастасий как привычный гость появляется на званом вечере, устроенном нью-йоркской миллионершей в своем доме на Пятой авеню. Компания изобилует реальными и вымышленными правыми и консервативными чудищами, в их числе — вымышленный фашист-издатель, реальный фашист-теоретик Лоуренс Деннис, реальный бывший заместитель государственного секретаря Уильям Р. Касл и два

вымышленных офицера высокого ранга. Проникнув на это гнусное сборище (в качестве секретного агента), главный герой Лэнни Бадд слышит «зычный бас» Вонсяцкого, похваляющегося своими поставками оружия мексиканским «Золотым рубашкам». Вернувшись к себе, Бадд пишет Франклину Делано Рузвельту: «В Америке уже есть все, что было в Германии в период зарождения гитлеризма».

Но высшими достижениями Вонсяцкианы, рядом с которыми бледнеет творчество Дикштейна, Пелипенко, Хинде, Деруняна и Кана, стали писания Уолтера Уинчелла и Тома Фоли. В статье «Американцы, без которых можно обойтись» (журнал «Либерти», 1 августа 1942 г.) Уинчелл назвал Вонсяцкого «ключевой фигурой нацистского плана подрывной деятельности в США». Журналист утверждал, что, укрывшись в «крепости», защищаемой «сотнями пулеметов», Анастасий возглавлял «тайную армию, бойцы которой находились в 46 странах». Приехав в Токио (когда — не сказано) для встреч с японскими деятелями высокого ранга, он якобы спрашивал их: «Когда ледяное чаепитие?» «Ледяное чаепитие», разъяснял Уинчелл, на условном языке означало переворот в Америке.

В статье «Поход против чудилы» (журнал «Либерти», 28 ноября 1942 г.) Том Фоли уверял читателей, что всем известные чудачества Вонсяцкого были не чем иным, как маской, прикрывавшей невиданную жестокость и волю к разрушению. Истинное лицо «графа», писал Фоли, открылось еще в 1922 г., когда он избил репортера кастетом. Он был увертливым субъектом: уходил от следивших за ним агентов ФБР, оставляя в нью-йоркском такси манекен. Но Вонсяцкий время от времени сам себя выдавал — например, прочитал какому-то томпсонскому работяге письмо от приятеля «Джейка» Риббентропа, где тот обещал ему высокий пост в нацистской России. Получая 50 000 долларов в год от японской разведки, Вонсяцкий возглавлял шпионскую сеть, которая всерьез угрожала безопасности Америки. Фоли писал:

«В числе материалов, конфискованных в крепости Вона близ Род-Айлендской границы, в руки Дж. Эдгару Гуверу попали едва ли не самые важные сведения с начала войны. Речь шла о безопасности всех жителей Атлантического побережья — мужчин, женщин и детей».

Если признанные «эксперты» делали столь необычайные разоблачения, то можно ли винить анонимного ре-

портера, написавшего 23 марта 1943 г. в газете «Санди ньюс энд лидер» (Спрингфилд, Миссури), что в «Патнэмском форте» агенты ФБР обнаружили план раздела Соединенных Штатов между Японией и Германией вдоль Скалистых гор?

И все же Вонсяцкому повезло. Да, своими выходками, фантазиями и дурными поступками он навлек на себя беду. Театральное представление, которым была вся его жизнь, обернулось наказанием — но сравнительно мягким. Константин Родзаевский испил куда более горькую чашу.

Глава XVIII

ПОСЛЕДНЕЕ ТАНГО В ХАРБИНЕ

Грандиозные ожидания, охватившие Константина Родзаевского после 22 июня 1941 г., длились недолго. Хотя известия о немецких победах приходили все лето, надежды на то, что Российский фашистский союз станет серьезной политической силой на советской земле, скоро угасли, и «вождь» почувствовал, что его мечта возглавить Национальную Революцию в России еще далека от осуществления.

Начать с того, что советско-германская война не укрепила, а ослабила единство партии. «Соратники», которые едва оправались от потрясения, вызванного нацистско-советским пактом 1939 г., вновь оказались во власти противоречивых чувств по отношению к Гитлеру, когда до них стали доходить вести о жестоком обращении с пленными красноармейцами, отправке тысяч гражданских лиц на принудительные работы в Германию, зверствах на оккупированных территориях и нацистских заявлениях о «колонизации Востока» немцами. Как ни велика была их ненависть к Сталину, они не могли не видеть, что с их родиной случилась страшная беда. Даже самые закаленные из «соратников» начали спрашивать себя: «Можно ли защитить Россию, не помогая Сталину? Можно ли бороться со Сталиным, не разрушая России?»

Родзаевскому все было ясно. Снова и снова повторял он: «Хоть с чертом, лишь бы против большевиков!» Да, Гитлер несет смерть и разрушение, но он — единственная надежда России. Выбора у русских фашистов нет —

им надо поддерживать ту силу, которая направлена против коммунистов.

Доводы Родзаевского убедили немногих. Матковский и его сторонники, которые с 1939 г. были против сотрудничества РФС с Германией, притихли и выжидали, поддерживая хорошие отношения с японскими военными властями и работая в БРЭМ. Некоторые «соратники» после 22 июня 1941 г. вышли из партии. Среди них был композитор-песенник и бывший глава политического отдела РФС Николай Петлин, который понял, что не может сотрудничать с Гитлером, когда тот уничтожает Россию. Петлин спорил с Родзаевским обо всем этом до июля, а затем вышел из игры. Его примеру последовала первая жена «вождя» привлекательная брюнетка Лидия Малкова*.

Хотя Родзаевский открыто выражал желание сотрудничать с нацистами, ему не удалось вызвать у немцев заметного интереса к РФС. Когда в начале 1942 г. сотрудники немецкого консульства принялись обхаживать русских эмигрантов в Маньчжоу-Го, субсидии от них шли через атамана Семенова, жившего в Дайрене. РФС остался в стороне — может быть, Берлин считал, что Родзаевский находится у Семенова в подчинении.

Не смог добиться немецкого покровительства и европейский представитель Родзаевского Борис Тедли. Высланный в Швейцарию после заключения нацистско-советского пакта, Тедли до немецкого вторжения в СССР прозябал в Цюрихе. Летом 1941 г. он помчался в Берн, где забросал немецкого посла фон Ностица слезными просьбами разрешить ему вернуться в рейх. Клятвы в верности Гитлеру и пылкие описания подвигов сына в СС поначалу не дали результата; наконец за Тедли поручился Эрвин фон Шульц — нацистский деятель, который в 1936 г. виделся в Харбине с Родзаевским. Получив визу в сентябре, Тедли ринулся в Берлин, где безуспешно пытался обратить на себя внимание Альфреда Розенберга, занимавшего тогда пост министра по оккупированным восточным территориям, и его советника по делам русских эмигрантов доктора Отто Бройтигама. Когда в июне 1942 г. Бройтигам созвал в Берлине конференцию пронацистски настроенных эмигран-

* Лидия Георгиевна Малкова была дочерью эсера, который вскоре после захвата власти большевиками покончил с собой. Она вышла замуж за Родзаевского в 1929 г. и развелась с ним в 1936 г. У них родилось двое детей, но оба умерли в младенчестве. Впоследствии Лидия стала женой Петлина.

тов, где они должны были продемонстрировать поддержку военных усилий рейха, ни Тедли, ни кто-либо другой из РФС приглашения не получил. Утешение Борис Петрович нашел в антисемитских фантазиях, которым он предавался в институте исследований по еврейскому вопросу во Франкфурте-на-Майне.

В сознании Родзаевского просто не укладывалось то жестокое обстоятельство, что русские фашисты, как бы ни восхищались они нацизмом, не играли никакой роли в немецких планах, связанных с Россией. Все нацистские руководители сходились на том, что после успешного завершения плана «Барбаросса» Россия как единое целое прекратит свое существование. «У русских не может быть национального государства», — писал Генрих Гиммлер генералу СС Вальтеру Шелленбергу в 1942 г. Эскиз устройства России после свержения советской власти, который в мае 1941 г. набросал Розенберг, предусматривал расчленение СССР на «независимые государства» (Украину) и «протектораты» (республики Прибалтики, Восточную Польшу, Кавказ), находящиеся под немецким управлением или влиянием. Гитлер не спешил обнародовать перспективы послевоенной России; 16 июля 1941 г. в Растенбурге (Восточная Пруссия) он поделился некоторыми соображениями с Розенбергом, Герингом, Кейтелем и Борманом. Германия будет управлять территорией России к западу от Урала* посредством трех рейхскомиссариатов (московского, украинского и кавказского), каждый — под командованием своего гауляйтера. Богатый никелем Кольский полуостров, Крым и районы расселения «фольксдойчей» (например, Поволжье) будут присоединены к рейху. Бакинские нефтеразработки будут объявлены немецкими концессиями. Ленинград будет разрушен до основания, после чего передан финнам. Фюрер ничего не сказал об использовании русских коллаборационистов, хотя в другой раз, по словам Альберта Шпеера, он в шутку предложил поручить управление Россией после войны Сталину — уж кто-кто, а этот грузин знал, как обходиться с русскими.

Родзаевский не только заблуждался относительно немецких политических планов — он явно не понимал

* Размеры немецких территориальных притязаний к СССР потом возросли. В мае 1942 г. стратеги вермахта проводили восточную границу предполагаемой зоны немецкого влияния по реке Енисей.

сути нацистской расовой доктрины, согласно которой славяне были Untermenschen. В 1942 г. власти рейха запретили перевод трудов по национал-социализму на русский язык. Гитлер и его приспешники вовсе не желали, чтобы русские эмигранты перенимали у нацистов их догматику и символику. Нечего удивляться, что Берлин и знать не хотел об РФС.

Но непосредственной помехой для осуществления мечты Родзаевского о повышении статуса РФС в связи с германо-советской войной послужило не размежевание в партии и не безразличие немцев, а скорее направление японской политики. Летом 1941 г. японская политика была ориентирована не на север, а на юг.

Южные устремления Японии набрали силу весной 1940 г., когда в результате немецких побед в Западной Европе богатые французские, британские и голландские колонии в Юго-Восточной Азии вдруг оказались весьма уязвимыми. Горя желанием завершить «китайский инцидент» (который тянулся с 1937 г.) и установить «новый порядок в Восточной Азии», Япония постаралась нажить на европейской войне политический капитал и 27 сентября 1940 г. подписала трехсторонний пакт с Германией и Италией, а 13 апреля 1941 г. заключила пакт о нейтралитете с Советским Союзом. Этими дипломатическими маневрами Япония хотела обезопасить себя от американской интервенции и защитить свои северные рубежи, одновременно получая свободу действий в Юго-Восточной Азии.

Советско-японский пакт о нейтралитете 1941 г. имел примерно такие же последствия для русских эмигрантов в Маньчжоу-Го, как нацистско-советский пакт 1939 г.— для эмигрантов в третьем рейхе. Антисоветские взгляды мгновенно стали табу. Как никогда жестоко осуществлялись надзор за РФС и цензура в отношении газеты «Наш путь». Родзаевскому, конечно, оставалось только плыть по течению.

Нападение Гитлера на Советский Союз застало Японию врасплох. В конце июня и начале июля в Токио состоялся ряд заседаний кабинета министров и высших руководителей армии и флота для выработки плана ответных действий. На заседании 27 июня министр иностранных дел Мацуока Ёсукэ выступил за немедленный удар по СССР с целью раз и навсегда решить «северную проблему». В прошлом президент Южно-Маньчжурской железнодорожной компании, Мацуока был заяд-

лым «континенталистом»; в 1936 г. он якобы заявил, что надеется водрузить японские флаги над Уралом. При всем том Мацуоку считали импульсивным, непоседливым и непостоянным человеком. Он разрабатывал советско-японский пакт о нейтралитете и недавно вернулся из Москвы, где пакт был подписан и где Сталин заключил его на вокзале в объятия. Неудивительно, что его призыв к сибирскому походу восприняли скептически. Дело не в том, что слушатели в принципе были против. Просто они считали, что время еще не пришло.

Окончательное решение японское правительство приняло на заседании 2 июля. Экспансия в Индокитае будет продолжаться. Вступление в германо-советскую войну откладывается до того момента, когда успехи вермахта создадут благоприятную обстановку. Мацуоку не только не поддержали, но и не включили в новый кабинет премьер-министра Коноэ, сформированный 18 июля.

Летнее решение Японии двигаться на юг обернулось конфронтацией с Соединенными Штатами и еще до конца года привело к войне. Перл-Харбор исключил малейшую возможность нападения на СССР, поскольку Япония оказалась в состоянии тотальной войны с крупнейшей промышленной державой мира. 7 декабря, когда японские самолеты летели к Гавайским островам, под Москвой Красная армия наносила вермахту первое серьезное поражение.

Русские в Маньчжоу-Го немедленно ощутили на себе последствия начала тихоокеанской войны. Эмигранты, мечтавшие о вторжении Японии в СССР, утром 8 декабря проснулись в состоянии войны с Англией и США. Выбора не было — приходилось следовать «царскому пути». Почтенные «свадебные генералы» БРЭМ Владимир Кислицын и Лев Власьевский под наблюдением японских советников выступали в Харбине с речами, в которых выражали полную поддержку «священной войне» Японии против «англосаксов» и обещали, что русская эмиграция приложит все усилия к установлению нового порядка в Восточной Азии. Родзаевский вторил им в газете «Наш путь» и журнале «Нация». Он не мог не чувствовать, что надежды его рушатся. Летом 1941 г. представился шанс, который бывает раз в жизни, — и все без толку. Япония двинулась в другую сторону и вступила в схватку со страшным противником, с которым никто из русских эмигрантов не испытывал желания бороться.

План «Оцу»

Несмотря на соглашение между Токио и Москвой, подписанное в апреле 1941 г., Квантунская армия продолжала готовиться к военным действиям против СССР. Антисоветские настроения пустили глубокие корни среди офицерского состава; никто не забыл унижения, испытанного армией в 1939 г. в Номонханском районе. Даже после начала тихоокеанской войны японские солдаты в Маньчжоу-Го продолжали считать СССР главным противником. Что там ни происходило на юге Тихого океана, Квантунская армия зорко смотрела на Амур, Уссури и монгольскую степь.

Квантунская армия на всякий случай имела план наступательных действий против СССР, условно называемый «Оцу»*. Выработанный генеральным штабом в 1934 г., план предусматривал кинжальный удар, отсекающий Восточную Сибирь и советский Дальний Восток от остальной части СССР. Часть войск должна была защищать западные рубежи Маньчжоу-Го от нападения из Внешней Монголии, главным же силам предстояло атаковать Советский Союз в двух направлениях. Дивизии, сосредоточенные в нижнем течении Сунгари и у станции Пограничная, должны были занять Хабаровск и изолировать все Приморье, включая Владивосток — главную базу советского Тихоокеанского флота. Другая группа войск, двигаясь от Маньчжоули на северо-запад, захватила бы Читу и Иркутск, отрезая тем самым Забайкалье. Нацеленный на ключевые станции Транссибирской железной дороги, план «Оцу» учитывал уязвимость системы снабжения частей Красной армии на Дальнем Востоке. Советские войска, во всем зависевшие от железной дороги, были вытянуты вдоль нее в одну линию. Стратеги Квантунской армии рассчитывали, что, перерезав дорогу в Иркутске и Хабаровске, японцы смогут уничтожить лишённые поддержки красноармейские части еще до прихода подкреплений из Европейской части России.

Разработчики плана «Оцу» основывались на том, что соотношение сил между Квантунской армией и дальневосточными частями Красной армии по пехоте, танкам, артиллерии и авиации было два к одному. Это

* Иероглиф «оцу» может означать «второй», «последний», «странный», «изысканный».

преимущество, хотя его и держали в строгом секрете, с 1934 по 1945 г. ни разу не удалось использовать.

В первоначальном варианте план «Оцу» не предусматривал участия в его осуществлении русских эмигрантов, хотя никто, конечно, не запрещал отдельным боевым командирам брать их на службу в качестве разведчиков или переводчиков. При всем том созданная в 1938 г. бригада Асано — российская воинская часть в составе армии Маньчжоу-Го — обещала стать ядром более крупного русского войска.

В начале 1940 г. военные стратеги стали подумывать об увеличении роли русских в плане «Оцу». 16 февраля офицеры из штаб-квартиры Квантунской армии в Синьцзине приехали в Харбин к начальнику «Токуму кикан» генерал-майору Хата Хикосабуро, чтобы обсудить возможность использования русских ударных частей в операциях против СССР. Хотя беседа состоялась по инициативе Квантунской армии, эту идею поддерживали в Токио два недавних министра, а ныне — отставных генерала: Араки Садао и Койсо Куниаки. В Харбине было решено, что русских следует не только обучать военному делу в составе армейских формирований, но и готовить к работе в марионеточной администрации на оккупированной советской территории — в так называемом «Дальневосточном антикоминтерновском самоуправлении». Все эмигрантские группы, дружественные Японии, получают возможность участвовать в администрации, но предпочтение будет оказано РФС и атаману Семенову.

Военные аспекты решений 1940 г. начал претворять в жизнь в середине 1941 г. преемник Хата на посту начальника харбинского «Токуму кикан» генерал-майор Янагита Гэндзо. Он участвовал в подготовке широко-масштабных маневров Квантунской армии, имевших кодовое название «Кантокуэн»* и прошедших в августе 1941 г. вблизи маньчжурско-советской границы. «Кантокуэн» были не просто военно-учебным мероприятием. Это была демонстрация силы, имевшая целью запугать СССР в то время, когда Красная армия не на жизнь, а на смерть сражалась на западе. В связи с «Кантокуэн» японцы призвали в армию и обучили способам перехода границы и диверсии около двух тысяч русских эмигран-

* Аббревиатура слов «Особые маневры Квантунской армии».

тов; Родзаевскому велели контролировать работу полудюжины эмигрантов-борзописцев, которые сочиняли антисоветские листовки для распространения в СССР.

Учения, однако, не переросли в реальные военные действия против СССР, и летняя эйфория Родзаевского к сентябрю угасла. Чтобы поддерживать боевой дух своего подопечного, японские советники будоражили Константина Владимировича яркими картинками будущего. В октябре полковник Ниимура сообщил Родзаевскому по секрету, что, «как только немцы возьмут Москву», Япония тут же вторгнется в Сибирь. Позднее преемник Янагиты генерал-майор Дои Акио пообещал Родзаевскому, что БРЭМ, в котором РФС играл ведущую роль, станет новым российским правительством.

В 1942 г. японцы своими обещаниями, возможно, и не дали Родзаевскому совсем уж пасть духом, но для того, чтобы поддержать его материально в условиях тотальной войны, они не сделали почти ничего. Тихоокеанская война очень скоро сделала существование большинства русских эмигрантов полуголодным: японцы реквизируют все запасы мяса, зерна и топлива и заблокировали поставки провизии и медикаментов по линии Красного Креста. Зимой 1942—43 гг. обычным делом для русских эмигрантов было сжигать в печи мебель и обменивать скудные пожитки на еду.

Военный быт Харбина ярко изобразил антрополог Фукуда Синсэй, который побывал в городе в конце 1942 г. В книге, чудом пропущенной японской цензурой, он описал, как в темных закоулках на Китайской несовершеннолетние девочки зазывно поднимали перед прохожими юбки. В поисках отдыха от гнетущих уличных сцен Фукуда зашел в «Фантазию» — одно из двух кабаре, еще действовавших в городе, который когда-то называли «азиатским Парижем». Когда его глаза привлекли к полутемному помещению, Фукуда увидел толстую русскую женщину в ситцевом платье — пошатываясь, она танцевала с японцем танго на почти пустой танцевальной площадке. Двигавшаяся неловкими рывками потная фигура поначалу поразила Фукуду своей нелепостью. И вдруг он увидел глаза женщины — это были темные ущелья тоски, окруженные яркой косметикой. Сцена до того его поразила, что он немедленно встал и вышел вон.

В такой тяжелой обстановке Родзаевский на мизерные субсидии должен был кормить стареющего отца, беременную жену* и дочь. Вождь РФС жил в маленькой квартирке в Пристанях, на берегу Сунгари, и носил все то же выдавшее виды пальто, что было на нем в студенческую пору четырнадцать лет назад. Но в конце 1942 г. нужда отошла на второй план: Родзаевского — невероятно, но факт — заподозрили в том, что он советский агент.

Разгром

Русские эмигранты, работавшие на японскую военную разведку или на «Кемпей» (военную жандармерию), подвергались огромному профессиональному риску, о котором они всю жизнь потом не могли забыть. Один раз согласившись сотрудничать, человек навсегда становился заложником. Каждый, кто видел изнанку «царского пути», оказывался под неусыпным наблюдением и не мог покинуть Маньчжоу-Го без сопровождения. Малейшее подозрение в нелояльности означало тюрьму, а то и хуже.

В 1942 г. большинство «соратников» уже понимали, что их тесные связи с «Токуму кикан» и «Кемпей» являются сомнительным преимуществом. Конечно, японское покровительство давало им привилегированное положение и власть над другими эмигрантами, но за все приходилось платить. Откровенно националистически настроенные «соратники» мозолили глаза головорезам из «Кемпей» своими черными рубашками, и у тех просто руки чесались их проучить, особенно когда японцы были под мухой и хотели слегка поразвлечься. Если «соратник» давал сдачи, он попадал в большую беду. Именно так, по-видимому, погиб глава чернорубашечников и браваый боевик Саша Болотов — он окончил жизнь на печально знаменитом втором этаже харбинской штаб-квартиры «Кемпей» незадолго до тихоокеанской войны.

Родзаевский, хотя порой и грешил излишним антисемитизмом, был таким верным и услужливым коллабо-

* В 1937 г. Родзаевский женился вторично. В 1938 г. жена Неонила Ялишева родила ему дочь Ольгу, а в 1941 г. — сына, умершего в младенчестве. В 1943 г. у них родился сын Владимир.

рационалистом, что уж его-то японцы не должны были ни в чем заподозрить. Но семена сомнения могут давать ростки не только в реальной, но и в вымышленной почве.

Сомнения по поводу Родзаевского были явно навеяны событиями в Германии. В конце 1942 г. в японском министерстве иностранных дел по дипломатическим каналам узнали, что гестапо только что арестовало как советских шпионов Бориса Тедли и других членов РФС в рейхе. К сожалению, немецкие источники не позволяют ни проверить истинность обвинений в адрес Тедли, ни выяснить его судьбу. Но сообщение о его аресте привело к определенным последствиям как в Токио, так и в Маньчжоу-Го.

У японских властей была причина, чтобы бояться советских агентов, маскирующихся под фашистов или нацистов. Чуть больше года назад немецкий журналист Рихард Зорге оказался сотрудником советской разведки. Введя всех в заблуждение безупречными нацистскими документами и изысканными европейскими манерами, Зорге несколько лет успешно использовал свои многочисленные японские контакты. По мере расследования, когда постепенно становился ясен размах деятельности Зорге, министерство внутренних дел начало проявлять по поводу советского шпионажа преувеличенную нервность.

Образцово-дружественное отношение Родзаевского к Японии не поставило его вне подозрений. Узнав об аресте Тедли, один японский дипломат в Маньчжоу-Го написал в начале 1943 г. министру иностранных дел, что если русский фашист оказался агентом Кремля, то это не только не удивительно, но и вполне естественно. Ведь лучшего камуфляжа и придумать нельзя. Можно предположить, что и весь Российский фашистский союз есть не что иное, как хитрая советская затея, призванная, с одной стороны, расколоть русскую эмиграцию, с другой — оттолкнуть ее от Японии.

Получив предупреждение о том, что среди ее подопечных могут оказаться предатели, «Кемпеи» примерно в феврале — мае 1943 г. занялась расследованием деятельности РФС. Кое-какие улики действительно удалось раздобыть, правда, все — косвенные. Кто-то, например, сказал, что двое из троих основателей РФО — Александр Покровский и Борис Румянцев — доброволь-

но вернулись в Советский Союз*. Ряд сомнений возник и по поводу начальных лет жизни Родзаевского в Маньчжурии. Во-первых, обстоятельства его побега из Благовещенска в 1925 г. невозможно было проверить. Во-вторых, по утверждению некоторых эмигрантов, в 1927 и 1931 гг. Родзаевского на время исключали из РФО, и оба раза в связи с пропажей списков ее членов. Согласно японским источникам, кое-кто считал, что эти списки были отправлены в Советский Союз и что Родзаевский все эти годы поддерживал тайные связи с советским консульством в Харбине.

В мае 1943 г. Родзаевский был арестован «Кемпеи» и подвергнут усиленным допросам. Показания также давали Матковский, Кибардин, Николай Кипкаев (бывший представитель РФС в Токио) и Геннадий Тараданов (глава шанхайского отделения РФС). Видимо, Родзаевскому удалось оправдаться, ибо в июне его освободили, и он возобновил работу в качестве начальника второго отдела БРЭМ. Матковский и остальные также вышли на свободу.

Пока Родзаевского допрашивали, другой подопечный Квантунской армии — атаман Семенов — выкинул номер, от которого и в Синьцзине, и в Токио схватились за голову. В начале мая, ничего не сказав японцам, Семенов послал открытое письмо генералу Андрею Власову, возглавившему антикоммунистические части, набранные из пленных красноармейцев; в письме он воздал Власову хвалу за выступление против Сталина. Японская цензура почему-то пропустила письмо, и оно появилось 7 мая в газете «Харбинское время», а вскоре было передано по румынскому радио. Узнав о случившемся, министр иностранных дел Сигемицу Мамору строго предупредил всех японских дипломатов в Маньчжоу-Го и Китае, а также командующего Квантунской армией, чтобы они впредь не позволяли русским делать столь неуместные заявления.

В 1943 г. с приближением поворотного момента второй мировой войны росла неприязнь японцев к Родзаевскому и Семенову. Первые успехи Японии в Тихом океане сменились поражениями на Гуадалканале и у Алеутских островов. В Европе преимущество перешло от Германии к России. После Сталинграда Красная армия

* На самом деле Покровский после разрыва с Родзаевским в 1932 г. жил в Шанхае. Румянцев вернулся в Советский Союз только в 1947 г.

триумфально завершила сражение под Курском. По мере того как множились советские победы и японские неудачи, даже Квантунская армия стала пунктуально соблюдать пакт 1941 г. о нейтралитете. Желая любой ценой избежать трений с Москвой, Квантунская армия летом 1943 г. приняла решительные меры против анти-советских организаций. Первой жертвой новой политики стал РФС.

Конец РФС наступил с эффектной внезапностью и без всяких официальных объяснений. 1 июля харбинская военная миссия объявила о ликвидации его отделений в Маньчжоу-Го, Японии и Китае. В тот же день были закрыты «Наш путь» и «Нация». На собрания, униформу, песни и эмблему РФС наложили строгий запрет. Лишенный партии, Родзаевский волей-неволей должен был помалкивать и продолжать работать в БРЭМ.

Таким образом, к лету 1943 г. движение русских фашистов перестало существовать. В Соединенных Штатах оно сошло на нет после Перл-Харбор. В Европе его немногие участники были арестованы гестапо. На Дальнем Востоке его прикончили свои же покровители.

Восход красной звезды

1943 и 1944 гг. принесли с собой прилив симпатии к Советскому Союзу среди русских эмигрантов Маньчжоу-Го и Китая. Один японский дипломат в Шанхае в 1944 г. мрачно докладывал, что 90% русских эмигрантов в Восточной Азии настроены просоветски. Помимо побед Красной армии, сочувственное внимание эмигрантов привлекали перемены в СССР — частью реальные, частью мнимые, — происшедшие после 1941 г. Терпимость Сталина к православной церкви во время войны рождала отклик у верующих. Восстановление знаков отличия в Красной армии импонировало бывшим царским офицерам. Создание наркоматов иностранных дел и обороны в каждой из советских республик породило иллюзию децентрализации и демократизации. Роспуск Коминтерна в мае 1943 г. говорил об отказе от идей мировой революции и пролетарского интернационализма.

Свое тяготение к Советскому Союзу эмигранты выражали по-разному. Советские консульства в Харбине,

Синьцине, Дайрене, Тяньцине, Бэйпине и Шанхае захлестнула волна просьб о советском гражданстве. Молодые эмигранты рвались в Красную армию. Обладатели советских паспортов, в том числе бывшие «редиски», говорили о репатриации. Торговцы искали покровительства у советских дипломатов. Банкиры вдруг открыли для себя достоинства социализма. Тысячи людей, в 1932 г. приветствовавших японцев, а в 1941 г. — Гитлера, в 1944 г. аплодировали Сталину. Конечно, этот новый порыв выглядел более искренним, потому что он был основан не только на желании выжить, но и на любви к родине.

Новоявленный интерес к СССР поначалу вызвал настороженную реакцию советских представителей в Маньчжоу-Го, сомневавшихся в его искренности; кроме того, до конца 1944 г. или даже позже, вероятно, действовала инструкция Москвы не давать Японии лишнего повода обижаться. Только в 1945 г., когда поражение Германии и Японии стало очевидным, Советы стали напрямую обращаться к маньчжурским эмигрантам с целью заручиться их поддержкой. В феврале в Сибири начала работать радиостанция «Отчизна» для русских слушателей в Маньчжоу-Го. В марте в Харбине стали ходить по рукам номера подпольной просоветской газеты «Харбинская правда». 20 апреля командующий Квантунской армией генерал Ямада Отодзо послал министру иностранных дел Того Сигэнори совершенно секретную телеграмму, где признал, что советская пропаганда оказывает сильное воздействие на умы русских эмигрантов, среди которых широко распространилось недовольство и имеются даже перебежчики.

Бюро по делам русских эмигрантов испытывало не легкие времена. В 1944 г. умер генерал Кислицын, номинальный глава БРЭМ с 1938 г.; его сменил чуть менее дряхлый генерал Лев Власьевский. Родзаевскому и Матковскому, возглавлявшим соответственно культурно-просветительный и регистрационный отделы, приходилось проводить в жизнь японскую политику в обстановке все меньшего послушания. Правда, эту задачу несколько облегчило возвращение старого друга Акикусы Сюна. В 1932—35 гг. майор Акикуса из «Токуму кикан» был советником при РФП (затем — ВФП). Послужив в военном министерстве, в генеральном штабе, в пограничных войсках на Уссури и дойдя до генерал-майора, Акикуса в феврале 1945 г. вернулся в Харбин

в качестве начальника разведки Квантунской армии. Акикуса поддерживал хорошие отношения не только с Родзаевским и Матковским — многие в харбинской русской колонии считали его благородным человеком и относились к нему с уважением и доверием.

Разгром третьего рейха в конце апреля — начале мая 1945 г. породил в душах маньчжурских русских бурю противоречивых чувств. С одной стороны, можно было радоваться. Гитлер был мертв, его военная машина — разрушена. Русские солдаты овладели Берлином, как сто тридцать лет назад их предки — Парижем. В измученной Европе воцарился мир, и, казалось, пришла пора залечивать раны, восстанавливать разрушенное, прощать былых врагов. С другой стороны, эту мечту разрушала тревога. На Тихом океане, в Китае и в Юго-Восточной Азии все еще бушевали бои. Не захочет ли Советский Союз, воодушевленный блистательной победой над Германией, вмешаться в дальневосточную войну и свести с Японией старые счеты? Что станет в таком случае с русскими эмигрантами в Маньчжоу-Го — наиболее вероятном месте советско-японской схватки? Слухи вспыхивали в русских общинах, как пожар: пламя страха пожирало сухую траву неизвестности. Японцы под угрозой расстрела заставят всех воевать с Красной армией. Отряды НКВД, уничтожив лидеров эмигрантских организаций, отправят остальных на Колыму. Нечто подобное уже случилось в 1942 г., когда Красная армия вторглась в Северный Иран: русские эмигранты были схвачены и скопом отправлены (как говорили) в среднеазиатские лагеря.

Летом 1945 г. предвестия катастрофы умножились. Американские бомбардировщики Б-29 безнаказанно бомбили Дайрен и Аньшань. Радио «Отчизна» заявляло, что Япония собирается мобилизовать всех русских мужчин для отправки на фронт. Сотни эмигрантов в панике пытались выбраться из Маньчжоу-Го. Но усилия были тщетны. Японцы дали БРЭМ указание не выдавать заграничных паспортов. С приближением развязки Маньчжоу-Го все больше походило на огромную западню.

Ни японцы, ни русские не знали, что судьба Маньчжоу-Го уже была решена. В секретном соглашении, подписанном 8 февраля 1945 г. в Ялте Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем, Соединенные Штаты и Великобри-

тания давали санкцию на советские территориальные и прочие приобретения на Дальнем Востоке и обещали обеспечить согласие на них Чан Кай-ши. В свою очередь, Сталин обязался нанести удар по Японии через три месяца после капитуляции Германии. После этого дипломаты освободили сцену для военного финала, хотя многим актерам были еще неведомы их роли.

В феврале 1945 г. на всем протяжении СССР началась колоссальная переброска войск: соединения Красной армии, освободившиеся на европейском фронте, отправлялись на Дальний Восток. Шесть месяцев по Сибири нескончаемым потоком ползли поезда; тридцать девять дивизий, проделав путь в восемь тысяч километров, присоединились к девятнадцати дивизиям, охранявшим советско-маньчжурскую границу с 1941 г. Танки, самолеты, боеприпасы, провиант — все это двигалось по железной дороге через бескрайние сибирские просторы и размещалось широкой дугой от Внешней Монголии вдоль рек Аргунь, Амур и Уссури до Владивостока. К августу гигантская сила в 1 500 000 солдат и офицеров, 26 000 орудий и минометов, 5500 танков и 3800 военных самолетов с трех сторон взяла Маньчжоу-Го в клещи. Закаленному в боях бывшему начальнику генштаба маршалу А. М. Василевскому поручили командовать последней из великих кампаний второй мировой войны, в ходе которой ему предстояло уничтожить Квантунскую армию и оккупировать Маньчжоу-Го, Корею к северу от тридцать восьмой параллели, Южный Сахалин и Курильские острова.

Советские клещи охватили хваленую Квантунскую армию, в начале августа 1945 г. состоявшую из 787 000 военнослужащих, 1215 танков, 1800 самолетов, 6700 тяжелых орудий и минометов. Кроме того, ей было придано около 200 000 солдат в составе маньчжурских и монгольских марионеточных войск сомнительной надежности. Четыре тысячи русских из бригады Асано, сгрудившихся у Харбина и Хайлара, бросались в глаза, как косточки в арбузе. Возглавлял их назначенный японцами полковник-армянин Гурген Наголян.

В августе положение Японии в Маньчжоу-Го с военной точки зрения было даже хуже, чем можно предположить исходя из цифр. Из-за американских подводных лодок снаряжение, поступавшее морским путем с Японских островов, шло только тонкой струйкой. Бензин

был в таком дефиците, что некоторые самолеты летали на топливе, сделанном из сосновых шишек. От Квантунской армии остался только скелет, обтянутый кожей. Когда-то первоклассное войско, состоявшее из самых закаленных солдат и офицеров в императорской армии, она лишилась хорошо обученного личного состава и современного снаряжения, которые перебрасывались на трещавшие по швам передовые позиции на Марианских и Филиппинских островах. Самая опытная часть была сформирована весной 1944 г. Танки по сравнению с советскими были легкими и несовершенными. Артиллерия была маломощная, скудная и устаревшая; одна дивизия ее вовсе не имела. Почти все лучшие самолеты и летчики покоились на дне Тихого океана, в джунглях Соломоновых островов или среди вулканического пепла острова Иводзимо.

Плохо укомплектованная и плохо вооруженная, Квантунская армия не могла, впрочем, пожаловаться на отсутствие сигналов, предупреждающих о советском нападении. В феврале разведка уловила признаки переброски советских войск из Европы на Дальний Восток. В марте она узнала о ялтинском обещании Сталина. 5 апреля нарком иностранных дел Вячеслав Молотов публично денонсировал советско-японский пакт о нейтралитете, срок которого истекал 13 апреля 1946 г. В мае военные приготовления Красной армии вокруг Маньчжоу-Го уже не вызывали сомнений. Столь же угрожающе выглядел массовый отъезд из Японии и Маньчжоу-Го советских дипломатов с семьями.

При всем том разведка Квантунской армии упорно отодвигала предполагаемое время советского нападения. В апреле армейские стратеги доказывали, что СССР вступит в войну в апреле 1946 г., предполагая, что, денонсировав пакт о нейтралитете, Москва даст Японии годичную отсрочку. В мае из токийской императорской штаб-квартиры в Синьцзин поступило предупреждение о том, что советское вторжение может начаться уже в августе или сентябре, но разведка Квантунской армии придерживалась иного мнения, считая, что крупная кампания в 1945 г. не начнется из-за ограниченных возможностей Транссибирской железной дороги. Но после того как 26 июля на Потсдамской конференции была принята декларация, призывавшая Японию к безоговорочной капитуляции, Квантунская армия пересмотрела эти оценки и стала ожидать «дня икс» в конце августа.

Действительно, именно этот срок назвал Сталин Трумэну в Потсдаме, но после Потсдама Сталин решил поторопиться, боясь, как бы война не кончилась прежде, чем СССР сможет, по словам маршала Малиновского, «выполнить свои обязательства перед США и Англией, предусмотренные Ялтинским соглашением».

8 августа в 17.00 в своем кремлевском кабинете Молотов вручил японскому послу Сато Наотакэ ноту, где говорилось, что с 9 августа Япония и СССР будут находиться в состоянии войны. В этот момент в Хабаровске наступила полночь, и маршал Василевский только что приказал советским войскам начать сжимать клещи. Через десять минут передовые части Забайкальского фронта без шума проникли в Маньчжоу-Го. В течение часа границу перешли подразделения Первого и Второго дальневосточных фронтов; кое-где наступлению предшествовала артиллерийская подготовка, в других местах оно началось скрытно под покровом грозы.

Японцы были полностью захвачены врасплох. Начавшаяся в сентябре 1939 г. blitzkriegом, вторая мировая война им же и закончилась — шестью годами позже и шестью тысячами миль восточнее.

В преддверии советского вторжения некоторые русские в Маньчжоу-Го инстинктивно чувствовали, что оно близится. Но мало кто мог сказать, что оно принесет с собой: рабство или свободу, наказание или прощение, изгнание или репатриацию. Часть эмигрантов ожидала худшего — и правильно делала. Атаман Семенов, например, хорошо понимал, что с ним будет. Понимал это и бывший генерал НКВД Г. С. Люшков, который в 1938 г. сбежал в Маньчжоу-Го и, рассказав японцам все, что знал, жил теперь в Мукдене один, без всякой защиты, и не питал никаких иллюзий о том, как с ним поступят бывшие коллеги.

А что же Константин Родзаевский, бывший вождь русских фашистов? Он не участвовал в гражданской войне. Его партия была распущена японцами в 1943 г. Сочтут ли советские органы, что он заслуживает наказания? Ответ, конечно, был очевиден, но каким-то образом он ускользнул от Константина Владимировича, который в последующие несколько недель принял головокружительные решения по коренным вопросам.

РОКОВОЕ ПЕРЕРОЖДЕНИЕ

Сталинизм — это как раз то самое, что мы ошибочно называли «российским фашизмом», это — наш российский фашизм, очищенный от крайностей, иллюзий и заблуждений.

Константин Родзаевский (1945 г.)

Хотя слухи о том, что Советский Союз включается в тихоокеанскую войну, с начала 1945 г. будоражили всех русских эмигрантов в Маньчжоу-Го, большая часть из них была застигнута врасплох, когда утром 9 августа они, проснувшись, узнали, что СССР и Япония находятся в состоянии войны и Красная армия уже перешла Амур, Уссури и границу Внешней Монголии. Услышав заявление ТАСС о начале войны по радио «Отчизна», начальник БРЭМ генерал Лев Власьевский кинулся в харбинскую военную миссию к Акикусе Сюну за информацией и инструкциями. Но Акикуса был слишком занят, чтобы поговорить с подопечным. Власьевского попросили приехать позже, и он потерянно потащился обратно в Бюро без малейшей идеи о том, что следует предпринять. Старый казак так привык следовать японским указаниям, что полностью утратил способность к самостоятельным действиям. Он собрал начальников отделов БРЭМ, в том числе Родзаевского и Матковского, и сказал, что решения можно будет принимать только после разговора с Акикусой, который, вероятно, состоится на следующий день.

В тот же день БРЭМ осадили толпы возбужденных эмигрантов, пытавшихся выяснить, что происходит и надо ли им уезжать из Харбина. Родзаевский убеждал их, что следует выждать, пока положение на фронте не прояснится. Не удовлетворившись столь туманными заявлениями, некоторые обратились к Матковскому с теми же вопросами: войдет ли Красная армия в Харбин и собираются ли японцы эвакуировать тех русских, которые не пожелают оставаться в городе. Матковский явно нервничал и повторил, что ответ будет ясен только после встречи Власьевского с Акикусой. Когда кто-то неожиданно спросил его, собирается ли он сам покинуть Харбин, обычно сдержанный Михаил Алексеевич не-

сколько смутился и пробормотал, что не стоит заниматься праздными предположениями.

9 августа японцы пребывали в таком же неведении о передвижениях советских войск, как и русские эмигранты. Командование Квантунской армии поначалу уменьшило масштабы вторжения. Привыкшие к пограничным инцидентам, генерал Ямада Отодзо и его начальник штаба генерал-лейтенант Хата Хикосабуро решили, что произошла провокация местного значения. Отсутствие воздушных налетов (из-за плохой погоды) усугубило ошибку. Лишь к концу дня они начали осознавать всю серьезность маньчжурского кризиса.

В последующие три дня Квантунская армия была смята, как тростник под паровым катком. Три советские группы армий прорвали внешнюю линию обороны и двигались к Синьцзину и Мукдену с востока, запада и севера. В некоторых местах части Красной армии тихо переходили границу и овладевали позициями японцев, не давая им сделать ни единого выстрела. Участки, где оказывалось упорное сопротивление, как, например, укрепленный район Халун-Аршан близ Номонхана, советские войска просто обходили и устремлялись дальше, на Центрально-Маньчжурскую равнину. Отдельные японские части бились отчаянно, но гибли одна за другой под сокрушительным огнем. Японские пехотинцы привязывали к поясам гранаты и бросались под советские танки. Не меньшую самоотверженность проявляли и красноармейцы: некоторые из них закрывали своими телами амбразуры японских огневых точек.

Если у границ Маньчжоу-Го пылал пожар, то в Харбине воцарилась зловещая тишина. Сражения шли далеко от города, а затянутое тучами небо по-прежнему мешало воздушным налетам. Но под безмолвием прятался страх — ведь Харбин оказался изолирован от остальной части Маньчжоу-Го. Нарушилась радиосвязь между военной миссией и штаб-квартирой Квантунской армии в Синьцзине. Русская коммуна жила слухами; говорили, что Япония вот-вот сложит оружие. Беженцы из окрестных деревень рассказывали душераздирающие истории о бунтах в армии Маньчжоу-Го и зверских расправах китайцев и корейцев над японскими военнослужащими и гражданскими лицами. Люди шептались о том, что Красная армия войдет в Харбин через несколько дней, а может быть, через несколько часов.

Бегство

Как только стало ясно, что Маньчжоу-Го неминуемо будет захвачено советскими войсками, эмигранты начали собираться группами и, заперев двери и закрыв ставни, совещаться, как быть дальше. Мнения разделились: одни считали, что надо оставаться в Харбине, другие говорили, что следует пробиваться на юг, в Китай или Корею,— других вариантов не было. Выбор оказался трудным: и то и другое решение было связано с риском и жертвами. Эмигранты старшего поколения вспоминали свои беженские мытарства и не хотели повторять все сначала. Кроме того, бегство означало потерю с таким трудом накопленного имущества. Сторонники эвакуации предупреждали, что, даже если Красная армия воздержится от насилия и грабежей, вслед за ней придут органы НКВД с большими списками людей, подлежащих аресту. Пессимистам возражали, что, одержав только что великую победу над Германией, Сталин не унижится до мести бывшим соотечественникам. Эти благие упования всячески поддерживались сотрудниками советского консульства в Харбине, которые при каждом удобном случае заявляли, что больше нет ни советских, ни эмигрантов — есть только русские люди. Красная армия освободит братьев-россиян от японского ярма и не причинит им ни малейшего вреда.

Пока тысячи эмигрантов колебались между бездействием и бегством, Власьевскому 10 августа удалось наконец встретиться с Акикусой. Тот оказался в таком же смятении, как и все остальные. Он выглядел осунувшимся из-за бессонницы и сказал, что связь со штабом Квантунской армии прервана и поэтому невозможно составить представление о ситуации в Маньчжоу-Го в целом. Он пообещал сделать все возможное, чтобы помочь эвакуироваться тем русским, которые захотят уехать в Китай или Корею. Он протянул Власьевскому бумагу, где говорилось, что Квантунская армия получила известие об объявлении Советским Союзом войны Японии, и попросил передать Родзаевскому, чтобы он включил это в заявление от имени харбинской военной миссии, обращенное к русской коммуне. Акикуса явно нервничал и едва сдержал слезы, когда разговор мимоходом коснулся возможной капитуляции Японии.

Как только Власьевский рассказал начальникам отделов БРЭМ о совещании с Акикусой, разгорелись спо-

ры о том, следует ли воспользоваться японским предложением об эвакуации. Родзаевский в них не вмешивался, проявляя несвойственную ему сдержанность. У него были свои планы.

Родзаевский собирался при первых признаках появления советских войск отправиться в Тяньцзинь. 10 августа он раскрыл свои намерения трем молодым «соратникам» — Мигунову, Гольцеву и Сеньжину — и своей восторженной поклоннице Вере Яньшиной. Они тут же согласились ехать с ним. Он велел им собрать все ценное и самую необходимую одежду и быть готовыми отправиться в любую минуту. Военная миссия, пообещал он, снабдит их фальшивыми паспортами, оружием, продуктами и лошадьми. На вопрос о том, как он поступит со своей семьей, Константин Владимирович ответил, что его отец, жена Неонила и двое детей, Ольга и Владимир, останутся в Харбине. Похоже, что к этому времени все отношения с Неонилой у него прекратились, и к тому же его маленький сын был болен.

Родзаевский отказался от плана конного путешествия рано утром 12 августа, когда советник военной миссии при БРЭМ майор Акаки известил Власьевского о том, что в восемь вечера того же дня с центрального вокзала Харбина отправится особый поезд, на котором будут вывезены русские коллаборационисты. Конечный пункт следования был неизвестен, но предполагалось, что это Тяньцзинь или Дайрен. Услышав объявление Акаки, несколько сотрудников БРЭМ кинулись по домам предупредить семьи, остальные начали жечь архивы. Вдруг пронесся слух, что всех пассажиров поезда японцы собираются ликвидировать в дороге. Тут многие задумались. Матковский, которому после 9 августа стала изменять обычная уравновешенность, пробормотал, что хотел бы ехать, но «некоторые обстоятельства» требуют, чтобы он на какое-то время задержался в Харбине. Он неуверенно добавил, что Маньчжоу-Го теперь, вероятно, оккупируют американские войска, что гарантирует безопасность населения.

Вечером на вокзал явилось только около двадцати русских беженцев. Залы ожидания и перроны были полны японских гражданских лиц — в основном членов семей деловых людей, торговцев и железнодорожников с ЮМЖД. Матери несли на спинах малышей, а дети чуть постарше ковыляли рядом, дивясь на суматоху. Все эти люди отчаянно пытались выбраться из Маньчжоу-Го,

пока не поздно. Почти все понимали, что наличный подвижной состав вместит лишь некоторых счастливицков. Тем не менее никто не уходил, пока теплилась хоть какая-то надежда.

У одной из платформ стояло то, чего и вообразить было нельзя: пустой поезд из одного вагона второго и двух вагонов третьего класса, прицепленных к старенькому паровозу. Туда и направились собравшиеся русские во главе с проводником-японцем. Полиция зорко следила, чтобы на поезд не пробрался никто из вокзальной толпы.

Незадолго до восьми явился майор Акаки; увидев, как мало пришло русских, он распорядился отложить отъезд на несколько часов и лично отправился за теми, чье отсутствие больше всего бросалось в глаза. Примерно в полночь Акаки вернулся с генералом Власьевским, его женой и сыном. В последнюю минуту Власьевский решил остаться, но Акаки все же склонил его к отъезду — якобы чуть ли не угрожая револьвером. Матковский появился на станции, но сказал Акаки, что остается на посту исполняющего обязанности начальника БРЭМ, чтобы проводить в жизнь указания военной миссии. Родзаевский и четверо его спутников в уговорах не нуждались: они явились на станцию заблаговременно. Среди пассажиров особого поезда были также бывший инспектор полиции Николай Мартынов (главарь похитителей Каспе), бывший репортер газеты «Наш путь» Иллор Карнаух, начальник четвертого отдела БРЭМ Михаил Гордеев и два японца: комендант и проводник.

Незадолго до рассвета 13 августа допотопный паровоз дал резкий свисток, и его труба изрыгнула густой дым. На глазах у ошеломленных японцев, беспомощно сгрудившихся на платформах, три вагона нехотя тронулись с места. Минутами позже поезд уже громыхал в юго-западных пригородах Харбина. Из-за темноты сорок русских пассажиров не смогли даже бросить последний взгляд на то, что в изгнании было их домом.

Двигаясь на юг по ЮМЖД, поезд ненадолго остановился в Синьцзине, чтобы забрать местных сотрудников БРЭМ, которым Родзаевский послал телеграмму накануне вечером. Но на станции никого не оказалось — возможно, телеграмму не получили. Во второй половине дня 13 августа поезд прибыл в Мукден.

Вокзал в Мукдене был полон беженцев и слухов. Говорили, что советские войска приближаются к городу с востока и запада, зажав его в клещи. Советские

Штаб-квартира отделения Всероссийской фашистской партии
в Маньчжоули близ советской границы
(Северо-Западная Маньчжурия)

НАШ ПУТЬ

Год издания III

Ежедневный орган Русской Национальной мысли за рубежом

№ 203.711

Харьков

Четверг 7 ноября 1935 г.

Цена 20 Фил. го-бн.

7-XI
1917

СЕГОДНЯ - 18-ая годовщина КРОВАВАГО „ОКТАБРЯ“

7-XI
1935

- 18 лет тому назад с карты мира исчезла П О С С Р
- 18 лет тому назад началось Еврейское Царство на РУССКОЙ ЗЕМЛИ
- 18 лет идет армянская эксплуатация, угнетение и уничтожение РУССКОГО НАРОДА.

Долой Кагановичей!

На смьну - Еврейскому октябрю --

Красный Октябрь

В этот день в 1917 году еврейские агенты в России совершили кровавый переворот, который привел к установлению еврейского царства. Этот день является годовщиной трагедии для русского народа. Мы должны помнить этот день и бороться за освобождение России от еврейского ига.

Иосиф Сталин
Тоталитарный диктатор
и предатель Родины

- 18 лет тому назад русский народ попал в страшную кабалу
- 18 лет тому назад началось угнетение РУССКОЙ НАЦИИ.
- 18 лет, обреченным к рабству русским народом правят Мировой Евреи.

Долой компартию!

-- да придет Фашистский Май!

Фашистский Май

Фашизм является единственным спасением для русского народа. Мы должны приветствовать приход фашистского мая, который принесет свободу и справедливость в нашу страну. Еврейские агенты и коммунисты должны быть уничтожены.

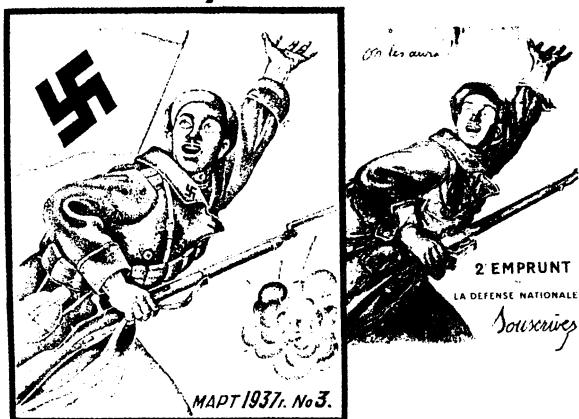
Порочный акт чудовища — Октябре

СЕГОДНИ — ДЕНЬ ОБЩЕРУССКОГО ТРАУРА
по миллионам убитым, по миллионам замученным,
по миллионам задыхавшимся в красном плену
ВСЬ НА ПЛАНКИДУ ПО НЕЖЕЛАН «ДО-КРАСНЫХ
ЛЮДОВОД!
ВСЬ НА ОБЩЕРУССКИЕ СОБРАНИЯ — НЕПРИМИРИМОСТИ

Цена настоящего № ра 20 фил или 10 эк. цент.
Весь бор в Фонд Протвокоммунистической Борьбы.

Выпуск газеты «Наш путь» от 7 ноября 1935 г.

НАЦИЯ

Обложка журнала «Нация» и французский плакат 1915 г.

НАЦІЯ

Обложка журнала «Нация»

Генерал Араки Садао

Муссолини-Гитлер-Араки-Семенов!..

СЕМЕНОВ Г. Г. СЕВЕРИЯ
Российский империалист

Привѣт Вождям Нового Человѣчества.

Да будет Россия — да погибнут наши имена.

ГЕН. АРАКИ

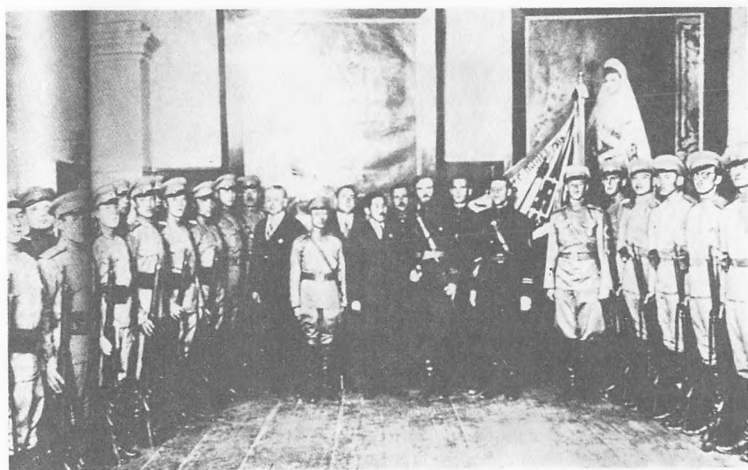

Nash Put issue of September 13, 1936, hailing Mussolini, Hitler, General Araki Sadao, and Cossack hetman Grigory Semenov as *vozhds* of "new mankind." The article calls for a "White International" and predicts the alliance of Japan, Germany, and Fascist Russia. Semenov, a bitter rival of Russian fascists, was no doubt included on the advice of Japanese authorities.

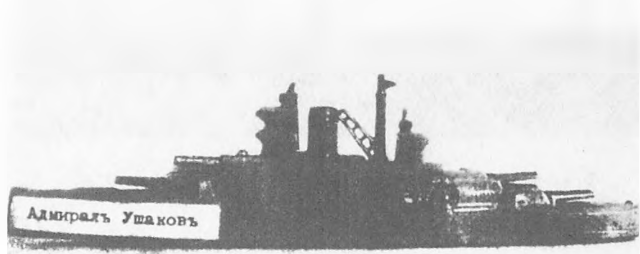
Фрагмент газеты «Наш путь» от 13 сентября 1936 г.

Фрагмент газеты «Наш путь» от 13 сентября 1936 г.

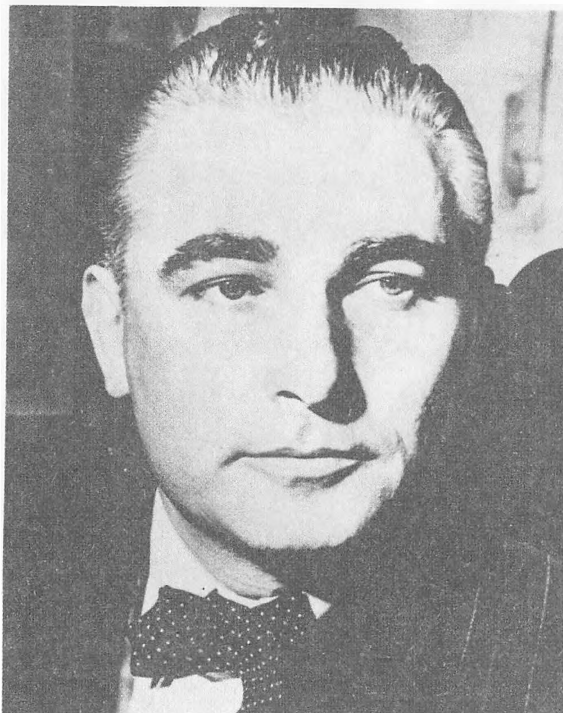
Константин Родзаевский (в центре, с бородой)
со своими последователями в штаб-квартире РФС в 1940 г.
Справа от него — «Костя» Накамура.
Слева, в черном, — Александр Болотов и Лев Охотин.
Справа от Накамуры — Сергей Долов

«Адмирал Ушаков», флагман Российского фашистского флота.
Построен на верфях Вулворта около 1937 г.
Водоизмещение — около 160 000 миллиграммов.
Порт приписки — подоконник в «Девятнадцатой лунке»
(Томпсон, Коннектикут)

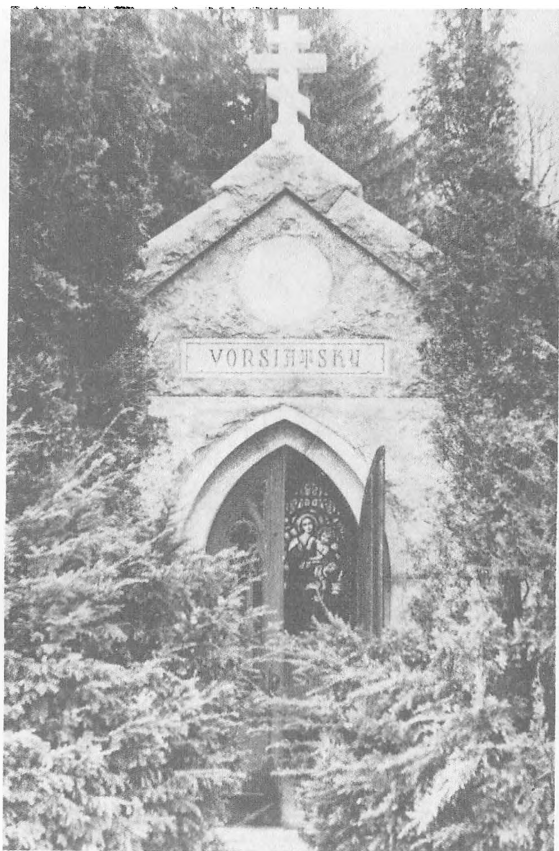
Последователи Вонсяцкого в Шанхае празднуют Рождество 1939 г.

Томас Дж. Додд

Анастасий и Мэрион Вонсяцкие в доме Мэрион в Тусоне (Аризона)
в 1962 г.

Мавзолей Вонсяцкого на Западном кладбище в Томпсоне
(фото 1973 г.)

парашютисты якобы уже высадились в Дайрене и Порт-Артуре, что перечеркивало все надежды на спасение морским путем через порты на Квантунской территории. Железная дорога, которая шла вдоль Ляодунского залива к Великой Стене и Тяньцзиню, была пока открыта, но советские танковые колонны стремительно двигались через Внутреннюю Монголию и могли перерезать ее в любую минуту. Только один путь казался пока что сравнительно безопасным: на юго-восток, к корейской границе.

В восемь часов вечера особый поезд отправился из Мукдена; он шел горной местностью, пробираясь сквозь туннели. На рассвете 14 августа пассажиры увидели широкую реку. Это была Ялуцзян, разделявшая Маньчжоу-Го и Корею. Вдруг раздался визг тормозов, и поезд остановился. Загораживая дорогу, на рельсах стояли японские солдаты. Комендант и кондуктор спрыгнули и отправились к ним. Тем временем поезд подался назад и перешел на запасной путь. Время, казалось, перестало двигаться — пассажиры сидели и ловили каждый звук, считая себя брошенными на произвол судьбы. Прошло, наверно, чуть больше часа; комендант и проводник вернулись, и поезд тронулся. Все было облегченно вздохнули, но тут увидели, что едут обратно — на север.

Родзаевский проклинал себя за то, что уехал из Харбина. Он не мог себе простить, что пытается спастись вместе с другими коллаборационистами, когда его беззащитные жена и дети ждут в Харбине прихода Красной армии. Семейные неурядицы стали казаться несущественными при мысли о том, что могло случиться с Неонилой в руках следователей из НКВД. Не в состоянии усидеть на месте, он вскочил и принялся ходить взад и вперед по вагону, бормоча себе под нос, что он-де построит заново Российскую фашистскую партию и еще померится силами со Сталиным. Посреди фразы рот это вдруг скривился. Закрыв лицо руками, Родзаевский бессильно опустил на сиденье, и его тело содрогнулось от рыданий. Все были поглощены своими невеселыми думами, и никто не обращал особого внимания на бывшего «вождя».

Вечером 14 августа поезд вновь прибыл в Мукден, где к нему прицепили новые вагоны с русскими беженцами из Харбина; оттуда он пошел на юго-запад вдоль Ляодунского залива. Все были охвачены страхом. Каж-

дый знал, что времени отпущено мало. Если идущие с севера советские танковые колонны перережут пути, пассажирам будет крышка. В довершение всего комендант приказал зашторить окна. В вагонах стало невыносимо жарко и душно; час за часом поезд тащился к Великой Стене.

Через двадцать часов после отъезда из Мукдена поезд резко остановился. В вагон вошел японский офицер и еле слышно сказал что-то коменданту. Тот закрыл лицо руками. Русские пассажиры немедленно поняли, в чем дело: война окончена. Сколько ни накопилось горечи за четырнадцать лет «царского пути», многие испытали сочувствие к побежденным. Теперь они были братья по разгрому и унижению.

Несколькими часами позже поезд снова встал. По вагонам прошел подавленный комендант, бормоча, что можно поднять шторы. Вагоны залил яркий свет; шурясь, люди прильнули к окнам. Кто-то воскликнул: «Мы в Китае!» По всему поезду раздались вздохи облегчения и возгласы радости. Станция называлась Пейтахо — это был китайский приморский городок и фешенебельный летний курорт для европейцев и американцев в 120 милях от Тяньцзиня.

Китай резко отличался по атмосфере от Маньчжоу-Го. Первое время русские беженцы из Харбина ощущали себя там в полной безопасности. В Пейтахо покой был разлит в самом воздухе — город почти не затронула война. Кошмар остался позади, впереди ждала новая жизнь.

Общее ликование не коснулось Константина Родзаевского. Он знал, что прошлого так просто не зачеркнуть. Его семья оставалась в Харбине. И какой-то голос из глубины подсознания нашептывал ему, что рано или поздно придется перевестись с отечеством.

Перерождение

После короткой стоянки в Пейтахо поезд продолжил путь в Тяньцзинь, куда прибыл 16 августа. На вокзале пассажиров встретили представители местного Бюро эмигрантов и японской военной миссии, которые на скорую руку устроили им временное жилье в редакции русской газеты.

Большая часть русской колонии Тяньцзиня встретила вновь прибывших отнюдь не с распростертыми объ-

ятями — ведь и без них в городе недоставало жилья и продуктов. Видные коллаборационисты, они были запятнаны связью с японцами, а от этого все теперь старались держаться подальше. Власть в Тяньцзине переходила от японцев в руки китайских националистов, но Красная армия была слишком близко, чтобы местные русские эмигранты могли ее сбросить со счета. Вдруг Сталин прикажет занять город, в котором находятся столь известные антисоветские деятели? Старожилы хотели бы, чтобы харбинцы уехали от них в Шанхай, и говорили им об этом в лицо. Тревога и враждебность улеглись только через несколько недель, и за это время большинство харбинцев успели раствориться в русской общине, причем некоторые скрыли свое прошлое.

Родзаевский, однако, так и остался явным отщепенцем, поскольку вся русская коммуна Тяньцзиня отвернулась от него. Бюро эмигрантов не помогло ему найти жилье, и он вместе с любовницей Верой Яньшиной и тремя молодыми последователями делил помещение с семью красноармейцами-дезертирами, бежавшими в Китай через Маньчжоу-Го в разное время в течение 30-х годов.

Родзаевский вовремя успел выбраться из Маньчжоу-Го. 17 августа, в день, когда Квантунская армия получила из токийского генерального штаба приказ о прекращении огня, советские клещи сомкнулись, и Красная армия заняла Синьцзин и Мукден. 18 августа части генерал-майора Г. А. Шелахова вошли в Харбин. Начальник штаба Квантунской армии генерал-лейтенант Хата Хикосабуро находился на аэродроме; накануне он договорился обо всем с Акикусой и советским консулом в Харбине. На рассвете 19 августа красноармейцы заняли железнодорожные вокзалы и мост через Сунгари, а на главных дорогах установили посты. В тот же день Хата отправился на самолете в ставку маршала Василевского для подписания формальной капитуляции. Марионеточный император Маньчжоу-Го Генри Пу-и был схвачен советскими военными на аэродроме Мукдена, где он пытался сесть на самолет, готовый к вылету в Японию.

Конец Маньчжоу-Го не вызвал особых сожалений у местных жителей, но принес тяжкие страдания японцам, которые там жили, работали или служили в армии. Примерно 563 000 военнопленных из Квантунской армии послали на «исправительные работы» в разные лагеря от Харькова до Камчатки на срок до одиннадцати лет.

Старшие офицеры, в том числе Ямада, Хата и Акикуса, были отправлены по воздуху в Хабаровск, отданы под суд и приговорены к тюремному заключению как военные преступники. Более миллиона японских гражданских лиц — крестьяне-колонисты, служащие, фабричные рабочие, деловые люди, торговцы, врачи, учителя и бандиты — по меньшей мере год находились в советских руках. Около 83 000 военных и 15 000 гражданских лиц погибли во время боев или были убиты жаждавшими мести китайскими и корейскими партизанами; еще 91 000 погибла до начала 1946 г. от болезней, голода и нищеты. Тысячи людей просто бесследно исчезли.

Покинув Маньжоу-Го, Родзаевский не последовал примеру атамана Семенова и других известных деятелей белого движения, которые стоически ждали прихода чекистов. По официальной советской версии, «палач рабочих и крестьян» Семенов был арестован «органами», после чего «с выражением покорности и смирения рассказывал все как на духу». Эмигрантские источники рассказывают о встрече Семенова с людьми из НКВД более подробно и, может быть, с большей долей вымысла. Согласно одному из них, ночью 19 августа отряд СМЕРШ по заранее согласованному с советским консульством плану спустился на парашютах близ дома Семенова в Дайрене, после чего атаман был на самолете переправлен в Москву. Другой утверждает, что Семенова и его семью три недели держали под домашним арестом и только потом его вывезли в Москву, не дав даже попрощаться с женой и дочерью. По самой романтической версии, казак знал, что за ним придут, и приготовил для особистов роскошное угощение. Вооруженный отряд появился рано утром; Семенов представился, сказал, что документы его в полной сохранности, и пригласил гостей позавтракать. После тщательного обыска полковник, командовавший отрядом, принял приглашение и приказал подчиненным сесть за стол, который ломился от водки и закусок. Семенов поднял тост за победу российского оружия над Германией и заявил, что отдает себя Сталину на суд, но не считает себя виновным, так как всегда был движим любовью к родине. После завтрака полковник встал, объявил, что хозяин арестован, и повез его на аэродром для отправки в Москву.

Вместо того чтобы радоваться спасению от маньчжурской заварухи, Родзаевский в Тяньцзине пребывал в подавленном настроении. Он тосковал по семье, остав-

шейся в Харбине, и тревожился о ее судьбе. Он страдал, видя, что его покинули старые друзья. И самое главное, его ошеломили рассказы о ликовании, с которым в Маньчжурии была встречена Красная армия. Казаки, еще недавно самые надежные антикоммунисты, приветствовали ее с распростертыми объятиями. 19 августа площадь у собора в Новом городе заполнили тысячи русских эмигрантов, кричавших «ура» советским солдатам и размахивавших красными флагами. Бригада Асано разбежалась без единого выстрела. Ее командир полковник Гурген Наголян оказался советским агентом.

Даже бывшие «соратники» без стеснения поддавались стадному чувству. Начальник тяньцзиньского отделения РФС Ушаков гордо разгуливал с советским паспортом в кармане, как и его шанхайский коллега Геннадий Тараданов, который десятью годами раньше поносил Сталина в «Азбуке фашизма». Один из создателей РФО Борис Румянцев стал вице-председателем Ассоциации советских граждан.

Но самым большим потрясением стало предательство Михаила Матковского. Родзаевский ушам своим не поверил, когда услышал, что этот учтивый деятель РФС теперь работает на советскую администрацию. Вдруг стало ясно, почему Матковский так странно повел себя после советского вторжения, почему не захотел уезжать из Харбина, почему выглядел таким нервным и уклончивым. Служил он красным открыто и так же деловито, как раньше служил японцам, занимаясь регистрацией эмигрантов и выдавая им паспорта. Мысль о том, что Матковский передал НКВД документацию БРЭМ, наполняла Родзаевского бессильной яростью. Парень из Благовещенска знал, что советские агенты проникали всюду, но размах этого проникновения, ставший видимым после поражения Японии, потряс его. И подумать только, японцы подозревали в работе на советскую разведку его, Константина Родзаевского! Не иначе Матковский подбросил эту мысль военной миссии.

Мир Родзаевского рушился. Ни в чем более нельзя было быть уверенным. Его окружало сплошное предательство. Он чувствовал себя одиноким и беспомощным.

В начале сентября, когда Константин Владимирович достиг нижней точки уныния, с ним начала происходить необычайная психологическая метаморфоза. Процесс, тонко направляемый извне, развивался постепенно.

Его молодые последователи Гольцев и Мигунов за-

вязали знакомство с двумя словоохотливыми и не стесненными в средствах эмигрантами — Коробковым и Демьяновским. Коробков был протееже Матковского и в прошлом работал на харбинскую «Кемпеи» у Кости Накамуры. До японской капитуляции он выполнял отдельные поручения Накамуры в Бэйпине и Калгане. Демьяновский считался в свое время надежным сотрудником Антисоветского комитета в Тяньцзине, но после окончания войны счел за благо взять советский паспорт и теперь в лепешку расшибался, чтобы доказать свою преданность Сталину. Коробков и Демьяновский пичкали Гольцева с Мигуновым слащавыми описаниями прелестей харбинской жизни после вступления в город Красной армии. Между новыми властями и эмиграцией царит полное взаимопонимание. Былые распри смыты волной братской солидарности. Теперь важно только одно: быть настоящим русским человеком. А что это значит? Это значит любить Родину и доказать любовь делом, взяв советское гражданство и вернувшись в Советский Союз. Дни одиночества и отверженности позади. Пришла пора молодому поколению советских людей и эмигрантов, взявшись за руки, восстановить Россию из руин, вернуть ее прежнее величие. Для достижения этой сияющей цели эмигрантам, особенно молодым, следует проявить искренность и после добровольной репатриации принять участие в решении новых грандиозных задач.

Демьяновский убеждал их, что Родзаевский как раз один из таких замечательных молодых людей, которые именно сегодня могут оказать Сталину неоценимую помощь. Он умен и энергичен, он — зажигательный оратор и опытный пропагандист. Родине жизненно необходимы такие талантливые и самоотверженные люди. У Константина Владимировича не будет особых трудностей с советскими властями. Ведь за него может поручиться Матковский, который теперь вполне благополучно работает на ответственной должности в Харбине.

Гольцев и Мигунов взволнованно пересказывали услышанное Родзаевскому. Бывший «вождь», возможно, чувствовал опасность, но заставить их замолчать не мог. Он начал понимать, что не создан для самоизоляции. Он страстно желал слиться с народом, своим народом, и заверения в том, что Советский Союз примет его, и примет с радостью, действовали на его воображение. Когда он слышал, что может «принять участие в решении

новых грандиозных задач», тщеславной его натуре трудно было сопротивляться.

Доверчивость Родзаевского объяснялась еще и незнанием. О Семенове и других вождях белого движения, захваченных в Маньчжурии, было известно только, что их увезли в Москву. Время судебных процессов еще не пришло. Вести из Харбина доходили отрывочные и не всегда надежные. Под конец Родзаевский привел себя в такое состояние, что ему захотелось поверить обещаниям Демьяновского. Он по-другому теперь стал смотреть на окружавшую его просоветскую эйфорию. Может быть, действительно блудным сынам России пришла пора вернуться в отчий дом. Если так, то он не хотел оставаться позади прочих.

Родзаевский велел Гольцеву и Мигунову продолжать встречаться с Коробковым и Демьяновским и побольше расспросить их о харбинских делах. В последующие дни молодые «соратники» приходили со все более заманчивыми сообщениями: Демьяновский рассказал, например, о том, что бывший почетный член РФС архиепископ Нестор отслужил на соборной площади в Харбине благодарственный молебен, на котором, сняв головные уборы, стояли и красноармейцы. Демьяновский предложил лично доставить письмо от Родзаевского Матковскому, которое могло бы способствовать возобновлению связи бывшего «вождя» с семьей. Коробков сокрушался, что отсутствие Родзаевского в Харбине очень чувствуется. Оба они предупреждали Родзаевского, что долго раздумывать не стоит. Москва может счесть колебания признаком неискренности.

Родзаевский мучительно размышлял над этими предложениями. С одной стороны, последние испытания подорвали его веру в людей. С другой стороны, в тридцать восемь лет он отчаянно хотел все-таки «кем-то стать». После десяти лет работы в качестве «вождя» политического движения он томился по действию, по коллективу, по участию «в решении новых грандиозных задач».

После нескольких дней глубоких раздумий Родзаевский принялся лихорадочно писать. Он буквально вывернул душу наизнанку, совершив драматический *volte-face*, безоговорочно отбросив былые убеждения и страсти и пережив нечто вроде обращения в новую веру. Первым появилось на свет апологетическое сочинение, озаглавленное «Неделя, перековавшая душу». Затем он написал два письма: одно — командующему Забайкаль-

ским фронтом маршалу Родиону Малиновскому, другое — Сталину.

В «Неделе, перековавшей душу» Родзаевский описал происшедший с ним «душевный перелом», в результате которого он осознал преемственность, лежащую в основе российской истории. Пламенному взору его открылось единое начало, связывающее царский и советский периоды: традиция великих завоеваний. Взяв верх над Германией и Японией, СССР продолжил славные дела предков и показал Родзаевскому, каким путем ему следовало идти. Сталин — вот новый Иван Калита, «собиратель московских земель».

Письмо Родзаевского маршалу Малиновскому не сохранилось, но представление о его содержании дает другое интересное послание — Сталину. Семья Родзаевского со всей горячностью отрицает подлинность письма, но имеется ряд надежных свидетельств, подтверждающих ее*.

Константин Владимирович начал с объяснения цели письма:

* Вторая жена Родзаевского Неонила Ялишева в разговоре 27 августа 1974 г. утверждала, что письмо — фальшивка. Такого же мнения был и сын Родзаевского Владимир (письмо от 15 апреля 1977 г.). В книге П. Балакшина «Финал в Китае» (т. 2, с. 122, сноска) говорится, что письмо было написано в трех экземплярах: один был отдан Патрикееву, судьба второго неизвестна, третий был подарен покойным А. П. Воробчуком-Загорским музею русской культуры в Сан-Франциско. Директор музея Николай Слободчиков не смог отыскать этот документ; однако он помнит (письмо от 24 августа 1976 г.), что видел его, и добавляет, что его подлинность подтвердили покойный Николай Косов (бывший полковник армии Маньчжоу-Го) и Анатолий Скрипкин, который уехал из Харбина вместе с Родзаевским. 11 октября 1976 г. Слободчиков также высказал мнение, что за письмо может поручиться бывший репортер газеты «Наш путь» Илиодор Карнаух. И Скрипкин, и Карнаух живы, но получить от них комментарии оказалось невозможным. Профессор Эрвин Оберлендер цитирует письмо как подлинное (E. Oberländer. The All-Russian Fascist Party.— «Journal of Contemporary History», vol. 1, № 1 (1966), p. 173). Бывший «соратник» РФС Николай Петлин, который хорошо знал Родзаевского и женился на его первой жене, 10 октября 1976 г. отметил, что в августе 1945 г. душевное состояние Родзаевского было таково, что письмо «могло быть написано». Письмо иногда фигурирует под названием «Поезд идет на юг» — видимо, потому, что Родзаевский начал думать о нем во время эвакуации на юг (из Харбина в Тяньцзинь). (Примеч. автора.)

Совсем недавно в журнале «Отечественная история» (1992, № 3, с. 92—100) был напечатан полный текст письма. Как утверждает публикатор С. Онегина, его первый экземпляр находится в деле К. В. Родзаевского среди материалов «Судебного процесса по делу антисоветских организаций агентов японской разведки...» (Примеч. переводчика.)

Каждый рабочий, каждый колхозник может обратиться с письмом к Вождю русского народа — Вождю народов Советского Союза — товарищу И. В. Сталину. Может быть, это будет позволено и мне, российскому эмигранту, 20 лет своей жизни убившему на борьбу, казавшуюся мне и тем, кто шел за мной, борьбой за освобождение и возрождение нашей Родины — России.

Я хочу объяснить мотивы существования и деятельности т. наз. Российского фашистского союза и найти понимание мучительной драмы т. наз. российской эмиграции. Поэтому письмо имеет не столько личное значение, сколько пытается наметить выход из тупика многим и многим русским людям, стремящимся принести посильную пользу Родине».

Заявив, что «письмо имеет не столько личное значение», автор его тем не менее взял весьма личный тон, пустившись в подробный рассказ о своей жизни и деятельности. Он объяснил, почему он убежал из Советского Союза и вступил в крайне антикоммунистическое движение. Он вспомнил о своем разочаровании и гневе, когда он не смог попасть в высшее учебное заведение, несмотря на рекомендацию школьного совета. Личные обиды, продолжал он, породили ненависть к коммунизму, которая окрепла после поступления в харбинский юридический институт, когда Родзаевский подпал под влияние итальянского фашизма. Фашизм показался ему действенным лекарством против напавших на Россию недугов — классовой борьбы, интернационализма, засилья евреев и холодных догм диалектического материализма. Фашизм, чудилось ему, может возродить в русских людях животворное национальное чувство, закладывая в то же время основы для достижения социальной справедливости. Величайшей ошибкой, каялся Родзаевский, было непонимание того, что СССР, в сущности, эволюционирует в фашистском направлении.

Наиболее коварную внутреннюю угрозу России, продолжал он, представляют собой евреи, ибо их преувеличенное национальное самосознание подрывает саму основу государства. Сталин и только Сталин сумел разрешить в России еврейский вопрос, ибо, «вырывая еврея из замкнутой, талмудической среды, советское воспитание превращает и еврея в мирного члена советской семьи народов». Российский фашизм и советский коммунизм, утверждал он, имеют общие цели. «Соратники» РФС не понимали, что именно Сталин был их истинным «вождем»:

«Не сразу, а постепенно мы пришли к этим выводам, изложенным здесь. Но пришли и решили: сталинизм это как раз то самое, что мы ошибочно называли российским фашизмом: это — наш «российский фашизм», очищенный от крайностей, иллюзий и заблуждений».

Говоря о своей работе после 1931 г., Родзаевский постоянно переходил от самооправдания к покаянию и обратно. Он признал, что антикоммунистическая направленность партии была ложной, но заявил, что русские фашисты действовали «из любви к Родине». Поддержка Германии была роковой ошибкой — но «соратники» искренне верили, что Гитлер поможет России, освободив ее от ига евреев. Членов РФС называли «советскими», «американскими», «японскими» и «немецкими» агентами, но, по признанию Родзаевского, они работали в основном на Японию. Тем не менее он всегда отказывался выполнять японские директивы, если считал, что они идут вразрез с интересами России. В 1937 г. он прекратил разведывательную и диверсионную деятельность против СССР, и это решение в конце концов привело к роспуску партии японцами. Напротив, Семенов был их послушным орудием и всеми способами старался втереться к ним в доверие. Семеновцы прибрали к рукам БРЭМ и несут всю ответственность за угнетение, испытанное эмигрантами со стороны Бюро. Родзаевский писал, что его бегство из Харбина 13 августа 1945 г. объясняется нежеланием участвовать в войне против СССР:

«Сделав однажды эту страшную ошибку в войне Германии с СССР, мы не могли ее повторить в войне СССР с Японией, начатой СССР явно за русские национальные интересы».

Чем дальше, тем более эмоциональным становился тон письма. В мрачных тонах описав свою жизнь в Тяньцзине, Родзаевский заявил, что он и его «соратники» (которых в действительности было всего трое) жаждут вновь обрести Родину. Он просил «Иосифа Виссарионовича» простить его последователей — они не должны нести ответственности за слова и действия, которые навязывал им он, «вождь» РФС:

«Я готов принять на себя ответственность за всю работу Российского фашистского союза, готов предстать перед любым судом, готов умереть, если нужно. Если советской власти это надо — можно меня убить по суду или без суда».

Но чтобы Сталин не поймал его на слове, Родзаевский тут же добавил, что хочет «начать новую жизнь» в качестве «национал-коммуниста» и «убежденного сталинца»; желая показать, что может принести конкретную пользу, он предложил свои услуги советской администрации в Маньчжурии. Более того, он мобилизует членов РФС во всем мире для агитации эмигрантов за возвращение в СССР «под сталинские знамена» из Азии, Северной и Южной Америки, Австралии.

Письмо завершилось страстным призывом к милосердию, настоящим «*cri de coeur*»*:

«В интересах Родины и революции я прошу Великого Сталина и Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик об издании гуманнейшего акта амнистии всем российским эмигрантам. [...] Смерть без Родины, жизнь без Родины или работа против Родины — ад. Мы хотим умереть по приказу Родины или в любом месте делать для Родины любую работу. Мы хотим все силы отдать нашему народу и святому делу мира всего мира через победу светлых сталинских идей.

[...] Да здравствует Сталин, Вождь народов! [...]

К. В. Родзаевский.

Письма Сталину и Малиновскому вместе с «Неделей, перековавшей душу» Родзаевский через Гольцева передал Демьяновскому. Тот отвез их в Пекин и вручил сотруднику советского посольства Ивану Тимофеевичу Патрикееву. Патрикеев весьма заинтересовался Родзаевским: ведь он находился в Китае с особым заданием — охотиться за эмигрантскими душами.

Охота

В конце второй мировой войны миллионы советских граждан оказались разбросанными по Европе; в основном они находились в Германии, Чехословакии, Югославии и Австрии, но были и в Италии, Франции, Голландии, Дании, Норвегии. Подавляющее большинство составляли пленные красноармейцы, выжившие в нацистских концлагерях. Из них чуть меньше миллиона представителей разных народов добровольно или по принуждению служили во вспомогательных войсках вермахта

* Криком души (*фр.*).

или входили в особые воинские формирования — такие, как Русская освободительная армия генерала Андрея Власова, казачий корпус генерал-лейтенанта Хельмута фон Панвица или туркестанский и кавказские батальоны генерала Ральфа фон Хейгендорфа. Кроме того, на Западе оказались тысячи и тысячи мужчин и женщин, угнанных немцами из Украины и Белоруссии и использовавшихся в рейхе в качестве рабочей силы (Ostarbeiter). Наконец, туда попало большое число коллаборационистов и членов их семей, которые шли на запад вместе с отступающим вермахтом из страха перед Красной армией, точнее — перед отрядами НКВД, следовавшими за ней.

Сталин хотел вернуть всех этих людей в СССР, если нужно — силой. Предатели должны были понести наказание. Но в понимании Сталина предателями являлись отнюдь не только те советские граждане, кто носил немецкую форму или служил врагу, выполняя какие-либо политические функции. В измене автоматически подозревали всех бывших пленных; если человек выходил живым из концлагеря, это считалось доказательством вины. Узников немецких лагерей, которые, чтобы избежать почти неминуемой голодной смерти, шли работать на фабрики, зачисляли в категорию «пособников врага», как и русских женщин, работавших в Германии домашней прислугой.

Сталина интересовали не только вражеские пособники. Ему нужно было репатриировать даже самых стойких военнослужащих и гражданских лиц — ведь и они могли подвергнуться вредному влиянию иной социальной системы и иного образа жизни, что сделало бы их потенциально опасными. После репатриации всех их полагалось тщательно допросить и немалому числу дать возможность внести вклад в строительство социализма под эгидой ГУЛАГа.

Сталин предвидел, что многие советские граждане (их количество западные источники оценивают по-разному — от десятков тысяч до двух миллионов), зная, какая судьба ждет их на родине, не захотят возвращаться в СССР. Если дать им право выбора, может появиться новая русская диаспора не меньше той, что возникла в 1917—22 гг. Сталин, однако, сумел на Ялтинской встрече заручиться письменным обязательством англичан и американцев немедленно передать советским властям всех советских граждан, освобожденных союзными

силами. В тексте Ялтинского соглашения ничего не говорилось о принудительной репатриации, но это подразумевалось по его смыслу, и на этот счет существовало молчаливое согласие сторон. Как омерзительно ни было использование силы для возвращения людей на родину, англичане и американцы согласились с требованием Сталина из соображений политической выгоды. Их тревожила судьба своих собственных военнопленных, освобожденных Красной армией в немецких концлагерях Восточной Европы и ожидающих репатриации в советской оккупационной зоне.

Действуя в духе Ялтинского соглашения, в 1945—47 гг. английские и американские власти согнали и передали в советские руки около двух миллионов русских мужчин, женщин и детей. Силу использовали редко — обман оказался более действенным. Когда будущих репатриантов привозили на грузовиках в пересыльные лагеря, расположенные по периметру советской зоны, делалось все, чтобы создать у них иллюзию безопасности: транспаранты приветствовали их возвращение на Родину, из громкоговорителей струилась праздничная музыка, кухни не скупилась на еду. Когда люди окончательно оказывались в ловушке, комедия прекращалась.

Порой, однако, лилась и кровь. Между 28 мая и 1 июня 1945 г. около 50 000 казаков и членов их семей были насильственно депортированы английскими властями в 120 милях к юго-западу от Вены в городке Юденбурге на реке Мур, разделявшей английскую и советскую армии. Некоторые из казаков при виде поджидавших их красноармейцев бросались с моста, по которому их гнали в советскую зону. Тех, кому удалось бежать в Австрийские Альпы, выслеживали англо-советские патрули. Основную же массу сажали по ту сторону Мура на грузовики, везли к железной дороге и отправляли в СССР, где, в зависимости от звания и послужного списка, кого ждал лагерь, а кого — расстрел.

Среди тех, кого передали в Юденбурге, были эмигранты, покинувшие Россию четверть века назад во время гражданской войны — уж их-то никоим образом нельзя было зачислить в советские граждане. Их депортация не предусматривалась Ялтинским соглашением, но в послевоенной неразберихе на такие мелочи не обращали внимания.

Без сомнения, Сталин особенно старался захватить бывших белых военачальников, с которыми он и другие большевики яростно сражались в 1918—22 гг. Хотя в 1945 г. в живых оставалось не так уж много прежних большевистских вождей, Сталин, как представляется, получил определенное удовлетворение от расправы с разбитыми, но несдавшимися реликтами царской эпохи — суды приговаривали их к повешению, отказывая им даже в последнем праве солдата на пулю. Один такой трофей — казачий генерал Андрей Шкуро, принимавший Вонсяцкого в 1938 г., — был как раз депортирован в Юденбурге.

Но одно дело Европа, другое дело — Дальний Восток. Там руки у Сталина были развязаны только в оккупированной советскими войсками Маньчжурии. Вслед за Красной армией появлялись отряды НКВД с большими списками эмигрантов, которых следовало арестовать, вывезти в СССР и судить по 58-й статье уголовного кодекса 1926 г. за измену Родине, помощь международной буржуазии, шпионаж или какую-либо другую антисоветскую деятельность. Особое внимание было уделено сотрудникам БРЭМ, членам монархических и казацких организаций, Русского общевойскового союза, Союза мушкетеров и, конечно, Российского фашистского союза. С помощью своих людей, действовавших внутри этих организаций — таких, как Матковский в РФС и Наголян в бригаде Асано, — органы быстро выловили кого надо и отправили в тюрьмы Ворошилова, Хабаровска и Читы ждать суда. Светила вроде атамана Семенова, генералов Вержбицкого и Бакшеева посылались прямо в Москву, где шла подготовка к открытым судебным процессам.

Однако к югу от Великой Стены, в самом Китае, у советских органов не было такой свободы действий. Чан Кай-ши не участвовал в Ялтинском соглашении. Генералиссимус вовсе не собирался высылать русских эмигрантов и советских дезертиров. Поэтому Москве пришлось применить в Китае более мягкий метод. Эмигрантов заманивали «домой», взывая к их национальному чувству и играя на их одиночестве.

Этот мягкий метод осенью 1945 г. принес богатый урожай заблудших душ. В октябре в Шанхай приехал советский уполномоченный и огласил Указ Президиума Верховного Совета о прощении всем эмигрантам. Советские дипломаты клялись, что изгнанников

ждет на родине теплая встреча. Не пострадают они и в материальном отношении. Эмигранты могут взять с собой все свое имущество, включая пианино и автомобили, и вправе селиться где пожелают. До Находки можно добраться пароходом, оттуда до места назначения — по железной дороге.

Хотя тысячам простых русских людей, находившихся в Китае, достаточно было подобных заверений, «трудные случаи», каковыми являлись «белогвардейцы», имевшие веские причины опасаться возвращения в СССР, требовали более изощренной тактики. Именно к этим «трудным случаям» было приковано наибольшее внимание НКВД. Чтобы захомутать такого человека, нужен был специалист особого типа. Простое похищение не годилось, оно вызвало бы шум и напугало бы других эмигрантов. Тут скорее успеха мог добиться высококвалифицированный рекламный агент «новой России». В этой роли с блеском выступал Иван Патрикеев.

Патрикеев, которому исполнилось только тридцать пять лет, занимал ответственную должность в советском консульстве в Бэйпине; это был дипломат с мягкими манерами и приятным открытым лицом. В отличие от коллег, он охотно сходил с эмигрантами. Он проявлял к ним не только любезность, но и сочувственный интерес, знал их нужды. Нередко он предлагал им помощь. Но отнюдь не личными пристрастиями объяснялась эта забота об эмигрантском благосостоянии. Она нужна была, чтобы выполнить особое задание Москвы — обеспечить репатриацию в «трудных случаях».

В своем деле Патрикеев проявил настоящую хватку и знание человеческой души. Первым делом он тщательно выяснял прошлое каждого объекта и особенности его характера. Затем он знакомился с человеком и завоевывал его доверие. Никогда не проявляя спешки, он действовал с максимальной осмотрительностью, чтобы не возбудить подозрений у русских эмигрантов, китайского правительства и самой жертвы.

Первой большой удачей Патрикеева стал генерал Лев Власьевский — шестидесятидвухлетний «семеновец» и последний начальник БРЭМ. За пять дней до советской оккупации Харбина Власьевский и его семья уехали в Тяньцзинь на особом поезде. По слухам, он покинул Харбин неохотно — ведь там оставался богатый

дом, не говоря уже о друзьях и воспоминаниях. Узнав об этом, Патрикеев осторожно навел справки среди друзей Власьевских и выяснил, что жена и сын генерала еще менее, чем он, довольны жизнью в Тяньцзине. Тогда Патрикеев окольным путем завязал с женой Власьевского знакомство, и вскоре она уже просила советского дипломата встретиться с ее мужем и сыном. Патрикеев охотно согласился побеседовать с ними «как русский человек с русскими людьми».

Встреча состоялась в один из вечеров на квартире бывшего сотрудника БРЭМ, теперь активно работавшего в тяньцзиньском Обществе советских граждан. Патрикеева представили генералу, и он немедленно перешел к делу, отбросив формальности и тут же покорив всех естественностью поведения. Намекая на сталинские чистки 30-х годов, Патрикеев заметил, что в Советском Союзе наступили новые времена и простые люди могут теперь жить в мире и безопасности. Затем он описал обстановку всеобщего братания, которая якобы царила в Харбине. Осторожно коснувшись побега Власьевского, он сказал, что понимает вынужденность этого шага, принятого «под дулом японского револьвера». Легко догадаться, как тоскует вся семья по своему харбинскому дому. Сомнения относительно возвращения естественны, хотя и беспочвенны. Генерал, с жаром продолжал Патрикеев, может лично убедиться в их беспочвенности, если на несколько дней прибудет в Харбин в качестве гостя народного комиссариата иностранных дел. Его безопасность, безусловно, будет гарантирована. Он в любое время может приехать в Бэйпин и обсудить все с советским послом.

Власьевский призадумался, но наживку проглотил не сразу. Потребовалось еще несколько дружеских встреч с Патрикеевым и просоветски настроенными эмигрантами, а также немалое давление со стороны жены, чтобы генерал начал давать слабину. Важную роль в его обращении сыграл Геннадий Левитин, один из помощников Патрикеева, ловко использовавший ностальгию Власьевского. Он уверял генерала, что по возвращении в СССР он получит пост городского головы в своей родной Чите. В конце концов Власьевский дал себя уговорить. Он знал, что Семенов и Бакшеев, два его ближайших сподвижника, арестованы и отправлены в Москву. Здравый смысл должен был подсказать ему, какая судьба им уготована, но он уверовал в то, что

они уже на свободе и служат отечеству. Впрямую спросить о них Патрикеева он, видимо, не решился.

Через несколько недель Власьевский окончательно сложил оружие и принял предложение Патрикеева. Вдвоем они отправились в Бэйпин, откуда на советском самолете вылетели в Синьцзин (переименованный в 1945 г. в Чанчунь), где Власьевский неожиданно удостоился приема у самого маршала Малиновского. Хотя в Харбин он так и не попал, гостеприимство, оказанное ему в Чанчуне, произвело на него столь глубокое впечатление, что в Тяньцзинь он вернулся убежденным сторонником репатриации.

Прошло еще несколько недель, и в середине октября Власьевский и его семья, тепло попрощавшись с Патрикеевым, поездом отправились в Бэйпин. Они от души поблагодарили его за то, что он помог им начать новую жизнь. В Бэйпине они сели на советский самолет, который, как они ожидали, должен был доставить их в Харбин для радостной встречи с домом и друзьями. Но самолет взял курс на Читу. Вместо делегации местных жителей, приветствующих нового городского голову, Власьевского ждали там люди из НКВД, которые отделили его от жены и сына и посадили на другой самолет. На нем генерал вылетел в Москву, где его, как и Семенова с Бакшеевым, отправили прямехонько на Лубянку.

Патрикеев положил глаз на Родзаевского задолго до того, как покончил с Власьевским. Родзаевский обещал стать еще более важным приобретением. Если генерал представлял всего лишь старую «Белую гвардию», то Родзаевский воплощал в себе предмет еще не остывшей народной ненависти — фашизм. Он должен был хорошо смотреться на московском показательном процессе, являя собой живую связь между белым движением и немецким фашизмом вкупе с японским империализмом. Чтобы прощупать почву, Патрикеев поручил нескольким рядовым сотрудникам вновь открывшегося советского консульства в Тяньцзине пригласить Родзаевского на обед и послушать, что он скажет.

Тем временем Родзаевский переживал мучительные колебания по поводу своей новой религии. Он предавался то горячечным видениям журналистской карьеры в СССР, то паническому страху. Демьяновский и Короб-

ков, с которыми Родзаевский успел познакомиться лично, убеждали его не терять времени и предложили устроить встречу с полезным человеком по фамилии Патрикеев. С другой стороны, Николай Мартынов (бывший инспектор полиции и похититель Каспе, бежавший вместе с Родзаевским из Харбина) настаивал, что Демьяновскому и советским обещаниям верить нельзя. Чутье полицейского говорило Мартынову, что Родзаевского заманивают в ловушку. Но доказать это он не мог. Судьба Семенова и Бакшеева по-прежнему была неизвестна. По Тяньцзиню разгуливал Власьевский, с восторгом рассказывавший о том, как его принимал в Чанчуне маршал Малиновский. В конце концов Родзаевский дал Мартынову слово, что до встречи с Патрикеевым поедет в Бэйпин и посоветуется с человеком, чье мнение значит для него очень много, — архиепископом Виктором, главой православной миссии в Китае.

Виктор без обиняков посоветовал Родзаевскому ехать из Северного Китая как можно дальше, ибо, по слухам, китайские власти собирались выдать всех, кто был связан с РФС, советскому правительству.

Пока Родзаевский обдумывал предостережение Виктора, Гольцев один съездил в Бэйпин, где встретился с Патрикеевым. Совершенно очарованный советским дипломатом, он стал упрашивать Константина Владимировича повидаться с ним лично. Воодушевление Гольцева возымело действие: в конце сентября они поехали в Бэйпин вдвоем, чтобы поговорить с человеком, которого Власьевский превозносил как ангела милосердия.

Патрикеев явно произвел на Родзаевского хорошее впечатление, так как последний быстро перешел к вопросу о репатриации, заявив, что хочет вернуться в СССР, но на определенных условиях. Об условиях Патрикеев промолчал, но самолюбию Родзаевского польстил. Понимающе глядя на свою жертву, он заметил, что такой человек нужен родине. Более того, «преступно» (он умел найти нужное слово) губить за границей столь многогранный талант. Россия стоит перед лицом новых, еще более тяжелых испытаний. Бывшие союзники — англичане и американцы — хотят воспользоваться ее людскими потерями и экономической разрухой и активно вынашивают империалистические планы. В такое время у истинного русского патриота есть лишь один путь — на родину. У Родзаевского есть все данные, чтобы послужить своему народу в качестве журналиста-

агитатора. Вернувшись в СССР, он сможет издавать газету для соотечественников за рубежом. Для него и для его последователей, которые пожелают поехать вместе с ним, репатриация может происходить поэтапно: сначала — пребывание в советском посольстве в Бэйпине, затем — воссоединение с семьей в Харбине, и наконец — отъезд на родину.

Возбужденный и польщенный, Родзаевский провел несколько дней в разговорах с друзьями. Гольцев и Мигунов приняли слова Патрикеева на веру. Сеньжин и Вера Яньшина были настроены скептически. Мартынов тоже.

В начале октября Родзаевский известил Патрикеева о своей готовности приступить к первому этапу репатриации, а именно перебраться в Бэйпин, в советское посольство. Патрикеев немедленно отдал необходимые распоряжения. В пять часов утра в назначенный день Родзаевскому, Гольцеву и Мигунову следовало находиться в условленном месте на Виктория-роуд в Тяньцзине, откуда Левитин должен был на автомобиле отвезти их в Бэйпин. Никто, кроме них троих, не должен был знать об их намерении.

Казалось, все было решено — но Родзаевский снова заколебался. В ночь перед отъездом он не мог уснуть. В час он позвонил Мартынову, рассказал ему все и пожаловался, что его гложет тревога. Страх и злоба мешались в его словах, когда он сказал, что чувствует себя пешкой в обширном советском плане.

Но в пять утра, как и было условлено, три человека стояли на Виктория-роуд, держа в руках скудные пожитки. Подъехал Левитин и жестом попросил их садиться. Не сказав ни слова, они повиновались. Никто их не провожал.

Следующие три недели Родзаевский, Гольцев и Мигунов жили в здании советского посольства в Бэйпине — большом, но весьма запущенном каменном доме с решетками на окнах. Гольцеву и Мигунову разрешалось в случае необходимости выходить в город, но Родзаевскому Патрикеев посоветовал этого не делать ради его собственной безопасности. В утешение бывший «вождь» получил просторную светлую комнату, где кроме кровати стояли письменный и обеденный столы. Внимательный к нуждам дорогого гостя, Патрикеев позаботился и о пианино.

Гольцев и Мигунов пользовались полной свободой

и проводили немало времени в городе. Иногда Патрикеев давал им поручения. Например, он велел им съездить к архиепископу Виктору и попросить его ускорить перевод бэйпинской православной миссии в лоно Московской патриархии. Он отправил их в Тяньцзинь за Николаем Мартыновым, которого Родзаевский хотел увидеть до отъезда в Харбин. Получив заверения в полной неприкосновенности, Мартынов согласился поехать.

Родзаевский, у которого была масса свободного времени, всюду трудился за письменным столом, разворачивая письмо Сталину в еще более подробную исповедь. Патрикеев был этим доволен и просил особенно детально описать сотрудничество с Квантунской армией. Одинокими вечерами Родзаевский играл на пианино.

Но вечером 24 октября Родзаевскому было не до пианино: к нему пришли Гольцев, Мигунов и Мартынов. Около девяти часов дверь неожиданно распахнулась, и вошел Патрикеев в сопровождении троих плотных мужчин в сапогах и военной форме с голубыми погонами и петлицами, что позволяло узнать в них особистов. Родзаевский и те, кто был с ним, вскочили на ноги. Не сказав ни слова, Патрикеев прошел к письменному столу, на котором лежали бумаги Родзаевского, и сел. Светловолосый майор НКВД лет 35—40 тяжело опустился на стул напротив Патрикеева. Два других офицера встали рядом с начальником.

Молчание длилось несколько секунд; наконец Мартынов, постаравшись придать голосу побольше твердости, спросил вновь прибывших, как к ним обращаться.

— Называйте как хотите, нам безразлично, — ответил светловолосый офицер и слегка развязно пожал плечами.

Услышав ответ, двое особистов усмехнулись. Вошедшие оказались явно навеселе, но по их поведению было видно, что пришли они не просто так. Гольцев и Мигунов сидели молча, уставившись в пол. Родзаевский, которого бросило в дрожь, затравленно озирался. Его вид сильно забавлял офицеров НКВД. Патрикеев, не реагируя на разлитое в воздухе напряжение, глубоко-мысленно глядел в пространство.

Но Мартынов был настроен решительно. Он спросил майора, на каких основаниях Родзаевский возвращается в СССР. Тот ответил, что, согласно приказу маршала Малиновского, все эмигранты, независимо от их прошлого,

имеют право вернуться на родину. Не удовлетворенный ответом, Мартынов спросил, почему Верховный Совет не издаст официальное постановление. Притом это постановление не должно иметь оттенка амнистии, так как эмиграция не считает, что, покинув родину, она совершила преступление. Майор сказал, что пока репатриация проводится на доверии русских людей, попавших за границу. Затем он обратился к Родзаевскому и начал задавать ему вопросы о Маньчжоу-Го, о положении русских эмигрантов при японском правлении, о Квантунской армии и о бригаде Асано. Родзаевский выдавливал из себя ответы еле слышным голосом; наконец вмешался Гольцев и начал говорить от имени «вождя». Послушав его, майор снова повернулся к Родзаевскому. Вежливо, почти вкрадчиво он поинтересовался, чем тот занимался в Харбине. Родзаевский оживился и, постепенно обретая уверенность, стал описывать свою организационную и пропагандистскую работу, рассказал, как издавал газету «Наш путь». Тут майор прервал его:

— Для вас найдется много работы на родине. На такой труд спрос у нас большой. К тому же вы, вероятно, хорошо знаете многих общественно-политических деятелей в Маньчжурии?

— Да, хорошо. Знаю всех.

— Это для нас особенно ценно, так как там сейчас такая неразбериха, что без людей, знающих хорошо обстановку, трудно разобраться. Вот вы нам и могли бы помочь в этом, чтобы поменьше произошло ошибок в оценке людей, в определении их качеств и недостатков.

Майор явно нашел верный тон, ибо Родзаевский, забыв страх, так и засиял. Мартынов решил воспользоваться благоприятным моментом и спросил о Семенове. Майор ответил не задумываясь:

— А, Семенов? Да, да, я его на своем самолете отвозил в Читу, где он был принят весьма хорошо. Сразу же по занятии нашими частями Дайрена и Какахаша он сам, как рассказывали мне, явился к нам и до моего приезда за ним пользовался полной свободой. Думаю, что с ним ничего не случилось. Ни у кого нет оснований бояться, если он сам пожелал вернуться на родину.

Два других офицера переглянулись — мысль о том, что с Семеновым что-нибудь может случиться, вызвала у них улыбки.

Мартынов, все еще неудовлетворенный, начал спрашивать майора о судьбе Нечаева, но тут Патрикеев встал

и сказал, что время позднее и пора расходиться. Затем, не меняя тона, он мимоходом спросил светловолосого офицера:

— Товарищ Гусев, вы завтра летите?

В комнате словно разорвалась бомба. Четверо эмигрантов безмолвно уставились друг на друга, ошеломленные внезапностью, с которой определилась судьба троих из них. Гусев, делая вид, что ничего не случилось, небрежно ответил, что да, если позволит погода. Потом, повернувшись к Родзаевскому, он с вымученной улыбкой добавил:

— Я доволен, что мы так открыто и откровенно побеседовали сегодня, это поможет нам в будущем лучше понять друг друга и наладить общую работу против врагов Советского Союза.

Когда Патрикеев с особистами вышли из комнаты, Родзаевский принялся клясть себя на чем свет стоит. Он говорил то, чего не следовало. Он произвел неблагоприятное впечатление. Гольцев и Мигунов ушли спать, размышляя каждый о своем. Оставшись наедине с Родзаевским, Мартынов попытался убедить его не ехать. Еще есть время изменить решение. Ночью можно уйти из посольства. Константин Владимирович посмотрел на друга скорбными глазами.

— Нет, дверь захлопнулась, возврата нет. За мой опыт забежать вперед и опять назад может заплатить семья моя, а я этого никак не могу допустить.

Утро 25 октября 1945 г. выдалось ясное — в самый раз лететь. Мартынов, который провел ночь в посольстве, застал Родзаевского молящимся перед иконкой. Бывший полицейский в последний раз попытался отговорить его от отъезда: еще не поздно передумать и спасти свою жизнь. Родзаевский, осунувшийся от бессонницы и со слезами на глазах, покачал головой. Потом он порывисто встал и обнял Мартынова.

В эту минуту вошел майор Гусев, неодобрительно посмотрел на прощавшихся и спросил Родзаевского, готов ли он. Пора было ехать на аэродром. Оттуда им предстояло лететь в Чанчунь. Гусев дал Родзаевскому документы, удостоверяющие, что он советский лейтенант, — так было нужно, чтобы не возбуждать подозрений у китайских чиновников. Подобными же бумагами снабдили Гольцева с Мигуновым и Сеньжина, который пришел утром, второй раз передумав и согласившись лететь со своим «вождем» и «соратниками».

На вопрос Мартынова, куда отправят Родзаевского из Чанчуня, майор Гусев ответил, что в Хабаровск или Владивосток «для ознакомления с постановкой советского газетного дела». Немного освоившись, он получит должность в какой-нибудь газете или на радио, причем, по всей вероятности, в той части страны, где сам захочет.

Когда все вышли на улицу, там уже ждали два автомобиля. В первый из них сели Родзаевский, Гольцев, Мигунов и Гусев, во второй — Сеньжин с двумя особистами.

Патрикеев сердечно попрощался с репатриантами. Пожав всем руки, он пожелал им счастливого пути и успеха на родине. Мартынов молча стоял поодаль, в последний раз (он был в этом уверен) глядя на человека, который когда-то обещал, что вернется в Россию освободителем.

Когда машины тронулись с места, Патрикеев помахал им вслед. Дипломат был доволен. Он чувствовал определенную профессиональную гордость. Без всякого принуждения он заманил в ловушку еще одного злейшего врага Советского Союза.

Мартынов поспешно попрощался и в одиночестве вернулся в Тяньцзинь. Через некоторое время там прошел слух, что из Чанчуня Родзаевского через Читу отправили в Москву и вместе с Семеновым, Власьевским и Бакшеевым поместили на Лубянку. Мартынов обычно не верил слухам, исходившим из СССР. Но на этот раз он почувствовал, что так оно и есть.

Суд

Вечером 26 августа 1946 г. генерал-полковник юстиции Василий Васильевич Ульрих открыл заседание Военной коллегии Верховного суда СССР. В свои пятьдесят шесть лет Ульрих был опытным исполнителем сталинских приказов. В течение двадцати лет он председательствовал на всех главных показательных процессах предателей и членов антипартийных групп: Каменева и Зиновьева, Тухачевского, Радека и Пятакова, Бухарина. Его мясистое лицо, которое в 30-е годы то и дело перекашивала саркастическая гримаса, теперь застыло в злобной усмешке, которую неопытные наблюдатели считали признаком добродушия. Богатая событиями судебная

карьера Ульриха была в основном посвящена расправам с коммунистами — ветеранами революции, генералами Красной армии и другими внутренними врагами. Правда, несколькими месяцами раньше он судил компанию поляков за противодействие освобождению. Но вот теперь перед ним и его коллегами предстали преступники иного сорта — заядлые антикоммунисты, по меньшей мере в прошлом. «Правда» назвала их «руководителями антисоветских белогвардейских организаций и агентами японской разведки».

В этот вечер и в последующие три дня маленький зал был до отказа набит привилегированными зрителями, пришедшими посмотреть на необычайный судебный процесс. Помимо советских и иностранных журналистов, в зале сидели десятки заслуженных генералов и аппаратчиков. Внимание всех было приковано к восьми бледным мужчинам в казенной одежде, сидевшим в два ряда и окруженным рослыми охранниками с примкнутыми штыками. Самому младшему из подсудимых было тридцать пять лет, самому старшему — семьдесят три. Среди них находились почти легендарные личности; имена других мало кто знал. Государственный обвинитель генерал-лейтенант юстиции А. П. Вавилов назвал всех «семеновцами», хотя на самом деле таковыми являлись только трое: сам атаман и двое его сподвижников — генерал-лейтенант Алексей Проклович Бакшеев и генерал-майор Лев Филиппович Власьевский. Двое из оставшихся пяти открыто называли себя фашистами: «вождь» РСФСР Константин Владимирович Родзаевский и его секретарь Лев Павлович Охотин. Монархист-мафиози из Восточной Маньчжурии Борис Николаевич Шепунов был смертельным врагом Родзаевского с 1940 г., когда он организовал расстрел двадцати четырех «соратников» в Муданьцзяне. Иван Адрианович Михайлов, в прошлом министр финансов в омском правительстве адмирала Колчака, работал советником японской военной разведки в Маньчжурии. Наконец, князь Николай Александрович Ухтомский в гражданскую войну служил в кавалерии и успешно воевал с красными под Казанью, а потом колесил по Европе и Восточной Азии в качестве газетного репортера.

Один за другим все восемь подсудимых признали себя виновными в государственных преступлениях: шпионаже, диверсии, терроризме, вооруженной борьбе против советского государства. Все до одного сознались,

что были японскими шпионами. Некоторые добавили, что работали и на немецкую разведку.

Семенов, который был звездой процесса, давал показания первым. Его крупную голову покрывала седая щетина, его легендарные закрученные усы побелели; атаман говорил суду то, что суд хотел от него услышать. Он вспоминал, как перед первой мировой войной вел казаков с шашками наголо в атаку на безоружных забастовщиков, как в 1917 г. в Петрограде намеревался арестовать и расстрелять Ленина, как во время гражданской войны с помощью японцев собрал пятидесятитысячную армию, которая жгла деревни и расправлялась с коммунистами по всему Забайкалью. Перейдя к более близким временам, он сообщил, что японцы предложили ему 20 миллионов иен за согласие возглавить восстание в СССР (он отверг сделку, посчитав, что цена слишком низкая). Во время второй мировой войны он организовывал шпионские школы и вместе с командованием Квантунской армии вынашивал планы захвата азиатской части России. В заключение он выразил радость по поводу победы СССР над Германией.

Бакшеев и Власьевский давали показания в том же ключе. Бакшеев начал перечень своих преступлений с 1906 г., когда он силой подавил революционные волнения в Харбине. Оба сознались, что формировали белогвардейские части. Шепунов говорил то, что ему велели, умалчивая о своих преступлениях против эмигрантов. Михайлов каялся в том, что помогал японцам засылать шпионов в СССР накануне предполагаемого японского вторжения в Сибирь в 1941 г.

Больше всех усердствовал в саморазоблачении князь Ухтомский, который подробно рассказал о том, как он «фабриковал антисоветские выдумки» для немецких и японских спецслужб. Считая, что двух держав мало, и, возможно, желая намекнуть на Англию и США, Ульрих прервал показания Ухтомского и сделал замечание, которое отметили все находившиеся в зале суда:

— Разумеется, вы получали деньги и от других секретных служб, кроме японских и немецких, но пока нас интересуют только японские и немецкие.

Князь в раскаянии поник головой, затем в блокнотах репортеров появились его слова:

— Самым счастливым днем моей жизни был тот день, когда советские органы арестовали меня в Дайрене.

Тридцатидевятилетний Родзаевский и тридцатипяти-

летний Охотин были намного моложе всех остальных подсудимых; оба по возрасту не могли принимать участия в гражданской войне. Но в случае Родзаевского этот недостаток с лихвой возмещало его усердие в антисоветской деятельности в менее давнем прошлом. Он сознался, что стал японским шпионом в восемнадцать лет — сразу же после побега в Маньчжурию в 1925 г., — и сказал, что РФО была тесно связана с генералами Араки Садао и Койсо Куниаки. Назвав себя «фашистским идеологом», бывший «вождь» описал партийную форму одежды, эмблемы, песни и приветствия. Он рассказал суду о своем участии в маньчжурском инциденте, рассказал, как инсценировал пограничные стычки и руководил шпионской школой. Он в подробностях поведал о том, как «Наш путь» и «Нация» поливали грязью СССР, и заявил, что служил не только японцам, но и немцам. Он, однако, не упомянул ни о письмах Сталину и Малиновскому, ни о своей характеристике Сталина как величайшего российского фашиста. Анастасия Вонсяцкого он назвал американским коллегой по шпионажу, а ссору с ним обошел стороной.

Чтобы суд и зрители не подумали, что подсудимые преувеличивают свои преступления, государственный обвинитель Вавилов допросил в качестве свидетелей семерых видных офицеров Квантунской армии, в том числе Акикусу Сюна, который подтвердил, что Родзаевский был «очень активным японским агентом».

29 августа помощник государственного обвинителя полковник юстиции Кульчицкий изложил доводы обвинения. После этого в первый раз взял слово представитель защиты, который признал вину подсудимых, но попросил смягчить им приговоры ввиду их чистосердечного раскаяния. Затем каждый из подсудимых сказал несколько слов. Все повторили, что считают себя виновными. О милосердии попросил один Семенов.

Посоветовавшись с коллегами, Ульрих зачитал постановление суда. Все подсудимые были признаны виновными в нарушении многих пунктов статьи 58 Уголовного кодекса РСФСР. Семенова «как злейшего врага советского народа» приговорили к смертной казни через повешение с конфискацией всего принадлежащего ему имущества. Родзаевский, Бакшеев, Власьевский, Шепунов и Михайлов были приговорены к расстрелу с конфискацией имущества. Князя Ухтомского и Охотина, «учитывая их сравнительно меньшую роль в антисовет-

ской деятельности», присудили соответственно к двадцати и пятнадцати годам каторжных работ и конфискации имущества.

30 августа 1946 г. Константин Родзаевский в полной мере наконец вкусил «новые грандиозные задачи». Вместе с другими пятью приговоренными, среди которых было двое его соперников и один смертельный враг, он был казнен в подвале Лубянки, всего в нескольких сотнях шагов от резиденции его последнего кумира, его настоящего вождя Иосифа Сталина.

Г л а в а ХХ

ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ

Содержать в порядке воздушные замки —
недешевое дело.

Эдвард Джордж Булвер-Литтон

Движение русских фашистов скончалось задолго до финала второй мировой войны: в Германии его ликвидировало гестапо, в Маньчжурии его подавили японцы, в Соединенных Штатах его затравил честолюбивый прокурор. Ближневосточная, австралийская и южноамериканская ветви быстро засохли из-за отсутствия средств и руководства. Некоторые видные русские фашисты — Константин Родзаевский, Александр Болотов и, вероятно, Борис Тедли — были убиты. Однако большая часть «соратников» и даже один «вождь» продолжали жить, а порой и преуспевать в послевоенном мире. Их жизнь красноречиво говорит о человеческой гибкости и приспособляемости перед лицом невероятных превратностей судьбы.

Возвращение домой

Отвечая в 1937 г. в «Девятнадцатой лунке» на вопросы агента ФБР, Анастасий Вонсяцкий заметил, что после того, как Национальная Революция опрокинет советский режим, он не собирается безвыездно жить в России и будет наезжать в Томпсон, ибо где же еще ему играть в гольф. Желаемое осуществилось наполовину: Национальная Революция не состоялась, зато Алекс

после всех приключений получил назад свой Томпсон и куиннатисетскую площадку.

Хотя пятилетний срок, который Вонсяцкий отбывал в Спрингфилде (Миссури), истекал 21 июня 1947 г., он был за хорошее поведение освобожден условно 26 февраля 1946 г. Последняя запись в его тюремной истории болезни содержит вывод о том, что за три года и семь месяцев наблюдения пациент не проявил признаков паранойи или иных нарушений психики. Болезни были чисто соматические: фиброз легкого, грипп, воспаленные десны; он также очень страдал из-за запрета коротко стричь волосы. В целом он «прекрасно адаптировался» к тюремным условиям.

Когда настал день освобождения, Вонсяцкий получил от надзирателя билет на поезд и ряд наставлений. Он покидал тюрьму на определенных условиях: ему нельзя было выезжать за пределы Коннектикута, он должен был регулярно отчитываться перед полицией, и ему предписывалось воздерживаться от политической деятельности. Эти три ограничения действовали до истечения всего пятилетнего срока. Впрочем, последнее из них вряд ли было необходимо. Советские военные победы отняли у Алекса малейшую надежду на Национальную Революцию и, по крайней мере на время, отбили у него охоту к политике.

Через два дня Алекс прибыл в Провиденс на вокзал Юнион-Стейшн. Он похудел и постарел; желтовато-коричневый костюм был ему велик. Бледные и впалые щеки не сохранили и следа довоенного румянца. Он слабо улыбнулся Мэрион и Наташе, которые бросились к нему по перрону. После объятий и слез они, держась за руки, отправились подкрепиться в отель «Билтмор». Рядом уже вился репортер местной газеты «Ивнинг буллетин», которого интересовали планы Анастасия. «Я буду жить дома и заниматься своими делами», — устало отвечал «граф». Стало ясно, что это уже не тот человек, которого так хорошо помнили репортеры.

Однако после нескольких дней отдыха в «Девятнадцатой лунке» к Анастасию стали возвращаться кое-какие прежние привычки. Одним из первых начинаний явилось коллекционирование газетных вырезок с сообщениями о его выходе из тюрьмы.

У Алекса еще оставалась одна проблема с органами правосудия, которая могла обернуться серьезными осложнениями. В 1942 г. коннектикутский окружной про-

курор Джозеф Куни на выездной судебной сессии в Хартфорде выдвинул иск о лишении Вонсяцкого американского гражданства. Защищал Анастасия нанятый Мэрион адвокат У. Артур Кантримен. Когда его выпускали из тюрьмы, федеральный судья Кэрролл Хинкс еще рассматривал это дело. Лишь 3 апреля 1946 г., когда Хинкс принял окончательное решение в пользу Вонсяцкого, Алекс мог облегченно вздохнуть — ему не нужно было бояться депортации в СССР, где его ждала судьба Шкуро, Семенова и Родзаевского.

Помимо возвращения домой и сохранения гражданства, у Вонсяцкого оставалось мало поводов для радости. В Томпсоне и Патнэме его избегали. С ним перестали знаться даже прежние друзья, его приглашения на гольф игнорировались. На куиннатисетской площадке часто можно было видеть «графа», играющего с самим собой. Кроме Мэрион, Наташи и Льва, лишь парикмахер Орландо, невзирая на бесчестье, остался верен старой дружбе. Но он жил в Провиденсе, за пределами штата, и до поры до времени был недосыгаем.

Когда 21 июня 1947 г. кончился пятилетний срок, Вонсяцкий почувствовал себя птицей, выпущенной из клетки. Он полетел в Голливуд, потом в Сан-Франциско. Неизвестно, ждала ли его в Калифорнии какая-нибудь таинственная «мадам Такита», но энергия «графа» искала выхода, и, оставшись без политики, он вскоре пустился в любовные похождения. Давая в Сан-Франциско интервью газете «Новое русское слово», Алекс вздыхал: «Я нес крест ради русской эмиграции» (*). Он позабыл сказать о том, какой крест несла ради него Мэрион — и продолжала нести, пока он играл роль русского сатира.

В тех историях, что по сию пору рассказывают о Вонсяцком в Томпсоне, отделить правду от вымысла невозможно. После второй мировой войны начался новый виток Вонсяцкианы, когда в «графе» стали видеть уже не военную, а сексуальную угрозу американской безопасности. Когда вскоре после войны закрылась школа для девочек Хоу-Маро — по всей видимости, из-за пожара, — распространились слухи, что виноваты в этом набеги похотливого «графа». Люди шептались о том, как Алекс пускался в бега с женщинами легкого поведения, а потом писал Мэрион: «Пришли мне денег, чтобы я мог вернуться домой»; как он нанимал шлюх в нью-йоркских отелях и присылал Мэрион счета. Ходили даже разговоры, что Мэрион не только не вос-

ставала против подобного разврата, но и действительно платила по счетам, сняла мужу коттедж для свиданий и заботилась о его незаконнорожденных детях. Без сомнения, в основном эти истории были плодами воспаленного воображения. Но даже если не брать в расчет всех этих экстравагантностей, все равно видно, что интерес Анастасия к прекрасному полу с годами не ослабел. Мэрион, которой было около семидесяти, могла ему помочь только деньгами и сочувствием.

В начале 1948 г. Анастасий наконец нашел женщину, непредсказуемая страстность которой была сравнима с его собственной. Он встретил ее не в Нью-Йорке и не в Сан-Франциско, но в городе, само название которого заставляло его сердце биться сильнее, — в Сент-Питерсберге.

Флоридский закат

В конце 1947 г. Лев и Наташа Мамедовы закрыли свой ресторан «Русский медведь» и переехали в Сент-Питерсберг (Флорида). Их потянуло туда из-за климата и, как признавалась Наташа, из-за названия. Навещая Мамедовых в начале 1948 г., Алекс познакомился с официанткой Эдит Присциллой Ройстер родом из Северной Каролины. Присцилла (рост — пять футов семь дюймов, вес — 133 фунта) была писаной красавицей с темно-рыжими волосами и серыми глазами. Разница в возрасте (ей было двадцать четыре, ему — почти пятьдесят) оказалась у них больше, чем у Алекса и Мэрион, но, несмотря на это, знакомство быстро переросло в близость. Он называл ее «Мой светик». Она простодушно звала его «Нация».

Осенью Алекс взял Присциллу с собой на север и поселил в Уэбстере (Массачусетс), недалеко от «Девятнадцатой лунки». Вскоре томпсонцы уже вовсю трепали языками об «этой рыжей из Уэбстера», но Мэрион держала рот на замке. Возможно, она почувствовала иронию судьбы: оба мужа изменили ей с Присциллами.

Вечный треугольник потерял географическую компактность в конце 1949 г., когда Присцилла почувствовала себя беременной. Алекс немедленно отправил ее обратно в Сент-Питерсберг, где 2 июля 1950 г. она произвела на свет мальчика — Андрея Анастасьевича Вонсяцкого. Маленький Андрей унаследовал от деда не

только имя. На лбу — на том же месте, куда, по рассказам Алекса, Андрею Николаевичу сорок лет назад всадили пулю — у мальчика темнела родинка.

Рождение Андрея давало основание для развода и, вероятно, осложнило отношения Алекса и Мэрион. О том, был ли их брак когда-либо расторгнут, имеются противоречивые данные. Джон Райтсон Рим, племянник Мэрион, утверждал, что развод тетки с Анастасием «вступил в силу» 22 мая 1952 г. Однако Ирвинг Майрон, патнэмский адвокат, который не раз оказывал Мэрион юридическую помощь, считает, что никакого развода вообще не было. Мнение Майрона подтверждает и одна жительница Томпсона, которая в прошлом была в «Девятнадцатой лунке» домашней прислугой и хорошо знала Анастасия и Мэрион.

Известно, что Присцилла в конце концов взяла фамилию Алекса, хотя вопрос о том, были ли они женаты, остается открытым. Представим себе на минуту, что Алекс сочетался с Присциллой браком, не разводясь с Мэрион, — каким кошмарным видением ему после этого должна была являться Люба Муромская, предъявляющая иск уже не за двоеженство, а за самое настоящее многоженство!

Но важнее, чем формальные тонкости, было то, что Вонсяцкий до конца своих дней испытывал глубокую привязанность и к Мэрион, и к Присцилле. Мэрион и теперь оставалась верна себе — ее чувство к очаровательному русскому, которого она вытащила из «Фоли-Бержер», не угасло, несмотря на появление другой женщины. И она боготворила маленького Андрея. В 50-е годы и в начале 60-х Анастасий с сыном частенько навевались в «Девятнадцатую лунку», и «тетя Мэрион» неизменно была им рада.

Хотя Алекс провел свои закатные годы в городе, который называли Меккой пожилых, ему не сиделось на месте. Он постоянно что-то затевал и не упускал малейшей возможности сделать «grande geste»*. В 1949 г. он привлек внимание публики, предложив профессиональному игроку в карты Освальду Джейкоби сыграть матч в канасту со ставкой в 5000 долларов (матч не состоялся). Через два года сент-питерсбергская газета «Индепендент» писала о том, что он принимал у себя грузинских аристократов князя и княгиню Дадиани,

* Широкий жест (фр.).

родственников великой княгини Леониды Багратион — жены претендента на российский престол великого князя Владимира (отцом последнего был покойный сен-бриакский царь Кирилл). В 1956 г. Вонсяцкий, стоя на пристани, обратился с речью к команде советского судна. На вопрос репортера «Индепендент», произвела ли речь впечатление, Алекс ответил в духе доброго старого времени: «Они притворялись, что не слушают, но в иллюминаторах я видел матросов, которые беззвучно мне аплодировали».

В 1953 г. Вонсяцкий осуществил самое крупное из своих послевоенных начинаний: он торжественно открыл в Сент-Питерсберге музей Николая II. «Музей» — это, пожалуй, громко сказано: в маленьком домике на 5-й авеню-север Анастасий всего-навсего выставил некоторые экспонаты из Военной комнаты; но когда он отказывал себе в удовольствии сделать небольшое преувеличение? Открытие музея было приурочено к 250-летию основания Петербурга Петром Великим, и, к радости Алекса, местная печать не обошла вниманием это событие. На почетном месте висел портрет Николая II, который якобы в свое время украшал посольство Российской империи в Париже. Выставлены были полковничьи эполеты, вырезанные из папье-маше и тщательно раскрашенные, портреты аристократов и генералов, а также взятое в рамку письмо последнего царя своим кадетам. На стеллажах стояло сорок пять старинных винтовок Ремингтона и Вестингауза — тех самых, что двадцать лет назад украшали Военную комнату.

В Сент-Питерсберге расцвел и литературный талант Вонсяцкого. Он жадно читал все, что касалось России, и публиковал в эмигрантских газетах и журналах (таких, как «Новая заря», «Наше время» и «Бич») статьи на исторические и религиозные темы. Время от времени газета «Индепендент» помещала его письма в редакцию; в одном из них проводилось сравнение между НКВД и гестапо. Ныне пламенный монархист, Вонсяцкий избегал всего, что напоминало о его деятельности в роли фашистского «вождя».

В 1960 г. в Сан-Паулу вышла книга воспоминаний Анастасия, которую он назвал «Расплата». Немалая ее часть была посвящена перечислению лиц и организаций, которые между двумя войнами вредили антисоветскому делу. В их числе оказалось японское правительство. Жестокое обращение с русскими эмигрантами в Маньч-

журии, писал Вонсяцкий, лишило Японию ценных потенциальных союзников.

Впрочем, главными мишенями он избрал Франклина Д. Рузвельта и Томаса Дж. Додда. Вонсяцкий без обиняков назвал Рузвельта коммунистом*. Иначе почему покойный президент так много сделал для Сталина? Додд удостоился еще более сильного гнева, хотя к 1960 г. бывший прокурор, избранный сенатором от штата Коннектикут, за свою поддержку правых организаций и непрестанные нападки на Советский Союз обрел репутацию яркого антикоммуниста. 17 июля 1959 г. Додд предложил сенату принять резолюцию, в которой народы России объявлялись «порабощенными» и декларировалась американская поддержка сепаратистских движений в СССР. Это заявление, как и вообще весь антикоммунизм Додда, Вонсяцкий считал оппортунистической позой. Почему, спрашивал он в «Расплате», Додд молчал в 1940 г., когда Сталин аннексировал республики Прибалтики? Почему Додд, который в период правления Рузвельта столь упорно преследовал антикоммунистов, в 50-е годы стал как попугай копировать Джозефа Маккарти? Алекс сам же и отвечал на эти вопросы: поведение Додда определяется не принципами, а политическими амбициями. Вонсяцкий не простил Додду ни то, что тот отправил его в тюрьму, ни то, что тот использовал его как ступеньку в своей карьере.

Отдавая России дань в своей общественной жизни, в родных пенатах Вонсяцкий с головой погружался в семейные радости. На стене его дома на Парк-стрит висела табличка с надписью: «В этом доме не говорят о политике и религии». Следуя этому правилу, Алекс наслаждался горячей дружбой Льва и Наташи Мамедовых. Его любовь к маленькому Андрею не знала границ. Он был чрезвычайно горд тем, что у него есть сын. Лев и Наташа тоже обожали Андрея — ведь он заполнял пустоту, образовавшуюся после гибели их собственного сына в 1941 г. Вонсяцкий проводил с Андреем почти все свободное время, ибо ветреную Присциллу редко видели дома. У отца и сына была общая спальня, общие друзья, общие пристрастия. Если Андрей не желал идти спать без отца, Анастасий изображал согласие, ложился в пос-

* Отвращение Вонсяцкого к Рузвельту было столь сильным, что он отказывался пользоваться десятицентовыми монетами с профилем президента.

тель и притворялся спящим. Когда ребенок задремывал, он на цыпочках выходил из спальни, садился за письменный стол, стоявший на веранде, и принимался за статью или за расклейку по альбомам газетных вырезок о самом себе. 2 июля 1961 г., когда Андрею исполнилось одиннадцать лет, отец подарил ему 0,22-дюймовую винтовку, бутылку виски и пачку сигарет, сказав, что пришло время все это попробовать (разумеется, под наблюдением), чтобы не пристраститься к чему-нибудь в будущем.

Анастасий продолжал встречаться с Мэрион — то в «Девятнадцатой лунке», то в ее зимнем доме в Тусоне, где она после 1957 г., когда ей исполнилось восемьдесят, проводила все больше и больше времени. Измученная артритом и практически глухая, Мэрион нуждалась в уходе, который осуществляли несколько служанок. Хотя ни семья Римов, ни большая часть прислуги не одобряли визитов Вонсяцкого, Мэрион сохраняла к Алексу сердечную привязанность.

Были ли знаки внимания к Мэрион со стороны Анастасия продиктованы корыстными соображениями? Ясно одно: он чувствовал глубокую признательность по отношению к женщине, которая более сорока лет была его верной супругой и крепкой опорой. Но любовь не мешала Алексу просить у Мэрион денег. В письме от 22 марта 1960 г. Анастасий пишет Мэрион: «Обнимаю тебя, любимая», а дальше говорит, что у него нет средств на лечение Андрея от гриппа. Мэрион, видимо, откликнулась на такие просьбы. Иначе она не была бы собой. Да и расходы были не слишком велики для ее состояния.

Мэрион скончалась 11 ноября 1963 г. в Тусоне в возрасте восьмидесяти шести лет. Ее останки были перевезены в Патнэм и погребены в мавзолее Вонсяцкого на Западном кладбище. Из Сент-Питерсберга на похороны приехали Алекс, Лев и Наташа. «Граф» не скрывал слез, когда гроб с телом Мама осторожно внесли в склеп и опустили в гробницу напротив саркофага Доната Кунле.

24 апреля 1964 г. имущество Мэрион распродалось в «Девятнадцатой лунке» с аукциона. Алекс, одинокий и никем не замеченный, сидел среди покупателей и смотрел, как памятные его сердцу вещи продаются и увозятся одна за другой: картины, мебель в дореволюционном стиле, китайская бронза, драгоценности, старый пропеллер с часами, украшавший когда-то Военную комнату. Типографские станки, на которых печатался «Фашист», также были выставлены на продажу, но никто их не

купил, и они так и остались ржаветь в курятнике. Алекс купил бы что-нибудь, если бы имел на руках деньги, но наследство Мэрион было распределено только через пять месяцев. И вот он просто сидел в задумчивости — одинокий шестидесятипятилетний мужчина, ушедший в созерцание обломков невозвратных времен.

Получив в сентябре 1964 г. свою долю наследства в размере 25 000 долларов, Алекс стал подумывать о поездке в Европу. Он покажет Андрею Лондон, Рим и Париж. Он похвастается сыном перед друзьями, которых последний раз видел в 30-е годы, — например, перед князьями Никитой и Федором Романовыми. Они отправятся в путь, как только начнутся летние каникулы в школе имени адмирала Фаррагета, где учится Андрей.

Этому плану не суждено было осуществиться. Вечером 4 февраля 1965 г. Вонсяцкий пригласил Льва и Наташу в свой дом на южной окраине Сент-Питерсберга, из которого открывался вид на залив Тампа. На ужин подали жаркое из свинины. Когда Алекс лег спать, он вдруг почувствовал колющую боль в груди. Это оказался тромбоз коронарных сосудов. Его немедленно отправили в больницу «Маунд-парк», где в 8.45 утра он скончался. Ему было шестьдесят шесть лет. В свидетельстве о смерти его назвали «независимым литератором», служившим в вооруженных силах США с 1920 по 1937 г. 7 февраля тело доставили в Томпсон и похоронили в мавзолее непосредственно под телом Мэрион.

Вонсяцкий был бы разочарован, доведись ему узнать, как мало внимания привлекла к себе его смерть. Никакого некролога в «Нью-Йорк таймс». Всего лишь заметка в газете «Коннектикут хералд» (Норуок) с весьма неточным заголовком, заставляющим вспомнить о Вонсяцкиане 30-х годов: «ШПИОН ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ УМЕР В СВОЕМ ДОМЕ В ТОМПСОНЕ».

Вслед за Алексом сошли в могилу почти все его родные. 12 февраля 1966 г. умер от сердечного приступа Лев Мамедов. 25 марта 1966 г. скончалась от панкреатита Присцилла, которая была погребена в мавзолее рядом с Мэрион и Алексом. 9 сентября 1968 г. Наташу сразил инфаркт.

Андрея, оставшегося сиротой, усыновили другие люди. Он стал обладателем кое-каких памятных вещей, сохранившихся после смерти отца: деревянного щита со свастикой, портрета Николая II в раме, двадцати восьми

альбомов с вырезками из газет, а также дневника*. Дневник Андрей обнаружил в сейфе Сент-Петербургского банка. Открыв его, он увидел на первой странице слова «La Vie en Rose, La Vie en Rouge»**. Дальше шла надпись, сделанная рукой отца и приказывавшая ему уничтожить дневник. Он повиновался.

Где они теперь?

В 1946 г. расстреляли Родзаевского, в 1965 г. умер от инфаркта Вонсяцкий, но что же случилось с их последователями и друзьями? Разыскивать бывших «соратников» оказалось трудно — по понятным причинам они стараются не привлекать к себе внимания.

Дальневосточные последователи Родзаевского большей частью вернулись в Советский Союз — кто добровольно, кто нет. Лев Охотин умер в 1948 г., отбыв два года из пятнадцатилетнего срока. Михаил Матковский в 1946 г. уехал из Маньчжурии, и о его дальнейшей судьбе ничего не известно. Все, кто был с ним связан, попали в лагеря. Сергей Ражев и Владимир Кибардин, приговоренные по 58-й статье, сгинули в зоне под Хабаровском. Борис Румянцев и Геннадий Тараданов, вернувшиеся на родину в ноябре 1947 г. на корабле «Гоголь», специально отправленном за репатриантами, также пошли в лагеря. Впрочем, Тараданов в 1949 г. был освобожден, и его талант публициста пригодился советскому журналу «Голос Родины», предназначенному соотечественникам за рубежом. Убежденный антисемит Владимир Мигунов, вернувшийся в СССР вместе с Родзаевским, кончил жизнь в бараке ГУЛАГа, который он делил с доктором Абрамом Иосифовичем Кауфманом, возглавлявшим в свое время еврейскую общину Харбина.

Горстке «соратников» после многих приключений удалось добраться до Соединенных Штатов. Репортер газеты «Наш путь» Илиодор Карнаух и боевик РФС Анатолий Скрипкин живут в Сан-Франциско. Партийный поэт Николай Петлин в 1943 г. перебрался в Токио, где работал диктором японских радиопередач на русском

* Возможно, это был тот самый дневник, который, как сказал Анастасий репортеру в 1939 г., он предназначал тогда для посмертной публикации.

** Жизнь в розовом, жизнь в красном (фр.).

языке. После войны Петлин был переводчиком в американской армии, а с 1950 по 1963 г. руководил отделением торговой фирмы на Окинаве. В 1963 г. Николай (теперь Николас) и его жена (бывшая супруга Родзаевского) уехали в Сан-Франциско, где живут и по сей день.

Все европейские «соратники» из РФС, которых было очень немного, либо умерли, либо пропали из виду. После того как в 1942 г. Бориса Тедли арестовало гестапо, о нем не было ни слуху ни духу. Его помощников схватили одновременно с ним и, вероятно, тоже казнили как советских шпионов. О Михаиле Михайловиче Гротте известно лишь, что в 1941 г. он жил в Кенигсберге. Если он еще жив, то, видимо, находится в другом месте.

Родственники Родзаевского живут частью в Соединенных Штатах, частью в Советском Союзе. Его младший брат Владимир Владимирович в 1945 г. вернулся в СССР, был ненадолго арестован (хотя не имел никакого отношения к фашистскому движению), сейчас работает на косметической фабрике и готовится к уходу на пенсию. Сестра Родзаевского Надежда живет под Москвой.

Неонила, вторая жена Родзаевского, с двумя их детьми, после ряда приключений попала в Соединенные Штаты. Когда 13 августа 1945 г. Константин Владимирович покинул Харбин, она осталась в городе одна с маленькими Ольгой и Владимиром. Она жила там до 1952 г., и, поскольку она вернула себе девичью фамилию Ялишева и под той же фамилией записала детей, никто их не тронул. Они пережили не только советскую оккупацию, которая продолжалась до апреля 1946 г., но и гражданскую войну, бушевавшую вокруг Харбина в 1946—47 гг., когда националисты безуспешно пытались отбить у коммунистов северный берег Сунгари. В 1952 г. Неонила смогла выхлопотать себе и детям выездную визу в Бразилию. В Южной Америке они прожили десять лет, после чего (дети к этому времени уже стали взрослыми) перебрались в Сан-Франциско и получили американское гражданство. Только в Соединенных Штатах они достаточно осмелели, чтобы снова взять фамилию Родзаевских. На Хэйес-стрит, близ здания оперы, у Неонилы был русский ресторан под названием «Опера». В 1974 г. она переехала в Сакраменто, где открыла ресторан «Казак». Ольга и Владимир по сей день живут в Сан-Франциско.

Из «соратников» Вонсяцкого удалось разыскать только отца Александра Цуглевича. В 1977 г., тяжело боль-

ной, он цеплялся за жизнь в манхэттенской частной лечебнице. Прочие деятели ВНРП (Сименс, Вантц, Новожилов, Думбадзе, Савин, Гантамура) если и живы, то, вероятно, рады тому, что следы их потеряны.

Почти все титулованные друзья Вонсяцкого пережили его. Князь Федор Романов умер в Биаррице в 1968 г., проработав всю жизнь архитектором. Князь Никита преподавал русский язык в армейском учебном заведении в Монтерее (Калифорния), потом жил в Нью-Йорке на Парк-авеню и умер в Канне в 1974 г. Его сын Никита Никитич, который мальчиком написал Вонсяцкому, как он счастлив быть русским фашистом, вместо этого окончил университет в Беркли, сделался историком России и в 1975 г. в соавторстве с Робертом Пэйном издал ставшую популярной биографию Ивана Грозного. Князь Василий, младший сын великого князя Александра, умер в 1989 г. в Калифорнии.

Андрей Анастасьевич Вонсяцкий стал высоким, красивым молодым человеком и поражает внешним сходством с отцом. Он окончил Южно-Флоридский университет в 1976 г., женился и поступил в аспирантуру в университет Уэйк-Форест.

Из братьев Мэрион никого уже нет в живых. Роберт Кларк Рим скончался в 1957 г., и душеприказчиком Мэрион стал его сын Джон Райтсон Рим. Луис Маршалл Рим умер в 1970 г.

Что же касается Додда, то свою долю унижения он получил. В январе 1966 г. журналисты Дрю Пирсон и Джек Андерсон, цитируя документы, предоставленные им помощниками Додда, обвинили сенатора от штата Коннектикут в использовании в личных целях денег из фонда избирательной кампании, двойной бухгалтерии в финансовых отношениях с правительством, получении взяток от корпораций и оказании сомнительных услуг сотруднику западногерманского пресс-бюро Юлиусу Кляйну во время поездки в Европу на казенный счет*. 23 июня 1967 г. после расследования в сенатском комитете по этике сенат Соединенных Штатов вынес Додду порицание (92 — за, 4 — против); за всю историю США подобное случилось только с пятью сенаторами. Вонсяцкому не довелось увидеть своего злого гения

* Официальной целью поездки Додда в Германию в апреле 1964 г. была встреча с Богданом Сташинским, советским перебежчиком-убийцей, который сознался в том, что был членом террористической группы, расправлявшейся с эмигрантами по заданию КГБ

опозоренным; если бы довелось, он, может быть, проникся бы к нему сочувствием. Не выдержав удара, Томас Додд умер в 1971 г.

Что же случилось с Харбином, одним из двух соперничавших центров российского фашистского движения? В 1945 г. там было 50 000 русских эмигрантов, в 1973 г. — меньше сотни. Половина вернулась в СССР, прочие уехали в Австралию или Бразилию; остались лишь самые немощные и те, кто предпочел доживать свои дни на берегах Сунгари. Кое-какие материальные следы от присутствия русских сохранились: собор с куполом, выкрашенным в зеленый цвет (ныне — мебельный склад), деревянные дома с резными карнизами и наличниками, мощенные булыжником улицы и борщ в меню гостиничного ресторана. Ряд зданий, построенных русскими, в том числе церквей, как говорят, разрушили после ухудшения китайско-советских отношений. По одному неподтвержденному сообщению, русское кладбище, которое в свое время разделяло Пристань и Новый город, было распахано и превращено в парк. Итак, все то одушевленное и неодушевленное, что когда-то делало Харбин одним из колоритнейших уголков Азии, ушло в небытие. Харбин превратился в бесцветный индустриальный центр. Одно осталось неизменным с 30-х годов — тревожащая близость советской махины.

Нечто трогательное есть в том, как на другом краю земли — в округе Уиндэм — старое переплелось с новым. По живописной долине, расположенной между Патнэмом и Томпсоном, бежит федеральная дорога № 52 — четырехполосная магистраль, соединяющая коннектикутскую и массачусетскую платные дороги. Томпсон стоит в некотором отдалении от 52-й дороги и, возможно, поэтому остался тихой новоанглийской деревушкой — тем более тихой, что Вонсяцкого уже нет на свете. Римы там уже не живут, но вот Додд — Кристофер, сын Томаса — по-прежнему представляет Патнэм и Томпсон в Конгрессе.

То, что раньше было «Русским медведем», ныне — пустое, ветшающее строение. Некогда великолепный розарий зарос сорняками; по красивым каменным стенам карабкается ядовитый сумах. Судя по архитектурным изменениям, после того как Лев и Наташа в 1947 г. закрыли ресторан, дом несколько раз переходил из рук в руки. Последними в черед его перевоплощений были магазин сувениров и дневной детский лагерь. Но кое-где

все же разбросаны знаки, которые выдают тайну славного прошлого. На резных ставнях можно разглядеть очертания медведей. В сарае под сломанным пианино обнаружился деревянный рекламный щит с изображением стоящего на задних лапах медведя. В 1974 г., когда застройку в очередной раз решили продать, агенты по продаже недвижимости разыскали Андрея Вонсяцкого, надеясь, что он захочет пойти по стопам дяди с тетей. Он не захотел.

Чуть дальше вдоль местной дороги раскинулось поле для гольфа, ныне принадлежащее куиннатисетскому загородному клубу. Куиннатисетская ферма («Девятнадцатая лунка»), расположенная на другой стороне дороги, теперь разделена на части. Центральные строения превратили в прекрасно оборудованный спортивный лагерь для подростков, называемый «спортивная школа Койнония». Главный дом разделен на блоки, сдающиеся внаем. Каменная пристройка снаружи выглядит примерно так же, как и в 30-е годы, но интерьер, конечно, изменился. Военную комнату сделали комнатой отдыха. Кабинет Алекса превратился в спальню, кабинет Кунле — в ванную. Курятник, где печатался «Фашист», стал девичьим дортуаром. В дворике, где когда-то резвились на травке Леди Астор и прочие четвероногие фашисты, теперь стоянка машин. Коровник, в котором «граф» и его гости палили по портретам Сталина и Берия, переоборудован в закрытый 50-метровый бассейн и гимнастический зал с душами и раздевалками.

Но, несмотря на все перемены, тень Вонсяцкого не желает уходить отсюда и дает о себе знать в самых неожиданных местах и самым неожиданным образом. Во время ремонта каменной пристройки на рабочих, которые разбирали потолок, вдруг дождем посыпались патроны и целые обоймы; выпал даже один штык. Позже, когда взялись за курятник, из-под него были извлечены четыре ящика, покрытых высохшим куриным пометом. В одном ящике лежали личные бумаги Мэрион. В другом — фотографии Николая II и групповые снимки бойцов Белой армии. Третий был набит картами СССР, на которых чья-то рука нарисовала стрелки и кружки. Четвертый содержал брошюры ВНРП и пластинки на 78 оборотов в минуту: речь Герберта Гувера при выдвижении его кандидатом в президенты от республиканцев в 1928 г.; выступление Элеоноры Рузвельт о бутербродах с ветчиной (дата неизвестна);

русифицированный «Хорст Вессель» в исполнении Вонсяцкого, Кунле и Мамедова под аккомпанемент задорных кларнетов, приглушенно звучащих тромбонов и игриво тренькающего контрабаса.

После этих открытий новые хозяева Куиннатисетской фермы поняли, что им досталось нечто необычное. Но могли ли они предположить, что обнаружится в старом деревянном сундуке, зарытом под сараем с инструментами? Когда они взломали крышку, их глазам открылось прекрасно сохранившееся голое человеческое тело. Прошло несколько ужасных секунд, прежде чем они осознали, что перед ними не труп, а манекен. После 9 мая 1942 г., когда агенты ФБР сняли с него простреленную шинель, он тридцать лет прятал свою наготу во тьме сундука.

Более долговечный памятник «графу» стоит на Западном кладбище Томпсона — там в тени кипарисов возвышается массивное гранитное строение. В нем, окруженный друзьями, сопровождаемый верным Кунле, в тесной близости с Мэрион и Присциллой, Анастасий Андреевич Вонсяцкий совершает свой путь в вечность. С витража в дальнем конце склепа глядят, осеняя его своей благодатью, Богородица и младенец Иисус, а ниже на камне выбита надпись, под которой честно подписались бы и Москва, и Вашингтон:

REQUIESCANT IN PACE*

СЛОВО ОБ УМЕРШИХ

Теперь, когда русское фашистское движение мертво и погребено уже на протяжении целого поколения, самое время дать ему оценку с учетом исторической перспективы.

Среди пышно расцветающей литературы о фашизме отсутствие упоминаний о русском варианте бросается в глаза. Следует ли отсюда, что опыт русского фашизма не имеет существенного или вовсе никакого значения? Вряд ли. Русский фашизм не был удостоен внимания из-за явного недостатка письменных источников. Существовавшее в рамках русской диаспоры, русское фашистское движение требует к себе глобального под-

* Да починут в мире (лат.).

хода, при котором возникают проблемы, не встречающиеся при исследовании фашистских движений, ограниченных пределами одной страны. Кроме того, источники разбросаны по свету, написаны на разных языках, а те, что попали в советские архивы, и вовсе недоступны. Наконец, и эмигранты, и советские — разумеется, по разным причинам — не хотели привлекать внимания к фашистской мутации русского национализма.

Отсутствие целостных, систематических исследований о русских фашистах* привело к недоразумениям и искажениям фактов как в советской, так и в западной послевоенной литературе. Константина Родзаевского и Анастасия Вонсяцкого заклеили как ставленников Германии и Японии. В отношении Родзаевского и Японии это верно, но в отношении Вонсяцкого это грубая передержка.

Тридцать с лишним лет прошло после второй мировой войны, а Вонсяцкиана цветет в Соединенных Штатах почти с той же силой, с какой она расцвела в 1942 г. от волшебного прикосновения Алексея Пелипенко. Натаниэль Вейль в популярном документальном произведении «Битва с изменой» (1951) даже переплюнул Пелипенко, изобразив агентов Вонсяцкого, передающих американские военные секреты на японскую подводную лодку у берегов Мексики. Знаток шпионской темы Ладислас Фараго в «Охоте на лис» (1971), бестселлере о немецком шпионаже в Соединенных Штатах, каким-то образом ухитрился сделать Вонсяцкого главарем руководимой нацистами «всемирной украинской подпольной организации». Фараго утверждает, что «украинская группа» Вонсяцкого причастна к сорока «тайнственным инцидентам и катастрофам», происшедшим в Соединенных Штатах между январем и декабрем 1941 г., в том числе к взрыву, который «вдребезги разнес» новую авиабазу военно-морских сил на Аляске (отзвук разоблачений Пелипенко?). Даже в такой сдержанной работе, как «Отец Кофлин» Шелдона Маркуса (1973), «графу» прилеплен ярлык «нацистского агента» (не зря в сносках мелькает фамилия Пелипенко).

- Родзаевский и Вонсяцкий, если обнажить их истинное лицо, были мечтателями-эгоистами, комичными в своем позерстве, трогательными в своей беззащитности, тра-

* Примечательным исключением является великолепная статья Эрвина Оберлендера.

гичными в своем стремлении к невозможному. Неонила Ялишева в 1974 г. назвала покойного мужа патриотом. Без сомнения, Родзаевский и Вонсяцкий считали себя таковыми. Но их патриотизм произрастал из потаенных мечтаний, замешенных на идеализации прошлого и самообмане. Закрывая глаза на этническую пестроту СССР, Родзаевский видел там только русских, которые, как он считал, разделяли его православие, его ненависть к интернационализму, его отрицание классовой борьбы и его антисемитизм. Вонсяцкий верил в некую мистическую волю народа, спонтанное проявление которой при поддержке иностранных интервентов должно было сокрушить комиссаров и возвысить эмигрантов-фашистов до уровня вождей нации. Бóльшая часть диаспоры ясно понимала, что этот сценарий не может осуществиться, и поэтому «вождям» не удалось добиться многого за счет идеологии как таковой. Родзаевский создал свою партию, играя на одиночестве, нищете и нетерпении русской молодежи в Маньчжурии и приманивая ее благами японского покровительства. Вонсяцкий завербовал горстку ветеранов гражданской войны и просто прихлебателей, привлекая их своим ностальгическим обаянием и (что более важно) субсидиями.

Может быть, точнее всего характеризуют Родзаевского и Вонсяцкого сами русские эмигранты. Николай Слободчиков, бывший житель Харбина, а ныне директор музея русской культуры в Сан-Франциско, сказал о Родзаевском, что он был «тщеславным, наивным и глупым человеком — но не преступником». Это, если сюда же добавить его ложно направленный патриотизм, звучит, пожалуй, правдоподобнее, чем заезженные ярлыки типа «японский шпион», «бандит» или «убийца», которые обычно пускаются в ход как на Западе, так и в Советском Союзе.

Князь Алексей Щербатов, председатель Американской ассоциации русского дворянства и друг Вонсяцкого, попал в самую точку, сказав, что «в Италии пятнадцатого века Алекс был бы великолепным кондотьером. Он обладал необходимым умением бравировать и блефовать».

Сколь бы комично или трогательно ни выглядело незадачливое рыцарство Родзаевского и Вонсяцкого, страшно подумать, что они могли бы натворить, преуспей они в построении Российского фашистского государства. Мало ли было в истории клоунов, зло посмеявшихся над теми, кто вначале хохотал от их выходок? Многие пожа-

лели, что смеялись над австрийцем с усами как у Чарли Чаплина, который хотел захватить мюнхенскую пивную. У русских фашистов не было принципиальных отличий от их современников — сталинистов, нацистов и итальянских *fascisti*. Вонсяцкий своим фиглярством напоминает Муссолини. Демагогия Родзаевского смахивает на демагогию Гитлера. Фонтанирующий антисемитизм Михаила Гротта приводит на ум Розенберга и Штрайхера. Саша Болотов, дай ему развернуться, мог бы стать неплохим Гиммлером или Берия.

Но, в отличие от нацистов и итальянских *fascisti*, у русских фашистов не оказалось необходимых для успеха внешних условий. Им противостояла не окостенелая монархия и не пускающая пузыри республика, а тоталитарное государство, оберегаемое вездесущими органами безопасности и крупнейшей в мире регулярной армией. И Сталин, конечно, был орешек покрепче, чем Гинденбург. Кроме того, существуя в условиях мировой диаспоры (как и евреи, которых они поносили), русские фашисты не имели своего собственного, географически компактного поля деятельности. Отсутствие опоры поставило их в зависимость от чужих правительств, в особенности немецкого и японского. Когда им стало ясно, что невозможно свергнуть советский режим без помощи немцев или японцев, перед ними встала неразрешимая моральная дилемма: получалось, что, при всем своем патриотизме, они уповают на завоевание отечества иностранными державами. Безднадежность их положения подчеркивается тем забавным обстоятельством, что русское фашистское движение было разрушено или по крайней мере обречено на пассивность его же собственными покровителями.

Было ли это движение инспирировано советскими органами? Гестапо считало, что да. Японская военная жандармерия и министерство иностранных дел Японии соглашались наполовину. На этот волнующий вопрос, однако, нельзя ответить, не получив доступа к советским архивам. Известно, что несколько ближайших помощников Родзаевского были советскими агентами. Но трудно вообразить в этом качестве Вонсяцкого, хотя он никогда не отказывался покрасоваться перед публикой в роли антикоммунистического пугала.

Даже если принять за аксиому, что оба лидера русского фашистского движения не были советскими агентами, трудно пройти мимо того факта, что оба они в ка-

кой-то момент признали Сталина фашистом из фашистов.

Вонсяцкий пришел к этому выводу в 1939 г., когда подсчитал, что Сталин уничтожил больше коммунистов, чем Муссолини, Гитлер и Чан Кай-ши, вместе взятые.

Родзаевский последовал его примеру в 1945 г., когда он вознес хвалу Сталину, считая, что тот жесткими мерами внутри страны, военными победами и внешней экспансией возродил Российскую державу.

В этом, возможно, и состоит суть русского фашистского движения: оно подражало своему заклятому врагу и погибло с его именем на устах.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Государственные архивы

- Великобритания. Архивы Министерства иностранных дел. Государственный архив, Лондон.
- Германия. Архивы Министерства иностранных дел. Политический архив, Бонн.
- Германия. Архивы Министерства по оккупированным восточным территориям. Микрофильм — в Национальных архивах США.
- Германия. Архивы рейхсфюрера СС и шефа полиции. Микрофильм — в Национальных архивах США.
- Германия. Архивы Deutsches Ausland-Institut, Штутгарт. Микрофильм — в Национальных архивах США.
- Международный военный трибунал по Дальнему Востоку. Стенограммы, документы, вещественные доказательства. Центр научно-исследовательских библиотек, Чикаго.
- США. Архивы Государственного департамента. Национальные архивы США.
- США. Архивы Министерства юстиции. Национальные архивы США.
- США. Коннектикут, округ Уиндэм. Документы суда по делам о завещаниях. Норт-Гровнор-Дейл (Коннектикут).
- США. Министерство юстиции. Отдел тюрем. Дело заключенного А. А. Вонсяцкого.
- США. Окружной суд в Хартфорде (Коннектикут). «Соединенные Штаты Америки против Анастасия А. Вонсяцкого и др...» Федеральный центр архивов и документов. Уолтем (Массачусетс).
- Япония. Архивы армии и флота. Микрофильм — в Библиотеке Конгресса.
- Япония. Архивы Министерства иностранных дел, Токио.
- Япония. Архивы Южно-Маньчжурской железнодорожной компании. Микрофильм — в Библиотеке Конгресса.

II. Личные бумаги и неопубликованные рукописи

- А. А. Вонсяцкий. Бумаги (1922—1963). Архивы Провиденс-колледжа. Провиденс (Род-Айленд).
- А. А. Вонсяцкий. Бумаги и альбомы (1910—1965). Сент-Питерсберг (Флорида).

III. Публикации

- Балакшин П. П. Финал в Китае. Возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке. Т. 1, 2. Сан-Франциско, «Сириус», 1958—1959.
- Вонсяцкий А. Записки монархиста. «Последние новости», 24 июня 1921 г.
- Вонсяцкий А. А. Основы русского фашизма. Шанхай, изд-во Дальневосточного центра ВНРП, не датировано [около 1939 г.]
- Вонсяцкий А. А. Ответ критику. Патнэм, Конн. ВНРП, 1936.
- Вонсяцкий А. А. Расплата. Сан-Паулу, 1960.
- Вонсяцкий А. А. Речь соратника А. А. Вонсяцкого. Шанхай, 17 февраля 1939 г. Патнэм, Конн. ВНРП, 1939.
- Гинс Г. К. На путях к государству будущего: от либерализма к солидаризму. Харбин, Н. Е. Чинарева, 1930.
- Горячкин Ф. Т. Первый русский фашист: Петр Аркадьевич Столыпин. Харбин, «Меркурий», 1928.
- Грозин Н. Н. Защитные рубашки. Шанхай, «Всеобщий русский календарь», 1939.
- Гротт М. М. Борьба за Россию. Патнэм, ВНРП, 1938.
- Гротт М. М. О нашей тайной работе. Патнэм, ВНРП, не датировано.
- Гротт М. М. Служу России! Патнэм, ВНРП, не датировано.
- Гротт М. М. Тактика русских фашистов. Патнэм, ВНРП, не датировано.
- Ильина Н. И. Возвращение, Т. 1, 2. М., «Советский писатель», 1958, 1966.
- Калямин М. В. Национальное хозяйство будущей России. Харбин, «Наш путь», 1936.
- Лешко О. Русские в Маньчжоуго. Шанхай, 1937.
- Лицин Н. Русская эмиграция в Шанхае. «Русские записки», № 2. 1937, с. 308—319.
- «Нация» (Шанхай и Харбин), 1932—1943.
- «Наш путь», 1932—1941 (Харбин), 1941—1943 (Шанхай).
- «Новая заря» (Сан-Франциско), 1936—1950.
- «Новое русское слово» (Нью-Йорк), 1933—1974.
- Родзевский К. В. Критика советского государства. Т. 1, 2. Шанхай, «Всероссийская фашистская партия», 1935—1937.

- С песней к победе. Под редакцией Н. Н. Петлина. Харбин, «Русское печатное дело», 1935.
- Семенов Г. М. О себе. Харбин, «Заря», 1938.
- Тараданов Г. В. Азбука фашизма. 2-е издание. Шанхай, «Наш путь», 1935.
- «Фашист» (Патнэм, Коннектикут), 1933—1941.
- Что делать? Наша фашистская трехлетка против коммунистических пятилеток. Харбин, «Наш путь», 1935.
- Alexander, Grand Duke of Russia. Always a Grand Duke. New York, Farrar and Rinehart, 1933.
- Alexander, Grand Duke of Russia. Once a Grand Duke. New York, Farrar and Rinehart, 1932.
- Oberländer Erwin. The All-Russian Fascist Party.— «Journal of Contemporary History», vol. I, № 1 (1966), p. 158—173.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Л. Делюсин.</i> Пером ученого и литератора	6
<i>Джон Стефан.</i> Предисловие к русскому изданию	12
I. Русская диаспора	19
II. Возникновение «Эмигрантской правой» в Европе	35
III. Русские гетто в Китае	52
IV. Парень из Благовещенска	69
V. Японская линия	80
VI. Маньчжурская мафия	94
VII. Русская Золушка	113
VIII. Русский дуче из Новой Англии	139
IX. К объединенному фашистскому фронту	152
X. Харбинская встреча в верхах	178
XI. Раскол	194
XII. Метастазы	207
XIII. Национальная Революция в дальневосточном стиле	223
XIV. Коннектикутские забавы	245
XV. Приближение бури	265
XVI. Год Апокалипсиса	309
XVII. Представление и наказание	333
XVIII. Последнее танго в Харбине	359
XIX. Роковое перерождение	376
XX. Перевоплощение	419
Слово об умерших	433
Библиография	438

С79 **Стефан Д.**
Русские фашисты: Трагедия и фарс в эмиграции. 1925—1945/Авториз. пер. с англ. Л. Ю. Мотылева; Предисл. Л. П. Делюсина; Худож. В. Виноградов.— М.: СП «Слово», 1992.— 441 с., ил.

ISBN 5-85050-314-5

Известный американский историк, автор книг о Дальнем Востоке Джон Стефан исследует судьбу «фашистской идеи» среди русских эмигрантов в 20-е и 30-е гг. В центре книги — биографии лидеров русских фашистских партий А. Вонсяцкого (США) и К. Родзаевского (Харбин). Глубоко и скрупулезно исследуя фактический материал, автор сочетает серьезный подход ученого с умением литератора вести увлекательное повествование, создавать интереснейшие психологические портреты действующих лиц.

С 0802000000—061 Без объявл.
M128(03)-92

ББК 66.68

ISBN 5-85050-314-5

Джон Стефан
РУССКИЕ ФАШИСТЫ

Редактор *К. Н. Озерова*
Художественный редактор *Вл. В. Медведев*
Технический редактор *В. Ф. Нефедова*
Корректоры *Т. И. Томашевская* и *Г. И. Киселева*

Сдано в набор 08.04.92. Подписано в печать 09.09.92. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,52.
Уч.-изд. л. 25. Тираж 10 000. Заказ № 150.

СП «Слово». 119034, Москва, Остоженка, 41
Книжная фабрика № 1 Министерства печати и информации России. 144003,
г. Электросталь Московской области, ул. Тевосяна, 25.

Издательство «Ех Libris» совместного предприятия «Слово» в 1992 году выпустит в свет книги:

Андрей Амальрик

РАСПУТИН

Книга посвящена жизни Григория Распутина — зловещей, интригующей, загадочной фигуре русской истории. В ней приоткрывается завеса тайны, которая окутывает этого человека, бывшего для одних ясновидцем, пророком, для других — сластолюбивым развратником, для третьих — святым. Несмотря на то, что в последние годы о Распутине опубликовано немало, работа Амальрика вызовет особый интерес: автор работал в американских архивах, из которых почерпнул множество малоизвестных фактов и сведений.

Автор рисует общественно-политическую обстановку в России начала XX века, нравы царской семьи, прослеживает духовную эволюцию Распутина. К сожалению, смерть помешала Амальрику довести повествование до конца, поэтому книга дополнена воспоминаниями князя Феликса Юсупова, организовавшего убийство Распутина.

Иосиф Бродский

НАБЕРЕЖНАЯ НЕИСЦЕЛИМЫХ. 13 ЭССЕ

Изгнанный из России в 1972 году, ныне Бродский не только один из крупнейших современных поэтов, но и замечательный эссеист.

Часть книги посвящена творчеству Платонова, Достоевского, Цветаевой, Манделштама, Исая Берлина. Другая часть — очерки, содержащие описание путешествий Бродского в Венецию, Стамбул, Рио-де-Жанейро.

Оригинальный литературовед, глубокий философ, мыслитель, Бродский говорит о сущностных, корневых проблемах жизни: Добре

и Зле, любви и счастье, тирании и свободе, деньгах, религии, смерти, и, конечно же, литературе и искусстве.

Проза Бродского — это еще и бесстрашно искренний автопортрет. Венчает книгу «Нобелевская речь», произнесенная при вручении Нобелевской премии.

Альфред Эдмунд Брэм

ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХ В РАССКАЗАХ И КАРТИНАХ

Немецкий путешественник Альфред Брэм создал в шестидесятые годы прошлого века книгу, которая принесла ему всемирную известность. Путешествуя по Египту, Нубии, Судану, Абиссинии, Испании, Норвегии, Западной Сибири, он собрал огромный материал по биологии животных, их инстинктах, привычках, способностях, пище и обобщил его в своем труде. Его наблюдения и выводы не устарели и сегодня, о чем говорит огромный читательский интерес к его уникальной книге, переведенной на многие языки мира.

Ивлин Во

ЧЕРНАЯ НАПАСТЬ. СЕНСАЦИЯ

Романы великого английского сатирика XX века написаны более пятидесяти лет назад, но и сегодня звучат удивительно актуально.

События происходят в вымышленных африканских странах Азании и Эсмаилии. Императора Сета в отсталой дикой Азании охватывает страсть к самым нелепым реформам. В романах действуют чернокожие вожди, английские аристократы, авантюристы, коммерсанты, заговорщики, шлюхи. Читаешь об Африке, удивляешься, ужасаешься, хохочешь, и вдруг вспоминаешь о чем-то до боли знакомом: то о реформаторском зуде наших последних лет, то о кампании по борьбе за трезвость, то о нравах «желтой прессы».

Ивлин Во писал о пороках рода человеческого, о показухе и идиотизме так называемой «общественной жизни» вообще. Он высмеивал зло в надежде сделать людей чище, честнее, добрее.

Фридрих Горенштейн

Избранные произведения. В 3 т. Т. III

ПСАЛОМ. ДЕТОУБИЙЦА

Философский роман «Псалом» — трагическая панорама нашей жизни — от коллективизации до времен застоя. В нем соединяются черты притчи и реалистического нравоописательного романа. В драме для чтения «Детоубийца» автор, отринув традиционный взгляд на события русской истории петровских времен, создал поражающие воображение образы Петра I, царевича Алексея, царедворцев; образ дикой, кровавой, жестокой эпохи. Публикация журнального варианта романа «Псалом» положила начало дискуссии о трактовке Горенштейном живейших проблем истории России.

Леонид Зорин

ЗЛОБА ДНЯ. Роман, рассказы

Один из популярнейших отечественных драматургов, Леонид Зорин любит и умеет писать о том, что действительно волнует, будоражит общество. Название его романа «Злоба дня» удивительно точно. Роман оказался пророческим. Одна из главных сюжетных линий — убийство эстрадного певца, любимца публики. Уже после того, как роман был завершен, общество было потрясено гибелью Игоря Талькова. За детективной канвой — люди, страсти, любовь; многие болевые проблемы перестроечных лет.

Протоиерей Александр Мень

ИСТОРИЯ РЕЛИГИИ. В ПОИСКАХ ПУТИ ИСТИНЫ И ЖИЗНИ

в семи томах

Протоиерей Александр Мень (1935—1990) — богослов, писатель, историк, проповедник, один из крупнейших библистов современного мира.

Семи томный труд «История религии» — одна из лучших работ отца Александра, в России издается впервые. Это популярное, написанное блестящим литературным языком и обращенное к самой широкой читательской аудитории исследование, в котором автор с христианских позиций рассматривает развитие культуры, религии и духовных исканий человечества на протяжении всего его существования.

ТОМ I

ИСТОКИ РЕЛИГИИ

Книга о природе религиозного сознания, об отношении между верой и научным мышлением, о происхождении зла, об эволюции и прогрессе.

ТОМ II

МАГИЗМ И ЕДИНОБОЖИЕ

(Религиозный путь человечества до эпохи Великих учителей)

Что было раньше, язычество или вера в Единого Бога? Почему во все времена связаны между собой нравственность и Единобожие? На эти и многие другие злободневные и вечные вопросы отвечает вторая книга семитомника. Грандиозная панорама первобытных религий, которую рисует Александр Мень, еще раз убеждает, что у истоков материального крушения всегда стоит духовное обнищание.

ТОМ III

У ВРАТ МОЛЧАНИЯ

(Духовная жизнь Китая и Индии в середине первого тысячелетия до н. э.)

Книга вводит читателя в загадочный мир восточных религий. Глубокий анализ Конфуцианского канона, Упанишад, буддистских сутр и других редких ныне рукописей позволяет автору — а вместе с ним и читателю — понять самую суть восточных учений и их роль в духовных исканиях человечества.

ТОМ IV

ДИОНИС, ЛОГОС, СУДЬБА

(Греческая религия и философия от эпохи колонизации до Александра)

Книга посвящена Греции. Автор ведет читателя по путям поиска истины за древнегреческими поэтами и философами. Становится понятным, что материализм и тоталитарная идеология, метафизика и оккультизм, агностицизм и вера в судьбу вошли в европейскую культуру именно из Древней Эллады.

ТОМ V

ВЕСТНИКИ ЦАРСТВА БОЖИЯ

(Библейские пророки от Амоса до Реставрации. VIII—IV вв. до н. э.)

Книги библейских пророков являются центральными в ветхозаветной части Библии. И книга, посвященная им, является центральной —

не только в семитомнике, но и во всем творчестве отца Александра. В ней рассказывается о библейском Откровении и Богоявлениях, библейском учении о Спасении и Искуплении, о многовековой борьбе за идеалы библейской этики против обрядоверия.

ТОМ VI

НА ПОРОГЕ НОВОГО ЗАВЕТА

(От эпохи Александра Македонского до проповеди Иоанна Крестителя)

Книга завершает путешествие по дорогам религиозных исканий человечества дохристианской эпохи. Речь в ней идет о мистиках Индии, о скептиках и отшельниках Греции, о стоиках Рима, мудрецах и мучениках Израиля. Автор вводит читателя в мир Предтечи и девы Марии, будущих апостолов и евангелистов — тот мир, в котором родился Спаситель.

ТОМ VII

СЫН ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

Александрю Меню удалось донести до читателя образ Иисуса Назарянина таким, каким Его видели современники. Жизнеописание построено на основании Евангелий, лучших комментариев к ним, а также других источников, указанных в библиографии.

Писательский талант и историческая интуиция автора делают эту книгу выдающимся художественным произведением.

Ex Libris